Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ

НА ЗОЛОТОМЪ ТРОНѢ

1925
БѢЛГРАДЪ

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ.

НА ЗОЛОТОМЪ ТРОНѢ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

1925
БѢЛГРАДЪ.

Всѣ права сохранены
за издательствомъ.

Исп. М Г. Ковалевъ въ Типографіи М. Каричъ. Бѣлградъ,
Краљев трг, 25.

НА ЗОЛОТОМЪ ТРОНѢ

Романъ въ 3-хъ частяхъ

Н. Н. Брешко-Брешковскаго.

ЧАСТЬ I.

I. ДВѢ СЕНСАЦІИ.

Эти двѣ сенсаціи заслонили все остальное. Особенно же на Югѣ — въ Андалузіи и Валенсіи, гдѣ испанская кровь горячѣе, нежели у сѣверянъ-кастильцевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, стушевались какъ-то и на второй планъ отошли дерзкія, всколыхнувшія страну отъ края до края выступленія кровожадныхъ анархистовъ въ Барцелонѣ и Сарагоссѣ. Уже меньше говорили о военныхъ неудачахъ въ Марокко. За то и въ кофейняхъ, и въ кабачкахъ, и въ Мавританскихъ вестибюляхъ мраморныхъ отелей и въ циркахъ, не только за кулисами, но и на аренѣ, когда разъяренный быкъ неуклюже носился за маленькимъ и ловкимъ, расшитымъ золотомъ и серебромъ человѣчкомъ, только и было разговоровъ, что объ этой молодой иностранкѣ, гибкой, высокой. Она всегда въ черномъ. Ея движенія, то лѣниво-пластическія, то хищныя, порывистыя, короткія, напоминаютъ черную пантеру. Въ ея маленькой головѣ, слишкомъ, пожалуй, маленькой по росту и по фигурѣ, — что-то змѣиное. Сухой, сжатый профиль змѣинаго лица, змѣиные глаза — и по своему рисунку и по твердому, жестокому, притягивающему блеску... У нея цѣлая свита. Она заказываетъ экстренные поѣзда. У нея свои автомобили. Въ поѣздахъ и автомобиляхъ она мечется по всей Испаніи. Мечется съ одной корриды (боя быковъ) на другую. И всякій разъ какое-

нибудь несчастье. Всѣ торреро, — всѣ эти люди работающіе на плацца де торросъ (арена) всѣ эти матадоры, бандерильеро, кападоры, увидѣвъ передъ боемъ женщину въ черномъ съ немигающимъ взглядомъ, въ ложѣ амфитеатра, искреннѣй и горячѣй молились въ маленькой цирковой часовенкѣ, умоляя Пречистую Дѣву оберечь ихъ отъ дурного глаза. И было о чемъ съ такой дѣтски-наивной вѣрою молиться. Было отъ чего просить заступничества Всемилостивой Мадонны.

Съ тѣхъ поръ, какъ появилась эта женщина участились катастрофы. Жертва за жертвою. И не какіе-нибудь неопытные новички, а лучшіе матадоры, цвѣтъ искусства тауромахіи. Пожилой Фуэнтесъ, мастерски убившій на своемъ вѣку нѣсколько тысячъ быковъ, тяжело раненъ былъ рогатымъ противникомъ своимъ въ Картагенѣ. Красавца Альгабеніо замертво унесли съ распоротымъ животомъ въ Бургосѣ. Посада, Бельмонтэ и мексиканецъ Гаона, хотя и отдѣлались легкими ушибами и ранами, — первый въ Валенсіи, другой въ Мадридѣ, третій въ Севильѣ, — однако-же недѣль на шесть всѣ они вынуждены были выйти изъ строя.

На этихъ злополучныхъ корридахъ въ Картагенѣ, въ Бургосѣ, въ Мадридѣ, Севильѣ, въ Валенсіи, на фонѣ волнующагося, пестраго человѣческаго потока зрителей выдѣлялась жуткая, вся въ черномъ фигура „фатальной“ молодой женщины. Для нихъ, для торреро, она была „фатальной“. Смугло оливковый мексиканецъ Родольфо Гаона разсказывалъ навѣщавшимъ его газетнымъ интервьюерамъ:

— Я работаю около пятнадцати лѣтъ, но ничего подобнаго не испытывалъ, какъ въ этотъ разъ! Я всегда отличался рѣдкимъ спокойствіемъ... Быкъ для меня былъ всегда соломеннымъ чучеломъ и твердой рукой я пронизывалъ его своей эспадой (шпагою) до самого сердца. Но въ этотъ день мои движенія, мои руки, мое тѣло, все мое существо сковано было чѣмъ-то необъяснимымъ... И когда я приготовился поразить быка и онъ стоялъ предо мною, опустивъ голову, а пѣна клочьями падала на песокъ съ его морды, какая-то непостижимая воля заставила меня обернуться и взглянуть вверхъ... Я не видѣлъ никого и ничего... Не видѣлъ тысячи глазъ, смотрѣвшихъ на меня съ недоумѣніемъ... Не слышалъ такого же недоумѣвающаго, подобнаго морскому прибою гула...

Я увидѣлъ только одни глаза, глаза этой проклятой иностранки! И я не могъ оторваться отъ нихъ, какъ голубь, завороженный змѣей... А затѣмъ... затѣмъ по мнѣ словно пронеслось стадо міурскихъ быковъ... меня что-то взметнуло вверхъ и я очутился уже здѣсь, на этой кровати... Рудольфо Гаона въ своихъ ощущеніяхъ и показаніяхъ не былъ одинокъ. Приблизительно то же самое испытали и Фуэнтесъ, и Альгабеніо и Посада, Бельмонтэ и другіе, менѣе прославленные матадоры.

Испанецъ даже самого низкаго происхожденія всегда будетъ идальго (рыцаремъ) по отношенію къ дамѣ, и только въ устахъ Испанца могла родиться фраза, ставшая прочной традиціей, вкоренившейся въ быту: „Мы женщинъ никогда не бьемъ, но, когда онѣ заслуживаютъ, мы ихъ убиваемъ!“

Этимъ и только этимъ можно объяснить, что всѣ торреро, какъ уже пострадавшіе отъ дурного глаза молодой чужеземки, такъ и могущіе пострадать въ любую ближайшую корриду, ничего не предпринимали по адресу фатальной сеньоры. Она была забронирована какъ женщина, во-первыхъ, и какъ гостья Испаніи, во-вторыхъ.

За то матери, жены, сестры, любовницы всѣхъ этихъ бритыхъ мужчинъ, въ отличіе своего ремесла отпускавшихъ на затылкѣ колетту (небольшую косичку), горѣли ненавистью къ „этой колдуньѣ, безспорно покумившейся съ самимъ дьяволомъ“... Съ какимъ наслажденіемъ выцарапали-бы онѣ эти змѣиные глаза, гипнотизирующіе самыхъ смѣлыхъ, отважныхъ, умѣлыхъ торреро. Еще-бы не гипнотизирующіе! Никогда не обагрялся такъ обильно песокъ арены благородной кровью бойцовъ, какъ въ этотъ сезонъ... Итакъ, зловѣщая иностранка была первой сенсаціей, затмившей Барцелонскихъ бомбистовъ и Марокканскія пораженія. Другая „сенсація“ — тоже въ связи съ боемъ быковъ. Имя этого сенсаціоннаго человѣка уже четыре мѣсяца гремѣло по всей Испаніи, а портреты его печатались во всѣхъ газетахъ и журналахъ. Искусство тауромахіи — глубоко національное искусство. Матадоры были всегда испанцы. Только въ жилахъ великаго Мазантини текла, да и то на половину, да и то все же близкая, родственная, романская кровь. Отецъ его былъ итальянецъ... Этотъ же, этотъ былъ полякъ, славянинъ, явившійся изъ далекой, почти фантастической для испанцевъ страны. Біографія его была еще фантастичнѣй его лежа-

щей на востокѣ родины и самъ по себѣ своимъ ростомъ, своей фигурой, своимъ геркулесовымъ сложеніемъ онъ былъ фантастиченъ съ головы до ногъ. На снимкахъ въ журналахъ самые высокіе торреро приходились ему ниже плеча, а средніе казались рядомъ съ этимъ гигантомъ мальчиками, пигмеями.

Онъ пріѣхалъ изъ Рима со своей красавицей женою, подобной ему кинемотографической артисткой. Для него написанъ былъ драматическій сценарій, гдѣ ему надлежало выступить въ циркѣ матадоромъ. И вотъ онъ поспѣшилъ въ Испанію, дабы изучить тауромахію. Въ Кордовѣ славилась „академія“ знаменитаго въ свое время Маленькаго Фраскуэлло. Къ нему то и направился отставной маіоръ польской конницы Игнатій Бейзымъ. Взлянувъ на своего ученика снизу вверхъ, Фраскуэлло воскликнулъ!

— Что мнѣ съ вами дѣлать? Вашъ ростъ и вашъ вѣсъ, — ужасны!... Тауромахія требуетъ акробатической ловкости, требуетъ людей гибкихъ, подвижныхъ, сухощавыхъ! Обыкновенныхъ людей!... А вы? Я охотно повѣрю, что вы можете однимъ ударомъ оглушить молодого быка, но никогда не повѣрю, чтобы могли увернуться и ускользнуть отъ его роговъ...

Однако, уже черезъ пять-шесть дней Фраскуэлло съ восхищеннымъ изумленіемъ убѣдился, что гигантскій ростъ и менументальный вѣсъ нисколько не мѣшаютъ новому ученику быть ловкимъ, увертливымъ спортсмэномъ гимнастомъ.

— Феномено, феномено! — поражался маленькій Фраскуэлло, наблюдая, какъ громадный Бейзымъ съ непостижимой въ немъ легкостью и ловкостью доводилъ до бѣшенства и молодыхъ и старыхъ быковъ.

2. БЕЙЗЫМЪ ГОТОВИТСЯ.

Въ окрестностяхъ Кордовы, на опоясанномъ оградою лугу бросались на него четвероногіе противники, бросались нелѣпымъ бычачьимъ галопомъ своимъ. Вотъ-вотъ настигнетъ, ударитъ. Но атлетъ убѣгалъ, дѣлая петли, зигзаги, оттаскивая въ сторону и пропуская мимо себя тяжело галопирующаго быка.

Что-то захватывающее было въ этой борьбѣ человѣка съ могучимъ животнымъ. И какой чудесный фонъ!

Ослѣпительный зной Андалузскаго солнца, сочный, ароматный лугъ, конные пастухи, съ обвѣтренными загорѣлыми лицами. Въ рукахъ длинныя гароччи (пики), чтобы отвлечь быка, если человѣку будетъ грозить опасность.

Маленькій Фраскуэлло, дымя большой черной сигарой, изнемогалъ отъ восторга.

— Карамба! Я еще никогда не видѣлъ подобной мускулатуры! Никогда, — слышите, — вамъ это говоритъ Фраскуэлло! И никогда не думалъ, чтобы парень, который на голову выше королевскихъ гвардейцевъ и который вѣситъ болѣе ста килло, могъ выдѣлывать все то, что мы съ вами видимъ, почтенные сеньоры!..

„Почтенные сеньоры" — относилось къ нѣсколькимъ торреро, пріѣзжавшимъ въ Кордову посмотрѣть, какъ тренируется этотъ гигантъ съ внѣшностью гладіатора. Дѣйствительно, что-то гладіаторское было во внѣшности Бейзима и, вообще, когда обнаженный до пояса, въ однихъ гимнастическихъ трусикахъ, онъ „работалъ" съ быками. Онъ такъ былъ гармонично и пропорціонально сложенъ и такъ ритмиченъ и плавенъ въ движеніяхъ своихъ, что даже на близкомъ разстояніи, особенно, если не было никого рядомъ, производилъ впечатлѣніе обыкновеннаго человѣка. Про большинство же великановъ, не знающихъ куда дѣвать свое тѣло, свои руки и ноги, этого никакъ не скажешь...

Иногда тутъ же производились кинемотографическіе снимки, чтобы Римская фабрика „Чинесъ", платившая Бейзыму громадные деньги, могла загодя рекламировать своего артиста, готовящагося къ новой картинѣ. Въ такихъ случаяхъ Бейзымъ, въ интересахъ своей дирекціи и, желая позабавить своего профессора и остальныхъ зрителей, мѣнялся ролями со своимъ противникомъ. Уже не быкъ преслѣдовалъ и человѣкъ убѣгалъ и дразнилъ, а, наоборотъ, — человѣкъ переходилъ въ наступленіе. Жуткіе моменты выпадали... Фраскуэлло, всякіе виды на семидесятилѣтнемъ вѣку своемъ видавшій, и тотъ, волнуясь, грызъ кончикъ сигареты.

Загонявъ быка, утомивъ его такъ, что лоснилась шерсть, а самъ свѣжій, сухой, Бейзымъ, вдругъ поворачиваясь, дерзко идетъ ему навстрѣчу. Взбѣшенный быкъ съ налитыми кровью глазами роетъ копытами землю, выбивая изъ подъ травы черныя комья. Бейзымъ уже совсѣмъ близко... Быкъ наклоняетъ голову, спружиниваетъ

свою массивную шею, чтобы распружинивъ ее, высоко взметнуть человѣка. Но человѣкъ, поддавшись впередъ всѣмъ могучимъ торсомъ своимъ — каждый мускулъ живетъ, играетъ, — неуловимымъ быстрымъ движеніемъ хватаетъ животное за рога, еще такое искрометное движеніе слѣва на право, — кажется, что Бейзымъ падаетъ самъ, — и быкъ тяжело валится на бокъ, а иногда и на спину, безпомощно терпыхаясь ногами въ воздухѣ.

Эффектъ потрясающій! Въ глазахъ экспансивныхъ торреро Бейзымъ выросталъ въ какого-то языческаго полубога, въ мифическаго Геракла. Нѣкотрые, побывавшіе на гастроляхъ въ Южной Америкѣ видѣли подобныя „штучки“ мѣстныхъ ковбоевъ. Но развѣ можно сравнить? Ковбои опрокидывали совсѣмъ юныхъ, только что вышедшихъ изъ телячьяго возраста бычковъ, достигая этого цѣлымъ рядомъ усилій, борьбы и едва не ломая бѣднымъ животнымъ позвоночникъ. А здѣсь, у атлета, выходитъ красиво, ловко, стремительно и дѣло онъ имѣетъ не съ телятами, а съ настоящими быками....

— Какъ это вы? — спрашивалъ ученика Фраскуэлло — даже вашей чудовищной силы — мало! Быкъ сильнѣе самаго сильнаго человѣка...

— Вы правы, дорогой маэстро! Кромѣ силы нужно еще „кое-что“. Это „кое что“ — быстрота, ошеломляющая тупое, неповоротливое животное. Быстрота и темпъ! Я всегда былъ такого мнѣнія, что темпъ великое дѣло не только въ музыкѣ и въ спортѣ, но и въ жизни...

Фраскуэлло нахвалиться не могъ новымъ ученикомъ. Бейзымъ въ два мѣсяца достигъ того, что другому дается годами, и иному и совсѣмъ не дается. Въ два мѣсяца овладѣлъ онъ тайной высшаго искусства тауромахіи, тайной пронизывать шпагой бычачьи сердца, тайной, дающей горделивое право называться матадоромъ.

Выступать публично, такъ сказать „профессіонально“ Бейзымъ не собирался. Онъ работалъ, во-первыхъ, для фильмы, а во-вторыхъ для самого себя, — обогатить свой и безъ того богатый спортивный репертуарь. Чудесный наѣздникъ, фехтовальщикъ, борецъ, гимнастъ, боксеръ и пловецъ, онъ въ довершеніе всего, сдѣлался еще и матадоромъ.

Выступить публично, однако, ему суждено было. Въ началѣ августа въ Мадридѣ предполагался парадный благотворительный бой быковъ, въ пользу испанскихъ сол-

датъ, раненыхъ въ Марокко. Бейзыма пригласили участвовать, не сомнѣваясь, что одно его появленіе въ циркѣ биткомъ набьетъ, не взирая на бѣшенныя цѣны, весь амфитеатръ. Бейзымъ, человѣкъ добраго, отзывчиваго сердца и самъ съ головы до ногъ воинъ и солдатъ, не могъ, да и не хотѣлъ отказаться...

Только поставилъ непремѣнное условіе директору Мадридской плацца де торросъ тучному, усатому съ жирной шеей, который отъ многолѣтняго общенія съ быками, самъ сталъ походить на быка.

— Но имѣйте въ виду, сеньоръ Морено, я не выступлю въ обычномъ костюмѣ торреро. Я былъ бы смѣшонъ при моемъ ростѣ, да и кромѣ того, съ этимъ живописнымъ декоративнымъ одѣяніемъ надо сродниться, надо быть чистокровнымъ испанцемъ, чтобы не походить на маскараднаго испанца въ костюмѣ, взятомъ на прокатъ изъ лавочки. Надѣюсь, вы согласны со мной?

— Вполнѣ, сеньоръ Бейзымъ, вполнѣ! — воскликнулъ Морено изъ подъ густыхъ черныхъ тараканьихъ усовъ и тотчасъ же полюбопытствовалъ уже другимъ, дѣловымъ, озабоченнымъ тономъ, — а какъ же, собственно, будете вы одѣты?... Въ штатскомъ — не удобно...

— И въ штатскомъ я былъ бы смѣшонъ! Я выйду на арену, какъ выходятъ на состязаніе наши польскіе сокола. Спортивный легкій костюмъ... Малиновая рубаха и короткіе, до колѣнъ, панталоны...

— Малиновая! — обрадовался директоръ — Великолѣпно! Это возбуждаетъ быковъ! Яркіе цвѣта возбуждаютъ! Быкъ сатанѣетъ при видѣ красной тряпки...

— Видите, насколько это, четвероногое выше и благороднѣй господъ соціалистовъ и коммунистовъ — подхватилъ Бейзымъ.

— Ахъ, я и забылъ, что вы ярый антибольшевикъ! Да, сеньоръ Бейзымъ, я читалъ въ газетахъ, будто бы вы застрѣлили пять тысячъ большевиковъ... Это вѣрно?

— Это немного преувеличено — улыбнулся Бейзымъ. — Застрѣлилъ я около трехсотъ подлыхъ трусливыхъ гіенъ этихъ и, признаться, нисколько не сожалѣю. Ихъ надо всѣхъ уничтожить, всѣхъ, физически уничтожить... А здѣсь у васъ? Эти послѣднія выступленія въ Барцелонѣ?.. Этотъ архіепископъ въ Сарагоссѣ, павшій отъ пули юнаго негодяя? Развѣ это не дѣло рукъ шайки московскихъ убійцъ, съ которыми Европа, къ величайшему

стыду своему... Э, говорить даже противно! — махнулъ рукою Бейзымъ.

— У насъ большевизма не будетъ! Не будетъ, пока существуетъ бой быковъ — съ твердой увѣренностью отвѣтилъ Морено, чернь оставляетъ весь свой кровожадный темпераментъ на плацца де торросъ и на соціальную революцію уже не хватаетъ энергіи... Бой быковъ — это одна причина, другая же — у насъ въ Испаніи очень мало евреевъ...

Святая инквизиція, изгнавшая ихъ, въ то же время ихъ такъ запугала, что испугу этого хватило на нѣсколько столѣтій. Нѣтъ, соціальный переворотъ у насъ невозможенъ — закончилъ сеньоръ Морено, отъ политики возвращаясь къ выступленію Бейзыма. Какую онъ закатитъ рекламу и какія уже заказалъ гигантскія афиши....

3. ЧЕТВЕРО НА ОДНОГО И ОДИНЪ ПРОТИВЪ ПЯТЕРЫХЪ.

Бейзыму еще и тридцати лѣтъ не было, а куда только ни бросала его судьба и гдѣ только не носила его нелегкая по бѣлу свѣту? И по Испаніи наскитался. Давно это было, передъ тѣмъ, какъ поступить къ французамъ въ Иностранный Легіонъ.

Какая разница — тогда и теперь! Тогда, не получая отъ разгнѣваннаго дяди ни гроша, онъ голодалъ. Теперь же пріѣхалъ съ женою въ Испанію съ такимъ комфортомъ, — не каждому владѣтельному принцу тягаться, особенно, послѣ пронесшагося надъ Европой революціоннаго вихря.

Онъ не сразу попалъ къ маленькому Фраскуэлло. Сначала Бейзымъ посвятилъ двѣ, три недѣли на ознакомленіе своей красавицы-жены Магдалины съ примѣчательными городами Испаніи. Въ Гренадѣ въ ясную, при свѣтѣ мѣсяца, ночь любовались они мраморнымъ кружевомъ Альгамбры, какъ бы на яву переживая одну изъ волшебныхъ сказокъ Шехеразады.

Подъ готическими сводами Севильскаго Собора видѣли они гробницу Колумба, поддерживаемую четырьмя гигантами. Самъ Бейзымъ передъ ними казался мальчикомъ. Каждый гигантъ — два съ половиною метра. Тамъ же въ Севильѣ поглощала влюбленныхъ супруговъ буйная тропическая растительность загороднаго парка. И

наконецъ тамъ же Бейзымъ совсѣмъ неожиданно — это всегда случается неожиданно — вырвалъ молодого человѣка изъ когтей бандитовъ.

Могучій организмъ Бейзыма не удовлетворялся дневными прогулками. Ему тѣсно было въ номерѣ отеля, даже въ номерѣ съ балкономъ на площади Санъ-Фернандо.

Да и, кромѣ того, еще до поступленія въ академію Фраскуэлло, Бейзымъ хотѣлъ протренировать себя въ правильномъ дыханіи и въ спокойной ритмичной, какъ механизмъ часовъ, работѣ сердца. Самое лучшее для этого — длительныя прогулки. Равномѣрность и быстрота шаговъ. По вечерамъ передъ сномъ Бейзымъ уходилъ за городъ то по теченію Гвадалквивира, то мимо знаменитой табачной фабрики, описанной Мэримэ въ его не менѣе знаменитой „Карменъ".

На этотъ разъ онъ отправился черезъ мостъ въ Тріану, — предмѣстье Севильи, грязное, запутанное, какъ лабиринтъ, населенное гитаносами (цыганами) и, вообще, бѣднотою... Сумерки теплой южной ночи скрадывали нищету и убогость жалкихъ домишекъ и узкія улицы, такія узкія, что балконы сходились надъ головами пѣшеходовъ, чудились обвѣянными загадочной поэзіей какой-то...

Движеніе замерло. Кой-гдѣ свѣтились оконца, забранныя желѣзными рѣшетками. Кой-откуда съ балконовъ доносился говоръ. Кой-гдѣ рокотала и звенѣла гитара. Казалось, что за этими окнами и этими балконами притаилась интересная жизнь какихъ-то невѣдомыхъ интересныхъ людей. Въ чужомъ мѣстѣ ночью такъ всегда кажется. И Бейзымъ рѣшилъ — днемъ онъ уже не попадетъ въ Тріану, чтобы не разсѣять, не вспугнуть настроенія, которыя унесетъ съ собою.

Уже возвращаясь вдоль узенькой, темной улицы, похожей на остальныя, Бейзымъ обратилъ вниманіе на мужскую фигуру въ черномъ сомбреро. Обладатель плаща и сомбреро только что вышелъ изъ покосившейся лачуги. Вышелъ, провожаемый старухою. По сгорбленному силуэту и скрипучему хриплому голосу — угадывалась старуха. Она говорила по-цыгански видимо что-то усиленное, прочувствованное, кланяясь низко въ поясъ. Человѣкъ въ сомбреро отвѣтилъ ей тоже по-цыгански, отвѣтилъ задушевно, тепло и удалился въ томъ самомъ направленіи, въ которомъ шагахъ въ тридцати слѣдовалъ за нимъ Бейзымъ.

Черезъ минуту замелькало между ними четыре тѣни, словно выросшія изъ подъ земли, такъ было внезапно ихъ появленіе. Бейзымъ не сомнѣвался, что четверо слѣдятъ за молодымъ человѣкомъ, и слѣдятъ скорѣй съ худымъ намѣреніемъ, чѣмъ съ добрымъ.

Что это именно такъ, Бейзымъ окончательно убѣдился, когда послѣдніе кварталы спящей Тріаны остались позади и начался мостъ съ туманнымъ миражемъ трепещущей огнями Севильи на томъ берегу.

Вдругъ вынесся автомобиль и ловкимъ поворотомъ неожиданно преградилъ путь человѣку въ сомбреро. И тотчасъ же, какъ по сигналу, бросились на него четверо. Одинъ быстро накинулъ ему пледъ на голову, другой еще быстрѣе обматывалъ шею и плечи веревками, а двое подняли свою жертву, чтобы втолкнуть ее въ автомобиль. Еще двѣ-три секунды и похитители умчались бы вмѣстѣ со своей жертвою, задыхающейся во мракѣ тѣсно охватившаго лицо и голову пледа, если-бъ въ это ночное приключеніе не вмѣшался Бейзымъ. Не колеблясь ни на одинъ мигъ, онъ бросился на помощь. Четверо противниковъ средней силы, — шоферъ пятый, — его не пугали. Онъ бывалъ и не въ такихъ передѣлкахъ. Главное — стремительность! Главное — излюбленный имъ „темпъ“, чтобы не успѣли открыть огонь изъ револьверовъ, — если не у всѣхъ, то хоть у одного навѣрное имѣется эта „игрушка“. Правда, испанцы великолѣпно дерутся навахами но кто знаетъ пріемы самозащиты, какъ знаетъ ихъ Бейзымъ, для него и наваха не Богъ вѣсть какое страшное пугало.

Бейзыму приходилось драться и въ трущобахъ Марселя, и въ казармахъ Иностраннаго Легіона въ Сиди-Бель-Абессъ и въ портовыхъ кабачкахъ Александріи, Смирны и въ американскихъ блокгаузахъ на Мексиканской границѣ, когда онъ уже въ совершенствѣ овладѣлъ боксомъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ тренировки со знаменитымъ негромъ Джефрисомъ.

И всегда, какъ и сейчасъ вотъ, всегда рыцарски онъ вступался за слабыхъ противъ сильныхъ и за обижаемыхъ дѣтей и оскорбляемыхъ женщинъ.

Тактика научила его, — необходимо скорѣй, скорѣй вывести изъ строя наибольшее количество, чтобы легче было-бы справиться съ остальными. Бейзымъ упругимъ и мощнымъ броскомъ врѣзался въ кучку бандитовъ.

Одновременно упало двое — первый съ разбитымъ лицомъ другой потерявшій сознаніе отъ страшнаго, какъ кузнечный молотъ, удара по головѣ. Это и были тѣ самые которые поднимали свою жертву, чтобы втолкнуть ее въ раскрытую дверцу автомобиля. Жертва упала на землю, судорожно пытаясь сорвать съ себя пледъ.

Остальные вмѣстѣ съ шоффэромъ, — видно всѣ парни бывалые, не новички въ своемъ дѣлѣ — не растерялись, атаковали Быйзыма. Тѣмъ болѣе, вѣрный обычной боксерской повадкѣ драться подогнувши ноги въ колѣняхъ и подавшись впередъ всѣмъ торсомъ, онъ сейчасъ не производилъ впечатлѣніе гиганта. Съ характернымъ шуршащимъ звукомъ крыльевъ поднявшагося голубя, раскрылась и тускло блеснула наваха, мѣтко направленная въ грудь Бейзыма. Но Бейзымъ успѣлъ перехватить разящую руку и такъ своимъ собственнымъ пріемомъ рванулъ ее у запястья, что она сломалась, выронила ножъ и слышно было какъ хрустнули кости. Бандитъ завылъ отъ боли и бѣшенства. Слѣдующій противникъ получилъ ударъ ногою въ животъ, словно тараномъ отбросившій его на нѣсколько шаговъ. Ударившись головою о чугунныя перила моста, онъ шлепнулся замертво. Увидѣвъ такую расправу, шоффэръ покинулъ своихъ друзей, свой автомобиль и ринулся бѣжать безъ оглядки. Бандитъ съ разбитымъ лицомъ стоналъ, лежа навзничь. Оглушенные въ голову и животъ не подавали никакихъ признаковъ жизни. Увидѣвъ такую плаченую картину, негодяй со сломанной рукой, взялъ примѣръ съ убѣжавшаго шоффэра, только измѣнилъ маршрутъ, кинувшись не черезъ мостъ въ Севилью, а назадъ въ Тріану.

Наклонясь надъ человѣкомъ, уже полусидѣвшимъ и тщетно пробовавшимъ освободить свою голову отъ шледа, Бейзымъ помогъ ему, разорвалъ веревку, сдернулъ пледъ и, брызнувъ снопомъ лучей электрическаго фонарика, увидѣлъ блѣдное, тонкое, съ удивленнымъ оваломъ молодое лицо. Увидѣлъ изумленный, широко открытый взглядъ темныхъ, темныхъ даже для Испанца глазъ, съ длинными рѣсницами и съ „египетскимъ“ разрѣзомъ.

Незнакомецъ самъ себѣ не повѣрилъ. Еще-бы! Минуту назадъ онъ былъ во власти внезапно атаковавшихъ его людей, такой безпомощный, лишенный возможности крикнуть. И вдругъ кто-то отвободилъ его. Этотъ самый „кто-то“, — геркулесъ съ лицомъ фавна, — заботливо наклоняется надъ нимъ.

Незнакомецъ, почуявъ въ спасителѣ своемъ иностранца, заговорилъ по-французски.

— О, мосье, какъ я признателенъ! Я вамъ обязанъ жизнью! Да, жизнью! Эти... эти негодяи навѣрно не выпустили-бы меня. Но гдѣ же они всѣ? Гдѣ? — еще не придя въ себя, озирался онъ.

— Двое болѣе благоразумныхъ убѣжали, а трое менѣе благоразумныхъ лежатъ по сосѣдству съ вами — съ улыбкой отвѣтилъ Бейзымъ.

— Въ такомъ случаѣ, мосье, будьте великодушны до конца, помогите мнѣ встать и вмѣстѣ уйдемъ. Уйдемъ поскорѣй и подальше отсюда...

— Какъ уйдемъ? — удивился Бейзымъ — я думаю, наоборотъ, мы позовемъ полицію, разскажемъ все и сдадимъ ей этихъ молодчиковъ изъ рукъ въ руки.

— Нѣтъ, не надо! Умоляю васъ, не дѣлайте этого! — заторопился молодой человѣкъ, приподнятый Бейзымомъ. — Я очень люблю Испанію, но, признаться, къ испанской полиціи особенной нѣжности не питаю. Самъ не радъ будешь! Хлопотъ не оберешься, да и кромѣ того, въ силу кой-какихъ соображеній, мнѣ, понимаете, не хотѣлось бы... Идемъ же, идемъ скорѣй! Видите два силуэта? Видите? Это два карабинера обходятъ Тріану. Привлеченные застрявшимъ автомобилемъ они будутъ здѣсь и... умоляю васъ, идемъ же!...

— Если вы настаиваете... — пожалъ плечами Бейзымъ — будь по вашему! Идемъ!

Согласившись, Бейзымъ, однако, ощутилъ въ душѣ своей недовѣріе и даже непріязнь къ молодому человѣку. Зачѣмъ онъ съ такой чрезмѣрной тщательностью избѣгаетъ встрѣчи съ полиціей? Вѣроятно имѣетъ какія нибудь серьезныя основанія... Онъ пострадалъ и онъ же еще самъ боится почему-то отдать злодѣевъ своихъ въ руки властей.

Ужъ не вмѣшался ли я въ грязную исторію сведенія счетовъ между какими нибудь темными организаціями? — подумалъ Бейзымъ, — если такъ — очень жаль! Первое впечатлѣніе — въ его пользу

Молодой человѣкъ словно проникъ въ мысли своего исполинскаго спутника.

— Мое поведеніе можетъ показаться вамъ страннымъ, мосье. Вы имѣете полное основаніе думать, что самъ-то я не лучше, пожалуй, этихъ пяти каналій. Но,

увѣряю васъ, моя совѣсть чиста. Вы убѣдитесь въ этомъ. Вы никуда не торопитесь? Еще нѣтъ и одиннадцати... Вы можете удѣлить мнѣ какихъ-нибудь полчаса?

— Могу — согласился атлетъ, заинтересованный всѣмъ этимъ приключеніемъ и загадочной фигурою незнакомца съ „египетскимъ" разрѣзомъ глазъ. Вообще, онъ желалъ поскорѣе услышать объясненіе разыгравшейся ночной авантюры.

— Тогда, позвольте пригласить васъ, мосье, въ кафе Коллонъ. Это не особенно далеко... если вы знаете Севилью, на улицѣ Сьерпесъ. Днемъ тамъ полно. Тамъ обыкновенно собираются торреросы, а позднимъ вечеромъ — никого нѣтъ... Намъ никто не помѣшаетъ поговорить за чашкой кофе и рюмкой ликеру. Да, вотъ кстати извозчичья каруцца... Сядемъ!...

4. НЕЗНАКОМЕЦЪ ПРИПОДНИМАЕТЪ ЗАВѢСУ.

И дѣйствительно кафе Коллонъ было осиротѣвшее въ этотъ часъ. Только два столика у громадныхъ, открытыхъ на Сьерпесъ оконъ были заняты. Днемъ узкая улица, напоминающая венеціанскую, потому что по ней никогда не ѣздятъ, а только ходятъ, — кишмя кишитъ народомъ. Сайчасъ же гулко раздаются по каменнымъ плитамъ одинокіе шаги чьи нибудь.

Бейзымъ со спутникомъ своимъ усѣлся въ глубинѣ кафе. Сонный, вымотавшійся за весь день камарреро принесъ по требованію молодого человѣка, ярко-зеленый, подобный расплавленному изумруду ликеръ въ шарообразной, оплетенной внизу тростникомъ бутылкѣ. Принесъ горячій, дымящійся кофе и ящикъ большихъ гаванскихъ сигаръ.

— Милости прошу, мосье, окажите мнѣ честь! — и незнакомецъ подвинулъ Бейзыму кофе, рюмку съ густымъ маслянистымъ ликеромъ и гильотинку для сигаръ.

Сейчасъ, при полномъ освѣщеніи, Бейзымъ могъ какъ слѣдуетъ разсмотрѣть своего визави, и его тонкое, матовое, чисто выбритое лицо, такія же тонкія руки и благородно-плавныя манеры. Уже прихлебывая кофе и ярко изумрудный ликеръ, уже дымя ароматной сигарой, Бейзымъ со свойственною ему прямотою задалъ незнакомцу вопросъ:

— Кто вы такой?

Незнакомецъ отвѣтилъ не сразу. На матовыхъ его чертахъ дрогнула усмѣшка, зажглась искрами въ черныхъ миндалевидныхъ глазахъ и, выпустивъ колечко голубоватаго дыма, онъ очень тихо и вмѣстѣ раздѣльно и ясно молвилъ:

— Я — король...

На крупномъ лицѣ Бейзыма отразилось нѣчто среднее между изумленіемъ и острымъ враждебнымъ недовѣріемъ.

И, какъ четверть часа назадъ на мосту, незнакомецъ вновь угадалъ его мысли.

— Пари держу, вы спрашиваете себя, кто же онъ? Мистификаторъ? Обманщикъ? Сумасшедшій?.. Но увѣряю васъ — я ни то, ни другое, ни третье. Вы меня спросили, я вамъ отвѣтилъ...

— Но...

— Но я нисколько не разсѣялъ вашего недоумѣнія хотите вы сказать? Допустимъ даже вы мнѣ повѣрили, допустимъ! Сейчасъ же возникаетъ: Король? Какой страны? Гдѣ онъ царствуетъ? На этотъ разъ, я говорю, на этотъ разъ, потому что мы еще встрѣтимся — я лишь отчасти удовлетворяю ваше вполнѣ понятное любопытство... Я король безъ территоріи и безъ границъ и поэтому подданные мои разсѣяны по всей землѣ. Нѣтъ уголка на свѣтѣ, гдѣ-бы ихъ не было. Вотъ и все пока, что я могу вамъ сказать... Очень мало, вѣрнѣе даже — ничего. Я гляжу на ваши густыя, насупленныя брови и опять-таки вижу — вы колеблетесь, — кѣмъ же назвать меня шарлатаномъ, или маньякомъ?..

— Сейчасъ вы ошиблись! Я уже не считаю васъ ни тѣмъ, ни другимъ. Васъ ввели въ заблужденіе мои брови. Онѣ всегда такіе, когда я что-нибудь соображаю. Вы сказали: ни территоріи, ни границъ. Ваши подданные разбосаны по всему свѣ ту? Есть два только народа такихъ, — жиды и цыгане... Первое отпадаетъ. Я не сомнѣваюсь въ существованіи тайнаго жидовскаго правительства и, почемъ знать, жидовскаго монарха, царя, короля, императора, — не въ названіи дѣло, а сущности. Но для жидовскаго монарха вы слишкомъ открытая душа. А если прибавить, что вы говорили на языкѣ гитаносовъ со старухою изъ Тріаны — она вамъ такъ низко кланялась эта почтенная гитана съ хриплымъ голосомъ, — то выводъ ясенъ: вы цыганскій король. Признаюсь, это для меня

большое откровеніе... Бога ради не подумайте, что я желаю подшутить, но до сихъ поръ я только зналъ „Цыганскаго барона", да и то лишь опереточнаго, а вотъ здѣсь, въ кафе Коллонъ, на улицѣ Сьерпесъ узналъ, что есть цыганскій король, и не опереточный, а настоящій. Только, говоря откровенно, въ моемъ представленіи какъ-то не вяжется...

Цыганскаго короля я могъ-бы представить себѣ сѣдобородымъ старикомъ, со жгучими глазами и въ костюмѣ кочующаго цыгана, какихъ я видѣлъ не мало и въ Россіи, и у себя въ Польшѣ... А вы — изящный молодой человѣкъ, прекрасно говорящій по-французски.

— И получившій образованіе и воспитаніе въ Парижѣ! подхватилъ король.

— Ну вотъ! Какъ же не удивляться? Вмѣсто полевыхъ шатровъ, звенящихъ на груди монетъ и прочей экзотики — европейскій костюмъ, холеныя руки, парижская школа, искусство разбираться въ гаванскихъ сигарахъ и смаковать ликеръ, къ слову будь сказано, удивительно вкусный и ароматичный!..

Поощрительно кивая головой въ тактъ рѣчи Бейзыма, король вставилъ:

— Я вамъ сейчасъ поясню и вамъ будетъ понятно то, что вы называете отсутствіемъ экзотики и то, что вы называете европейской внѣшностью, Парижемъ, сигарами и вкуснымъ ликеромъ. Мы, говорю, — мы, — я послѣдній въ родѣ — мы династія, восьмисотлѣтняя династія, могущая поспорить въ древности, если и не съ Бурбонами и Габсбургами, то, во всякомъ случаѣ, съ Гогенцоллернами и Романовыми, не говоря уже о шведскихъ Бернадотахъ, этихъ parvenu, вознесенныхъ на престолъ носкомъ Наполеоновской ботфорты. Въ моихъ жилахъ, въ жилахъ нашей династіи Тенерьяновъ течетъ голубая кровь Антіохійскихъ и Кипрскихъ королей. Въ 1210 году Левъ Лузиньянъ Великолѣпный женился на принцессѣ Изабо Антіохійской. Потомъ они разошлись и Левъ вступилъ во вторичный бракъ съ Сибиллой, дочерью Амори Лузиньяна короля Кипрскаго. Изабо тоже вторично вышла замужъ за Филиппа Антіохійскаго, унаслѣдовавшаго армянскій тронъ. Супруги уѣхали въ Арменію и тамъ родился у нихъ сынъ Тенеріанъ. Это было въ 1219 году. Страшный для Армянскаго царства годъ! Годъ нашествія Персидскихъ полчищъ. Изабо и Филиппъ трагически

погибли, умерщвленные персами, а четырехлѣтняго сына ихъ Тенерьяна спасла преданная нянька. Она вмѣстѣ съ ребенкомъ нашла убѣжище въ цыганскомъ кочевьѣ. Тенерьянъ росъ въ шатрахъ и переѣзжающихъ съ мѣста на мѣсто повозкахъ, но росъ какъ принцъ, окруженный почетомъ и преклоненіемъ. Достигнувъ совершеннолѣтія, царственный юноша провозглашенъ былъ цыганскимъ королемъ и основалъ династію Тенерьяновъ. Я, вашъ покорный слуга Магонъ Четвертый — его прямой потомокъ... Если я васъ утомилъ скучными деталями, — прошу меня извинить.

— Нисколько! Я прослушалъ съ удовольствіемъ эту маленькую страничку средневѣковой лѣтописи. Очень интересно, очень! Теперь я понимаю то, чего не понималъ сорокъ минутъ назадъ. Вамъ, потомку Антіохійскихъ и Кипрскихъ королей и королю всѣхъ цыганъ какъ-то неудобно выяснять въ полицейскихъ участкахъ и свою личность и, вообще, давать показанія... А теперь уже за одно, чтобы не возвращаться къ этому вопросу — что это за люди? Что это за нападеніе? Съ какой цѣлью?..

— Что это за люди? Я ихъ не знаю... Бандиты... Цѣль же ихъ была — похитить меня, упрятать въ надежное мѣстечко, и требовать у цыганъ выкупъ за мою голову. Всѣ Испанскіе бандиты, всѣ почему-то убѣждены, что мои цыгане обладатели какихъ-то прямо сказочныхъ сокровищъ.

— А на самомъ дѣлѣ? — спросилъ Бейзымъ.

— А на самомъ дѣлѣ это весьма, весьма преувеличено. Андалузскіе бандиты люди съ очень пылкой фантазіей... — уклончиво отвѣтилъ Магонъ Четвертый послѣдній изъ Тенерьяновъ.

Бейзымъ пытливо смотрѣлъ на него изъ подъ тяжелыхъ надбровныхъ дугъ умными сѣрыми глазами большого лѣсного полу-звѣря, полу-человѣка, полу-мифическаго божка.

— Итакъ — началъ послѣ паузы Магонъ — я васъ познакомилъ съ моей біографіей... Въ свою очередь, мнѣ хотѣлось-бы знать, кому я обязанъ жизнью?

— Жизнью? — переспросилъ Бейзымъ — не слишкомъ-ли это?..

— О, вы не знаете нашихъ бандитовъ! Вообразите, что они потребовали-бы громадную сумму, или же назначили-бы короткій срокъ для ея внесенія. Эти кабалеросы шутить не любятъ! Ввидѣ перваго предостереженія

они посылаютъ палецъ своего узника, ввидѣ второго — ухо... Затѣмъ слѣдуетъ рука и, наконецъ, — голова...

— Мексиканскіе нравы — замѣтилъ Бейзымъ.

— А вы бывали въ Мексикѣ?

— Проникалъ на Мексиканскую территорію со своимъ карательнымъ отрядомъ, когда служилъ въ пограничной стражѣ у американцевъ.

— О, я вижу, біографія ваша — романъ полный захватывающихъ приключеній. Впрочемъ, такъ и слѣдовало ожидать... Ваша необыкновенная внѣшность, ваши необыкновенныя отвага и сила... Однако, сейчасъ насъ погонятъ отсюда... Мы остались одни и зѣвающій камарреро волкомъ глядитъ по нашему адресу...

— Поэтому, я буду кратокъ. Игнатій Бейзымъ маіоръ запаса польской арміи и кинематографическій артистъ, пріѣхавшій сюда, чтобы сдѣлаться матадоромъ-любителемъ. Вотъ и все пока... Во-первыхъ, вы же сами сказали — насъ сейчасъ выгонятъ, а во-вторыхъ, моя жена будетъ безпокоиться...

— Имѣя такого супруга, какъ вы, безпокоиться нечего! — рѣшилъ Магонъ, съ восхищеніемъ оглядывая атлетическую фигуру Бейзыма — утромъ я уѣзжаю къ себѣ въ Гренаду. Вы уже были въ Гренадѣ?

— Собираемся.

— И великолѣпно! Я буду счастливъ несказанно, если вы съ вашей супругой пожалуете ко мнѣ въ гости.

— Благодарю... Но какъ мнѣ васъ найти?

— Скажите точно, когда вы будете и я пришлю моихъ людей встрѣтить васъ.

— Какъ же они узнаютъ меня?

— Узнаютъ! Гигантовъ, какъ вы, нѣтъ больше въ Испаніи. Вы единственный! Что же касается поѣздовъ, самое лучшее выѣхать утромъ въ десять и уже къ часу вы въ Гренадѣ...

— Мы выѣдемъ послѣзавтра.

— То-есть въ субботу. Чудесно! А въ воскресенье смотримъ бой быковъ...

Магонъ позвалъ соннаго камарреро и потребовалъ счетъ.

5. — Я ХОЧУ ОТОМСТИТЬ...

Иза Башіаччи, молодая женщина съ маленькой головой и змѣиными глазами, давно рѣшила:

Вслѣдъ за Россіей — одной изъ первыхъ на Западѣ жертвъ коммунистическаго переворота должна быть Испанія...

Это знала вся свита Изы, путешествовавшей съ трескучей пышностью американскихъ милліардершъ. Это зналъ ея личный секретарь Мунцъ, зналъ скульпторъ Аронштамъ, зналъ живописецъ Школьникъ.

Иза потѣшалась надъ нимъ.

— Вамъ 35 лѣтъ, а вы все еще Школьникъ!..

Зналъ архитекторъ Рабиновичъ — Одесситъ, съ внѣшностью юнаго ассирійца. Зналъ влюбленный въ Изу Адольфъ Спееръ, нисколько на ассирійца не похожій, а нѣчто среднее между банкиромъ и датскимъ или нѣмецкимъ комикомъ изъ евреевъ. Спееръ — этотъ зналъ лучше всѣхъ... Зналъ опытомъ собственнаго кармана, куда фатальная женщина, гипнотизирующая матадоровъ, залѣзала, какъ въ свой.

Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что на революцію въ Испаніи Иза сама тратила большія деньги. Но это ей казалось недостаточнымъ и почему же не привлечь Спеера, влюбленнаго въ нее съ упрямствомъ Пиринейскаго мула.

Спееръ ничего не имѣлъ противъ революціи въ Испаніи, да и не только въ одной Испаніи. Особенно, разъ неугомонная Иза Башіаччи такъ страстно желаетъ. Одно лишь смущало Спеера, заставляя почесывать коротко-палой пятерней низко выстреженный, въ двадцать девять лѣтъ уже начинающій двоиться затылокъ.

— Чертъ бы ее побралъ эту высокую испанскую валюту! — сѣтовалъ онъ втихомолку — до войны пезета была ниже французскаго франка, а сейчасъ прыгнула едва ли не вчетверо...

За два милліона датскихъ или шведскихъ кронъ, я берусь сдѣлать любой переворотъ въ странахъ съ низкою валютой, — въ Польшѣ, въ Австріи, въ Болгаріи, въ Венгріи. А здѣсь, здѣсь революція стоитъ мнѣ уже пятьсотъ восемьдесятъ тысячъ англійскихъ фунтовъ, а я все еще что-то не вижу революціи... Испанскій пролетаріатъ

еще не рѣжетъ своихъ буржуевъ, своихъ офицеровъ и поповъ, а король беззаботно катается себѣ въ автомобилѣ, вмѣсто того, чтобы послѣдовать, за Николаемъ туда, гдѣ нѣтъ автомобилей и гдѣ, вѣроятно совсѣмъ ничего нѣтъ...

Знала также вся свита и Спееръ зналъ, почему такъ жгуче хотѣлось увидѣть Изѣ развѣвающееся надъ Испаніей кровавое знамя, вмѣсто національнаго, красно-желтаго.

Съ ненавистью въ холодныхъ змѣиныхъ глазахъ говорила она:

— Я хочу отомстить всѣмъ этимъ монахамъ, епископамъ, этимъ чванливымъ грандамъ, этимъ аристократическимъ дегенератамъ съ многоэтажными фамиліями... Отомстить за грѣхи, больше, чѣмъ грѣхи, — злодѣянія, совершенныя ихъ дѣдами противъ моихъ и вашихъ дѣдовъ! Минули вѣка съ тѣхъ поръ, а я вижу пирамиды инквизиціонныхъ костровъ, я вижу ихъ черный дымъ съ пламенемъ, чувствую, слышу ужасный запахъ гари и жаренаго еврейскаго мяса... Они жгли насъ за то, что мы вѣримъ не такъ какъ они. А теперь мы будемъ ихъ жечь, разстрѣливать и вѣшать. Но не своими еврейскими руками, нѣтъ! Мы предоставимъ эту черную работу самимъ же испанцамъ — католикамъ. Ха... ха... Это будетъ очень... Пикантно! — и раздувались ноздри небольшого, хищнаго, съ твердой горбинкою носа Изы Башіаччи — мы предъявимъ длинный, длинный счетъ! Мы помѣняемся ролями. Жизнь за жизнь! Голова за голову! Святѣйшая инквизиція, Христіаннѣйшіе короли, всѣ эти Фердинанды, Филиппы, Изабеллы, Карлосы, — выгнали за предѣлы Испаніи цѣлый народъ нашъ, а теперь ихъ же собственный народъ заставитъ ихъ бѣжать, подобно крысамъ съ гибнущаго корабля! Альфонсъ XIII будетъ Альфонсомъ Послѣднимъ. Онъ долженъ умереть и за то, что онъ король и за то, что онъ антисемитъ... Не могу забыть... Какъ сейчасъ помню напечатанное въ „Matin“ интервью съ нимъ, гдѣ онъ всѣ неудачи великой войны приписываетъ нашимъ еврейскимъ интригамъ и кознямъ. Это самое интервью, гдѣ онъ съ развязностью коронованнаго хлыща пытается бросить на насъ тѣнь, дорого ему обойдется! Вы помните, господа, наше посѣщеніе Эскуріала? Этого гигантскаго гранитнаго склепа, гдѣ заживо замуровалъ себя Карлъ V? Вы помните, какъ старый придворный лакей водилъ насъ по королевской усыпальницѣ? Онъ показывалъ намъ бѣло-

мраморные саркофаги. Жалкій, недалекій слуга этотъ воскликнулъ съ гордостью: „Здѣсь лежатъ Бурбоны, здѣсь Габсбурги, здѣсь Габсбурги, здѣсь Бурбоны". Отъ него же мы узнали, что по мрачной, отзывающей средневѣковьемъ традиціи, лишь только вступаетъ на престолъ новый король, ему уже заказываютъ гробницу... Старикъ подвелъ насъ къ раскрытой и пока еще пустой гробницѣ Альфонса XIII. Я увѣрена, что выражаясь высокимъ поповскимъ стилемъ „прахъ" — вѣнценоснаго дегенерата никогда, слышите никогда, не попадетъ въ ожидающую его мраморную гробницу! Я увѣрена, что близокъ, близокъ тотъ часъ, когда въ этомъ чопорномъ замкнутомъ Эскуріалѣ будутъ засѣдать совѣты рабочихъ депутатовъ, а Христіаннѣйшіе Бурбоны и Габсбурги будутъ непочтительно выброшены изъ своей стильной и строгой усыпальницы. И черепами этихъ Бурбоновъ и Габсбурговъ будутъ играть мальчики ближайшей деревни... Такъ говорила Иза Башіаччи, не любившая бросать словъ попусту, на вѣтеръ. Все, рѣшительно все какъ разъ именно дѣлалось, что-бы нарисованныя перспективы осуществились.

Полиціи и жандармеріи вначалѣ и въ голову не могло придти, что эта швыряющая на свои прихоти безумныя деньги чудачка, жадно спѣшащая съ одного боя на другой, энергично и еще какъ дьявольски энергично работаетъ на погибель Испаніи.

Каждое утро личный секретарь Изы худой, узкоплечій, жиденькій и весь какой-то плоскій тѣломъ, носатый, зеленовато-блѣдный Мунцъ, стоя въ почтительной позѣ передъ своей госпожей, преподносилъ ей сводку событій за истекшіе 24 часа.

Мунцу 29 лѣтъ, — онъ ровесникъ Спеера, — но что-то отжившее, старческое и въ его безкровныхъ, тонкихъ губахъ и въ его вялыхъ движеніяхъ, и въ лысинѣ, къ затылку, переходящей въ какой-то свѣтленькіи дряной пухъ, а къ вискамъ въ громадный костистый лобъ, который былъ гораздо блѣднѣе, или, это будетъ болѣе вѣрно, — „восковѣе", чѣмъ все остальное блѣдное зеленоватой блѣдностью лицо.

Въ это блещущее, напоенное солнцемъ утро въ самыхъ дорогихъ аппартаментахъ гостинницы Аламеда, занимаемыхъ доньей Башіаччи, дѣлалъ секретарь свой обычный докладъ, глядя погасшими глазами не на Изу, — вся въ черномъ сидѣла она за письменнымъ столомъ, —

а въ окно, гдѣ въ сіяніи лучей ослѣпительно розовѣли снѣжныя вершины далекой, далекой Сьерра Невады.

Иза тоже не смотрѣла на Мунца, глядя куда-то передъ собою немигающими глазами своими.

Въ большомъ номерѣ съ раззолоченной мебелью, мраморнымъ каминомъ, тяжелой бронзою находилось еще одно существо, кромѣ Изы и Мунца. Но ни Мунцъ, ни Иза не обращали никакого вниманія на эту полную блондинку съ красивымъ соннымъ лицомъ и съ бѣломолочнымъ пышнымъ тѣломъ. Они ея не замѣчали, не стѣснялись, какъ если бы это была крупная собака, глупая, лѣнивая, преданная. Блондинка, почти никогда не вылѣзавшая изъ копота, безъ мысли, безъ желаній, курила папиросу за папиросой и даже это выходило у нее какъ-то сонно, какъ-то нехотя.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ возила за собой Башіаччи эту дочь русскаго генерала съ самой что ни на есть русской фамиліей — Покатиловой.

Спееръ, короткій, пухлый ревновалъ и ревновалъ не безъ основанія Изу къ Танечкѣ Покатиловой. Высокая, тонкая, гибкая, длинная Башіаччи, какъ змѣя, обвивалась вокругъ полной и рыхлой Танечки и какъ вампиръ, капля за каплею, высасывала кровь изъ бѣлаго, свѣжаго, роскошнаго Танечкинаго тѣла. Тупо и безучастно позволяла Танечка ласкать себя и одинаково также безучастно и тупо-пассивно перешла бы она и въ мужскія объятія. На рѣдкость безтемпераментное существо! Темпераментъ замѣнили ей — папиросы и сладкое — торты, конфекты, пирожныя.

Всѣмъ этимъ она могла безъ конца объѣдаться. Иза и сманили ее главнымъ образомъ тѣмъ, что въ Испаніи, какъ нигдѣ въ Европѣ, умѣютъ готовить сладкое, прянное тѣсто.

— Наши агенты — началъ Мунцъ — вербуютъ въ свои ряды, по примѣру Совѣтской Россіи, обыкновенныхъ бандитовъ, этихъ рыцарей горныхъ ущелій и большихъ дорогъ. Бандитамъ пришлось по вкусу. Они чрезвычайно польщены... Всѣмъ своимъ нападеніямъ, убійствамъ и грабежамъ они теперь придаютъ уже идейную коммунистическую окраску... — и очевидно весьма этимъ обстоятельствомъ довольный Мунцъ улыбнулся, проводя кончикомъ языка по тонкимъ сухимъ губамъ — на дняхъ только одинъ изъ нашихъ агентовъ вошелъ въ контактъ

съ бандой нѣкоего Ценобіо. Этотъ Ценобіо отчаянная голова, ой, какая отчаянная! Его зовутъ Андалузскимъ тигромъ, хотя этотъ Андалузскій тигръ два дня назадъ потерпѣлъ огромнѣйшее фіаско. Ужасно даже, что такое! Мы на время лишились цѣннаго сотрудника... Я могу себѣ вообразить...

— Короче, Мунцъ, короче! — ударивъ карандашомъ по столу, оборвала Иза своего секретаря.

— Да, такъ вотъ Ценобіо пронюхалъ, что цыганскій король, имѣющій мѣстожительство, какъ вамъ извѣстно здѣсь, выѣхалъ въ Севилью, чтобы посѣтить одного стараго цыгана. Этотъ цыганъ хотѣлъ выразить передъ смертью свои вѣрноподданнѣйшія чувства своему королю... — вновь улыбка на блѣдно-зеленомъ лицѣ съ восковымъ лбомъ и вновь быстро скользнулъ по тонкимъ губамъ кончикъ языка. — Ну, хорошо!.. Ценобіо съ тремя головорѣзами выслѣдилъ цыганскаго короля по пятамъ. У нихъ уже была заготовлена быстроходная машина. Если бы эта комбинація удалась, какой громадный выкупъ взялъ бы Ценобіо за своего плѣнника! Могу себѣ представить! Цыгане отсыпали бы столько золота, сколько вѣситъ этотъ самый король ихъ...

— Почему же не удалась эта... эта комбинація? — спросила Башіаччи, не спуская глазъ съ бѣлой, полной Танечкиной шеи, переходящей въ такую же бѣлую, полную грудь.

— На помощь цыганскому королю бросился неизвѣстно откуда взявшійся иностранецъ гигантскаго роста. По моимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ — это пріѣхавшій на дняхъ въ Испанію маіоръ польской арміи Бейзымъ контрреволюціонная, бѣлогвардейская и антисемитская дѣятельность котораго и въ Совѣтской Россіи и въ Польшѣ намъ очень хорошо извѣстна.

— Ахъ, тотъ самый Бейзымъ? — оживилась Иза — я много слышала о немъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ и въ Одессѣ. Это какой-то легендарный, какой-то неуловимый мерзавецъ! Онъ развѣшиваетъ цѣлыя живыя аллеи изъ сознательныхъ коммунистическихъ работниковъ. Онъ бѣжалъ изъ Одесской че-ка, выломавъ руками желѣзную рѣшетку, и бросившись вплавь на французскій „истребитель", который былъ въ двѣнадцати километрахъ отъ берега. Во время совѣтской карательной экспедиціи на Польшу, онъ со своимъ партизанскимъ отрядомъ наво-

дилъ панику на красныя войска, захватывалъ штабы. Одно изъ послѣднихъ его преступленій — ворвавшись въ Совѣтскую миссію въ Варшавѣ, онъ изуродовалъ чиновника — еврея и наконецъ съ горстью такихъ же какъ и самъ бандитовъ, въ своемъ имѣніи отбился отъ цѣлаго отряда, перешедшаго границу, чтобы захватить его живымъ, или мертвымъ.

— Вотъ, вотъ, да, да! — подхватилъ Мунцъ — тотъ самый, тотъ самый! Онъ и здѣсь уже начинаетъ подвизаться въ томъ же духѣ. Это какой-то звѣрь, а не человѣкъ! Двухъ онъ обратилъ въ бѣгство, а трехъ такъ наколотилъ, такъ наколотилъ, что даже страшно! У самого Ценобіо, вмѣсто физіономіи, получилась отбивная котлета. Говорятъ, не знаешь, гдѣ ротъ, гдѣ носъ? Всѣ передніе зубы — къ черту! Этотъ господинъ ничего себѣ знаетъ боксъ... Я не хотѣлъ бы наскочить на его кулакъ...

— Съ вашимъ носомъ, Мунцъ, это особенно не рекомендуется. Мунцъ невольно потеръ свой блѣдный, острымъ горбомъ выдѣзающій носъ, какъ будто желая его уменьшить этимъ прикосновеніемъ.

— Да. Этого Бейзыма слѣдовало бы ликвидиуть. Это нашъ врагъ, врагъ сильный, опасный и безпощадный — въ раздумьи, какъ бы про себя молвила Иза, чиркнувъ что-то карандашомъ на лежавшемъ передъ ней листѣ бумаги. Мунцъ всей своей жиденькой, узкоплечей фигурой и своимъ лицомъ изображалъ полнѣйшую готовность...

6. ЧЕГО ЖЕЛАЕТЪ ИЗА БАШАЧЧИ.

Маленькая пауза и:

— Продолжайте, Мунцъ!

— Общая ситуація приблизительно такая: рабочіе массы, анархисты охвачены сильнымъ броженіемъ. Готовы, были бы выступить по первому сигналу...

— Это мнѣ совсѣмъ не нравится! Почему — „были бы“ готовы, а не просто — готовы? Уже, вѣдь, начались одиночныя выступленія... Барцелонскихъ бомбистовъ — разъ! Архіепископъ Саррагосскій поплатился жизнью за... ну, словомъ, не все ли равно, за что онъ поплатился? — важенъ фактъ... Дальше — политическая забастовка рабочихъ въ Бильбао. Должна вотъ-вотъ вспыхнуть всеобщая желѣзнодорожная забастовка. Нашъ милый архитекторъ уѣхалъ въ Толедо изучать орнаментику въ

синагогахъ 11-го и 12-го вѣка. Слѣдовательно, Мунцъ, слѣдовательно мы должны со дня на день ожидать какой нибудь вспышки въ Толедо, въ мертвомъ, уснувшемъ Толедо...

Вѣрнѣе всего будутъ взорваны пѣхотное училище и архіепископскій дворецъ, не такъ ли?...

Почему же не такъ? — втянулъ голову Мунцъ въ свои узкія, покатыя плечи и длинная шея вдругъ сократилась — почему не такъ? Рабиновичъ это же голова, это же человѣкъ! Онъ имъ покажетъ синагоги 11 вѣка! Онъ имъ покажетъ!..

— Вотъ видите, вы сами довольны ситуаціей, а вѣдь вы, Мунцъ, не изъ увлекающихся, вы, молодой старикъ...

— Именно, какъ разъ потому что я не увлекаюсь и не строю себѣ заранѣе какихъ-нибудь особенныхъ воздушныхъ замковъ! И знаете почему? Потому что Испанская буржуазія и военщина не похожа на русскую буржуазію и военщину. Кромѣ того, онѣ учатся на русскомъ опытѣ... Да и примѣръ Муссолини передъ глазами. Лавры Муссолини спать не даютъ генералу Примо-ди-Ривейра. По нашимъ агентурнымъ свѣдѣніямъ онъ желаетъ объявить себя диктаторомъ и жестоко расправиться не только съ куммунистами, но и со всѣмъ тѣм , что лѣвѣе клерикальныхъ и монархическихъ теченій. Опираясь на офицерскій корпусъ, онъ хочетъ разогнать парламентъ и послать въ Марокко свѣжія войска, чтобы подъ конецъ хотя-бы выйти съ честью изъ этой постыдной для Испанцевъ колоніальной авантюры.

— Вотъ какъ... — задумалась Иза. Потомъ, сломавъ цѣпкими, сухими пальцами карандашъ рѣзко спросила — и вы думаете это удастся генералу Примо-ди-Ривейра?

— Мунцъ опять втянулъ голову и длинную шею въ плечи.

— Можетъ быть удастся, а можетъ быть и нѣтъ.

— Мудрый отвѣтъ, достойный Пифіи! Въ самомъ дѣлѣ, Мунцъ, а? У васъ же голова на плечахъ, а не тыква...

— Право, я сейчасъ затрудняюсь сказать. Нами сдѣлано все, чтобы разогрѣть революціонное движеніе, но вы знаете сами, это азбучная истина всѣхъ революцій: побѣждаютъ тѣ, на чьей сторонѣ армія. Боюсь, что она пойдетъ съ превосходительнымъ фашистомъ, а не съ нами... Боюсь!...

— А если этого превосходительнаго фашиста?.. — начала Иза, докончивъ выразительной мимикой и столь же выразительнымъ жестомъ.

— Можно попробовать, почему же нѣтъ? „Дирекція, не щадя затратъ“... выражаясь языкомъ провинціальныхъ афишъ.

— Мы не будемъ щадить затратъ! Костеръ пылаетъ и, чтобы онъ не погасъ, надо подбрасывать и подбрасывать горючій матеріалъ. Если мы послали двадцать тысячъ винтовокъ возставшимъ арабамъ, то голова Примо-ди Ривейра въ смыслѣ успѣха нашего дѣла неизмѣримо дороже этихъ винтовокъ. Сегодня вернется изъ Парижа Спееръ и ему будетъ приказано ассигновать кругленькую сумму... Воображаю его физіономію... Спееръ не скупъ, онъ даже широкъ, но самый моментъ разставанія съ деньгами для него мучителенъ... А черезъ пять минутъ онъ уже забылъ... Но довольно о дѣлахъ... Садитесь...

Изъ глубины комнаты донеслось съ дивана легенькое похрапываніе. Танечкѣ надоѣло курить, бодрствовать, чувствовать себя, свое тѣло и она сразу, какъ-то по-дѣтски сразу уснула.

— Милый ребенокъ — тихо молвила Иза, съ такой нѣжностью въ голосѣ и въ устремленномъ на Танечку взглядѣ, даже Мунцъ отказывался вѣрить! Неужели та самая Иза, только что съ холоднымъ жестокимъ спокойствіемъ пожелавшая „ликвидировать“ Бейзыма и генерала Примоди Ривейра? Неужели передъ нимъ та самая Иза, которая предвкушала сейчасъ, какъ взлетятъ на воздухъ архіепископскій дворецъ въ Толедо и пѣхотное училище? Да и не только дворецъ и училище... Съ такимъ же холоднымъ спокойствіемъ она хотѣла взорвать Испанію, зажечь ее всю кровавымъ пламенемъ гражданской войны...

У Изы всегда было наготовѣ, подъ рукою павлинье перо, отливающее всѣми цвѣтами радуги. Назначенье его — щекотать вялую Танечку, выводя ее изъ обычнаго, соннаго, базмятежнаго покоя. Вотъ и сейчасъ Иза, оставивъ Мунца сидящимъ на краешкѣ стула, взявъ мимоходомъ съ трюма павлинье перышко, пощекотала имъ шею, губы, ноздри Танечки. Похрапыванье умолкло, но Танечка еще спала. Иза вновь пустила въ ходъ мягкое перышко. Дрогнули тяжелыя вѣки, разомкнулись. Глупые, красивые глаза съ поволокой встрѣтили умный змѣиный взглядъ, увидѣли наклонившееся лицо маленькое, смуглое, если и

красивое, то жуткой зловѣщей красотою Юдифи, отрубившей бородатую голову Олоферна, или же коварной Далилы, остригшей длинные пышные кудри Самсона.

— Ну сто, моя миляя дѣтка? Немносько заснуля, моя плелесть? — начала съ жеманнымъ слащавымъ присюсюкиваніемъ Иза, всегда говорившая съ Покотиловой, какъ съ маленькимъ ребенкомъ.

— Стлясно жялько я и уснуля — въ тонъ былъ отвѣтъ капризной Танечки, сознающей свою силу надъ той, въ комъ такъ заискиваетъ вся окружающая свита. Да и не только свита. Вліяніе Изы Башіаччи въ международно-финансовыхъ кругахъ было велико, очень велико, Иза поцѣловала Таничку въ губы короткимъ быстрымъ движеніемъ клюнувшей птицы.

— Иди ко мнѣ — прошептала блондинка, обнимая тонкую, гибкую Изу бѣлыми, полными руками.

Иза, пьян ія, загораясь, вдыхая запахъ пышнаго, свѣжаго тѣла Танечки и припавъ къ ней, цѣловала въ розовѣющее на солнцѣ маленькое ухо. Танечка, млѣя, вздрагивала...

Мунцъ продолжалъ сидѣть на краешкѣ стула. Онъ не видѣлъ, но чувствовалъ происходящее за его плоской спиною. Блѣдныя губы его стали еще суше, и онъ разъ-другой провелъ по нимъ кончикомъ языка... Осторожный стукъ въ дверь. Иза не отрывалась отъ уха Танечки. Никто не посмѣетъ войти. Стукъ — это сигналъ вызывающій Мунца въ корридоръ. Мунцъ вышелъ и вернулся съ цѣлой кипою газетъ, писемъ, пакетовъ. Обширная корреспонденція!...

Мунцъ, вооружившись ножницами, вырѣзывалъ въ первую очередь письма, которыя казались ему важнѣйшими.

Черезъ нѣсколько минутъ уже овладѣвшая собою Иза, вновь сухая, безстрастная, сидѣла за письменнымъ столомъ, и вновь въ почтительной позѣ стоялъ передъ ней секретарь.

Что-нибудь интересное, Мунцъ?...

— Очень интересное! Шифрованный докладъ профессора Азулаи изъ Варшавы. Это былъ нашъ человѣкъ въ „Лигѣ націй“, гдѣ приносилъ намъ большую пользу. Натурально, это гнусное, правое правительство съ такими кровожадными антисемитами, какъ Дмовскій и Корфанты поспѣшило бы его отозвать изъ „Лиги націй“. Такъ онъ

самъ себя отозвалъ. О, этотъ Азулаи, геніальнѣйшая личность! Онъ сдѣлаетъ все возможное и дѣлаетъ уже, чтобы свернуть шею этому реакціонному правительству. Онъ создаетъ единый враждебный фронтъ изъ коммунистовъ, евреевъ, соціалистовъ и еще лѣвыхъ военныхъ и полувоенныхъ организацій. Обычная хорошо испытанная программа: сначала терроръ, летятъ въ воздухъ пороховые погреба, артиллеріійскіе склады, имѣющіе какое нибудь стратегическое значеніе. Затѣмъ — бомбы, взрывающіяся въ редакціяхъ правыхъ газетъ. И когда, наконецъ, правительство замечется въ паническомъ страхѣ — забастовки и рядъ вооруженныхъ выступленій. Сеймъ выразитъ недовѣріе всѣмъ этимъ Дмовскимъ, смететъ ихъ и на смѣну явится кабинетъ соціалистическій. Другими словами то, что было въ Россіи при Керенскомъ. И, какъ въ Россіи при Керенскомъ же, на смѣну бездарнымъ и слякотнымъ соціалистамъ, — они сами покорно передадутъ власть — явятся сильные, твердые, умѣющіе править желѣзной рукой большевики. Для шести-милліоннаго еврейскаго населенія Польши наступитъ золотой вѣкъ, и Совѣтская Россія сольется воедино съ Совѣтской Польшей... Какія перспективы!...

— Да, перспективы заманчивыя — согласилась Иза — надо ускорить темпъ! Надо помочь профессору Азулаи. Надняхъ мы съ вами съорганизуемъ и отправимъ въ Польшу особую миссію. Оффиціально — это будетъ благотворительная миссія, которая займется судьбою еврейскихъ эмигрантовъ и бѣженцевъ изъ Россіи. А мѣсяца черезъ два, когда мы взорвемъ Испанію, мы отправимся въ Польшу, гдѣ къ тому времени будетъ все готово и останется лишь приложить тлѣющій фитиль...

7. О „МЕКСИКАНСКИХЪ БАНДИТАХЪ“ И О КРОВАВОЙ БЕРТѢ.

Ознакомивъ свою патронессу еще кой съ чѣмъ изъ свѣжей корреспонденціи, секретарь, бросивъ взглядъ на каминныя часы, по какой-то непостижимой случайности идущія, а не стоящія, подобно всѣмъ каминнымъ часамъ — спохватился:

— Одиннадцать! А въ четверть двѣнадцатаго поѣздъ изъ Мадрида, которымъ пріѣдетъ изъ Парижа Спееръ. Надо его встрѣтить...

— Отчего же не встрѣтить, если это его позабавитъ? Садитесь въ автомобиль и маршъ на вокзалъ... Бѣдный Спееръ, могу себѣ представить, какъ вытянется его физіономія и какъ жалобно захлопаютъ его вѣки, когда ему придется опять раскошеливаться? Смѣшной! Есть люди, которыхъ нельзя принимать всерьезъ. Спееръ изъ ихъ числа. Смѣшной! И это одинъ изъ богатѣйшихъ людей въ Европѣ...

Въ автомобилѣ Изы Башіаччи — громадный мощный „Мерседесъ“ — помчался Мунцъ на вокзалъ, хотя и мчаться особенно ему не пришлось — вокзалъ въ двухъ шагахъ отъ плаща Аламеда.

Влетѣлъ и сразу остановился мадридскій поѣздъ. Мунцъ сдѣлалъ стойку передъ единственнымъ вагономъ перваго класса. Вышли всѣ пассажиры, а Спеера нѣтъ, какъ нѣтъ! Очевидно задержался гдѣ нибудь. Очевидно и телеграмму далъ, но по Испаніи телеграммы передаются, какъ Богъ на душу положитъ...

Мимо двухъ жандармовъ въ клеенчатыхъ треуголкахъ и въ вицъ-мундирахъ съ маленькими карабинами на плечѣ, Мунцъ уже хотѣлъ пройти къ своему автомобилю, какъ вниманіе его отвлекла группа высокихъ бритыхъ и смуглыхъ мужчинъ, одѣтыхъ съ оперной живописностью. Громадныя, съ загнутыми кверху полями сомбреро, цвѣтные жилеты, цвѣтные куртки, матерчатые широкіе пояса вокругъ тальи, колоколами на выпускъ панталоны и чудовищныя шпоры со звѣздчатыми „репейками“.

Черезъ минуту мадридскій поѣздъ помчался дальше, а навстрѣчу подходилъ уже другой, изъ Севильи. Группа мужчинъ — Мунцъ мысленно окрестилъ ихъ „мексиканскими бандитами“, — заговорила на непонятномъ языкѣ и подтянулась.

И этотъ поѣздъ также сразу остановился, почти не замедляя бѣшенной скорости своей. Изъ вагона перваго класса медленно вышелъ очень высокій господинъ, такой высокій и съ такой шириною въ плечахъ, что рослые „мексиканскіе бандиты“ сразу какъ-то уменьшились вдругъ. Онъ былъ въ сѣромъ пиджачномъ костюмѣ и въ панамѣ. Въ рукахъ держалъ небольшой сакъ-вояжъ. За нимъ — на площадкѣ очень красивая, черноволосая и чернобровая дама съ большими, темными глазами, въ скромно-изящномъ дорожномъ костюмѣ и въ круглой маленькой кожанной шляпѣ.

Люди съ чудовищными шпорами окружили гиганта съ низкими поклонами. Одинъ почтительно взялъ у него сакъ-вояжъ, другой на ломанномъ французскомъ языкѣ попросилъ багажную квитанцію, а третій на такомъ же ломанномъ французскомъ языкѣ отрапортовалъ:

— Нашъ господинъ приказалъ встрѣтить сеньора и его супругу. Помѣщеніе въ отелѣ Аламеда уже готово и ждетъ сеньора... Послѣ завтрака будетъ поданъ экипажъ и сеньоръ пожалуетъ въ гости къ нашему господину...

— Такъ это же Бейзымъ, это Бейзымъ! — воскликнулъ про себя Мунцъ, охваченный жгучимъ любопытствомъ — легокъ на поминѣ. Вотъ удивлена будетъ Иза!..

Мунцъ пересѣкъ вокзалъ и, подойдя къ своей машинѣ, увидѣлъ легкую желтую коляску, запряженную парою великолѣпныхъ горячихъ Андалузскихъ лошадей, высѣкавшихъ копытами искры изъ каменной мостовой. Вся упряжь — хомуты, вожжи, все въ серебрѣ. Надъ остріемъ хомутовъ дрожали высокіе султаны, подобные бунчукамъ изъ красныхъ конскихъ хвостовъ. Мунцъ видѣлъ, какъ сѣли въ коляску Бейзымъ съ женою, съ обѣихъ сторонъ подсаженные цыганами, видѣлъ, какъ одинъ цыганъ вскочилъ на козлы рядомъ съ кучеромъ, видѣлъ, какъ всѣ остальные цыгане слѣдовали за покатившейся коляскою, изображая собой почетный эскортъ.

— Балаганная феерія! — подумалъ Мунцъ, вообразивъ почему-то Ценобіо съ изувѣченнымъ, превращеннымъ въ котлету лицомъ.

Уже скрылась желтая коляска съ почетнымъ конвоемъ, уже смолкъ звонъ бубенчиковъ, а Мунцъ, не шевелясь, глядѣлъ вслѣдъ и теперь, только теперь любопытство его смѣнилось страхомъ и какимъ-то другимъ ощущеніемъ — сразу ни объяснить, ни оформить. И только теперь ясно почувствовалъ онъ Бейзыма съ его геркулесовской фигурою, съ его военно-спортивною выправкой и лицомъ, которое увидя однажды, нельзя забыть.

Секретарь Изы Башіаччи пытался вспомнить, когда онъ видѣлъ такое же лицо, гдѣ также переплеталась духовная сила съ физической мощью... Такой же скошенный лобъ съ твердыми надбровными дугами, такой же носъ, немного приплюснутый по серединѣ, какъ у лѣсного фавна, такой же подбородокъ, тяжелый, но нисколько не животный, не звѣрскій.

— Ба, вспомнилъ... — Перенесся въ Парижское ателье скульптора Ароштама. Мунцъ былъ у него. Ароштамъ заканчивалъ бюстъ вождя гладіаторовъ Спартака. И, хотя Мунцу доподлинно извѣстно, что Спартакъ — творческая фантазія художника и ему никто не позировалъ, но вотъ подите-жъ, сходство между этимъ Бейзымомъ и гладіаторскимъ вождемъ — разительное!..

Да, она права, Башіаччи... Это врагъ опасный и сильный, врагъ подлежащій истребленію. Онъ, Мунцъ, видѣлъ его такъ близко, видѣлъ большую руку, державшую сакъ-вояжъ. Эта самая рука ломала желѣзныя рѣшетки Одесской чека. Брр... такому лучше не попадайся... И, несмотря на полуденный зной южнаго солнца, блѣдно-зеленый, съ покатыми плечами секретарь Изы во всемъ жиденькомъ, тщедушномъ тѣлѣ своемъ ощутилъ пробѣгавшій холодной струйкой отъ головы до пятъ ознобъ. И онъ втянулъ въ плечи длинную, тонкую шею, сокращавшуюся, какъ шпага уличнаго фокусника. Странное совпаденіе... Въ одно и то же утро и гдѣ? — въ сказочной Гренадѣ, ставшей на вѣки вѣчные мавританскою легендой, три человѣка вспомнили по одному и тому же поводу чрезвычайку въ Одессѣ. Вспомнили Иза съ Мунцемъ, а третій вспомнившій — Бейзымъ.

Когда, приведя себя въ порядокъ, умывшись, переодѣвшись въ заказанныхъ ему Магономъ аппартаментахъ онъ вмѣстѣ съ женою спустился въ ресторанъ съ матовымъ стекляннымъ плафономъ, его вниманіе привлекъ столъ съ компаніей изъ двухъ мужчинъ и двухъ дамъ — полной блондинки и худощавой брюнетки.

Наклонившись къ женѣ Бейзымъ прошепталъ:

— Магдалина, обрати вниманіе на эту особу въ черномъ...

— Я уже обратила! Есть свой стиль, она по своему красива, красива, если хочешь, но до чего непріятная вся! Эта маленькая голова, этотъ хищный профиль... Нѣтъ, я не хотѣла-бы имѣть ее въ числѣ своихъ знакомыхъ! Но у тебя такой видъ, словно ты ее знаешь, встрѣчалъ?..

Нѣтъ, не можетъ быть!... Сходство, обыкновенное сходство... А можетъ игра воображенія? Помнишь мое сидѣніе въ Одесской чека? Помнишь, я разсказывалъ тебѣ о нѣкой Бертѣ? Эта самая товарищъ Берта среди насъ, томившихся въ чрезвычайкѣ, извѣстна была подъ кличкою Кровавой Берты... Впрочемъ, не только среди насъ — весь городъ ее такъ называлъ...

Камарреро подкатилъ телѣжку съ дымящимся ростбифомъ. Видный метръ-д'отель бритый, сѣдой, съ внѣшностью римскаго сенатора, священнодѣйствуя длиннымъ острымъ ножомъ, артистически нарѣзалъ нѣсколько ломтиковъ сочнаго мяса, наложивъ ихъ на горячія тарелки Магдалины и Бейзыма. По окончаніи этой процедуры, Бейзымъ вернулся къ своему разсказу:

— Одѣвалась она вся въ тончайшую, мягкую замшу. Фуражка, френчъ, галиффэ, сапоги — все сѣро-стального цвѣта. Сбоку висѣлъ въ замшевомъ чехольчикѣ небольшой браунингъ. Берта собственноручно разстрѣливала бѣлогвардейцевъ. Однихъ — въ животъ, чтобы наслаждаться предсмертными муками... Другихъ же сначала подвергала издѣвательству, униженію... Садилась на стулъ, приказывая чтобы очередная жертва проползала на четверенькахъ. И когда между ногами Берты и ножками стула показывалась голова, эта замшевая чертовка разряжала въ затылокъ свой браунингъ. И такъ „пропускала" по нѣсколько десятковъ въ день... Хотя послѣ одного случая она оставила эту „манеру веселиться". Не знаю, какъ это вышло, наклонилась-ли Берта слишкомъ низко, или приставила браунингъ свой не къ нижней части затылка, а повыше, не знаю, но только мозгъ какого-то несчастнаго офицера забрызгалъ ей все лицо... Жирныя окровавленныя лохмотья этой мозговой массы залѣпили ей глаза и губы... Съ тѣхъ поръ она...

— Игнась, пощади! Ну развѣ можно смаковать за ѣдой такія реалистическія детали! — и съ нѣжнымъ укоромъ во взглядѣ жена отодвинула тарелку съ недоѣденнымъ ростбифомъ.

— Прости меня, дорогая! Ты права! Такими вещами не слѣдуетъ портить аппетитъ ни себѣ, ни другимъ. Но что дѣлать? Все, связано съ этими проклятыми большевиками, я всегда такъ ярко, мучительно ярко переживаю! Ну, уже не сердишься больше? — и онъ какъ ручной левъ, смотрѣлъ на такую маленькую, маленькую рядомъ съ нимъ укротительницу свою.

— Развѣ я могу на тебя сердиться? — съ наивной трогательной задушевностью вырвалось у нея и въ словахъ, и въ голосѣ и въ мягкомъ стыдливомъ взглядѣ бархатныхъ глазъ, обведенныхъ темной природной синевою.

— Въ доказательство — потрудись окончить свой

ростбифъ, а я окончу свое маленькое повѣствованіе о замшевой Бертѣ.

— А такихъ подробностей больше не будетъ? — спросила Магдалина придвигая къ себѣ тарѣлку.

— Такъ вотъ исчезла она съ Одесскаго горизонта, — а объ исчезновеніи я узналъ уже послѣ бѣгства моего, — такъ же таинственно, какъ и появилась. Никто, за исключеніемъ, быть можетъ самыхъ посвященныхъ, не зналъ откуда она, изъ какихъ странъ? По-русски она говорила съ акцентомъ, не жидовскимъ, нѣтъ, а скорѣй съ западнымъ. Француженки такъ грассируютъ, какъ она... Это мнѣ передавали. Самъ я ее видѣлъ въ Одессѣ мелькомъ, а голоса ея не слышалъ... Да говорили еще, что это грузинская княжна Тамара Эристова, — ея братъ скакунъ и спортсменъ командовалъ эскадрономъ въ уланахъ Ея Величества. Но это, конечно вздоръ! Помнишь, въ Парижѣ мы видѣли съ тобой и Эристова и ее, Тамару. Словъ нѣтъ, сходство большое между Бертой, по-сколько я успѣлъ ее разглядѣть, и Эристовой. Оно, это самое сходство, вѣроятно, и ввело кой-кого въ заблужденіе... Но ты всмотрись, Магдалина, развѣ эта самая брюнетка не напоминаетъ тебѣ княжну Тамару?..

— Очень похожа, очень! Но только это не Тамара. Больше ты ничего не знаешь о Замшевой Бертѣ?..

Говорили разное. Говорили, что ея кровавые гастроли въ чека — жажда сильныхъ ощущеній... Говорили, что она изъ очень богатой, очень вліятельной жидовской семьи, что съ ея телеграммами считался синедріонъ засѣвшихъ въ Кремлѣ палачей и убійцъ. Едва-ли не высочайшія телеграммы... Много болтали разнаго. Гдѣ кончается дѣйствительность и начинается фантазія, — поди разбирайся... Больше я ничего не знаю. Одно могу сказать — въ наше безумное время самое фантастическое блѣднѣетъ и стушевывается передъ тѣмъ, что преподноситъ намъ жизнь. Я ничуть не удивился-бы, узнавъ, что Кровавая Берта въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь очень важная птица въ томъ несомнѣнно существующемъ жидовскомъ, — назовемъ его правительствомъ, назовемъ организаціей, — которое, или кдторая, пытается, и до сихъ поръ съ неизмѣннымъ успѣхомъ, захватить власть надъ міромъ... Столъ Изы Башіаччи украдкой наблюдалъ исполинскаго Бейзыма и его красавицу жену. Скульпторъ Аронштамъ съ измятымъ природою и жизнью лицомъ, съ пушистою копною волосъ,

такой же пушистой бородой и необыкновенно толстыми, чувственными губами, дарилъ вниманьемъ своимъ Магдалину, весьма понравившуюся этому бабнику. Даже Мунцъ чаще облизывалъ сухія, тонкія безкровныя губы. Маленькое змѣиное лицо Башіаччи хранило какое-то сосредоточенное, злое выраженіе. Машинально, думая о чемъ-то своемъ, играла она павлиньимъ перышкомъ, почти не прикасаясь къ завтраку.

Зато бѣлотѣлая Танечка уплетала за обѣ щеки и ростбифъ, и цвѣтную капусту, и дичь, и сладкую, жирную до приторности „шарлотку“ изъ яблокъ, меда и тѣста.

Влюбленный въ себя и въ свою скульптуру, волосатый Аронштамъ безъ конца повторялъ:

— Этотъ негодяй... Это же вылитый мой Спартакъ! Честное слово же вылитый! Но только мой знаменитый Спартакъ гладіаторъ — революціонеръ, а это гладіаторъ — мясникъ...

Уже завтракъ приближался къ концу, уже камарреро обносили гостей кофе и ликерами, уже Бейзымъ вынулъ и закурилъ длинную и шероховатую сигару, снявъ съ нея бумажное колечко съ золотой на красномъ фонѣ надписью: „Фернандецъ-Гарсіа“. Въ дверяхъ появился высокій „мексиканскій бандитъ“ въ громадномъ сомбреро и въ чудовищныхъ шпорахъ. Увидѣвъ его, Бейзымъ обратился къ женѣ:

— Насъ ждутъ...

Они ушли. Почти вслѣдъ за ними поднялась Иза со своей компаніей. Проходя мимо стола, за которымъ только что сидѣлъ Бейзымъ, жиденькій, плоскій Мунцъ ловкимъ, незамѣтнымъ движеніемъ вынулъ изъ пепельницы сигарное колечко и сунулъ себѣ въ карманъ.

8. ВЪ ГОСТЯХЪ У ЦЫГАНСКАГО КОРОЛЯ.

Та же самая желтая коляска, тѣ же самые андалузскіе горячіе кони, вызвавшіе восторгъ Бейзыма-кавалериста, тѣ же самые изукрашенные серебромъ хомуты и тотъ же самый „почетный конвой“.

Эффектное зрѣлище захватило англичанъ, жившихъ въ отелѣ. Даже чопорныя миссъ съ золотыми зубами съ балконовъ лорнировали живописную группу всадниковъ, выстроившихся наполовину впереди коляски, наполовину

позади. И подъ-стать эффектно было появленіе славянскаго Геркулеса, — уже всѣ знали, что Бейзымъ славянинъ, полякъ, — съ его красавицей женою.

— Какъ все это интересно, захватываетъ, увлекаетъ! — съ улыбкой шепнула Магдалина мужу, садясь въ коляску.

— Забавно! И забавнѣе всего существованіе какого то королевства въ королевствѣ. Видимо, въ самомъ дѣлѣ, Король Испанцевъ относится благосклонно къ королю цыганъ.

Щелкнулъ бичъ, съ мѣста рванули кони, замелькала Гренада. Вотъ угнѣздилась на самомъ обрывѣ скалы Альгамбра и, какъ миражъ, подымается къ небесамъ дивнымъ, четкимъ кружевомъ благороднаго мрамора.

Не успѣли Бейзымъ съ Магдалиной залюбоваться воздушной архитектурой этихъ сказочныхъ чертоговъ сказочныхъ Мавританскихъ калифовъ, — новый ударъ бича, рѣзкій поворотъ и встала вдругъ на пути густая стѣна гигантскихъ, такихъ гигантскихъ — всадникъ спрячется — кактусовъ.

Было впечатлѣніе, словно эти созданные самимъ Господомъ Богомъ проволочныя загражденія отдѣляютъ испанскую Гренаду отъ цыганской столицы.

Узенькая просѣка. И лошадей и тѣхъ, кто былъ въ колескѣ и конныхъ цыганъ задѣвали острыя, зазубренныя мечеподобныя лопасти кактусовъ. Вотъ, вотъ вцѣпятся, обовьются змѣями и не пустятъ дальше... Мигъ — и уже нѣтъ ни просѣки, ни кактусовъ... Ослѣпительная цѣпь мѣловыхъ горъ съ выдолбленными пещерами. У этихъ пещеръ толпятся въ нарядныхъ костюмахъ мужчины, старухи, женщины и дѣти. Впереди всѣхъ — Магонъ, одѣтый уже не по-европейски, а въ короткой узенькой, до пояса, обхватившей тонкую талью курткѣ и съ узенькимъ чернымъ галстухомъ на фонѣ мягкаго, бѣлоснѣжнаго гофрированнаго и въ тончайшихъ кружевахъ пластрона. Магонъ взмахнулъ своимъ сомбреро... Словно по командѣ добрая сотня такихъ же сомбреро замелькала въ воздухѣ, какъ стая птицъ.

Цыганскій король помогъ выйти Магдалинѣ и съ учтивостью рыцаря коснулся губами ея руки.

Старыя, высохшія, пергаментныя цыганки, гибкія нарумяненныя, набѣленныя гитаны, смуглая дѣтвора — всѣ разглядывали почетную гостью своего короля съ такимъ

наивнымъ любопытствомъ, какъ если бы она явилась съ другой планеты. Еще сильнѣйшее любопытство, близкое къ суевѣрному чему-то, благоговѣйному, вызывалъ у мужчинъ Бейзымъ своимъ ростомъ и своимъ атлетическимъ сложеніемъ. Привѣтливо кланяясь во всѣ стороны, Магдалина съ волнующимъ, новымъ чувствомъ наблюдала высокія прически гитанъ съ воткнутымъ большимъ черепаховымъ гребнемъ, отмѣчая полудикую природную грацію этихъ обитательницъ пещеръ, отмѣчая ихъ искусство владѣть вѣеромъ.

Эти цвѣтные, прозрачные на солнцѣ вѣера, своимъ непрерывнымъ мельканіемъ напоминали трепетаніе крылышекъ гигантскихъ мотыльковъ. Дѣти тоже обмахивались вѣерами. Гитаны, еще не умѣя говорить, уже умѣютъ владѣть вѣеромъ и кастаньетами, умѣютъ румянить лицо и подводить рѣсницы.

Король, какъ и подданные его, жилъ въ пещерѣ. Она только была обширнѣе другихъ, чище, комфортабельнѣй. Богатое убранство носило восточный характеръ. Обиліе ковровъ, низкихъ тахтъ, драпировокъ, густо расшитыхъ золотомъ, мавританской посуды и утвари — благородно потускнѣвшее отъ дыханія времени серебро, сплошь испещренное арабесками. Было оружіе, были кривые кинжалы и сабли съ драгоцѣнными рукоятками, шлемы и кольчуги, помнившіе еще крестовые походы.

Магдалина заинтересовалась вышивками гаремныхъ женщинъ, а Бейзымъ такъ и зажегся весь любительской горячкой при видѣ старинныхъ клинковъ.

— Дивная коллекція, дивная! — повторялъ онъ, вынимая изъ ноженъ гибкую сталь, покрытую золотыми письменами изрѣченій Корана.

Магонъ снялъ со стѣны кольчугу.

— Вотъ чѣмъ дѣйствительно могу похвастать! Другой такой кольчуги вы не найдете! Нигдѣ! Даже въ королевской армаріи въ Мадридѣ! Она вѣситъ менѣе, чѣмъ одно кило и вы можете зажать ее въ рукѣ...

И, въ самомъ дѣлѣ, эта изъ мельчайшихъ звеньевъ металлическая рубашка исчезла, когда Бейзымъ, не вѣря глазамъ, зажалъ ее въ своей горсти.

— Кольчугу, которую можно въ карманѣ носить...

— Да, кольчугу, которую можно носить въ карманѣ — повторилъ Магонъ — я положу ее въ замшевый мѣшочекъ и вы спрячете эту кольчугу въ карманъ... —

встрѣтивъ недоумѣвающій взглядъ гостя, хозяинъ пояснилъ: — на память обо мнѣ...

— Ни за что! — воскликнулъ Бейзымъ — вы дѣлаете мнѣ такой подарокъ?...

— Вы сдѣлали мнѣ еще большій подарокъ: вы подарили мнѣ жизнь! Вы не думайте, что я ограничусь этой кольчугой! Вы возьмете еще изъ этой коллекціи кинжалъ и саблю, которые вамъ понравятся. Никакихъ протестовъ, мосье Бейзымъ, никакихъ! Я и слышать ничего не желаю! Въ этомъ домѣ одна воля, — воля хозяина. Гости должны ей безпрекословно повиноваться... — улыбнулся Магонъ очаровательной, обезоруживающей улыбкой.

— Но позвольте!.. Разрѣшите же мнѣ...

— Разрѣшаю только одно — самое слѣпое повиновеніе. Но кольчуга, кинжалъ и сабля, это еще не все — съ этими словами цыганскій король подошелъ къ шкапчику изъ чернаго дуба, открылъ окованную желѣзомъ дверцу и въ тонкихъ пальцахъ сверкнуло что-то, оказавшееся перстнемъ съ маленькой полуистертой золотой монетою.

— Когда персидскія полчища наводнили Армянское царство, вся армянская казна, вся золотая наличность народная была ограблена Персами. Такихъ монетъ уже не найти больше ни у одного нумизмата и даже въ Британскомъ музеѣ. Эта, которую вы сейчасъ видите — вторая! Первая переходитъ у насъ изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ родоначальника династіи. Вторую же вы, мосье Бейзымъ, отнынѣ будете носить на своемъ пальцѣ. Куда бы васъ не забросила судьба, гдѣ только есть цыгане здѣсь ли въ Испаніи, во Франціи, въ Венгріи, Румыніи, въ Россіи, въ Литвѣ, Польшѣ — все равно, — стоитъ любому цыгану увидѣть этотъ перстень, онъ сдѣлаетъ для васъ все возможное, и даже все невозможное и не колеблясь, пожертвуетъ собственной жизнью. Ваши желанія, вашъ приказъ будутъ соотвѣтствовать моему королевскому приказу, ибо, лицо, обладающее этимъ перстнемъ является какъ-бы моимъ намѣстникомъ. Больше, чѣмъ намѣстникомъ, — моимъ вторымъ я! Затаивъ дыханіе, слушали Магдалина и Бейзымъ. И вся вдохновенная фигура Магона, и этотъ перстень, обладающій магической силою для таинственнаго племени, разсѣяннаго по всему міру, и богатое восточное убранство дворца-пещеры, все

создавало настроеніе какой-то жуткой средневѣковой баллады, какой-то волшебной сказки на яву.

И не давая гостямъ опомниться, боясь новыхъ возраженій, Магонъ закончилъ: — но, такъ какъ, мосье Бейзымъ, ваша рука превосходитъ размѣры обыкновенныхъ человѣческихъ рукъ, то я сейчасъ же прикажу мастеру увеличить ободокъ. Это онъ сдѣлаетъ, пока мы будемъ бесѣдовать...

Магону было лѣтъ тридцать, не болѣе, но изъ его темныхъ миндалевидныхъ глазъ, смотрѣли вѣка, а можетъ быть и тысячелѣтія. И этотъ взглядъ и еще неуловимое что-то внушали Бейзыму и его женѣ вѣру, что передъ ними дѣйствительно цыганскій король, а не глава нѣсколькихъ сотъ гитанъ и гитаносовъ, выдолбившихъ свои жилища въ этихъ скалахъ. Нельзя было не вѣрить ему. Да, онъ потомокъ древней династіи. Да, разсѣянные по бѣлу-свѣту цыгане чтятъ въ немъ и видятъ своего вождя, своего монарха. Не возбуждало сомнѣнія и не казалось рисовкою, что цыгане готовы умереть за того, кто покажетъ имъ перстень съ золотой монетой.

— Какъ, есть у васъ мастеръ, могущій исполнить ювелирную работу? — спросилъ послѣ нѣкоторой паузы гость.

— О въ этомъ отношеніи мы избалованы! У васъ, не у васъ лично, а у европейцевъ, вообще укоренилось понятіе, что цыгане — лѣнтяи и воры! Любовь къ свободѣ принимаютъ за лѣнь, что же касается воровства... Мосье Бейзымъ, увѣряю васъ, что въ процентномъ отношеніи количество воровъ у бѣлыхъ европейскихъ народовъ едва ли таковому уступаетъ въ малочисленномъ цыганскомъ племени. Правда, ваши польскіе и русскіе цыгане иногда питали слабость къ чужимъ лошадямъ, но больше изъ спортивнаго чувства, нежели изъ грабительскихъ инстинктовъ... Моя мечта и въ то же время долгъ, долгъ правителя, объѣхать всѣхъ цыганъ, живущихъ на востокѣ отъ Германіи и бывшей Австріи. По традиціи каждый цыганскій король обязанъ хотя разъ въ жизни совершить такой объѣздъ своихъ подданныхъ. Что касается Россіи, то я повременю, пока тамъ установится другой, вмѣсто большевистскаго, режимъ. Я вовсе не хочу рисковать жизнью, тѣмъ болѣе короли и даже такой скромный, какъ вашъ покорный слуга, цыганскій король, тамъ не въ фаворѣ. Кстати, разъ уже мы коснулись

большевиковъ, знаете, мосье Бейзымъ, кому вы тогда въ Севильѣ превратили физіономію въ кровавое мѣсиво? Это мнѣ донесъ сегодня одинъ изъ моихъ цыганъ. Самому Ценобіо! Вамъ, иноземцу, это имя ничего не говоритъ. У насъ же въ Испаніи этотъ Ценобіо — звѣзда первой величины! Знаменитость! Грозный, неуловимый атаманъ шайки бандитовъ. Онъ такъ популяренъ, что единственные его соперники въ этомъ отношеніи — матадоры. Ценобіо желалъ похитить меня, но благодаря вамъ — я на свободѣ, а онъ лежитъ съ забинтованной физіономіей. И мнѣ и вамъ, обоимъ надо быть на чеку. Люди изъ шайки Ценобіо пожелаютъ намъ отомстить. Я уже принялъ мѣры, да и вамъ совѣтую беречься. Случись съ вами что нибудь, не дай Богъ, это было бы для меня величайшей трагедіей!.. Но мы сейчасъ позовемъ мастера, чтобы вы могли покинуть мой домъ уже съ кольцомъ на рукѣ...

Магонъ ударилъ въ ладоши. Появился одинъ изъ тѣхъ, кого Мунцъ окрестилъ „мексиканскими бандитами".

— Позови-ка мнѣ Порро — и тотчасъ же Магонъ обратился къ гостямъ — да, если-бъ кругомъ вымерло все — портные, хлѣбопеки, сапожники, каретныхъ дѣлъ мастера, если бы не стало вышивальщицъ, кружевницъ, повивальныхъ бабокъ, врачей, мы бы не замѣтили этого! У насъ все свое.

— Даже врачи? — усумнилась Магдалина.

— Старая гитана Идресилья заткнетъ за поясъ цѣлую дюжину дипломированныхъ врачей. Она универсальна! Лѣчитъ всѣ болѣзни и съ одинаковымъ неизмѣннымъ успѣхомъ. Тѣхъ, кто былъ приговоренъ къ смерти и тѣхъ, у изголовья которыхъ опускались руки медицинскихъ свѣтилъ, тѣхъ самыхъ вылѣчивала наша Идресилья.

— Вотъ бы увидѣть ее! — въ одинъ голосъ воскликнули Бейзымъ и его жена.

— Я вамъ непремѣнно покажу ее! Это наша гордость. У насъ двѣ гордости — Идресилья и ея правнучка Антонія, пятнадцатилѣтняя гитана, первая плясунья во всей Испаніи. Сегодня вечеромъ — я не пущу васъ до вечера — Антонія спляшетъ намъ... Ея кавалеромъ будетъ ея дѣдъ. Онъ сейчасъ на покоѣ, но его имя гремѣло по всей Европѣ. Онъ выступалъ съ такими ослѣпительными звѣздами, какъ Отерро и Гуэреро, выступалъ въ Парижѣ, въ Москвѣ, Петербургѣ, въ Лондонѣ. Старику есть чѣмъ

помянуть свою молодость. Вы увидите его... Красивымъ онъ никогда не былъ, но женщины съума сходили по немъ... А, Порро! Пойди-ка сюда! — обратился Магонъ къ маленькому невзрачному, волочившему ногу гитаносу неопредѣленнаго возраста, — видишь этого сеньора? Чтобы черезъ полъ часа это кольцо было ему по рукѣ! Смотри же, не ударь лицомъ въ грязь! Порро съ изумленіемъ глядѣлъ на гиганта, спасшаго жизнь его королю. Но изумленіе колченогаго мастера еще больше выросло, когда онъ попытался снять мѣрку съ Бейзымова пальца. Порро имѣлъ въ карманѣ цѣлую коллекцію желѣзныхъ кружочковъ, но и въ самый большой нельзя было втиснуть палецъ королевскаго гостя. Порро съ безпомощнымъ, чрезвычайно комическимъ видомъ смотрѣлъ на Магона, какъ бы ища у него совѣта и помощи. При этомъ бѣдняга забормоталъ что-то...

— Знаете, мосье Бейзымъ, — смѣясь переводилъ Магонъ, — что говоритъ Порро? На своемъ вѣку онъ смастерилъ нѣсколько тысячъ колецъ, но такая рука еще не попадалась ему ни разу. Единственный выходъ, по моему, дайте ему на нѣсколько минутъ ваше обручальное кольцо...

Бейзымъ снялъ кольцо. Порро одобрительно закивалъ головой.

9. ИЗЪ ПОЛУТЕМНОЙ УЗКОЙ ЩЕЛИ.

Русско-польскіе евреи, выходцы изъ Германіи, это въ большинствѣ случаевъ — зоны, берги, штейны, маны, — Лейбзоны, Вавельберги, Зильберманы, Купферштейны. Совсѣмъ другія фамиліи, болѣе благозвучныя и менѣе прозаическія, быть можетъ, потому что онѣ чужды Европейскому духу — фамиліи такъ называемыхъ „эспаньоловъ"; мѣстожительствомъ своимъ послѣ того, какъ Испанія изгнала ихъ отъ себя, избравшихъ Балканскій Полуостровъ и побережье Малой Азіи, населенное греками, турками и левантинцами. Типичныя для эспаньоловъ фамиліи — Башіаччи, Мэдина, Калебъ, Бимбасадъ, Азулаи, Абарбанэль. Семья Калебовъ процвѣтала въ Константинополѣ, играя видную роль изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ мѣстной масонской ложѣ Великаго Востока. Мэдина обосновались въ Сербіи. Династія Абарбанэлей извѣстна вліяніемъ и богатствомъ своимъ въ Смирнѣ.

Родъ Башіаччи въ теченіи трехъ вѣковъ былъ вѣренъ Салоникамъ. Начали съ мѣняльной лавки. Это не была даже лавка, это была узкая полутемная щель, безъ оконъ. Днемъ свѣтъ проникалъ съ набережной въ раскрытую дверь.

Татуированные матросы всѣхъ націй и странъ одинаково шумные, пьяные, щедрые, мѣняли здѣсь египетское, турецкое, русское, англійское и американское золото, получая вмѣсто него, сначала бумажныя турецкія лиры, а потомъ, когда Салоники присоединились къ владѣніямъ царя Константина — засаленныя греческія драхмы.

И такъ изъ года въ годъ, изъ одного десятилѣтія въ другое накапливалось международное золото, съ мягкимъ звономъ, непрерывнымъ потокомъ вливавшееся въ узкую полутемную щель.

Уже Башіаччи по праву считались одной изъ богатѣйшихъ банкирскихъ династій въ Европѣ. Уже отецъ Изы, называвшійся почему-то Адольфомъ, покрылъ двѣнадцать государствъ паучьей сѣтью своихъ банковъ, уже онъ имѣлъ въ Берлинѣ, въ Парижѣ и Вѣнѣ собственные дворцы, въ Салоникахъ восхищавшую иностранцевъ мраморную виллу, — а полутемная щель продолжала свои мѣняльныя операціи. Будь воля отца Изы, онъ давно ликвидировалъ-бы эту грязную лавченку, давно уже компрометирующую его свѣтлые, обширные, съ зеркальными витринами банки съ цѣлой арміей вылощенныхъ директоровъ, кассировъ, бугалтеровъ. Но семидесятилѣтній дѣдъ Изы, старый сѣдобородый Исаакъ Башіаччи заявилъ и дѣтямъ, и внукамъ:

— Я тамъ выросъ, тамъ я и умру!..

И въ то время, какъ въ двѣнадцати государствахъ „Домъ Башіаччи“ ежедневно совершалъ многомилліонныя сдѣлки, старый Исаакъ въ мѣховой шапкѣ и въ длинномъ халатѣ, словно сошедшій съ одного изъ Амстердамскихъ портретовъ Рембрандта, высохшими, дрожащими пальцами мѣнялъ въ своей щели деньги шумливымъ, горластымъ матросамъ, спѣшившимъ прямо со своихъ кораблей кутнуть въ Салоникскихъ вертепахъ. Исаакъ Башіаччи не изъ жадности, нѣтъ, а по привычкѣ обсчитывалъ буйныхъ мореплавателей, выдавая вмѣсто фунтовъ, франковъ и долларовъ узенькія и длинныя бумажныя полоски греческихъ драхмъ.

Иза воспитывалась въ Парижѣ, если можно было назвать воспитаніемъ жизнь въ міровомъ, полномъ соблазновъ городѣ, самостоятельную жизнь четырнадцатилѣтней дѣвченки вмѣстѣ съ красивой гувернанткой. Мадамъ Пишо, вдова колоніальнаго офицера, на самомъ дѣлѣ никогда не существовавшаго, многому научила свою не по годамъ физически развитую воспитанницу. Она ее водила по всѣмъ Монмартскимъ кабачкамъ и такимъ, гдѣ входъ открытый для улицы и такимъ, гдѣ пускаютъ лишь свою, профильтрованную публику. Иза съ мадамъ Пишо была и въ кафе „Морисъ", которое посѣщается женщинами, одѣтыми по-мужски и мужчинами въ дамскихъ туалетахъ, въ кружевахъ и брильянтахъ.

Пройдя монмартрскую школу, Иза научилась легко и свободно смотрѣть на любовь.

Въ Парижскомъ отдѣленіи отцовскаго банка она получала ежемѣсячно двадцать тысячъ франковъ, и не мудрено, что нѣкоторыя лесбіянки, сдѣлавшія себѣ изъ однополой любви ремесло, охотились за юной банкиршей. Юная банкиресса брала лесбіянокъ, однѣхъ изъ любопытства, другихъ по увлеченію, съ тѣмъ, чтобы въ одинъ прекрасный день измѣнить съ „ударившимъ ее по нервамъ" мужчиной. Въ шестнадцать лѣтъ она знала, что такое ѣздить послѣ ночного кутежа на бойню смотрѣть, какъ рѣжутъ быковъ, и пить густую теплую бычачью кровь. Она знала по опыту, знала что такое морфій и кокаинъ...

Въ это время Изой былъ написанъ порнографическій романъ.

Ни одинъ издатель не рѣшился поставить на желтенькой обложкѣ свою фирму. Иза выпустила его на свой счетъ. Романъ произвелъ впечатлѣніе скандала. Хорошо оплаченныя перья до небесъ расхваливали книгу. У Изы закружилась голова. Ее потянуло на сцену, потянуло не искусства ради, нѣтъ, а чтобы публично обнажить свое худое, длинное тѣло съ мальчишеской, едваедва намѣченной грудью.

Она училась дикціи у Сарры Бернаръ. Пластики и танцамъ у Фокина, для чего прожила нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ.

Иза сочинила для себя пьесу „Иродіада", такую-же порнографическую, безстыдную, какъ и ея романъ, пьесу неслыханной, небывалой кощунственности.

Постановка, бутафорія, костюмы, оплата драматическихъ и балетныхъ артистовъ — все удовольствіе обошлось банкирскому дому Башіаччи въ полмилліона франковъ. Выведенный изъ терпѣнія отецъ заявилъ своей дочери:

— Милая моя, довольно съ меня этихъ выступленій! Ты меня компрометируешь, публично показаваясь голой. Въ твою частную жизнь я не вмѣшиваюсь, дѣлай, что хочешь, но я не желаю, чтобы каждый болванъ съ улицы, взявшій билетъ за нѣсколько франковъ, могъ видѣть, какъ раздѣвается моя дочь, моя, Адольфа Башіаччи!... Тебѣ очень нужны подмостки? Займись... ну хотя-бы политикой. Это гораздо солиднѣй, и гораздо болѣе идетъ дочери одного изъ крупнѣйшихъ международныхъ банкировъ, чѣмъ выставлять свои голыя ноги въ театрѣ...

Самъ Адольфъ Башіаччи въ политикѣ зубы съѣлъ. Не только въ прямомъ, но и въ переносномъ значеніи слова. Въ верхней челюсти у него было пять золотыхъ зубовъ, въ нижней — четыре платиновыхъ. И всѣ они и золотые и платиновые и свои собственные были мокрые, когда улыбался Адольфъ Башіаччи. Но не все-ли ему равно, если этой улыбки съ трепетомъ ждали шикарнѣйшія красавицы. Ту, которая имѣла счастье приглянуться ему, онъ осыпалъ золотымъ дождемъ, тѣхъ франковъ, фунтовъ и долларовъ, что въ теченіи многихъ лѣтъ протекали звѣнящей струею сквозь полутемную узкую щель въ родныхъ Салоникахъ.

Да, отецъ Изы въ политикѣ съѣлъ не только зубы, но и, какъ говорится, собаку. Въ Салоникскомъ отдѣленіи масонской ложи Адольфъ Башіаччи былъ первымъ лицомъ. Вообще же въ міровомъ масонствѣ занималъ такую высокую степень, передъ которой казались ничтожными маріонетками масоны типа и ранга Ленина, Троцкаго, Зиновьева и всей остальной большевистской своры.

Въ Салоникскую ложу, какъ и во всѣ остальныя ложи сходились члены заговорщики могущественной полутайной, полу-явной организаціи, сходились не въ черныхъ плащахъ съ капюшонами и не въ маскахъ, а въ самыхъ прозаическихъ пиджакахъ, съ той лишь разницей, что греки и турки„ засѣдали“ въ фескахъ евреи въ шляпахъ. Фесокъ было очень мало, а шляпъ очень много. Шляпы были господами положенія, фески лишь допускались и терпѣлись, дабы никто не смѣлъ сказать, что всѣ масоны — сплошь одни только евреи.

Бывали засѣданія исключительной важности и особо секретнаго характера. На эти засѣданія греко-турецкія фески не допускались. На этихъ засѣданіяхъ Башіаччи еще въ бытность свою молодымъ человѣкомъ, еще за много лѣтъ до скандальной Парижской эпопеи его Изы, говорилъ блестя въ мокрой улыбкѣ золотыми и платиновыми зубами:

— Три врага у насъ, которымъ мы должны объявить войну, безпощадную, жестокую, на истребленіе! Это: Православіе, Католицизмъ и Исламъ. Да, да Исламъ! — повторилъ Башіаччи, встрѣтивъ нѣсколько недоумѣвающихъ взглядовъ. — Мусульмане насъ ненавидятъ! Они сильны своею сплоченностью, сомкнутыми рядами своихъ фалангъ подъ зеленымъ знаменемъ своего пророка. Они сильны своей вѣрностью Халифу. Мы должны растоптать зеленое знамя, а Халифомъ сдѣлать слабоумнаго идіота. Растлѣвъ Исламъ, мы примемся за Россію, символизирующую православіе. Когда мы перегрыземъ глотку этому колоссу на глиняныхъ ногахъ, тогда мы штурмомъ возьмемъ Ватиканъ...

Такъ рѣшена была въ турецкихъ Салоникахъ испанскимъ евреемъ Башіаччи революція въ Отоманской Имперіи. Онъ, Башіаччи, субсидировалъ младотурецкое движеніе. Артиллерійскій капитанъ Энверъ, и маленькій почтово-телеграфный чиновникъ Талаатъ были его вѣрными агентами. Онъ сулилъ имъ:

— Я возвеличу васъ, если вы будете повиноваться и слушать меня. Я сильнѣе вашего Абдулъ-Хамида, сидящаго на деревянномъ тронѣ, обитомъ плюшемъ, или бархатомъ, не знаю чѣмъ, да и не хочу знать. Я же возсѣдаю на золотомъ тронѣ и поэтому сильнѣе не только Абдулъ Хамида, но и всѣхъ остальныхъ монарховъ!...

И дѣйствительно Абдулъ-Хамидъ, властолюбивый самодержецъ, скатился кубаремъ съ деревяннаго трона, обитаго бархатомъ, а слабоумный идіотъ-алкоголикъ былъ провозглашенъ султаномъ. Подъ алыми феской младотурокъ было гораздо больше курчавыхъ еврейскихъ головъ, чѣмъ турецкихъ. Заколебалось гордое знамя Пророка. Для Ислама наступили тревожныя сумерки...

* * *

Слѣдуя совѣту почтеннаго родителя своего, Иза Башіаччи забыла и порнографическій романъ, и кощунствен-

ную пьесу и публичныя обнаженія, столь компрометирующія банкирскій домъ Башіаччи и съ такимъ же темпераментомъ, съ какимъ раньше сочиняла непристойныя вещи и плясала нагая, — ударилась въ политику.

Но темпераментъ, вообще, какъ таковой самъ по себѣ, а подливала масла въ огонь еще и ненависть жгучая, ненависть страстной, увлекающейся еврейки, ненависть къ Россіи за настоящее, къ Испаніи — за прошлое и, почемъ знать, быть можетъ къ другимъ какимъ-либо странамъ, — за будущее.

Честолюбивая, тщеславная Иза всегда стремилась къ первымъ ролямъ. Всегда! Не повезло въ литературѣ, не повезло въ театрѣ — тамъ и тамъ необходимъ талантъ, — повезло въ политикѣ, закулисной, темной политикѣ, гдѣ вовсе не нужно особенныхъ талантовъ, чтобы творить зло, уничтожать, убивать и гдѣ талантъ съ успѣхомъ замѣняется твердой, сильной, не брезгающей ничѣмъ волею и большими деньгами.

Вотъ почему Бейзымъ весьма и весьма недалекъ былъ отъ истины, передавая женѣ ходившіе по Совдепіи слухи, что телеграммы „Замшевой Берты" имѣли значеніе для Кремлевской шайки, едва-ли не высочайшихъ телеграммъ.

Если вдуматься хорошенько, то право же не могло быть иначе. За спиною „Замшевой Берты" стоялъ ея отецъ, массонъ высокой степени и такой же высокой степени милліардеръ, шутка-ли сказать, свалившій Абдулъ-Хамида и далеко не безучастный въ сверженіи Николая II. Конечно, и въ его глазахъ и въ его рукахъ такіе еврейчики-проходимцы, какъ Бронштейнъ-Троцкій, Апфельбаумъ-Зиновьевъ, Нахамкесъ-Стекловъ и остальные вершители судебъ Россіи были пѣшками и только пѣшками! Башіаччи и десятокъ другой такихъ же Башіаччи называвшихся Мендельсонами, Ротшильдами, Шиффами, Спеерами, Сассунами, могъ отдать Россію Нахамкесамъ, Бронштейнамъ и Апфельбаумамъ на грабежъ и на полное уничтоженіе. Но эти же самые члены тайнаго еврейскаго правительства участники всемірнаго великаго заговора могли въ любой моментъ отозвать Нахамкеса и Бронштейна и рабоче-крестьянская власть и двадцати четырехъ часовъ не продержалась бы.

Но не въ интересахъ заговорщиковъ было отозвать Нахамкесовъ и Бронштейновъ изъ великой, повергнутой

во прахъ, но еще не окончательно обезкровленной, добитой и ограбленной страны. Не въ интересахъ! Наоборотъ главный лондонскій раввинъ публично совершалъ торжественное моленіе о благоденствіи большевистской власти, горячо доказывая, что всякая другая власть была-бы менѣе выгодна для евреевъ. Разумѣется, духовный глава всѣхъ англійскихъ евреевъ не посмѣлъ-бы выступить за свой собственный рискъ и страхъ. Конечно, онъ былъ только рупоромъ, разносившимъ по Лондонской синагогѣ и по всему свѣту слившіеся во едино голоса Башіаччи, Сассуновъ, Спееровъ, Мендельсоновъ и Ротшильдовъ.

За два мѣсяца до выступленія раввина, въ рукахъ Изы Башіаччи уже имѣлся текстъ моленія и она даже внесла въ него кой-какія стиллистическія поправки.

10. О ЧЕМЪ ГОВОРИЛИ ПОСЛѢ ЗАВТРАКА.

Послѣ завтрака чувственный скульпторъ отправился въ номеръ, къ немолодой уже, но весьма эксцентричной американкѣ лѣпить съ нея статуэтку за довольно крупную сумму долларовъ. Иза, Танечка и Мунцъ поднялись въ тотъ самый салонъ, гдѣ дочь Адольфа Башіаччи принимала доклады своего секретаря.

Танечка, сверхъ всякой мѣры отягощенная ѣдою, закурила папиросу, плюхнулась на диванъ и тотчасъ же сладко уснула, безмятежно похрапывая. Озабоченная подруга даже не пощекотала Танечку павлиньимъ перомъ. Изѣ сейчасъ было не до Танечки и не до павлиньихъ перьевъ.

— Я простить себѣ не могу, — тихо, съ накипѣвшимъ гнѣвомъ жаловалась Иза Мунцу — простить не могу! Тогда, въ Одессѣ онъ былъ въ моихъ рукахъ, въ моей власти. Но съ нимъ церемонились, какъ съ поляком. Глупѣйшія церемоніи! Если бы его разстрѣляли, онъ не убѣжалъ бы и не причинилъ бы намъ столько вреда. Серьозно, Мунцъ, я начинаю болѣть, именно болѣть проклятымъ Бейзымомъ этимъ! Онъ сидитъ у меня въ нервахъ и не даетъ покоя и я до тѣхъ поръ не выздоровѣю, пока...

— Пока не заболѣетъ онъ? — подхватилъ Мунцъ съ хитрой улыбочкою.

— Вамъ смѣшно, человѣкъ съ холодной рыбьей кровью, а я вся горю, горю жаждой мести!... Слушайте,

Мунцъ, вѣдь, онъ же такъ близко, до сумасшествія близко! — и вздрагивали ноздри хищнаго носа, а обычно такіе холодные змѣиные глаза метали гнѣвныя искры...

Мунцъ опять улыбнулся, теперь уже какъ-то загадочно...

— Что за идіотская манера, Мунцъ! Спрячьте вашъ носъ! Онъ меня раздражаетъ!

Мунцъ, потрогавъ свой бѣлый носъ — не уменьшится ли послѣ прикосновенія? — замѣтилъ:

— А моя комната рядомъ съ ними.

— Что же изъ этого?

— Что же изъ этого? У насъ общая стѣна. Въ этой стѣнѣ дверь, а въ двери — замочная скважина... — сдѣлавъ маленькую паузу Мунцъ продолжалъ, — а въ потайномъ отдѣленіи моего чемодана имѣется связка всевозможныхъ ключей и отмычекъ. Право, эта коллекція способна однимъ видомъ своимъ возбудить любительскій восторгъ всѣхъ отельныхъ крысъ, вмѣстѣ взятыхъ. Вамъ не надо пояснять, что такое отельная крыса?... Джентльмены въ черномъ трико, проникающіе...

— Мунцъ, это для дѣтей младшаго возраста. Замочная скважина, отмычки... дальше?

— А дальше — это! — и Мунцъ показалъ сигарное колечко.

— Не совсѣмъ понимаю...

— Сейчасъ! Видите золотомъ по красному фону „Педро-Муріасъ“. Большія четырехъ-вершковыя „Педро-Муріасъ“ — любимыя сигары нашего друга. Догадываетесь?...

Иза молча кивнула.

— Мой планъ — быстрота и натискъ! Почтенные супруги отправились въ гости къ его величеству королю всѣхъ цыганъ. Тутъ же на Плацца Аламэда, — изъ окна видѣнъ, — магазинъ табаку и сигаръ. Я покупаю ящикъ такихъ же самыхъ четырехъ-вершковыхъ „Педро-Муріасъ“ и для вкуса и аромата сдѣлаю имъ маленькое втираніе почти незамѣтной пыли. Это не порошокъ, а пыль...

— Я и забыла — вы фармацевтъ и должны кое-что смыслить въ этихъ вещахъ.

— Извиняюсь! Во первыхъ, я не фармацевтъ, а провизоръ — обидѣлся Мунцъ — это большая разница, а во-вторыхъ, я прослушалъ два курса медицинскаго факультета въ Кіевѣ.

— Дальше?

— А дальше — ясно, какъ день! Если я найду у Бейзыма ящикъ съ сигарами, что весьма возможно, я ихъ подмѣню своими. Если же я не найду ящика, я забуду на столѣ парочку своихъ сигаръ. Благословляете?

— Благословляю, но...

— Но — будьте осторожны?... Что? Не такъ-ли? О, я изучилъ свою патронессу!.. Будьте спокойны, Мунцъ не такъ глупъ! Сначала самая тщательная развѣдка, сначала всѣ шансы за и противъ и лишь тогда... Но нельзя терять ни секунды. Бѣгу туда, гдѣ написано большими буквами „Tabacos“.

— Мунцъ, я вамъ совѣтую прогуляться куда-нибудь подальше за этими сигарами. Тѣмъ болѣе, у васъ такой громадный носъ, вы такой весь блѣдный, восковой, что запоминаетесь. Особенно же на фонѣ брюнетистыхъ испанокъ и испанцевъ. Купите два ящика въ двухъ разныхъ магазинахъ, одинъ раскрытый и начатый долженъ быть у васъ въ номерѣ... Сами же вы кажется курите только однѣ папиросы?

— Да! Сигары для меня слишкомъ наркотическое удовольствіе.

— Скажите! Вотъ нѣжности! Подумаешь, какой хрупкій организмъ! Стыдитесь! Я, женщина, курила крѣпкія какъ уголь Манильскія сигары, и — ничего!

— Вы? Вы? — переспросилъ Мунцъ — такъ вы же не человѣкъ, а стальная пружина! Я не встрѣчалъ женщины, болѣе выносливой и съ болѣе крѣпкими нервами. Что такое для васъ какія-то Манильскія сигары? Что? — вопрошалъ Мунцъ не безъ лести, заканчивая мысленно фразу: „что для тебя Манильскія сигары, если тебя не берутъ ни кокаинъ, ни морфій, ни крѣпчайшій кальвадосъ, отъ котораго обалдѣваютъ матросы и который твоя милость умѣетъ хлестать большими рюмками?..“

— Помните же, Мунцъ, именно такъ: въ двухъ магазинахъ. И если вы не рисуетесь, а и въ самомъ дѣлѣ не выносите сигаръ, то, по крайней мѣрѣ хоть притворяйтесь! Зажигайте, дымите!...

— Хорошо. Я таки начну дымить — покорно согласился Мунцъ — но я восхищенъ, честное слово! Вы Шерлокъ Холмсъ въ юбкѣ. Двадцать Шерлоковъ Холмсовъ!

— Въ двадцати юбкахъ, добавьте! — улыбнулась Иза, — Мунцъ, вы сегодня галантны, какъ версальскій маркизъ.

— Что значитъ галантны? Я только справедливъ! Вообще я... я... но вы же знаете... вы только не даете мнѣ высказаться...

— Зачѣмъ? Все равно вашей любовницей я никогда не буду. Я не терплю мужчинъ съ такими носами, какъ вашъ...

— Жаль, очень жаль — набираясь отваги и розовѣя началъ Мунцъ, — а я, наоборотъ, знаю женщинъ, которыя предпочитаютъ мужчинъ съ большими носами.

— Тѣмъ лучше для васъ, Мунцъ, — сухо отвѣтила Иза — однако, вы сами дорожите временемъ... Дѣйствуйте!...

Въ дверяхъ Мунцъ столкнулся со Спееромъ, милостиво подавшимъ ему два пальца.

— Представьте, я задержался въ Мадридѣ, опоздалъ на экспрессъ и долженъ былъ ѣхать почтовымъ, — докладывалъ Изѣ маленькій Спееръ, весь такой коротенькій, съ круглымъ бритымъ лицомъ. Большіе круглые роговые очки сообщали этому лицу что-то совиное. Сходство усугублялось короткимъ носомъ, заостреннымъ у самаго кончика. Единственная острая точка, на мягкомъ расплывчатомъ лицѣ. Встрѣчаются такія добродушно комическія совы, плотно позавтракавшія болотной лягушкой или зайченкомъ.

Вынувъ изъ грудного пиджачнаго кармана шелковый платочекъ и глядя на Изу косымъ глазомъ изъ подъ очковъ, Спееръ принялся основательно вытирать вспотѣвшую, низко остриженную голову.

— Ну-съ, милостивый государь, чѣмъ вы можете похвастать?! Видѣли въ Парижѣ Скобелева?

— Вопросъ! Я обѣдалъ съ нимъ у Лярю. Представьте себѣ, онъ совсѣмъ, совсѣмъ не говоритъ по-французски.

— И очень хорошо дѣляетъ! Скобелевъ глупъ, хотя мошенникъ, но развѣ не бываетъ глупыхъ мошенниковъ? Когда онъ говоритъ съ французами черезъ переводчика, тотъ скрадываетъ его глупость. Итакъ налаживается признаніе Франціей совѣтской Россіи?...

— Налаживается! Я говорилъ съ Мандлемъ, Блюмомъ и съ Пти. Я ихъ убѣдилъ.

— Чѣмъ? Вы знаете, что въ вашъ ораторскій талантъ я плохо вѣрю.

— А въ мою чековую книжку? — лукаво подмигнулъ Спееръ.

— А, это совсѣмъ другое дѣло.

— Ну, такъ чего же вы хотите? Я не жалѣлъ денегъ! Чего я не пожалѣю ради васъ...

— Ради меня? Спееръ, это мелкая, притивная обывательщина. Идея, слышите, идея! При чемъ же я?...

— Ну, хорошо, пусть будетъ идея — уныло выдавилъ изъ себя Спееръ и насторожился, услышавъ похрапываніе Танечки. — А я думалъ, что мы вдвоемъ...

— А мы втроемъ! И пожалуйста, Спееръ, никакихъ гримасъ, никакихъ сценъ, а то я васъ выгоню вонъ!

— Ну, хорошо, хорошо, я больше не буду! — и маленькій кругленькій человѣчекъ, поработавшій и не безъ успѣха надъ тѣмъ, чтобы Франція признала совѣтскую банду, умильно заискивающе поджалъ хвостъ, какъ провинившаяся собаченка.

II. ВОЛШЕБНИЦА ИДРЕСИЛЬЯ.

Когда черезъ нѣсколько минутъ вошла Идресилья, Магдалина и Бейзымъ тотчасъ же убѣдились, что передъ ними древняя, очень древняя старуха. Такая древняя, — даже не опредѣлить ея годы. Можно и девяносто дать, и съ одинаковымъ успѣхомъ сотню съ чѣмъ нибудь лѣтъ. Она сгорбилась. Маленькая голова съ высохшимъ лицомъ, глубоко провалился беззубый ротъ и выдался приросшій къ костямъ подбородокъ. Коричневое лицо — все въ рѣзкихъ морщинахъ. Старая колдунья, баба-яга, да и только! Но у нея, у колдуньи этой глаза были не мутные, не выцвѣтшіе, а яркіе, темные, блестящіе, какъ-будто вся догорающая жизнь немощнаго, высохшаго тѣла съ трясущейся головой ушла въ эти глаза... Идресилья сначала поклонилась Магону, потомъ гостямъ, сложивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ у нея былъ когда-то животъ, свои маленькія, переплетенныя узлами синихъ жилъ руки и ждала, беззвучно шевеля губами.

Магонъ спросилъ Магдалину:

— Какъ она вамъ нравится, наша Идресилья?

— Она восхитительна! Я хотѣла бы имѣть ея фотографію.

— Вы ее получите. Вамъ желательно спросить о чемъ-нибудь Идресилью?

— О, да! Интересно услышать про какія нибудь особенные случаи исцѣленій, создавшихъ ей извѣстность.

Магонъ спросилъ что-то Идресилью на языкѣ гитаносовъ. Кивнувъ головой и не спуская съ Магдалины яркихъ, блестящихъ глазъ своихъ, Идресилья заговорила быстро, быстро, невнятно, шамкающе. И такъ продолжалось минуты двѣ. Кончивъ, она вновь стала жевать провалившимися губами. Даже не губы, а вѣрнѣе маленькая трещина.

— Она говоритъ, — началъ Магонъ, — что когда количество вырванныхъ ею изъ когтей смерти перевалило за двѣсти человѣкъ, всѣмъ дальнѣйшимъ она и счетъ потеряла. Самыми же главными, важными считаетъ два случая. Да не только она. У всей Испаніи это на глазахъ и въ памяти... Когда нынѣ здравствующій Король Его Величество Альфонсъ XIII-ый въ юности своей охотился въ Пиренеяхъ, ядовитая гадюка укусила его за ногу пониже колѣна. Охота прервалась. Его Величество былъ спѣшно доставленъ въ Мадридъ на автомобилѣ. Мѣсто укуса посинѣло, почернѣло зловѣщей чернотой. Лейбъ-медики, собравъ консиліумъ, рѣшили ампутировать ногу. У короля былъ старый преданный камеръ-лакей Пабло Рамирецъ... Едва Его Величество уже въ горячечномъ жару былъ доставленъ во дворецъ, Пабло тотчасъ же помчался въ Гренаду, вернувшись на слѣдующій день уже вмѣстѣ съ Идресильей. И какъ разъ во время! Лейбъ-хирурги уже готовились къ операціи. Идресилья была допущена къ королю. Спустя недѣлю опасность миновала, а еще черезъ недѣлю король уже ѣздилъ по городу, какъ ни въ чемъ не бывало. Идресилья получила въ награду двадцать тысячъ песетъ золотомъ и старинной художественной работы ожерелье, которое когда-то носила Изабелла Аррагонская, а теперь носитъ — она! И умретъ съ нимъ... Идресилья, покажи-ка нашимъ гостямъ подарокъ Его Величества! Глаза Идресильи вспыхнули горделивымъ блескомъ, да и вся она какъ-то загорѣлась вдругъ, выпрямилась, стала больше, и даже что-то величественное озарило весь его обликъ. Медленно развязывала она платокъ на груди и, привычнымъ движеніемъ, производившимъ всегда одинъ и тотъ же эффектъ, отдернула обѣ половины платка. Освѣщенная электричествомъ пещера, — оконъ

ей не полагалось, — засверкала ослѣпительнымъ блескомъ. Это крупные брильянты горѣли на груди старой цыганки. И когда миновало первое ошеломляющее впечатлѣніе этого поистинѣ королевскаго подарка, Магдалина и Бейзымъ подошли вплотную къ Идресильѣ, привлеченные изумительной ювелирной работою историческаго ожерелья Изабеллы Аррагонской.

Магдалина съ обаятельной, какъ-бы спрашивающей позволенія улыбкою, подносила ближе къ глазамъ переливающія огнями звенья брильянтовъ, любуясь ихъ тонкой, почти незамѣтной оправою. Въ этотъ моментъ Идресилья жесткими, узловатыми пальцами схватила нѣжную, выхоленную руку Магдалины, и, повернувъ къ себѣ ладонью, впилась глазами въ сѣть переплетающихся линій, тряся головой и невнятно бормоча себѣ подъ носъ...

Заинтригованная красавица ожидала услышать что-нибудь интересное, волнующее. Это интересное, волнующее Магонъ переведетъ ей. Но Идресилья, кинувъ значительный взглядъ на Магона, съ помрачнѣвшимъ лицомъ выпустила руку Магдалины. Съ тревожнымъ недоумѣніемъ смотрѣла Магдалина то на цыганку, то на Магона.

— Что такое? Что такое? Она прочла на моей рукѣ что-нибудь нехорошее?...

— Не думаю... Вы не удивляйтесь, мадамъ... Она, вообще, съ причудами старуха.

— Но вы все-таки спросите... Она вамъ скажетъ...

Магонъ спросилъ. Гитана отвѣчала. И отъ Магдалины и Бейзыма не укрылось двоякое: во-первыхъ, по мѣрѣ того, какъ говорила цыганка, породистое лицо Магона принимало все болѣе и болѣе смущенное, озабоченное выраженіе. Во-вторыхъ же, эти свои озабоченность и смущеніе онъ хотѣлъ скрыть отъ гостей подъ маскою безпечнаго равнодушія.

— Что она говоритъ? — не терпѣлось Магдалинѣ.

— Ничего особеннаго, мадамъ. Увѣряю васъ, пустяки! Даже, если хотите — банально! Совѣтуетъ беречься какихъ-то людей. Но какая цыганка не совѣтуетъ этого?..

— И больше ничего? — спросилъ Бейзымъ испытующе буравя Магона своимъ тяжелымъ взглядомъ умнаго лѣсного звѣря.

— Больше ничего — отвѣтилъ Магонъ и нерѣшительно дрогнулъ голосъ и, вообще, угадывалась какая-то недоговоренность...

Магдалина притихла. Ея мужъ насупился. Магонъ взглядомъ приказалъ гитанѣ уйти, а самъ съ наигранной улыбкою, желая развѣять овладѣвшее гостями настроеніе, воскликнулъ:

— Сейчасъ, дорогіе гости, я вамъ покажу нашъ маленькій пещерный городокъ, а вечеромъ, когда сядетъ солнце, намъ будутъ плясать Антонія со своимъ дѣдомъ. Любопытный старикъ! Сколько у него воспоминаній! Онъ страшно гордъ, Чикито! Сюда къ намъ каждый вечеръ пріѣзжаютъ американцы, англичане посмотрѣть танцы гитанъ и хотя золота не жалѣютъ, расшвыривая его горстями, но Чикито рѣдко выступаетъ!... Когда самъ этого захочетъ. Надѣюсь, мадамъ, ничего не имѣете противъ такой программы?

— О, мы вамъ такъ благодарны! Это будетъ такъ увлекательно! Совсѣмъ, совсѣмъ особый міръ! — восхищалась Магдалина — кстати, а второй случай?... второй послѣ спасенія Идресильей короля Альфонса?...

— Ахъ, это! Виноватъ, я совсѣмъ забылъ! Второй случай былъ со знаменитымъ матадоромъ Мазантини. Лѣтъ тридцать назадъ красавецъ Мазантини былъ въ расцвѣтѣ своей славы. Во время парадной корриды въ Севильѣ въ первый день Пасхи, Мазантини былъ жестоко израненъ громаднымъ свирѣпымъ міурскимъ быкомъ. Чудовище такъ глубоко прободало ему животъ, что вывалились дымящіяся внутренности. Мазантини былъ замертво унесенъ съ арены. Лучшіе врачи считали его погибшимъ. Вся Испанія приготовилась облечься въ трауръ. Еще-бы! Мазантини былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ странѣ. И вотъ Идресилья шесть недѣль и ночью, и днемъ дежурила у постели Мазантини, лѣчила его какими-то особенными травами, заклинаньями и, въ концѣ концовъ, поставила на ноги... Черезъ мѣсяцъ по выздоровленіи, онъ уже уѣхалъ на гастроли въ Мексику.

— Онъ тоже ее хорошо наградилъ? — съ чисто женскимъ любопытствомъ спросила Магдалина.

— О да! Онъ и по сей день ее не забываетъ...

— Развѣ онъ еще живъ? — удивился Бейзымъ, которому было знакомо имя прославленнаго матадора.

— Живъ! Великолѣпный старикъ... Онъ давно промѣнялъ свою шпагу на депутатское кресло въ парламентѣ. Мазантини образованный человѣкъ. Докторъ математики. Но, такъ какъ почти всѣ ученые голодаютъ въ

Испаніи, то онъ измѣнилъ математикѣ ради тауромахіи. И врядъ-ли раскаивался въ этомъ... Онъ былъ богатъ какъ Крезъ и знаменитъ какъ Колумбъ...

12. ИСПАНСКІЕ ТАНЦЫ.

И замѣтить не успѣли, какъ промчался день.

А вечеромъ наполнился королевскій дворецъ-пещера пестрой, шумной и экспансивной толпою, державшейся, однако, въ такихъ границахъ приличія, — самый строгій блюститель самаго строгаго этикета не подкопался-бы...

Вдоль стѣнъ сидѣли музыканты. Молодые и старые цыгане настраивали свои гитары. Среди танцовщицъ выдѣлялась своею юностью подростка, едва, едва ставшая дѣвушкой праправнучка Идресильи, миніатюрная Антонія. Съ перваго впечатлѣнія, и это было впечатлѣніе Бейзыма — ничего особеннаго, кромѣ свѣжей юности и граціи.

Что же до внѣшности, то кругомъ были гитаны куда болѣе красивыя. А у Антоніи довольно мелкія черты лица, вздернутый носикъ и, — это самое главное — у нея большіе черные глаза съ синеватымъ блескомъ.

Легкое разочарованіе вызвалъ и дѣдъ Антоніи. Сухой старикъ необыкновенной худобы. Эта худоба подчеркивалась узкимъ платьемъ въ обтяжку, — черной до пояса курткой и такими же черными штанами. Отъ колѣнъ книзу они расширялись. Лицо было изрыто оспою. Густые, расчесанные на проборъ пепельно-сѣдые волосы и рябое морщинистое лицо говорили о добрыхъ шестидесяти годахъ знаменитаго танцора. Безпокойные же глаза его, — какіе-то до непріятнаго молодые и блестящіе.

— Неужели онъ могъ имѣть успѣхъ, какъ мужчина? — тихо спросила Магдалина.

Бейзымъ ничего не отвѣтилъ, пожавъ плечами. Ей позже отвѣтилъ самъ Чикито.

Гости забыли, совсѣмъ забыли, что они въ Европѣ. Все здѣсь — настоящій, внѣ всякихъ сомнѣній Востокъ. Не даромъ Бисмаркъ называлъ. Испанію „бѣлой Африкой“. Что-то гаремное въ этихъ томныхъ женщинахъ съ высокими прическами, съ набѣленными и нарумяненными лицами, и съ подведенными глазами, отъ чего большіе, сами по себѣ, эти глаза чудились громадными. И въ мельчайшемъ движеніи и въ томъ, какъ гитаны обмахивались вѣерами, было много полу-дикой, животной гра-

ціи, граціи самокъ, призваніе которыхъ чуть-ли ни съ колыбели нравиться, нравиться тѣломъ и пластикой этого самаго тѣла. Бываютъ некрасивыя гитаны, даже очень некрасивыя, но неграціозныхъ — не бываетъ совсѣмъ. Даже безобразныя, располнѣвшія съ годами старухи, и тѣ чувствуютъ ритмъ своихъ отяжелѣвшихъ формъ, и носятъ ихъ легко и плавно.

Образовалось человѣческое кольцо, а въ немъ очутились Антонія и Чикито. Внучка и дѣдъ, раздѣленные однимъ поколѣніемъ. Они стояли другъ противъ друга и, хотя гитары уже звенѣли что-то тягучее, заунывное, такъ напоминающее выжженую солнцемъ пустыню, однако, ни Антонія, ни Чикито не двигались съ мѣста. Вѣрнѣе, это лишь только казалось такъ, что не двигаются. На самомъ же дѣлѣ танецъ начался, выражаясь въ колебаніи бедеръ и гибкихъ рукъ. Онѣ то подымались, то опускались, какъ живыя змѣи. Да, да, именно что-то змѣиное, упругое и въ то же время мягкое, безкостое было въ этихъ завораживающихъ движеніяхъ рукъ. Сухое, рѣзкое щелканіе кастаньетъ. И не только Антонія и Чикито щелкали черными съ красно-желтыми ленточками кастаньетами, но и всѣ гитаны, обступившія танцующую пару.

Это не были испанскіе танцы, которыми угощаютъ публику въ европейскихъ варьете и шантанахъ. Вѣрнѣе, та акробастика съ непристойными тѣлодвиженіями и закидываніемъ ногъ выше головы, которую приподносятъ полупьяной толпѣ развязныя танцовщицы, полуголыя, въ трико и въ цвѣтныхъ, расшитыхъ блестками тряпкахъ, — не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что видѣли сейчасъ Беізымъ и Магдалина.

Антонія и Чикито, ея пепельно-сѣдой дѣдъ, танцевавшіе почти безъ всякаго участія ногъ, и съ почти незамѣтнымъ участіемъ торса и рукъ, притягивали, чаровали, — столько было наростающаго, затаеннаго темперамента въ каждомъ скупомъ, сдержанно-страстномъ движеніи.

Заунывно тягучій мотивъ гитаръ постепенно переходитъ во что-то неудержимо-стремительное и вмѣстѣ съ нимъ сливается въ одинъ оглушительный трескъ дружное щелканье кастаньетъ. Выбивая ногами мощную дробь, непостижимую въ хрупкомъ подросткѣ и въ худомъ какъ скелетъ старикѣ, оба танцора доходятъ до экстаза до какого-то нечеловѣческаго напряженія. Это уже не танецъ. Они уже не танцуютъ, они гипнотизируютъ всѣхъ. И ни

у кого нѣтъ силъ устоять, удержаться на мѣстѣ... Притоптываютъ десятки ногъ... Десятки глазъ горятъ хмельнымъ блескомъ, десятки пересохшихъ ртовъ дико взвизгиваютъ и хрипло кричатъ: „Олэ, олэ!“ Притоптываютъ, кричатъ и визжатъ и старухи, и маленькія дѣти.

И Магдалину захватило общее настроеніе. Съ горячимъ румянцемъ, съ влажнымъ блескомъ въ своихъ прекрасныхъ глазахъ, полу-раскрывъ губы, затаивъ дыханіе, завороженная вся, и она притоптывала вмѣстѣ со всѣми и вмѣстѣ со всѣми какимъ-то чужимъ голосомъ выкрикивала „олэ!“ И ей казалось, что въ этотъ моментъ въ нее вселилась какая-то другая совсѣмъ другая Магдалина. Бейзымъ, тяжело переводя дыханіе, со вздувшейся поперекъ лба жилою, что бывало съ нимъ въ минуты бѣшеннаго гнѣва и бурнаго прилива страсти, обнялъ Магдалину за талію и крѣпко прижалъ къ себѣ... Сейчасъ, какъ пожалуй никогда еще, проснулся въ немъ могучій лѣсной фавнъ, полу-божокъ, полу-человѣкъ, полу-звѣрь. Неодолимое желаніе схватить жену какъ вакханку и умчаться съ ней далеко прочь отсюда, овладѣло имъ...

Одинъ Магонъ не былъ захваченъ общимъ подъемомъ, общимъ порывомъ. Мрачный разстроенный, не желая попадаться на глаза гостю-геркулесу и его женѣ, умышленно держался въ тѣни. Онъ пряталъ свое лицо, дабы Магдалина и Бейзымъ не могли прочесть на немъ то, что Магонъ тщательно хотѣлъ отъ нихъ скрыть. Отъ нихъ, ставшихъ ему близкими, родными... И поэтому съ болью, мучительной болью отозвалось въ немъ страшное, зловѣщее предсказаніе Идресильи...

О, какъ хотѣлъ бы онъ утѣшить себя сознаніемъ, что Идресилья ошибается и на этотъ разъ ясновидческій инстинктъ измѣнилъ ей. Но увы, старая гитана не ошибалась никогда за весь свой долгій вѣкъ и всѣ ея предсказанія сбывались съ точностью поразительной.

Украдкой наблюдая, Магонъ видѣлъ, какимъ зноемъ дышала Магдалина послѣ танцевъ Чикито и Антоніи и какъ этотъ зной зажегъ сумрачную, пугающую стихійностью своею страсть Бейзыма. Видѣлъ и проносилось у него:

— Хорошо, что оба не знаютъ, ничего не подозрѣваютъ и любовь ихъ не отравлена ядомъ злыхъ предчувствій...

Послѣдній аккордъ... Антонія и Чикито, въ послѣд-

ній разъ притопнувъ ногами, замерли. Она — въ кокетливо вызывающей позѣ. Онъ — въ упоеніи стоихъ мужскихъ превосходства и силы. Живое кольцо разомкнулось, вспугнувъ очарованіе, и вернувъ всѣхъ къ дѣйствительности. Магдалина расцѣловала Антонію, посадила возлѣ себя. Рядомъ съ нею была уже не танцовщица, подчинявшая, покорявшая всѣхъ, кто любовался ею, а хорошенькій наивный звѣрекъ, полу-дикая пещерная гитана, съ уморительной наивностью щебетавшая нѣсколько французскихъ словъ.

А Магонъ шепнулъ что-то кой-кому и незамѣтно королевскій дворецъ опустѣлъ, и остались въ немъ четверо: хозяинъ, Магдалина, Бейзымъ и Чикито.

Изъ граненыхъ хрустальныхъ бокаловъ пили душистую малагу. Глядя на Чикито, Магдалина теперь послѣ танцевъ, больше уже не спрашивала, чѣмъ онъ могъ нравиться женщинамъ?...

Узнавъ, что красавица-брюнетка русская, а ея гигантъ-мужъ полякъ, Чикито обрадовался, оживился. Его молодые глаза стали еще моложе.

— О, мадамъ, мосье, оттуда, гдѣ такъ холодно, гдѣ такіе морозы! Я вамъ покажу мой портретъ! Я снятъ въ боярской шубѣ и шапкѣ. О, эту шубу и шапку подарилъ мнѣ вашъ первый польскій грандъ графъ Августъ Потоцкій. Это было въ Петербургѣ. Я тамъ работалъ въ Акваріумъ вмѣстѣ съ Гуэреро. О, какой успѣхъ! Какой фуроръ! Что дѣлалось! Мы жили, какъ во снѣ! Каждый день завтраки, обѣды, ужины у Дононъ, у Контанъ, у Кюба, у Филисьенъ. Какъ много пьютъ шампанскаго эти польскіе гранды, эти русскіе бояре. О, какъ много! А сколько цвѣтовъ, сколько брильянтовъ! Каждый день, каждый день... Волшебное было время! Оно уже больше не будетъ! Скажите, мосье, въ Россіи революція? Въ газетахъ написано, что мать кушаетъ свой ребенокъ отъ голода, а въ Петербургѣ и въ Москвѣ бѣгаютъ волки и кушаютъ человѣческіе трупы. Скажите, мосье, это правда? И Акваріумъ больше нѣтъ, и Дононъ и Кюба?.. Ничего нѣтъ? О, карамба! Скажите, мосье, неужели это правда?..

— Къ сожалѣнію почти правда — отвѣтилъ Бейзымъ съ грустью — сомнѣваюсь, чтобы по улицамъ Петербурга и Москвы бѣгали волки, но что матери, мучимыя голодомъ пожирали своихъ младенцевъ, такихъ случаевъ было очень много.

— Карамба, — воскликнулъ Чикито и уже совсѣмъ другимъ голосомъ спросилъ, — а что графъ Августъ Потоцкій живъ?

— Умеръ.

— Умеръ? Какъ жаль! Какъ жаль! А графиня?

— Графиня Евгенія жива. Я ее встрѣчалъ въ Варшавѣ.

— Да продлитъ ея вѣкъ святая Мадонна! Какъ она любитъ артистовъ!.. Понимаетъ! Все понимаетъ! Когда на меня смотрѣла графиня Евгенія, я могъ танцевать цѣлую ночь! О, я это помню, какъ сейчасъ. Мы съ Гуэреро были приглашены во дворецъ гранъ-дюкъ Никола. Тамъ была вся аристократія, всѣ амбасадоры. Мы пріѣхали, чтобы дѣлать свой номеръ! Графиня Потоцки заставила всѣхъ замолчать и чтобы всѣ смотрѣли на насъ. И она говорила всѣмъ: Мадамъ-мосье, это великіе артисты, имъ надо полное вниманіе! О, какъ мы тогда танцевали! Какъ мы танцевали! Какъ никогда! Оба, и я и Гуэреро! Ахъ, больше этого не будетъ! — вздохнулъ Чикито. — О... и тогда графиня сняла со своей руки дорогой перстень и подарила мнѣ. „Чикито, сдѣлайте себѣ изъ него булавку". Эта булавка хранится у меня, какъ талисманъ, какъ реликвія. О, я вамъ ее покажу. Эта графиня Потоцки гранъ-дамъ, гранъ-дамъ! И какая веселая! Какъ она сама танцуетъ!! Какой у нихъ палаццо на берегу Невы. О, о! А теперь тамъ ничего нѣтъ, ничего! Какъ жаль! Какъ жаль! Карамба, зачѣмъ эта революція?.. Но я вамъ сейчасъ покажу портретъ и булавку...

Восторженный Чикито на нѣсколько минутъ исчезъ и вернулся съ большой фотографіей, гдѣ онъ хотя и былъ изображенъ въ длинной, дорогой шубѣ, но ни Магдалина, ни Бейзымъ не могли понять, на какомъ такомъ основаніи знаменитый танцоръ называлъ эту шубу боярской. Булавка являла собой поистинѣ магнатскій подарокъ. Большой чистѣйшей воды индійскій изумрудъ...

13. УТРО ПРОФЕССОРА АЗУЛАИ.

Вся Варшава задыхалась отъ катастрофическаго отсутствія квартиръ. Даже министры, — одни ютились въ гостинницахъ, другіе счастливы были „купить" двѣ-три комнаты съ кухнею. А вотъ къ услугамъ профессора

Азулаи — громадная квартира и въ ней онъ жилъ одинъ одинешенекъ.

Если бы еще жилъ! А то лишь время отъ времени заглядывалъ, наѣзжалъ въ видѣ антракта между какими нибудь конференціями, происходившими то въ Генуѣ, то въ Лозаннѣ, въ Спа, Гаагѣ, или еще гдѣ нибудь.

Вообще, профессоръ Азулаи, на всѣхъ этихъ конференціяхъ распинавшійся въ пламенномъ польскомъ патріотизмѣ своемъ, былъ замѣчательной личностью. И внѣшность имѣлъ весьма изящную. Есть евреи двухъ типовъ. Плебейскаго, это когда они вдругъ выбились въ богатство и благополучіе изъ темныхъ низовъ, и аристократическаго, когда цѣлый рядъ поколѣній изъ банкирскихъ и ученыхъ семей, поколѣній, выросшихъ въ комфортѣ и холѣ, могъ не спѣша выбирать, и красивые мужчины женились на красивыхъ дѣвушкахъ, а красивые дѣвушки выходили за красивыхъ мужчинъ. Путемъ такого скрещиванія создавалась уже другая раса, болѣе тонкая, изысканная, чѣмъ большеголовое и коротконогое еврейство.

Профессоръ Азулаи ни коротконогъ, ни большеголовъ. Наоборотъ, онъ даже стиленъ въ своей худобѣ, этотъ высокій брюнетъ, умѣвшій носить и смокингъ, и фракъ, и свою маленькую голову со смуглымъ лицомъ и костистымъ рѣзкимъ профилемъ.

И онъ умѣлъ себя поставить. Когда, наѣзжая изъ за границы въ Варшаву, онъ появлялся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, даже крупные чиновники заискивающе спѣшили ему на встрѣчу, спѣшили пожать руку съ длинными худыми пальцами. Если-бъ профессоръ Азулаи не брился, слѣдуя модѣ, а носилъ усы и бородку — не выдумать лучшаго натурщика для Мефистофеля. Безпокойные жгучіе глаза, въ самомъ дѣлѣ таили въ себѣ что-то сатанинское. Профессоръ внезапно появлялся въ министерствѣ и также внезапно исчезалъ, оставляя впечатлѣніе злого духа.

Былъ, и нѣтъ его, — сгинулъ!...

Связями въ Европѣ онъ могъ смѣло хвастаться. Варшавскій кабинетъ его, солидный, кожанный, сановничій кабинетъ увѣшанъ былъ портретами и каждый, — съ автографомъ. Улыбался умной іезуитской улыбкой Рампола, этотъ вліятельнѣйшій кардиналъ Ватикана. И рядомъ — атеистъ и масонъ дряхлый Клемансо съ густыми закрывающими ротъ, какъ у моржа усами. Само-

довольная лошадиная физіономія Вильсона. Крѣпко сидящая на широкихъ плечахъ и на короткой шеѣ бычачья голова Мильерана. Всклокоченный бородатый Максъ Нордау. Вотъ французскій публицистъ Жозефъ Рейнакъ, неистово ломавшій копья и, во всякомъ случаѣ проливавшій океаны чернилъ во имя „невиновности“ Дрейфуса. Тутъ же еще одинъ „Дрейфусаръ“ въ пенснэ и съ лицомъ приказчика, да онъ и былъ въ началѣ своей карьеры приказчикомъ — знаменитый Золя. Разстрепанная шевелюра Бріана, — все, что осталось у шестикратнаго французскаго премьера отъ соціалистическихъ убѣжденій его голодной и бурной молодости. А дальше, что ни портретъ, — банкирскій домъ. И какія дома! Ротшильды, Шиффы, Мендельсоны, Гольфингеры, Сассуны, Теплицы, Варбурги, Спейеры, Баттіаччи. Одиноко чуствовали себя въ этой международной трескучей кампаніи Іосифъ Понятовскій, Костюшко, Сенкевичъ, Матейко. Они были „необходимы“, вѣрнѣе только терпимы, иначе какой же польскій патріотъ былъ бы профессоръ Азулаи „всегда и вездѣ подчеркивавшій свою польскость?“ Случайность это, или, наоборотъ, совсѣмъ не случайность, или ироническая гримаса, или и то и другое, и третье вмѣстѣ, но только выходило всегда, что молодая Польша, воскресшая на развалинахъ трехъ Имперій, не нашла ни одного поляка для отстаиванія своихъ интересовъ на Европейскихъ конференціяхъ, а выборъ ея палъ на еврея.

Нельзя сказать, чтобы профессоръ Азулаи не отстаивалъ интересовъ Польши. Но, странное дѣло, послѣ каждой конференціи престижъ страны съ двадцатипятимилліоннымъ населеніемъ и съ территоріей, безъ малаго равной Франціи, не поднимался, а падалъ. И это при несомнѣнныхъ способностяхъ почтеннаго профессора и при его гибкомъ дипломатическомъ умѣ... Бываютъ же такія неудачи!... Въ кабинетѣ, гдѣ со стѣнъ изъ рамокъ глядѣли дружественныя профессору знаменитости и гдѣ за стеклами библіотечныхъ шкафовъ блестѣли корешки двухъ тысячъ книгъ на пяти языкахъ, Натанъ Азулаи началъ свой рабочій день. Началъ просматривать газеты, дымя турецкой папиросой съ длиннымъ мундштукомъ. Азулаи получалъ эти папиросы изъ Константинополя отъ своего друга доктора Колеба, а докторъ Колебъ одному ему извѣстнымъ способомъ получалъ ихъ изъ султанскаго дворца. Въ облакахъ ароматнаго дыма, пронзаемаго мяг-

кимъ осеннимъ солнцемъ, хмурилось чело Натана Азулаи. Да и какъ же не хмуриться! Вотъ онъ просмотрѣлъ десятокъ польскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ газетъ. И всѣ бьютъ въ одинъ голосъ тревогу по поводу еврейскихъ погромовъ, охватывающихъ югъ Россіи. Хотя султанская папироса была отмѣннаго качества, мягкая, вкусная, но сейчасъ она показалась профессору горькой, и онъ такъ энергично ткнулъ ее въ пепельницу, что смялся вдвое длинный мундштукъ. Правда, совѣтская власть, своя власть, еврейская, правда, она будетъ подавлять эти погромы желѣзомъ и кровью и не дастъ имъ разрастись, но всетаки въ этотъ моментъ профессоръ Азулаи, польскій представитель, на восьми конференціяхъ менѣе всего чувствовалъ себя полякомъ и болѣе всего — евреемъ. Да и развѣ могло быть иначе? Свою родословную онъ выводилъ чуть ли не отъ царя Давида. Не онъ ли Натанъ Азулаи говорилъ съ такимъ великолѣпнымъ высокомѣріемъ:

— Что мнѣ вся эта польская знать? Всѣ эти Потоцкіе, Любомирскіе, Замойскіе, Святополкъ-Четвертинскіе? Мы, Азулаи существуемъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Какіе же всѣ они parvenu въ сравненіи со мной!...

Лакей на парижскій ладъ въ передникѣ и въ полосатомъ — желтое съ чернымъ — жилетѣ протянулъ своему господину подносъ съ бѣлымъ четыреугольникомъ визитной карточки.

— Голандъ? Голандъ? — соображалъ Натанъ Азулаи, вертя визитную карточку — что-то знакомое...

А черезъ минуту вслѣдъ за карточкой, вошелъ въ кабинетъ и самъ обладатель ея, щеголеватый молодой человѣкъ, могущій сойти и за спекулянта и за директора банка и за представителя какой-нибудь фирмы. Если-бъ не черезъ-чуръ оттопыренные уши, былъ бы совсѣмъ приличный, благообразный молодой человѣкъ. Тѣмъ болѣе, пиджакъ сидѣлъ на немъ почти безукоризненно, панталоны плѣняли глазъ свѣжей дѣвственной складкою, а въ лакированные ботинки можно было смотрѣться, какъ въ зеркало. На карточкѣ — вѣнскій адресъ. Профессоръ заговорилъ по-нѣмецки:

— Садитесь, господинъ Голандъ. Садитесь... Ваша фамилія мнѣ очень знакома. Да, скажите Голандъ, редакторъ „Ное-Фрае-Прессэ“ не родственникъ вашъ?...

— Это мой отецъ!

— Ахъ, вотъ какъ? Пріятно, очень пріятно! Какъ поживаетъ вашъ батюшка?

— Онъ умеръ два года назадъ — отвѣтилъ молодой человѣкъ, сдѣлавъ грустное лицо.

— Что вы говорите? Какая жалость! Я такъ былъ занятъ въ послѣдніе годы этими конференціями, что пропустилъ извѣстіе о кончинѣ вашего достоуважаемаго папаши. Лѣтъ пятнадцать назадъ я встрѣчался съ нимъ въ Вѣнѣ, но вы тогда ходили, вѣроятно, въ гимназію?

— Я былъ тогда гимназистъ — согласился молодой человѣкъ съ оттопыренными ушами.

— Какъ же, какъ же помню редакторскую и публицистическую дѣятельность почтеннаго Голанда. Онъ оживлялъ всю газету своей жгучей ненавистью къ Россіи. Онъ поднялъ одно время такую кампанію, что провалилъ два займа для Россіи. Одинъ — въ Америкѣ, другой — у Ротшильдовъ. Большая заслуга! Еврейство ея никогда не забудетъ. Ну-съ, итакъ, если я могу быть чѣмъ-нибудь полезнымъ сыну покойнаго Голанда, буду очень радъ.. Къ вашимъ услугамъ...

— Благодарю васъ, господинъ профессоръ! Я именно расчитывалъ на ваше любезное содѣйствіе. Вы здѣсь такая величина!...

— Былъ величиною, былъ! А сейчасъ я не у власти... Какъ только создалось реакціонное правительство, я сейчасъ же подалъ въ отставку. Лучше самому уйти, чѣмъ если тебя „уйдутъ“. Итакъ, въ чемъ дѣло?

— Видите-ли, господинъ профессоръ, я, вашъ покорный слуга, являюсь представителемъ большой Вѣнской кино-фабрики. Это огромное предпріятіе! Наши акціонеры — Адольфъ Ротшильдъ, неслѣдники Якова Шиффа, Адольфъ Башіаччи, Спееръ и еще цѣлая группа еврейскихъ мильярдеровъ... Наше дѣло главнымъ образомъ идейное, хотя и въ коммерческомъ отношеніи...

— Позвольте, позвольте! — перебилъ Азулаи — мѣсяцъ назадъ я встрѣтился въ Парижѣ съ моимъ другомъ Башіаччи, и онъ мнѣ говорилъ... Я отъ всей души привѣтствовалъ... Теперь, именно теперь, когда этимъ гнуснымъ ядомъ антисемитизма отравляются одинъ за другимъ цѣлые народы, теперь, когда ежедневно читаешь въ газетахъ о звѣрскихъ погромахъ, уничтожающихъ великій народъ, теперь необходима, какъ никогда самая широкая, самая энергичная агитація...

— Вотъ, вотъ, господинъ профессоръ! — съ искательной улыбкой подхватилъ Голандъ. — Мы ставимъ исключительно агитаціонныя фильмы. Не жалѣя затратъ, дирекція щедро платитъ и артистамъ-исполнителямъ, и режисерамъ и тѣмъ ученымъ раввинамъ, да, да, не удивляйтесь, — раввинамъ! — которые слѣдятъ, чтобы религіозная и бытовая сторона въ нашихъ картинахъ были безупречны въ своей исторической непогрѣшимости. Что мы хотимъ показать? Мы хотимъ показать, что еврейскій народъ богобоязненъ, честенъ, трудолюбивъ, живетъ своимъ замкнутымъ духовнымъ міромъ и нисколько не интересуется чужой политикой, чужими дѣлами. Господинъ профессоръ, такими картинами, такой агитаціей, мы желаемъ заткнуть глотку всѣмъ тѣмъ безсовѣстнымъ крикунамъ, горлодерамъ и писакамъ антисемитическаго лагеря, которые въ клеветническомъ ослѣпленіи своемъ осмѣливаются утверждать, что евреи властвуютъ въ Россіи и жаждутъ властвовать надъ міромъ. Вѣдь, это же чепуха! злостные выдумки всякихъ тамъ жидоѣдствующихъ истериковъ!... Не такъ-ли, развѣ, господинъ профессоръ? — и Голандъ смотрѣлъ въ мефистофельскіе глаза Натана Азулаи, и оба они напоминали въ этотъ моментъ двухъ авгуровъ.

— Ахъ, мы поставили картину, господинъ профессоръ!... Вотъ картина! — восхищался молодой человѣкъ съ оттопыренными ушами и въ лакированныхъ ботинкахъ. — Это же шедевръ! Что-то замѣчательное! И какое названіе? „Эрцгерцогиня и сынъ Гетто“! Представляете себѣ типичное еврейское мѣстечко въ Галиціи? Раввинъ! Что за фигура! Еврейскій патріархъ! Шекспировскій типъ! А его сынъ? Молодой, пытливый, ищущій геній! Дальше! Вѣна, дворъ Франца-Іосифа. Пустые жалкіе маріонетки въ раззолоченныхъ мундирахъ. И на этомъ фонѣ — скучающая эрцгерцогиня. Она влюбляется въ молодого геніальнаго еврея и хочетъ сдѣлать его своимъ любовникомъ. Но онъ отвергаетъ ее, онъ вѣренъ искусству и скромной невѣстѣ изъ благочестивой еврейской семьи. Нѣтъ, господинъ профессоръ, это нельзя разсказать, это надо видѣть! Надо видѣть эти два міра! Одинъ — глубокій мистическій, гордый своимъ призваніемъ, своей отчужденностью. Другой — пустой, тщеславный, состоящій изъ высокопоставленныхъ дегенератовъ, идіотовъ и мошенниковъ.

— Это интересно, очень интересно! — молвилъ худой, длинный профессоръ, закуривая султанскую папиросу. — Вы меня заинтересовали этой дѣйствительно безподобной фильмой. Но, извините меня, я пока не вижу въ чемъ, и съ какой именно стороны могу быть вамъ въ данномъ случаѣ полезнымъ?...

— Можете, очень можете, господинъ профессоръ! Дѣло въ томъ, что мы особенно расчитываемъ на польскій рынокъ. Но вы же лучше меня знаете, какое здѣсь царитъ человѣконенавистничество, какой здѣсь варварскій антисемитизмъ. Я боюсь, что польская администрація возьметъ и запретитъ постановку и тогда... Вы понимаете, что будетъ тагда? Въ Венгріи, — чтобы ей быть стертой съ лица земли, — наши картины запрещены. Эти бандиты, эти хулиганы, которые называютъ себя „пробуждающимися венграми", объявили намъ бойкотъ. Они же монархисты! У нихъ священный культъ Габсбурговъ. И вотъ я боюсь, мы боимся, что и здѣсь, пожалуй...

— Не бойтесь, мой молодой другъ, не бойтесь — обнадеживающе улыбнулся Натанъ Азулаи — здѣсь пока еще не такъ много „пробуждающихся поляковъ", и силы они здѣсь не имѣютъ, да, вѣроятно, и не будутъ имѣть. Опасаться нечего, — это не Венгрія! Но если-бы и встрѣтились цензурныя препятствія, чего я не думаю, я ихъ устраню. Что же касается широкихъ польскихъ круговъ, они не будутъ бойкотировать вашихъ картинъ, а повалятъ въ кино густыми толпами. Очень радъ познакомиться... Не забывайте меня! — и, сдѣлавъ легкое движеніе, профессоръ далъ понять, что аудіенція кончена.

Обласканный Голандъ раскланялся по всѣмъ правиламъ вѣнскаго хорошаго тона и даже оттопыренныя уши его покраснѣли отъ удовольствія.

14. МОЛОДОЙ АССИРІЕЦЪ.

Въ кабинетъ, но уже безъ доклада, вошелъ офицеръ, съ иголочки одѣтый въ новую форму и съ лицомъ молодого ассирійскаго вельможи. И выхоленная густая надушенная борода въ упругихъ завиткахъ выдержана была въ ассирійскомъ стилѣ.

Бернардъ Азулаи, — а это былъ Бернардъ Азулаи, — родной племянникъ замѣчательнаго профессора, именно потому и не брился, а носилъ бороду, подвивалъ ее, и

подстригалъ правильной лопаткою, чтобы не нарушать ассирійскаго стиля и матовой кожи своей и узкихъ, томныхъ глазъ и красиваго восточнаго лица.

Это былъ изящный молодой человѣкъ, но это не былъ офицеръ въ строгомъ, настоящемъ значеніи слова. Мундиръ, хотя и отлично сшитый, сидѣлъ на немъ какъ-то по-штатски. Панталоны были также скорѣе штатскіе, очень короткіе и мелькали между ними и желтыми востроносыми туфлями голубенькія полоски тонкихъ шелковыхъ носковъ.

Бернардъ Азулаи далеко не былъ исключеніемъ. Многіе польскіе офицеры изъ легіонистовъ изъ бывшей австрійской арміи считаютъ подобную „штатскость“ хорошимъ тономъ. Это люди безъ надлежащей военной выправки, безъ надлежащаго военнаго воспитанія, а иногда и просто безъ всякаго, вообще, воспитанія.

Что же касается Бернарда Азулаи, онъ получилъ воспитаніе въ Парижѣ на бульварѣ Распай, въ кафэ „Ротонда“, въ томъ самомъ кафэ, откуда вышли Троцкій-Бронштейнъ, Стекловъ-Нахамкесъ, Ленинъ и многія другія крупныя каналіи россійскаго большевизма. Имѣя двадцать четыре года и не имѣя никакого понятія о военной службѣ, племянникъ знаменитаго профессора удостоился сразу перваго офицерскаго чина. И вотъ, спустя безъ малаго пять лѣтъ, онъ уже маіоръ и не сегодня-завтра его произведутъ въ подполковники. Если такъ пойдетъ дальше, онъ сдѣлаетъ почти Наполеоновскую карьеру, и къ тридцати годамъ получитъ серебрянный генеральскій зигзагъ на головномъ уборѣ. Подобно почтенному дядюшкѣ, Бернардъ Азулаи кричалъ о своемъ патріотизмѣ, яростно доказывая, что онъ полякъ изъ поляковъ. Но когда онъ временно жилъ въ Луцкѣ, для стажа командуя ротою въ мѣстномъ пѣхотномъ полку, онъ былъ первымъ защитникомъ, другомъ и покровителемъ всѣхъ туземныхъ пейсатыхъ и длинныхъ евреевъ, такъ называемыхъ „халацяжей“. Онъ выручалъ ихъ изъ бѣды, хлопоталъ за нихъ, освобождалъ еврейскія квартиры и дома отъ реквизиціоннаго постоя. Бернардъ, какъ племянникъ профессора, пользовался исключительными льготами и гораздо больше исполнялъ секретарскія обязанности при дядюшкѣ, чѣмъ служилъ въ польской арміи. Вотъ и сейчасъ онъ явился съ докладомъ, успѣвъ просмотрѣть и разобрать

обширную, — она всегда была обширна у Натана Азулаи — утреннюю почту.

— Дядюшка, это я не рѣшился распечатать. Написано „въ собственныя руки". Но я узналъ почеркъ... Почеркъ Изы Башіаччи.

— Сумасшедшая! Она подведетъ меня! — всполошился профессоръ.

— Не безпокойтесь, дядюшка! Это письмо я принесъ съ собою изъ Германской миссіи. Оно доставлено дипломатическимъ курьеромъ.

— А, это совсѣмъ другое дѣло! — сразу повеселѣлъ Натанъ Азулаи, уже приготовляясь взрѣзать канцелярскими ножницами конвертъ — давай сюда, скорѣй давай!..

Дядюшка такъ увлекся чтеніемъ, даже не замѣтилъ, какъ погасла въ его зубахъ султанская папироса. Племянникъ, почтительно выжидающій, молчалъ, время отъ времени спрессовывая ладонями съ боковъ свою ассирійскую бородку.

Чтеніе длиннаго письма затянулось. Бернардъ, вставивъ въ глазъ монокль, просматривалъ газеты.

Профессоръ, сіяя, дочитывалъ послѣднія строки.

— Итакъ, эта неугомонная Иза мѣсяца черезъ два-три собственной персоной прикатитъ сюда къ намъ въ Варшаву... Но не прежде, чѣмъ перевернетъ все вверхъ дномъ въ Испаніи и... Но и темпераментъ же у нея! Жаждетъ увидѣть Эскуріалъ, разграбленный революціонной толпою и чтобы мальчишки играли какъ футбольнымъ мячомъ августѣйшими черепами Бурбоновъ и Габсбурговъ... Какая фантазія! Мнѣ нравятся въ ней эти широта и полетъ... А знаешь, Бернардъ, ты красивъ, очень красивъ, элегантенъ! Хорошо-бы тебя женить на этой Изѣ Башіаччи. Подумай, приданное въ астрономическихъ цифрахъ... Какія головокружительныя перспективы!...

— Перспективы, — да... Но...

— Что но?...

— Мнѣ же знакомы странички ея парижской біографіи. Она пріѣзжала, самъ видѣлъ, въ „Ротонду" одѣтая въ какой-то полу-мужской, полу-фантастическій костюмъ и всегда вертѣлись около нея накрашенныя, накокаинизированныя лесбіянки.

— Очень можетъ-быть! — съ мефистофельской улыбкою пожалъ плечами Натанъ Азулаи — почему-бы и нѣтъ? Мятежный, ищущій духъ! Но я слышалъ, что

она не изъ тѣхъ, которыя признаютъ одну лишь узкую спеціальность. Если ее ударитъ по нервамъ какой-нибудь мужчина, Иза съ такой же стремительной пылкостью бросится въ его объятія. И, наконецъ, мой милый Бернардъ, ты слишкомъ ужъ требователенъ. Милліоны въ долларахъ и въ фунтахъ, и невѣста, увѣнчанная преміей за добродѣтель и то и другое — не слишкомъ-ли?

— Я ничего не говорю, — быстро сдалъ свои позиціи племянникъ, — но еще вопросъ, и не малый, — произведу-ли я на нее надлежащее впечатлѣніе? А во-вторыхъ, пожелаетъ-ли она, вообще, промѣнять свою безграничную свободу на супружескую жизнь?

— Въ концѣ-концовъ, — пожелаетъ! Не забывай, что Иза Башіаччи — еврейка. А самая грѣшная еврейка, перебѣсившись, желаетъ сдѣлаться законной супругой своего мужа... Законной, даже при самыхъ атеистическихъ убѣжденіяхъ. И непремѣнно подай ей раввина, пастора, или католическаго попа, въ зависимости отъ того, гдѣ она будетъ вѣнчаться — въ синагогѣ, въ протестанской кирхѣ, или въ костелѣ. Но объ этомъ еще успѣемъ подумать. А вотъ на-дняхъ появится на Варшавскомъ горизонтѣ интересная женщина. Я тебя приставлю къ ней. Это нѣкая баронесса Захертъ, бывшая любовница Красина.

— А теперь надо, чтобы я сдѣлался ея любовникомъ?

— Вы сообразительны, какъ всегда, мой дорогой племянничекъ. Да, это въ интересахъ дѣла! Весьма желательно ввести ее здѣсь въ высшіе военные круги. Ты позаботишься объ этомъ.

— А у нея большія средства?

— Я же тебѣ сказалъ — бывшая любовница Красина! А Красинъ — это ему ровно ничего не стоитъ, — пригоршнями брилліантовъ осыпаетъ своихъ женщинъ. Въ этомъ отношеніи не всякій индійскій Магараджа осмѣлится конкурировать съ нимъ...

— Тѣмъ лучше! Она будетъ широко жить, устраивать пріемы. А для начала пусть закажетъ свой портретъ генералу Кавецкому. У него собирается весь генералитетъ. У него бываютъ Шептицкій, Сикорскій, Сосновскій, Яцына, Разводовскій, Савицкій... Если она женщина умная, — а глупой женщины Красинъ не посылалъ-бы сюда, — она сумѣетъ использовать свои новыя

знакомства. Скажите, дядюшка, она дѣйствительно такъ интересна, эта самая Захертъ?...

— Какой нетерпѣливый! Увидишь! Она должна быть со дня на день, съ часу на часъ. Уже заказаны аппартаменты въ „Бристолѣ". По какой-то странной случайности, можешь вообразить, тѣ самые, въ которыхъ жили нѣсколько мѣсяцевъ назадъ графиня Сапари. Помнишь, ея романъ съ этимъ страшнымъ чудовищемъ? — Ну, какъ его... Бейзымомъ?

— Еще-бы не помнить!... Романъ, кончившійся для нея такъ трагически! А онъ куда-то исчезъ послѣ знаменитаго нападенія „красныхъ чертей" на его усадьбу. Жаль, что не ухлопали мерзавца! Кажется, онъ уѣхалъ въ Италію, со своей черноокой красавицей.

— А вынырнулъ въ Испаніи! Иза описываетъ его новый подвигъ... Но чортъ съ нимъ, съ этимъ негодяемъ! Пусть онъ сдѣлается тореодоромъ, кѣмъ хочетъ, пусть, только-бы сюда не возвращался! Но что я тебя хотѣлъ спросить, миленькій племянничекъ? Да, вотъ что — понизивъ голосъ до шепота спросилъ профессоръ Азулаи — какъ же обстоитъ дѣло съ этими двумя господами относительно цитадели?...

— Относительно цитадели, — самоувѣренно сдвинулъ плечами Бернардъ, — все обстоитъ благополучно. Машина пущена въ ходъ и, если не помѣшаетъ что-нибудь исключительное, изъ ряда вонъ выходящее, цитадель взлетитъ на воздухъ. Я не могу точно указать дня, но, во всякомъ случаѣ этотъ день совсѣмъ не за горами...

— Вотъ, вотъ! — оживился съ недобрымъ огонькомъ въ глазахъ, профессоръ это создаетъ панику и доблестный триумвиратъ Витосъ-Корфанты-Дмовскій растеряется. А чтобы не дать имъ опомниться, необходимо вслѣдъ за этимъ инсценировать возстаніе въ Краковѣ... Къ евреямъ и комунистамъ примкнутъ соціалисты, подоспѣютъ забастовки и, — возможенъ переворотъ. Очень возможенъ при такомъ политиканствѣ, которое умѣлою рукою сѣялось въ арміи, и которое губитъ и разъѣдаетъ ее. Между легіонистами и австрійцами съ одной стороны и бывшими русскими офицерами съ другой — искусно вбитъ основательный клинъ... Кромѣ того, я съ удовольствіемъ замѣчаю, что за три съ половиною мѣсяца пребыванія у власти, реакціонеры, имѣя въ своемъ распоряженіи весь государственный аппаратъ и

финансы, не сумѣли создать хотя бы подобіе фашистской группы, на которую могли бы опереться. Нѣтъ смѣлости, необходимой правителямъ. Чего-то боятся, чего-то все ожидаютъ. И это, имѣя подъ руками такой матеріалъ, какъ нѣсколько тысячъ Довборчиковъ, ненавидящихъ все лѣвое, соціалистическое и готовыхъ отдать свою шпагу тому...

На письменномъ столѣ задребезжалъ телефонъ.

— Алло? Какъ? Пріѣхала баронесса? Въ часъ меня ждетъ?... Ровно въ часъ буду!... Видишь, Бернардъ, — уже другимъ голосомъ обратился профессоръ къ молодому ассирійцу, вѣшая трубку, — вотъ, видишь, скорѣй, чѣмъ мы съ тобой ожидали. Я такъ устрою, будемъ съ ней вмѣстѣ ужинать... Понравься этой Захертъ!..

— Постараемся, постараемся — набрежно, съ повадкою неотразимаго мужчины, отвѣчалъ племянникъ.

15. ЧТО НАДО БЫЛО СКАЗАТЬ И ЧТО БЫЛО СКАЗАНО ПРОФЕССОРОМЪ АЗУЛАИ.

Профессоръ Азулаи, старый холостякъ и жуиръ, имѣвшій успѣхъ у прекраснаго пола, не безъ основанія считалъ себя знатокомъ женщинъ и женской красоты. На его мѣстѣ другой, менѣе тонкій и опытный, не оцѣнилъ бы съ перваго взгляда, съ перваго впечатлѣнія Вѣру Анатольевну Захертъ... Другой... А профессоръ Натанъ Азулаи — оцѣнилъ.

Пусть ея довольно крупныя черты далеки отъ строгой, классической правильности, но и въ этихъ чертахъ, и въ скорѣе удлиненномъ, чѣмъ въ кругломъ овалѣ и въ грустныхъ свѣтлыхъ глазахъ, было какое-то мягкое, тихое очарованіе. И такъ она была гармонична, эта блондинка въ своихъ движеніяхъ, въ плавныхъ, почти пѣвучихъ линіяхъ тѣла.

И опять таки нельзя подходить къ ея фигурѣ съ классическимъ масштабомъ. Ни въ Венеры Милосскія, ни въ Венеры Медиційскія она не годилась. Да и съ „Фриной“ Семирадской ничего общаго не имѣла. Тамъ слишкомъ закруглены и бедра, и плечи и, вообще, всѣ пропорціи при безукоризненной правильности своей — тяжеловатыя.

Баронесса Захертъ являла собою что-то переходное между этой античной, „земной“ въ своей великолѣпной

монументальности женщиной и женщиной модернистическаго типа, — худощавой, съ едва намѣчающейся грудью, съ впалой грудной клѣткою, узкими, острыми плечами и слишкомъ тонкими руками и ногами. Словомъ, типъ женщины увѣковѣченной въ знаменитыхъ портретахъ Больдини. Женщины двадцатаго вѣка, женщины пресыщеной, усталой, порочной, женщины, для которой пальмы Ривьеры, автомобиль, комфортъ, азартъ, иногда кокаинъ и щекочущій нервы нездоровый флиртъ — все... Такою была Иза Башіаччи, но не была такою Вѣра Захертъ, хотя имѣла и покатыя плечи и небольшую грудь и длинныя ноги. Но все это было не остро, не угловато нисколько, а, наоборотъ, баюкала глазъ, самый строгій, самый притязательный глазъ своей пластичностью.

Высокая, она еще выше казалась въ гладкомъ и длинномъ, обтягивавшемъ фигуру темно-зеленомъ платьѣ съ пышными складками драпировокъ на лѣвомъ бедрѣ, съ длинными рукавами и овальнымъ разрѣзомъ, обнажавшемъ плавную, лебедину шею. Поднося къ губамъ красивую, съ твердыми розовыми ногтями руку, профессоръ замѣтилъ, что она маленькая, гораздо меньше, чѣмъ это полагалось при большомъ ростѣ Вѣры Анатольевны. И замѣтилъ онъ также, что красивыя ноги въ модныхъ гладкихъ, лакированныхъ туфелькахъ были не малы и не велики, а вполнѣ пропорціональны.

— Баронесса, вы прямо изъ Лондона? - спросилъ Натанъ Азулаи по-русски.

— Не совсѣмъ — не громко, изнутри откуда-то, грудным ласкающимъ слухъ голосомъ отвѣчала Захертъ. — Я провела недѣлю въ Парижѣ. Надо было заказать и купить кое-что. Это для васъ, мужчинъ, Лондонъ былъ и остался законодателемъ модъ. Насъ же лондонскія портнихи удовлетворить не могутъ, у нихъ нѣтъ вкуса, врожденнаго вкуса парижанки, создающей изъ пустяковъ шедевры.

— Да, это вѣрно — кивнулъ Азулаи. — Въ Парижѣ самая послѣдняя мединетка, живущая на сантимы, умѣетъ одѣться къ лицу и со вкусомъ. Ахъ, Парижъ!...

— Вы любите Парижъ?

— Обожаю! Лучшіе годы мои, лучшія воспоминанія связаны съ нимъ... Я самъ всего три недѣли, какъ оттуда...

— Но и Варшаву называютъ маленькимъ Парижемъ?

— Называли! — поправилъ онъ — до военная Вар-

шава въ самомъ дѣлѣ была элегантна, а сейчасъ грязная, демократизированная Варшава далеко не та. Да и толпа совсѣмъ другая. Но это ничего! Мы постараемся, чтобы вы не скучали. Кстати, какъ вы располагаете сегодняшнимъ днемъ?

— Право не знаю... Я только что въѣхала сюда съ моими чемоданами и сундуками.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ взять иниціативу въ свои руки. Мы пообѣдаемъ въ три, затѣмъ вы отдохнете съ дороги, а вечеромъ вы окажите мнѣ честь отужинать вмѣстѣ. Я вамъ представлю моего племянника. Живой, милый мальчикъ въ офицерскомъ мундирѣ. Правда, у этого мальчика ассирійская борода, но онъ такъ молодъ, что она производитъ впечатлѣніе грима.

— Съ большимъ удовольствіемъ! Скажите, профессоръ, это правда; мнѣ говорили въ Лондонѣ, — что поляки ненавидятъ русскихъ?...

— Увы, это именно такъ! — съ сожалѣніемъ въ голосѣ подтвердилъ Натанъ Азулаи — я самъ полякъ съ головы до ногъ, самъ, но этотъ звѣринный шовинизмъ моихъ соотечественниковъ приводитъ меня въ ужасъ...

— Это очень грустно — молвила съ дѣйствительной грустью молодая женщина два славянскихъ народа, столько взаимныхъ интересовъ, казалось-бы и — такая вражда! Не понимаю! Скажите, профессоръ, скажите вѣрно-ли, что въ двадцатомъ году, во время войны Совѣтской Россіи съ Польшей, настроеніе было такое: красная армія, охваченная энтузіазмомъ, шла скорѣй все впередъ и впередъ завоевывать Польшу. Что же касается поляковъ, то они объявили чуть-ли не священный походъ противъ Россіи и русскихъ, не противъ совѣтовъ и большевиковъ, а именно противъ Россіи и русскихъ?..

Натанъ Азулаи не сразу отвѣтилъ. Сразу отвѣтить можно было правдой, а не ложью. Въ данномъ же случаѣ ему была необходима ложь. Слѣдовало отвѣтить:

— Ваши лондонскіе информаторы обманули васъ! Эту навязанную Польшѣ войну ни одинъ здравомыслящій и честный полякъ не считалъ войною противъ Россіи и русскихъ. Наоборотъ, повсюду и въ печати и въ оффиціальныхъ приказахъ по арміи и въ частныхъ бесѣдахъ вездѣ говорилось: „Большевики, противъ большевиковъ. Мы деремся съ большевиками“. Иногда это слово замѣнялось двумя словами — „красные и жиды“. Сплошь да

рядомъ движеніе совѣтскихъ ордъ на Варшаву поляки называли „жидовской карательной экспедиціей". Что же касается энтузіазма, — энтузіазмомъ охвачены были коммисары и интернаціональные правящіе круги. Ограбивъ Россію, они съ аппетитомъ предвкушали грабежъ Польши въ крупномъ „планетарномъ" масштабѣ. Предвкушали соединеніе съ нѣмцами на территоріи обезсиленной разгромленной Польши, чтобы въ содружествѣ съ Германіей ударить на Францію и смести всю культуру Загада, какъ это было сметено въ Россіи. Красная армія наступала, подхлестываемая не ненавистью къ полякамъ, которой не было даже и въ поминѣ, а пулеметами и дикой инородческой конницей, гнавшей къ Варшавѣ полураздѣтое, голодное, босое русское быдло... Но жидовская карательная экспедиція не удалась. Отбросивъ красныя полчища отъ Варшавы и выгнавъ ихъ за предѣлы страны, польская армія, польскій народъ, польская молодежь исполнили до сихъ поръ неоцѣненную великую миссію, миссію крестоносцевъ, спасшихъ Европу отъ нашествія варваровъ темныхъ, отупѣвшихъ, забитыхъ, помыкаемыхъ шайкою международныхъ преступниковъ...

Такъ долженъ бы былъ отвѣтить профессоръ Азулаи. Но онъ отвѣтилъ совсѣмъ другое. Человѣкъ не глупый, наблюдательный, онъ сразу понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Эта баронесса не изъ типа банальныхъ безпринципныхъ шпіонокъ, лишь бы щедро платили, а тамъ не все ли равно противъ кого и съ кѣмъ работать? Нѣтъ, она гораздо сложнѣе и пусть она даже пошла на нѣкоторыя сдѣлки съ совѣстью, но гдѣ-то въ глубинѣ еще теплится въ ней русская женщина-патріотка.

Несомнѣнно, эта хитрая лисица Красинъ, посылая сюда Вѣру Анатольевну, фанатизировалъ ее, игралъ на ея патріотическихъ стрункахъ, убѣждая, что совѣтская власть, въ концѣ концовъ, національная власть и, какъ таковая обязана была дать отпоръ „обуреваемой маніей величія" Польшѣ. Сообразивъ все это, профессоръ отвѣтилъ:

— Браво, браво, баронесса! Вы чудесно информированы. Я могу подтвердить, что подъемъ русской арміи былъ неописуемый! Ее нельзя было удержать — такой стремительной лавиной катилась она впередъ. Каждый красноармеецъ шелъ сознательно, убѣжденный, что мы, поляки являемъ угрозу для русской великодержавности.

Поляки же, провоцируя этотъ походъ, подогрѣвая свои массы ненавистью къ Россіи, преслѣдовали одну только цѣль — ослабить могущественнаго сосѣда. Говорю вамъ это я, полякъ по крови, по духу, по воспитанію, по традиціямъ, но полякъ, для котораго истина — дороже всего на свѣтѣ!

Произнеся все это съ неподражаемымъ безстыдствомъ, Азулаи слѣдилъ за впечатлѣніемъ. Онъ съ удовольствіемъ отмѣчалъ, какъ въ свѣтлыхъ, печальныхъ глазахъ его собесѣдницы вспыхивалъ негодующій огонекъ. Здѣсь въ Варшавѣ онъ заканчиваетъ политическую обработку этой женщины, обработку, начатую въ Лондонѣ Красинымъ.

16. ОТРАВЛЕННЫЯ СИГАРЫ.

На другой день Магонъ пріѣхалъ въ отель Аламеда сговориться относительно боя быковъ и отдать визитъ своимъ новымъ друзьямъ. Всѣ гостинницы въ Испаніи имѣютъ одинъ и тотъ же полу-мавританскій архитектурный типъ. Внизу, круглый, или восьмигранный патіо (холлъ), гдѣ пишутъ письма, читаютъ газеты, принимаютъ гостей. Но въ европейскихъ отеляхъ подобный холлъ всегда въ сторонѣ. Здѣсь же въ самомъ центрѣ. У него нѣтъ потолка и онъ походитъ на глубокій колодезь, въ нѣсколько ярусовъ, колодезь, опоясанный такими же, какъ онъ самъ восьмигранными, или круглыми корридорами съ одной лишь стѣною, внутренней, съ дверями, ведущими въ комнаты. Внѣшнюю же стѣну замѣняетъ мраморная баллюстрада. Облокотясь на нее и глядя внизъ, можно видѣть все, что дѣлается въ холлѣ. Видны баллюстрады всѣхъ четырехъ, или пяти этажей и въ общемъ — впечатлѣніе простора, обиліе воздуха и необыкновеннаго по оригинальности своей уюта. А, Богъ знаетъ на какой высотѣ, тамъ гдѣ крыша — матовый стеклянный плафонъ, струящій мягкій, серебристый свѣтъ. Въ теплую сухую погоду плафонъ раздвигается и его замѣняютъ небеса, то дневныя бирюзовыя, солнечныя, то темныя, ночныя, ярко звѣздныя.

Въ такомъ патіо встрѣтилъ Бейзымъ цыганскаго короля и повелъ его къ себѣ. Ихъ поджидала Магдалина.

— Сегодня очень интересная коррида — пообѣщалъ Магонъ — участвуютъ Пассада, Бельмонтэ и Лагартиль-

ихо. Первые два только что оправились отъ полученныхъ ранъ. О, это цѣлая исторія! Ихъ сглазила иностранка со змѣиными глазами, къ слову сказать находящаяся въ Гренадѣ... Посмотримъ, посмотримъ... У всѣхъ будетъ приподнятое настроеніе. Бельмонтэ мой пріятель. Я шепнулъ ему, чтобы своего перваго быка онъ посвятилъ вамъ, донья Бейзымъ...

— Что вы, что вы! Хотите, чтобы я на смерть переконфузилась? — вспыхнула Магдалина — вѣдь я же буду центромъ вниманія всего амфитеатра...

— Тѣмъ лучше! Весь амфитеатръ увидитъ, какая очаровательная гостья посѣтила Гренаду! Нѣтъ, право, это совсѣмъ не такъ страшно! Къ тому же, вамъ надо привыкать... Я не сомнѣваюсь, что когда супругъ постигнетъ всю премудрость тауромахіи, онъ заколетъ своего перваго быка въ вашу честь. Не такъ-ли, мосье Бейзымъ?..

— Разумѣется, такъ! — скрѣпилъ Бейзымъ, бросая на жену влюбленный взглядъ и подвигая гостю ящикъ сигаръ не угодно-ли?

— Благодарю васъ, немного погодя закурю — и Магонъ взялъ изъ ящика черную, большую „Педро-Муріасъ“ и положилъ передъ собою. Бейзымъ, отхватилъ тяжелой настольной перламутровой гильотинкою острый кончикъ сигары, зажегъ ее и пустилъ голубоватое, нѣжное облачко дыма.

Цыганскій король насторожившись вдругъ, какъ нервная арабская лошадь, что-то почуявшая въ пустынѣ, тонкими ноздрями потянулъ въ себя воздухъ...

— Странный запахъ... Странный... Я не чувствую аромата, свойственнаго этимъ „Педро-Муріасъ“, сладковатаго, прянаго... Что-то горьковатое. Но что съ вами, дорогой Бейзымъ? Вы поблѣднѣли. Вамъ не хорошо? Бросьте же, бросьте, говорю вамъ!...

Но Бейзымъ не успѣлъ еще „бросить“, какъ Магдалина выхватила у него сигару.

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ тобой, Игнась?

— Ничего... Легкое головокруженіе и мгновенная слабость, упадокъ силъ... Но это пустяки! Это бываетъ у всѣхъ, кто еще не привыкъ въ Испаніи къ оливковому маслу. Здѣсь все у васъ готовятъ и жарятъ на оливковомъ маслѣ.

— Не думаю — усумнился Магонъ — это бываетъ, но тотчасъ же послѣ ѣды... А вы еще не завтракали.

Донья, позвольте мнѣ сигару — и взявъ только что начатую „Педро-Муріасъ“ цыганскій король сталъ обнюхивать ее. По мѣрѣ этого изслѣдованія, его лицо принимало озабоченный видъ. Фиксируя египетскими глазами своими обоихъ супруговъ, онъ значительно молвилъ:

— Сигара отравлена! Слава Богу, что вы еще на успѣли сдѣлать и двухъ затяжекъ.

— Вы шутите? — воскликнулъ Бейзымъ — до того показалось нелѣпымъ предположеніе Магона.

— Ничуть!...

— Но позвольте... Кѣмъ? Съ какой цѣлью? Мы едва-едва успѣли пріѣхать. Въ Гренадѣ, да и, вообще, въ Испаніи у меня нѣтъ враговъ. Всѣ они остались тамъ, на востокѣ. Здѣсь-же?... И, наконецъ, кромѣ прислуги, въ въ наше отсутствіе никто посторонній проникнуть сюда не могъ...

— Я не берусь возстанавливать, какъ именно это произошло, но и не беру назадъ своего утвержденія. Сигара отравлена и, конечно, отравлены всѣ онѣ въ этомъ ящикѣ, ибо лицо, совершившее преступленіе, не знало на какую же именно сигару падетъ первый выборъ. Повторяю, Господь Богъ хранитъ васъ! Слѣпая случайность, что вы поздно вернулись отъ меня и не курили на ночь, а такъ же не курили еще сегодня до моего прихода.

Бейзымъ дѣланно усмѣхнулся, видя, что Магдалина замерла неподвижная, блѣдная, а въ прекрасныхъ глазахъ ея — ужасъ.

— Допустимъ, допустимъ, что вы не ошиблись... Но повторяю, кому это было нужно?

— Кому? Хотя бы вашему другу Ценобіо! Вы думаетъ его людямъ не извѣстенъ каждый вашъ шагъ? У него вездѣ и повсюду свои шпіоны, и я не поручусь, что любой изъ здѣшней прислуги не связанъ такъ, или иначе съ бандой Ценобіе. О, вы не знаете испанскихъ бандитовъ! Это почище Сицилійской мафіи, имѣющей вездѣ свои глаза, свои уши...

— Игнась, я тебѣ говорила... Ты шагу не можешь ступить безъ какихъ нибудь опасныхъ авантюръ... А помнишь, въ Варшавѣ, послѣ той ужасной ночи въ снѣгахъ среди мертвой глуши, ты мнѣ обѣщалъ и вотъ...

— Дорогая моя, никогда не отпираюсь отъ своихъ обѣщаній и всегда выполняю ихъ... Но, согласись же

сама, если бы два дня назадъ въ Севильѣ твой мужъ, возвратившись ночью разсказалъ тебѣ, какъ четверо напали на одного и онъ, твой мужъ, прошелъ мимо безучастнымъ зрителемъ, ты сама отнеслась бы къ нему съ презрѣньемъ... Ты, такая горячая, искренняя, любящая правду? Сознайся, развѣ не такъ?

— Не съ презрѣніемъ, но... — и смущенная Магдалина замялась.

— Довольно! Вы сами себя выдали съ головой! Тѣмъ болѣе, меня еще рано оплакивать. Я живъ! А легкій туманъ въ головѣ — проходитъ.

— Но вѣдь ты былъ на волоскѣ...

— На волоскѣ — не считается! Будемъ гораздо учтивѣй, если мы поблагодаримъ мосье Магона, такъ во время и кстати приказавшаго мнѣ бросить сигару...

— Благодарить? — воскликнулъ Магонъ — за что? Не было-бы Севильи, не было-бы и Гренады! Я лично продолжаю видѣть здѣсь щупальцы этого головорѣза Ценобіо, щупальцы, умѣющія быть длинными, цѣпкими и не рѣдко — смертельными. Но съ вашего разрѣшенія я проинтервьюирую слегка, чуть-чуть камарреру, убирающую ваши комнаты. Мнѣ съ моимъ испанскимъ языкомъ будетъ удобнѣе, чѣмъ вамъ.

Бейзымъ нажалъ кнопку два раза. Вошла старая, сѣдая, вся въ черномъ и въ бѣломъ чепцѣ камаррера.

— Я хочу вамъ задать одинъ вопросъ, мадре, — полушутя обратился Магонъ.

— Хоть цѣлыхъ десять, сеньоръ! — поклонилась камаррера.

— Десять? Какъ вы любезны! Скажите, мадре, когда вы убирали вчера эти комнаты въ единственномъ числѣ, или же вамъ кто-нибудь помогалъ?...

— Лишь только сеньоръ и сеньора уѣхали, оставивъ мнѣ ключъ, я сейчасъ же занялась уборкою... Одна!..

— Въ это время никто не входилъ?

— Ни одна живая душа! А что, развѣ какая-нибудь пропажа, — взволнованно спросила почтенная камаррера.

— Успокойтесь, мадре, ничего не пропало, но есть основаніе думать, что кромѣ васъ здѣсь было еще какое то постороннее лицо...

— Этого не можетъ быть, сеньоръ, — рѣшительно заявила камаррера — покончивъ съ этимъ номеромъ, я спрятала ключъ въ карманъ, убрала еще нѣсколько номе-

ровъ и уже послѣ обѣда ключъ снесла внизъ къ портинайо. И портинайо, — дежурный былъ Амброзіо, — при мнѣ развѣсилъ всѣ ключи на доскѣ по крючкамъ... При мнѣ...

— Вы это хорошо помните?...

— Такъ-же хорошо, какъ день своего Ангела.

— Вы правы, моя мадре, день своего Ангела забыть нельзя. Въ такомъ случаѣ, въ такомъ случаѣ... — соображалъ Магонъ щуря глаза — скажите мнѣ... — въ спальнѣ глухая стѣна, или съ дверью?

— Глухая, сеньоръ, а здѣсь направо изъ салона, какъ вы сами изволите видѣть, — дверь въ сосѣдній номеръ. И ключъ давнымъ-давно вынутъ.

— А кто помѣщается за этой дверью?

— Какой-то молодой эстранхеросъ (иностранецъ).

— Кто такой?

— Не знаю, сеньоръ! Знаю только, что это блондинъ съ большимъ носомъ...

— Блондинъ съ большимъ носомъ? Благодарю васъ, мадре!

— Я больше не нужна, сеньоръ?

— Не смѣю васъ удерживаетъ.

Камарреро удалилась, тряся въ недоумѣніи бѣлымъ чепцемъ своимъ. Она рѣшительно ничего не поняла, но, какъ дисциплинированная прислуга, не посмѣла задавать никакихъ вопросовъ. Магонъ перевелъ Магдалинѣ и Бейзыму свой короткій діалогъ съ камаррерой, добавивъ отъ себя:

— Я ее знаю. Она здѣсь много лѣтъ служитъ и пользуется репутаціей честнѣйшей особы. Ручаюсь головой, съ ея вѣдома и при ея попустительствѣ никто чужой не могъ войти къ вамъ. Остается одно изъ двухъ: либо проникли сюда съ корридора помимо нея, либо вошли черезъ эту дверь изъ комнаты, которую занимаетъ блондинъ съ большимъ носомъ. Вы не успѣли замѣтить блондина съ большимъ носомъ?...

— Успѣли! — отозвалась красавица съ темными, какъ тропическая ночь глазами, — помнишь, Игнась, зловѣщую брюнетку, сидѣвшую съ мужчинами. Одинъ изъ этихъ мужчинъ — плюгавый, еврейскаго типа и, дѣйствительно, съ такимъ носомъ — не можетъ не броситься въ глаза.

— Какъ же, какъ же! — и все мощное тѣло Бейзыма встрепенулось, какъ пронзенное снопомъ электри-

ческихъ искръ. И, подобно другимъ искрамъ, большимъ огненнымъ, бѣгущимъ, кружась въ темной мглѣ, за мчавшимся поѣздомъ, переплетаясь въ картины, въ цѣлыя событія, приключенія, вспыхнули образы... Ему почудилось, что сухая, съ маленькой хищной головой, женщина, сидѣвшая въ обществѣ носатаго блондина — еврея, и сама, вѣроятно, еврейка — не двойникъ замшевой Берты, а сама Берта. Дальнѣйшее не требуетъ поясненія. Она расшифровала его Бейзыма, что такой опытной чекисткѣ не Богъ вѣсть какъ трудно и, въ результатѣ — ящикъ отравленныхъ сигаръ.

Но лишь на какую-нибудь секунду задержался Бейзымъ на охватившемъ его подозрѣніи.

— Чепуха, вздоръ! — пытался онъ себя разувѣрить — не доставало только, чтобы у меня начала развиваться манія преслѣдованія, та самая, которую я всегда такъ безпощадно и зло вышучивалъ у другихъ. Замшевая Берта — чего ей шататься по Испаніи, когда у нея столько дѣла въ Россіи?

И, не высказывая мелькнувшихъ подозрѣній своихъ, чтобы не тревожить и безъ того встревоженную Магдалину, Бейзымъ обратился къ гостю:

— Во всякомъ случаѣ, я думаю, не годится поднимать шумъ, заявлять полиціи, судебнымъ властямъ и тому подобное? Какъ ваше на этотъ счетъ мнѣніе?

— Вполнѣ раздѣляю ваше! Поднятый шумъ вспугнетъ преступника, а такъ втихомолку, своими средствами, быть можетъ что-нибудь выслѣдимъ и откроемъ. Скажу не хвастаясь, мои агенты работаютъ не хуже, если не лучше испанскихъ.

— Пусть будетъ такъ! Но хотѣлось-бы опредѣлить, какимъ же ядомъ отравлены сигары? Надо обратиться къ свѣдующему врачу, или въ какую-нибудь химическую лабораторію, если таковая имѣется въ Гренадѣ.

— Зачѣмъ намъ врачи? Зачѣмъ намъ химическая лабораторія? Зачѣмъ? — возразилъ Магонъ, — когда у насъ есть такая спеціалистка по всевозможнымъ ядамъ, какъ Идресилья?...

— Вы думаете? — усумнился Бейзымъ.

— Не думаю, а знаю! Идресилья въ теченіи всей безконечной жизни своей тщательно изучала яды. Не сомнѣваюсь, что когда я опять буду здѣсь, чтобы ѣхать

вмѣстѣ на бой быковъ, я уже привезу вамъ точный отвѣтъ, для чего разрѣшите мнѣ взять всѣ эти сигары...

— Пожалуйста. Я вамъ сейчасъ заверну ящикъ.

— Только не ящикъ! Его могутъ замѣтить. Лучше я разсую всѣ эти „Педро-Муріасъ“ по карманамъ.

— Слышишь, Магдалина? Какая тонкость! Мнѣ, солдату, и въ голову не могъ придти такой Пинкертоновскій жестъ...

Магонъ ушелъ. Карманы его были набиты сигарами.

17. ПЕРЕДЪ БОЕМЪ.

Прошло два съ половиной мѣсяца.

Эти два съ половиной мѣсяца Бейзымъ жилъ съ Магдалиной въ Кордовѣ, въ маленькой уютной, какъ вилла, гостинницѣ Фонда Спаньола. Вѣрнѣе, ночевалъ, а всѣ дни, съ восходомъ солнца и до самаго вечера, отдавалъ изученію тауромахіи въ „академіи“ маленькаго ростомъ и великаго своей минувшей славою Фраскуэлло.

Тутъ же при „академіи“ помѣщался клубъ торреро, гдѣ по стѣнамъ висѣли головы быковъ, наиболѣе „трудныхъ“ быковъ — трофеи отставного матадора, заколотыхъ его волшебной, не знавшей неуспѣха шпагою.

Эти громадныя, устрашающія рогатыя головы неподвижными стеклянными глазами своими, съ тупо-загадочнымъ величіемъ какихъ-то священныхъ монументальныхъ чудовищъ смотрѣли на сидѣвшихъ за стаканомъ вина бритыхъ, и ловкихъ, гибкихъ людей въ черныхъ, кофейныхъ, фисташковыхъ сомбреро и съ профессіональной колетою (косичкою) на затылкѣ. Это были торреро со всѣхъ концовъ Испаніи.

Они говорили о быкахъ, о красивыхъ, классическихъ ударахъ, которыхъ теперь все меньше и меньше и тайну которыхъ знали Фраскуэлло, Мазантини, Монтесъ, Бомбита-Чико, Герита.

Но нѣтъ уже Монтеса, погибшаго на гастроляхъ въ Мексикѣ, а Бомбита, Мазантини и Герита живутъ на покоѣ, живутъ почище всякихъ грандовъ и никого изъ молодежи не посвящаютъ въ тайны ремесла, сдѣлавшаго ихъ знаменитыми. Говорили, что теперь уже нѣтъ, увы, тѣхъ прежнихъ поклонниковъ и поклонницъ, бросавшихъ тріумфатору на песокъ арены золотые портсигары, брилліантовыя перстни, запонки, трости съ дорогимъ набал-

дашникомъ. А, теперь, въ лучшемъ случаѣ кидаютъ сигары стоимостью въ два реала, а въ худшемъ свою собственную шляпу, зная, что ловкимъ, чисто жонглерскимъ броскомъ побѣдитель-матадоръ пуститъ шляпу снизу вверхъ, въ амфитеатръ и такъ пуститъ, — самый неловкій владѣлецъ поймаетъ. Времена уже не тѣ и не тѣ поклонники, да и меньше ихъ, потому что испанская чернь отравляется соціалистическимъ ядомъ, и меньше увлекается боемъ, чѣмъ прежде. Если нынѣшніе матадоры имѣютъ дорогія подношенія, золотые портсигары, брилліантовыя булавки и перстни — не надо и спрашивать отъ кого? Все это милостиво пожаловано обаятельнымъ королемъ Альфонсомъ, страстнымъ любителемъ „корриды".

Въ Кордуанскомъ клубѣ, въ густыхъ облакахъ сигарнаго дыма, тушевавшихъ, какъ въ туманѣ и бычачьи головы и группы торреро, пившихъ вино и черное густое кофе, началъ появляться Бейзымъ. Сперва кой-кто съ недоумѣніемъ, другіе съ затаенной усмѣшкой встрѣчали коллоса-чужестранца, пріѣхавшаго съ Востока учиться дразнить и колоть быковъ.

Тауромахія всегда считалась въ Испаніи глубоко національнымъ искусствомъ. Чужестранцы не допускались въ это святая святыхъ, въ эту жреческую касту людей арены, цвѣтного плаща и шпаги. Вѣрнѣе, чужестранцы сами себя не допускали. Богатые, съ жиру бѣсившіеся англичане, отъ прихоти и бездѣлья наѣзжавшіе къ маленькому Фраскуэлло брать у него уроки, эти англичане лишь укрѣпляли испанцевъ въ убѣжденіи, что изъ эстранхероса никогда не можетъ выйти ничего путнаго въ дѣлѣ тауромахіи.

Для этихъ англичанъ Фраскуэлло завелъ спеціальныхъ „быковъ", — легкій деревянный скелетъ, обтянутый соломою. Быкъ — величиною съ добраго теленка, подобно игрушечной лошади, снабженъ былъ колесиками. Одинъ изъ помощниковъ маленькаго Фраскуэлло отставной пикадоръ, толкая соломеннаго быка, наступалъ вмѣстѣ съ нимъ. Англичанинъ — ученикъ съ неподвижнымъ, застывшимъ лицомъ дразнилъ плащомъ четвероногаго противника своего на колесикахъ. Въ концѣ концовъ, помощнику надоѣдала эта комедія, соломенный быкъ останавливался и безстрастный англичанинъ пронизывалъ его шпагою, послѣ чего проворныя руки помощника валили на бокъ соломенное чучело къ удовольствію Фра-

скуэлло, взимавшаго за урокъ сто песетъ, и англичанина, воображавшаго себя „настоящимъ“ матадоромъ. Бейзымъ съ первыхъ же дней показалъ, что далеко не всѣ эстранхеросы походятъ на учениковъ — англичанъ. Далеко не всякому испанцу угнаться было за этимъ славянскимъ Геркулесомъ. Совмѣщая въ себѣ опытнаго фехтовальщика, гимнаста, ковбоя и, вообще, смѣлаго и сильнаго спортсмэна, не по росту ловкаго и подвижнаго, Бейзымъ съ каждымъ днемъ оказывалъ блестящіе головокружительные успѣхи. Черезъ двѣ недѣли онъ почти безъ промаха билъ, погружая шпагу до самой рукоятки и пронизывая сердце маленькихъ быковъ. Черезъ шесть — продѣлывалъ то же самое съ мощными, косматыми быками, а черезъ два съ половиною мѣсяца уже могъ подвизаться въ любомъ циркѣ, въ любой „куадрильѣ (труппѣ) изъ наиболѣе громкихъ именъ.

Экспансивные, восторженные испанцы, восхищаясь Бейзымомъ, какъ матадоромъ, полюбили его и какъ человѣка. Онъ плѣнялъ ихъ своей благородной простотою, своей широкой гостепріимной щедростью. Въ клубѣ рѣкою лилась душистая крѣпкая малага. Изъ сосѣдней бодеги, по требованію Бейзыма, ее таскали цѣлыми боченками. Едва ли не каждыйденъ онъ устраивалъ въ клубѣ завтраки и обѣды, ящиками раздаривая гаванскія сигары, до которыхъ всякій испанецъ — великій охотникъ.

Выступать публично Бейзымъ не собирался. Тауромахія нужна была ему постольку, поскольку онъ долженъ былъ играть матадора въ новой фильмѣ римской фабрики „Чинесъ“, въ фильмѣ, сценарій для которой былъ написанъ самымъ Габріэлемъ д' Аннунціо. Но уже давно предполагался въ Мадридѣ благотворительный бой быковъ въ пользу раненыхъ въ Марокко. Эта, назначенная въ августѣ, коррида была животрепещущей злобой дня и рекламировалась по всей Испаніи въ гигантскихъ афишахъ. Вмѣсто обычныхъ трехъ матадоровъ, должно было выступить шесть. Бейзымъ — шестой. Появленіе на Мадридской аренѣ этого чужестранца съ внѣшностью гладіатора, чужестранца, о которомъ такъ много писали, вызоветъ сенсацію.

Билеты были пущены въ продажу чуть ли не по удесятереннымъ цѣнамъ. Изъ Парижа, Лондона, Нью-Іорка ложи заказывались по телеграфу. Помимо Испанской Королевской семьи ожидались высочайшіе гости, — около двадцати принцессъ и принцевъ.

Барышники наживали цѣлыя состоянія, перепродавая билеты въ тридорога, въ пять тысячъ песетъ обошлась такимъ образомъ ложа, купленная Изой Башіаччи. Всѣ ложи были именныя. Въ близкихъ къ аренѣ кругахъ извѣстно было, что этотъ парадный бой быковъ не обойдется безъ фатальной чужестранки, имѣющей „дурной глазъ“. Одно ея присутствіе всегда сопровождается какимъ-нибудь несчастьемъ. Особенно волновались сестры и жены матадоровъ. Они дали клятву Пречистой Дѣвѣ, что если кто-нибудь изъ близкихъ будетъ раненъ быкомъ, онѣ разорвутъ на части Изу Башіаччи. Не спасутъ ее отъ возмездія никакія жандармы, никакія карабинеры. Онѣ подстерегутъ ее, эту злую, сухощавую колдунью и расправятся по своему, разъ навсегда!..

18. ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ.

Въ лучшемъ номерѣ лучшаго отеля на площади Пуэрта-дель-Соль красавецъ-матадоръ Бельмонтэ совершалъ свой туалетъ передъ корридой. Сложный туалетъ! Врядъ ли самая отъявленная, влюбленная въ себя кокетка тратитъ столько времени — цѣлыхъ два часа — на приведеніе въ полную боевую готовность, сколько надобно каждому „человѣку плаща и шпаги“, дабы онъ могъ появиться на аренѣ передъ толпою, капризной, какъ всякая толпа, то возносящая матадора, какъ полу-бога, то провожающая его рѣзкимъ оглушительнымъ свистомъ. Бельмонтэ, — двадцатичетырехлѣтняя знаменитость, — проснулся поздно. Необходимо было выспаться вволю, тѣлу дать полный, какой только можно, отдыхъ. Вскочивъ съ кровати, Бельмонтэ занялся гимнастикою. И ноги, и руки, и торсъ, поясница, все должно быть гибкимъ, подвижнымъ, упругимъ. Бельмонтэ сдѣлалъ около сотни присѣданій, быстро опускаясь съ выброшенными передъ собою руками и такъ же быстро вскакивая и откидывая руки назадъ. Онъ бѣгалъ на мѣстѣ, касаясь ковра одними пальцами ногъ и высоко подымая колѣни. Со стороны можно было подумать, что бритый, въ полосатой пиджамѣ Бельмонтэ съ трехвершковой колетою (косичкой) на затылкѣ, сообщавшей ему немного дикій видъ, пляшетъ однообразный воинственный танецъ какихъ-нибудь ирокезовъ или команчей.

Послѣ гимнастики, онъ принялъ теплую ванну. Послѣ нея холодный, обжигающій душъ. А потомъ онъ легъ на диванъ, застланный мохнатой простынею, и слуга, неудачникъ-пикадоръ, сломавшій себѣ ногу, началъ массировать своего господина. Массажъ смѣнился волосяной перчаткою. Надѣвъ ее себѣ на руку и смачивая время отъ времени одеколономъ, слуга до красна растиралъ ею холодное тѣло красавца Бельмонтэ.

Минутъ двадцать, закрывъ глаза, ритмично дыша, лежалъ и только уже около часу дня съѣлъ, вѣрнѣе выпилъ, легкій завтракъ изъ двухъ стакановъ шоколада съ бисквитами. Больше ничего не будетъ ѣсть уже до самой корриды. И не только одинъ Бельмонтэ. Никто изъ людей арены, въ теченіи двухъ часовъ, ежеминутно рискующихъ получить прямо въ животъ добрую пару бычьихъ роговъ, не ѣстъ плотно, ибо рана при полномъ желудкѣ сплошь да рядомъ — смертельна. Не успѣлъ Бельмонтэ покончить со своимъ шоколадомъ, начали собираться поклонники. Они считали за особую для себя честь быть допущенными къ знаменитости въ часы парадnаго туалета. И это не были сплошь какіе-нибудь разбогатѣвшіе лавочники, а были среди нихъ и люди голубой крови, съ длинной такой же длинной, какъ и ихъ историческія фамиліи, — родословною. Бельмонтэ велѣлъ подать сигары и кофе. Прихлебывая изъ маленькихъ чашечекъ ароматный, густой напитокъ и дымя сигарами, поклонники обсуждали предстоящую корриду.

Молодой герцогъ Альба, прямой потомокъ сжигавшаго еретиковъ герцога Альбы, камергеръ короля Альфонса, пріѣхавшій послѣ дворцоваго завтрака, сообщилъ, что въ циркѣ будетъ около двадцати принцесъ и принцевъ.

— Карамба! — воскликнулъ Бельмонтэ — передъ такой блестящей публикой мнѣ никогда не приходилось еще работать!

И съ этими словами онъ отдалъ себя въ распоряженіе парикмахера. Чистое выбритое лицо покрылось густымъ слоемъ пудры. Веселый и юркій мадридскій фигаро ловко прикрѣпилъ искусственную колету къ природной, замаскировавъ мѣсто соединенія черной кокардой. А въ это самое время слуга натягивалъ на мускулистыя ноги Бельмонтэ шелковыя сиреневыя чулки. За чулками — узкія до колѣнъ сиреневаго же цвѣта, золотомъ расшитые панталоны. Вокругъ тонкой таліи обвернутъ былъ

шелковый поясъ въ пять метровъ длины. Для этого Бельмонтэ долженъ былъ подняться. Слуга разворачивалъ тончайшій нѣжный шелкъ, а Бальмонтэ кружась на мѣстѣ, обматывалъ его вокругъ себя. Затѣмъ надѣта чекетилья — такая же, какъ и панталоны сиреневая, расшитая золотомъ коротенькая до пояса, куртка съ острымъ вырѣзомъ на груди. Въ длинномъ узенькомъ галстухѣ загорѣлась булавка съ брилліантовой короною — высочайшій подарокъ. Слуга увѣнчалъ голову своего господина плоской черной кружевной шляпою и, — туалетъ готовъ.

Вышелъ Бейзымъ. Онъ долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ Бельмонтэ въ одной коляскѣ. И самъ Бельмонтэ и всѣ его поклонники залюбовались геркулесовской фигурою Бейзыма, одѣтаго польскимъ соколомъ. Тонкая шелковая малиноваго цвѣта рубаха намѣчала богатырскій рельефъ груди и ширину гладіаторскихъ плечъ. Въ рукѣ Бейзымъ держалъ свѣтло-сѣрую куртку, на подобіе гусарской венгерки. Лихо сдвинута на бокъ круглая небольшая шапочка, съ соколинымъ перомъ.

И когда они очутились рядомъ Бельмонтэ и Бейзымъ, — сверкающій золотымъ шитьемъ матадоръ показался хрупкимъ игрушечнымъ человѣкомъ бокъ о бокъ съ этимъ гигантомъ.

— Другъ мой, — улыбаясь замѣтилъ Бельмонтэ, — у васъ такой устрашающій видъ! Клянусь колокольнею Санъ-Педро, быки будутъ бѣгать не за вами, а отъ васъ... Ну, что ваша супруга? Волнуется?

— Да, есть немного... Это не помѣшаетъ, однако, ей быть въ циркѣ...

Кругомъ — легкій гулъ изумленія и протеста.

— Что вы говорите? Это невозможно! — воскликнулъ Бельмонтэ. — Этакъ недолго навлечь на себя несчастье! Когда матадоръ на аренѣ — жена его молится въ часовнѣ, чтобы Пречистая Дѣва даровала ему успѣхъ и побѣду...

— Пусть будетъ такъ — молвилъ Бейзымъ. — Я хотя и не профессіоналъ, а любитель, но не хочу нарушать красивыхъ традицій. Пойду сказать, чтобы не ѣхала...

Бейзымъ вышелъ, оставивъ впечатлѣніе необыкновенной силы и мощи. Осталось у всѣхъ еще и другое впечатлѣніе: съ его уходомъ, въ большомъ номерѣ, свободно вмѣщавшемъ пятнадцать человѣкъ, сдѣлалось сразу

какъ-то просторнѣй. Герцогъ Альба — спортсмэнъ, много колесившій по бѣлу свѣту и гдѣ, гдѣ только не побывавшій, сказалъ съ восхищеніемъ:

— Я не видалъ такого атлета съ такой гармоничностью всѣхъ пропорцій! Онъ высокъ, но не длиненъ, могучъ, но не массивенъ, крупенъ, но не тяжелъ. Интересно, очень интересно какимъ онъ, этотъ полякъ, будетъ сегодня въ циркѣ?

— Только-бъ не сглазила его эта проклятая, — чтобы ей лопнуть на мѣстѣ, — чужестранка! — отозвался другой поклонникъ, менѣе аристократическій и блестящій, чѣмъ герцогъ Альба. Не титулованный дворянинъ и даже совсѣмъ не дворянинъ, а скромный владѣлецъ бодечи и, какъ и подобаетъ владѣльцу бодечи — красный, тучный, обливающійся потомъ.

Нѣсколько паръ негодующихъ глазъ уставилось на него. Нѣсколько головъ укоризненно качнулось. Владѣлецъ бодечи самъ понялъ свою безтактность и прикусилъ языкъ. Но было уже поздно. Слово не воробей, вылетитъ, не поймаешь.

Напудренное безстрастное лицо Бельмонтэ помрачнѣло, нахмурился лобъ и между бровями легли двѣ поперечныя складки. Онъ вспомнилъ дурной глазъ чужестранки, на мѣсяцъ приковавшій его къ постели. Онъ совсѣмъ забылъ и если-бы не этотъ толстокожій болванъ... Бельмонтэ даже не посмотрѣлъ на владѣльца бодечи, но это было невыносимѣй какихъ угодно убійственныхъ взглядовъ.

Появленіе Бейзыма вспугнуло, разсѣяло напряженную неловкость.

Слуга подалъ своему господину цвѣтной, подбитый розовымъ шелкомъ плащъ. Бельмонтэ живописно завернулся въ него, оставивъ свободными правое плечо и правую руку. Осмотрѣлся съ ногъ до головы въ трюмо и легкой, эластичной поступью, съ гордо поднятой головою, направился къ дверямъ. Кто-то предупредительно распахнулъ ихъ. Съ этого момента онъ уже больше не принадлежалъ самому себѣ. Онъ принадлежалъ толпѣ, становясь ея рабомъ и ея кумиромъ.

Внизу ждала открытая коляска. Толпа тѣснымъ кольцомъ обступила и коляску и лошадей. И всѣ съ завистью смотрѣли на бритаго кучера въ цилиндрѣ съ кокардою и въ синей ливреѣ съ металлическими пуговицами.

Еще-бы, этотъ человѣкъ черезъ весь Мадридъ повезетъ знаменитаго Бельмонтэ на плацца де-Торросъ! И когда самъ Бельмонтэ засверкалъ на солнцѣ, какъ очаровательный принцъ волшебной фееріи, сотни сомбреро полетѣли въ воздухъ и сотни глотокъ закричали:

— Олэ, нашъ славный Бельмонтэ!... Олэ!

Эти-жъ экспансивные испанцы бурно восхищались исполинскимъ Бейзымомъ.

— Экко унъ грандо полакко! Олэ, полакко!... Олэ, ель, челебре гладіаторе!...

Бельмонтэ и Бейзымъ сѣли въ экипажъ. Кучеръ щелкнулъ бичемъ. Толпа нехотя давала дорогу, какъ бы задерживая въ плѣну у себя пассажировъ коляски, чтобы лишнюю минуту полюбоваться ихъ великолѣпіемъ.

И площадь Пуэрта-дель-Соль и всѣ широкія, улицы ведущія къ цирку, являли собою одинъ сплошной хаосъ, одно столпотвореніе вавилонское. Въ человѣческомъ морѣ, запрудившемъ и панели и все, двигались съ черепашьей медленностью одинъ за другимъ перегруженные трамваи, по случаю корриды, по крайней мѣрѣ, удесятерившіе обычное число вагоновъ. Съ такой же черепашьей медленностью прокладывали себѣ путь автомобили, кареты, ландо и коляски.

Дамы въ мантильяхъ, обмахиваясь вѣерами, улыбаясь, кокетничали съ сидѣвшими противъ нихъ кабаллеросами.

Конные жандармы и карабинеры, усатые, въ треуголкахъ и въ киверахъ, изо всѣхъ силъ старались расчистить густое человѣческое мѣсиво.

На худыхъ клячахъ, глубоко сидя въ мексиканскихъ сѣдлахъ, ѣхали пикадоры въ мексиканскихъ сомбреро и въ яркихъ расшитыхъ серебромъ куртках. За ними, подобно оруженосцамъ, на такихъ же клячахъ, съ копьями и въ красныхъ рубахахъ — юные помощники пикадоровъ.

И сквозь гулъ и жужжаніе толпы на множество оттѣнковъ и ладовъ повторялось одно слово:

— Коррида... коррида... коррида...

Вдругъ всю эту людскую гущу, которой хватило бы на двадцать уѣздныхъ городовъ, словно пронизало электрическимъ токомъ... Жандармы съ искаженными лицами, искусно управляя монументальными лошадьми своими, осаживали толпу къ панелямъ. Да и сама толпа охотно

очищала улицы... Несся на рысяхъ полу-эскадронъ голубыхъ гусаръ — личный королевскій конвой...

Въ открытой коляскѣ, съ кучеромъ въ раззолоченной треуголкѣ и въ длинномъ сѣдомъ парикѣ, сидѣли Ихъ Величества. Король Альфонсъ, отвѣчая на привѣтствія, все время держалъ свою руку въ бѣлой перчаткѣ у черной лакированной каски съ бѣлымъ султаномъ. Королева, вся въ темномъ и въ черной мантильѣ, раскланивалась на обѣ стороны.

Вслѣдъ за королевскимъ экипажемъ — еще полу-эскадронъ голубыхъ гусаръ и уже за ними рядъ придворныхъ колясокъ и съ инфантомъ королевскаго дома и высочайшими гостями — около двадцати иностранныхъ принцессъ и принцевъ.

19. ГЛАДІАТОРЫ ДВАДЦАТАГО ВѢКА.

Въ парадномъ выходѣ на арену всей каудрильи Бейзымъ участія не принималъ. Во первыхъ, онъ любитель, а, во вторыхъ, его костюмъ, его исполинскіе размѣры нарушили-бы гармонію группы худощавыхъ, средняго роста человѣчковъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ, мелькающихъ ногами въ шелковыхъ чулкахъ телѣснаго и сиреневаго цвѣта. Ему очень хотѣлось понаблюдать церемонію выхода, исключительнаго по торжественности своей, но показывать ся самому неудобно было. А гдѣ-нибудь, спрятавшись, ничего не увидишь. Поэтому, въ ожиданіи своего собственнаго появленія, онъ рѣшилъ взглянуть на быковъ, принесенныхъ въ жертву этой корридѣ. Наблюдать ихъ можно было сверху, съ узенькаго, длиннаго мостика. Подъ этимъ мостикомъ въ массивныхъ деревянныхъ загородкахъ, глухо стуча копытами, тяжело сопя, топтались громадные быки. Видъ и запахъ этихъ громадныхъ и сильныхъ животныхъ напомнили Бейзыму родную Волынь, родную усадьбу въ двухъ километрахъ отъ большевитской границы. И страннымъ показалось... Онъ, волынскій помѣщикъ, бывшій русскій офицеръ-кавалеристъ, а теперь маіоръ запаса молодой польской арміи, очутился вдругъ въ столичномъ городѣ далекой, почти фантастической страны, чтобы черезъ какихъ-нибудь четверть часа выступить передъ экспансивной двадцатипятитысячной толпою и, къ бурному ея удовольствію, заколоть парочку этихъ быковъ, тамъ

внизу подъ мостикомъ все болѣе и болѣе свирѣпѣющихъ отъ голода. Всю минувшую ночь и всю половину дня ихъ держали на строгой діетѣ, дабы вывести изъ тупого бычачьяго равнодушія и сдѣлать болѣе стремительными въ атакахъ на конныхъ и пѣшихъ торреро.

И еще страннымъ казалось ему: здѣсь такая безмятежная, безлюдная тишина подъ яснымъ куполомъ Кастильскаго неба, а въ какой-нибудь сотнѣ другой шаговъ затаился амфитеатръ съ населеніемъ большого города. Затаился, предвкушая бьющее по нервамъ зрѣлище... И вдругъ словно кто-то разорвалъ отъ края до края эту тишину, тишину съ такимъ сердитымъ посапываніемъ быковъ съ налитыми кровью глазами. Это — рѣзкіе, воинственные звуки жестокаго, почти кровожаднаго марша... Онъ одинаково возбуждаетъ и зрителей и участниковъ боя, притупляя и у тѣхъ и у другихъ чувство жалости.

Вотъ что происходило въ циркѣ...

Въ напряженномъ безмолвіи слышенъ былъ легкій шелестъ бумажныхъ цвѣтныхъ вѣеровъ. Ими обвѣвались мужчины и женщины, сидѣвшіе на солнечной, болѣе дешевой сторонѣ. Зелеными, желтыми, голубыми, красными, синими, оранжевыми трепещущими въ воздухѣ мотыльками чудились эти вѣера.

И плебсъ солнечной стороны и аристократическія ложи сомбры (тѣневой) одинаково изнемогали отъ нетерпѣнія. Казалось, что секунды выростаютъ въ минуты, а минуты въ часы...

Распахнулись обѣ половины низкихъ воротъ и подъ звуки фанфаръ выѣхали на арену два альгвазила на горячихъ вороныхъ лошадяхъ. Оба всадника, — отголосокъ средневѣковья. Черныя шляпы съ громадными страусовыми перьями, черныя одежды съ бѣлой пѣною кружевъ. Рыцарскія перчатки съ раструбами до локтей. Альгвазилы коротким шагомъ пересѣкали арену по діаметру и, сдерживая горячащихся лошадей, глядя снизу вверхъ на королевскую ложу, сняли шляпы. Въ отвѣтъ подъ лакированной каской улыбнулось продолговатое лицо и рука въ бѣлой перчаткѣ ловкимъ привычнымъ движеніемъ бросила тяжелый ключъ, описавшій дугу надъ амфитеатромъ повернувшихся къ королевской ложѣ головъ и упавшій въ подставленную шляпу одного изъ альгвазиловъ. Значеніе этого ключа — символическое. Сигналъ

къ началу боя. Обыкновенно этотъ сигналъ дается изъ ложи алькада (бургомистра), во дни же высочайшаго присутствія, какъ и въ данномъ случаѣ, — изъ королевской.

Циркъ огласился воинственнымъ маршемъ. Изъ этихъ же самыхъ воротъ, гдѣ только-что скрылись черные траурные альгвазилы, вышла, засверкала, заискрилась, стройно шагая подъ музыку вся куадрилья. Впереди — пять матадоровъ съ красавцемъ Бельмонтэ на правомъ флангѣ. На лѣвой рукѣ у каждаго — капа (плащъ), въ правой — шпага. За ними шли бандерильеросы, кападоры. Этотъ феерическій кортежъ имѣлъ въ аррьергардѣ своемъ конныхъ пикадоровъ. Пересѣкши арену, куадрилья остановилась. Матадоры сняли шляпы. Бельмонтэ обратился съ привѣтствіемъ къ ложѣ короля. Этимъ заключилось пышное вступленіе. Спокойный декоративный прологъ. Прологъ къ драмѣ. Въ отлично сыгравшейся труппѣ этихъ современныхъ гладіаторовъ, каждый хорошо зналъ и свое мѣсто и свою роль. Пять матадоровъ надѣли свои пять кружевныхъ черныхъ шляпъ а пять своихъ нарядныхъ плащей передали въ амфитеатръ своимъ друзьямъ и барьеры пяти ложъ, какъ трофеями, украсились этими капами. Вмѣсто капъ у матадоровъ остались мулеты — квадратные куски красной матеріи, подобно флагу, натянутые одной стороною на палку. Вся куадрилья свободно, легко и стройно, какъ бы исполняя одну изъ фигуръ балетнаго танца, разсыпалась въ тѣни арены. Пикадоры, подбоченясь, съ длинной гароччею на готовѣ, заняли свои позиціи вдоль барьера.

Выбѣжалъ длинный, черный быкъ, встрѣченный тысячеголосымъ радостнымъ гуломъ. И этотъ гулъ, и это яркое солнце, отъ котораго онъ успѣлъ отвыкнуть за два-три дня, въ полумракѣ своего заточенія, и цвѣтныя фигурки и лошади, такія доступныя чудовищнымъ рогамъ, все это на мигъ ослѣпило, ошеломило быка и тотчасъ же привело въ бѣшенство. Онъ голоденъ, а тутъ, не угодно ли, его дразнятъ красные мулеты матадоровъ и цвѣтные капы всѣхъ остальныхъ торреро.

И неуклюжій, дикій заметался онъ то нелѣпой рысцою, то еще болѣе нелѣпымъ галопомъ, то нелѣпыми скачками, обрушиваясь всей мощью, всей тяжестью своею на хрупкихъ цвѣтныхъ человѣчковъ, съ такой непо-

стижимой ловкостью ускользающихъ отъ него, что рога встрѣчаютъ одинъ только воздухъ...

Но если не уязвимы люди, то ужъ онъ вдоволь потѣшится надъ лошадьми, смиренно ожидающими своей участи! Ближайшій пикадоръ нацѣливаетъ копье. Быкъ, опустивъ голову, спружинивъ шею, дѣлаетъ бросокъ и такъ вонзаетъ рога въ животъ лошади и такъ круто ее взметаетъ на дыбы, что она опрокидывается навзничь вмѣстѣ съ пикадоромъ, успѣвшимъ воткнуть свое копье въ шею животнаго и окрасить черную шерсть густой, темно-алой кровью. Кападоры отвлекаютъ быка назойливымъ мельканіемъ своихъ плащей, а нѣсколько рукъ подхватываютъ пикадора и онъ убѣгаетъ, тяжело сѣменя ногами, забронированными до колѣнъ въ желѣзныя голенища подъ широкими мексиканскими панталонами. Цвѣтной человѣкъ, приподнявшись на носкахъ своихъ туфелекъ, высоко держа надъ головою двѣ бандерильи — короткія стрѣлы съ цѣпкими острыми крючками на концахъ, — манитъ быка на себя. Тотъ ураганомъ мчится, вотъ-вотъ раздавитъ человѣка, смететъ, уничтожитъ...

Всѣ затаили дыханіе, но торреро неуловимымъ движеніемъ воткнулъ уже свои бандерильи. Онѣ болтаются съ обѣихъ сторонъ шеи быка, а самъ торреро уже далеко, уже срываетъ аплодисменты. И есть за что аплодировать. Быкъ уже касался рогами его расшитой золотомъ чекетиліи...

Все это пока была, такъ называемая, черная работа, хотя и имѣющая свои тонкости, своихъ мастеровъ, своихъ цѣнителей. Главное же — матадоры. Экономя силы и свѣжесть, они въ красивыхъ позахъ у барьера, то наблюдаютъ бой, то переглядываются со знакомыми и друзьями.

Бельмонтэ увидѣлъ сидѣвшую въ ложѣ Изу Башіаччи. Увидѣлъ ея сухой птичій профиль. Увидѣлъ змѣиные глаза и плотно сжатую линію губъ.

— Тебѣ мало, проклятая? — и незамѣтно вытянулъ онъ къ чужестранкѣ два пальца — указательный и мизинный, всѣ остальные плотно сжавъ въ кулакъ. Это хорошо помогаетъ отъ дурного глаза. Если вначалѣ Бельмонтэ испытывалъ какой-то волнующій холодокъ, то послѣ „комбинаціи изъ двухъ пальцевъ“, успокоился. Замѣтивъ, что его лорнируетъ изъ ложи принцесса ин-

фанта Беатриче, онъ принялъ картинную, дышащую величавымъ достоинствомъ позу.

Бандерильеро, менѣе удачливый, нежели первый, не успѣлъ воткнуть быку бандерильи. Быкъ свалилъ, опрокинулъ на песокъ двуногаго противника своего, но одинъ изъ бывшихъ на чеку торреро — они всегда на чеку — схватилъ быка за хвостъ. Оттянуть чудовище онъ, разумѣется, не могъ, а могъ лишь отвлечь его вниманіе, что и удалось. Быкъ, оставивъ свою жертву, помчался за новымъ противникомъ. Торреро, добѣжавъ почти вплотную до самаго барьера — казалось быкъ вотъ-вотъ пригвоздитъ его — ускользнулъ и быкъ съ размаху такъ угодилъ рогами и лбомъ въ барьеръ, что на секунду обалдѣлъ, тряся головою. Вмѣстѣ съ нею тряслись, ударяя другъ о друга сухимъ щелкавшимъ звукомъ, древка бандерилій...

Но вотъ взмахнула передъ влажнымъ носомъ дразнящая пестрая капа и съ новымъ приливомъ бѣшенства понесся галопомъ быкъ за новымъ противникомъ. Положительно этотъ быкъ такой свирѣпый, живой, полный движенія въ предѣлахъ неповоротливой туши, имѣлъ успѣхъ у публики.

— Олэ, олэ! — поощряла его солнечная сторона и тамъ же слышалось:

— Карамба, какъ онъ свѣжъ еще — быкъ! О, этотъ красавчикъ Бельмонтэ еще повозится съ нимъ!...

Да этотъ быкъ принадлежалъ красавцу Бельмонтэ. Съ мулетой и шпагой, мелкими граціозными шагами балетнаго танцора, съ презрительной улыбкой на бритыхъ губахъ, направился Бельмонтэ къ быку и началась опасная, жуткая игра, захватившая весь амфитеатръ.

Все, что было до сихъ поръ искусснаго, смѣлаго, рискованнаго тотчасъ-же померкло, поблѣднѣло и стушевалось по сравненію съ тонкой, художественной, чисто ювелирной „работою“ Бельмонтэ.

20. ВЫСТУПЛЕНІЕ БЕЙЗЫМА.

Бельмонтэ игралъ не только съ быкомъ, онъ игралъ съ своей собственной жизнью. Онъ то и дѣло касался роговъ золотымъ шитьемъ своей чекетильи и только чудесами изумительной ловкости выходилъ невредимый изъ самыхъ катастрофическихъ моментовъ. Быкъ, уже

вспотѣвшій, взъерошенный, остановился, зловѣще опустивъ голову и пѣна густыми обильными клочьями падала на песокъ съ его морды. А Бельмонте въ полушагѣ отъ налитыхъ кровью глазъ, поднявъ мулету и какъ бы подставляя грудь, капризно топалъ ногою. Быкъ дѣлалъ бросокъ впередъ и встрѣчалъ... пустоту Бельмонтэ уже сбоку, уже манилъ его своей красной мулетою. Быкъ гонялся за Бельмонтэ по всему цирку и однажды у самаго барьера нагналъ его, но Бельмонтэ однимъ прыжкомъ перемахнулъ черезъ барьеръ высотою въ два метра и быкъ неуклюжій и страшный, взгромоздившись на дыбы, забарабанилъ копытами по барьеру, дробя въ щепы толстыя доски.

Бельмонтэ уже вновь на аренѣ и, настигнувъ быка, гладитъ его по лбу и ерошитъ между рогами густую шерсть.

Толпа изнемогаетъ отъ сильныхъ ощущеній. Ей уже хочется, чтобы матадоръ покончилъ съ быкомъ. Она кричитъ:

— Мата, мата! (бей)...

Но Бельмонтэ желаетъ еще поиграть на нервахъ. И слѣдуютъ одинъ за другимъ головоломные трюки. Онъ становится передъ быкомъ на колѣни, простирая вверхъ обѣ руки и вскакиваетъ, лишь, когда быкъ уже готовится взметнуть его на воздухъ.

Схвативъ гароччу пикадора и, пользуясь ею, какъ шестомъ, Бельмонтэ съ разбѣгу прыгаетъ черезъ всю длину быка, описывая надъ чудовищемъ красивую дугу, такой нарядный, сиреневый, сверкающій золотомъ. Бельмонтэ беретъ легкій стулъ и усаживается посерединѣ арены. Быкъ, торжествуя побѣду, кидается на человѣка. Двадцать тысячъ зрителей замираетъ. Гибель матадора неминуема. Никакая сила не спасетъ его на этотъ разъ. Но въ самый мигъ удара, Бельмонтэ уже нѣтъ на стулѣ и, подброшенный рогами, стулъ взлетаетъ вверхъ на три человѣческихъ роста, падаетъ и быкъ изливаетъ на немъ свою неудовлетворенную злобу, топчетъ въ мельчайшіе кусочки.

— Мата! Мата! Мата! — уже не проситъ, не требуетъ, а умоляетъ амфитеатръ.

Уже не только падаетъ съ морды бѣлая пѣна, уже весь быкъ въ мылѣ и тяжело и мрачно сопитъ. Бельмонтэ медленно подходитъ къ нему, волоча по песку

мулету и поднявъ для удара шпагу. Въ гробовой затаившейся тишинѣ чудится шелестъ бумажныхъ вѣеровъ. Напряженныя лица, застывшіе глаза. Бельмонтэ дѣлаетъ колющее, короткое движеніе шпагой, касаясь остріемъ между рогами. Это столь же трудный, сколь и эффектный ударъ. Необходимо сквозь кожу и шерсть попасть въ одну точку, поразить мозжечекъ. Надавить кнопку жизни. И Бельмонтэ надавилъ ее. Быкъ опустился на колѣни, какъ-бы признавъ могущество человѣка, рухнулъ на песокъ.

Обезумѣвшій отъ восторга циркъ застоналъ, разразился громомъ рукоплесканій.

Еще не успѣли отгорѣть и стихнуть овація по адресу Бельмонтэ, едва успѣла тройка лошадей, расцвѣченныхъ національными флагами, выволокти убитаго быка, а уже на аренѣ очередная жертва слѣдующаго матадора, смуглаго, сухого Манолетэ. За Манолетэ слѣдовалъ Посада, за Посада — Эспартеро, еще кто-то и вновь пришлось начинать красавцу Бельмонтэ.

Интересъ къ нему уже притупился. Во-первыхъ, онъ уже превзошелъ самого себя и врядъ-ли блеснетъ чѣмъ нибудь новымъ, во-вторыхъ, публика уже успѣла насытиться кровавымъ опьяняющимъ спектаклемъ, а въ третьихъ, вообще вниманіемъ овладѣлъ уже появившійся на аренѣ гигантъ въ малиновой рубахѣ, этотъ сказочный польскій геркулесъ, отъ котораго ждали не простой силы, не простой ловкости, не простого умѣнія, а какихъ-то невиданныхъ и не слыханныхъ подвиговъ.

Въ ожиданіи своего быка, Бейзымъ на ряду со всѣми остальными торреро принималъ участіе въ общей игрѣ. И весь циркъ съ изумленіемъ убѣдился, что тяжелый монументальный атлетъ въ быстрыхъ, легкихъ движеніяхъ и въ гибкости — ничуть не уступаетъ ни одному изъ этихъ испанцевъ, отличающихся цѣпкой, чисто обезьяньей неуловимостью.

Бельмонтэ готовился поразить второго быка своего, Бейзымъ — на чеку. Въ опасный моментъ, буде такой случится, онъ выручитъ Бельмонтэ.

На этотъ разъ Бельмонтэ хотѣлъ убить не уколомъ въ мозжечекъ, а классическимъ ударомъ, пронизавъ шпагою шею до самаго сердца. Загнанный, затравленный, увѣшанный тарахтящими бандерильями, быкъ сталъ. Бельмонтэ опустилъ мулету. Быкъ опустилъ голову. Бель-

монтэ нацѣлился шпагою, но едва-едва успѣлъ вонзить кончикъ. Быкъ съ трясущейся надъ рогами сталью ринулся на Бельмонтэ, сбивъ съ ногъ и спружинивъ шею, чтобы глубоко проткнуть рогами животъ разметавшагося на пескѣ матадора.

Страшное, жуткое мгновенье. Двадцать тысячъ человѣкъ переживали его какъ одинъ. И всѣ эти двадцать тысячъ, тиская руки, ломая пальцы, перегибались внизъ, словно думая этимъ движеніемъ остановить быка, отдалить нависшій надъ Бельмонтэ ужасъ.

Напрасно двое торреро, махая плащами у самой морды, пытались отвлечь быка на себя. Разъяренное чудовище, доведенное до изступленія этимъ поверженнымъ цвѣтнымъ человѣчкомъ, ушло цѣликомъ въ свою жажду расправы и мести. И тутъ-то, когда уже не на что было больше надѣяться, подоспѣлъ Бейзымъ. Онъ схватилъ быка за хвостъ и, зарывшись ногами почти по колѣни въ песокъ, откинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, напрягши всю свою силу, рванулъ животное къ себѣ. Будь это обыкновенный средній человѣкъ, быкъ и не почувствовавъ его у себя на хвостѣ, пригвоздилъ бы матадора къ аренѣ. Но Бейзымъ, послѣднимъ могучимъ напряженіемъ мускуловъ, такъ дернулъ тяжелое массивное чудовище, что оно сразу осѣло на заднія ноги. Бельмонтэ спасенъ. Вскочивъ, онъ выдернулъ изъ быка свою шпагу и снова былъ готовъ къ борьбѣ, а быкъ уже несся галопомъ черезъ всю арену за однимъ изъ цвѣтныхъ человѣчковъ. Бельмонтэ, еще блѣдный и съ ужасомъ смерти въ глазахъ, крѣпко жалъ руку Бейзыма, побагровѣвшаго, со вздувшейся по срединѣ лба синей жилкою...

Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ въ Испаніи бой быковъ, на протяженіи цѣлыхъ столѣтій, было невиданнымъ зрѣлищемъ, чтобы какой-нибудь торреро могъ осадить быка на заднія ноги, какъ это сдѣлалъ сейчасъ этотъ легендарный атлетъ съ Востока. Феноменальное проявленіе человѣческой силы вызвало бурный энтузіазмъ. Циркъ загудѣлъ, заревѣлъ, застоналъ. Кричали до хрипоты. Стучали палками, ногами, зонтиками. На арену дождемъ полетѣли сомбреро, трости, кожанныя подушки. Женщины бросали свои платки, вѣера.

Толпа изнемогала:

— Олэ, Бейзымо! Олэ!

Бейзымъ, смущенный, съ блуждающей улыбкою, кланялся на всѣ стороны, поднимая кверху обѣ руки, какъ это дѣлаетъ торреро.

Черезъ нѣсколько минутъ только все утихло, угомонилось и всѣ сомбреро, мантиліи, трости были возвращены по воздуху владѣльцамъ и владѣлицамъ. Лишь тогда Бельмонтэ, заманивъ быка въ тѣнь къ барьеру, ловкимъ и сильнымъ ударомъ свалилъ его замертво.

Вотъ наконецъ — послѣдній. Быкъ Бейзыма. Въ трудномъ положеніи очутился Бейзымъ. Ставъ вдругъ сразу всеобщимъ любимцемъ, онъ долженъ былъ оправдать этотъ горячій потокъ неожиданныхъ, такихъ завидныхъ симпатій. Тѣмъ болѣе, испанская цирковая толпа такъ измѣнчива. Сейчасъ кожанныя подушки летятъ на арены въ знакъ восторга, а спустя секунду такой же подушечный дождь — показатель протеста, неудовольствія.

Но Бейзымъ не только удержалъ симпатіи, а еще болѣе разжегъ и закрѣпилъ ихъ. Тряхнувъ стариною, вспомнивъ свои ковбойскіе трюки, онъ окончательно завоевалъ публику.

Бросивъ мулету и шпагу, онъ съ голыми руками преслѣдовалъ быка и однимъ прыжкомъ вскочивъ ему на спину, ѣздилъ на немъ верхомъ.

Ошеломленный такой неслыханной дерзостью, быкъ вскакивалъ на дыбы, брыкался задними ногами, но ни какъ не могъ сбросить крѣпко сидящаго всадника.

И долго продолжалась эта игра подъ сплошной хохотъ развеселившагося амфитеатра. Наконецъ Бейзымъ, соскочивъ въ послѣдній разъ съ быка, пошелъ на него съ мулетой и шпагой. Мощный художественный ударъ, вогнавшій шпагу по самую рукоятку, пронзившій сердце, и быкъ съ цѣлымъ фонтаномъ крови, хлынувшей изъ морды, упалъ къ ногамъ побѣдителя. Бейзымъ вытащилъ окровавленную шпагу и держа ее надъ головой, обходилъ арену подъ оглушительный громъ неистовыхъ рукоплесканій...

21. НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ.

На другой день послѣ своего тріумфа, Бейзымъ былъ мраченъ. Самъ не могъ дать отчета себѣ, что его угнетало, да и не старался выяснить причину. Пусто и

скучно и въ головѣ и въ душѣ и на сердцѣ, а отъ чего — не все ли равно?

Запершись, Бейзымъ ожесточенно курилъ сигару за сигарой. Вѣрнѣе, даже не курилъ, а сжигалъ, уничтожалъ въ нѣсколько минутъ длинныя, большія „Педро-Муріасъ", мѣсяцъ назадъ въ Гренадѣ чуть не стоившія ему жизни. То сидѣлъ, то шагалъ по своему номеру въ такихъ густыхъ облакахъ синяго дыма, что жена, пытавшаяся войти къ нему изъ спальни, испуганно отпрянула назадъ къ себѣ, захлопнувъ дверь. Закружилась голова охватилъ приступъ тошноты. Напрасно желали атаковать Бейзыма фотографы и цѣлая фаланга корреспондентовъ испанскихъ, французскихъ, англійскихъ, американскихъ. Онъ никого не хотѣлъ ни видѣть, ни принимать. Лишь одному, отчаянному американцу посчастливилось прорваться къ Бейзыму, да и то оказалось сомнительнымъ оно, это счастье.

— Я никого не принимаю! Никого, слышите? — встрѣтилъ Бейзымъ сухого, длинноногаго американца.

— Десять долларовъ за каждую строчку интервью!

— Я хочу остаться одинъ...

— Двадцать долларовъ!

— Если вы не уйдете сейчасъ же, я выброшу васъ въ окно...

— Согласенъ! Я хорошій прыгунъ, а вы живете всего на первомъ этажѣ... Но сначала дайте интервью!

Эта знакомая, чисто американская, безъ границъ и преградъ настойчивость, смягчила Бейзыма. Онъ слегка оттаялъ. Даже подобіе улыбки дрогнуло на его мрачномъ лицѣ. Точно яркій лучъ заглянулъ въ эту комнату, всю въ облакахъ сигарнаго дыма.

— Вы настоящій журналистъ! За окно я васъ не выброшу, но и не дамъ интервью.

— Нѣсколько словъ! Нѣсколько, хотя-бы! — взмолился американецъ. — Если я не пошлю телеграмму хотябы въ 200 словъ, редакція пошлетъ меня къ чорту...

— Нѣсколько словъ? Извольте!...

— О, какъ вы добры, мистеръ Бейзымъ! — просіялъ журналистъ.

— Напишите, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ глупости и пошлости доходитъ человѣческая толпа. Право же, стадо барановъ умнѣе и серьознѣе. Въ самомъ дѣлѣ, громадный балбесъ вашъ покорный слуга проѣхался разъ-

другой на быкѣ, а потомъ этого самаго быка закололъ... И вотъ онъ герой, ему рукоплещутъ, за нимъ гоняются...

— Мистеръ, вы закололи не быка, а меня! Вы издѣваетесь надо мною! Вы сейчасъ не искренни. Спортсмэнъ съ головы до ногъ, какимъ вы были, есть и будете не можетъ...

Американцу не суждено было окончить. Бейзымъ, схвативъ сигару, неожиданно воткнулъ ее ему въ ротъ. Бѣдняга, поперхнувшись на полусловѣ, машинально откусилъ кончикъ. Бейзымъ зажегъ спичку.

— Закуривайте и, до свиданія!..

Американецъ, уносившій по-добру, по-здорову и себя самого и свои длинныя, сухія ноги, столкнулся въ дверяхъ съ корректно одѣтымъ во все черное, холенаго вида, господиномъ.

Бейзымъ разсвирѣпѣлъ.

— Никакихъ интервью! Никакихъ! Никому! Не угодно ли, чертъ возьми, чтобы я поставилъ къ моимъ дверямъ двухъ карабинеровъ!...

— Тише, тише, легче... Ой, ой, Игнась! Хорошо же ты встрѣчаешь своихъ старыхъ полковыхъ друзей — услышалъ изумленный Бейзымъ родную рѣчь и еще болѣе изумился, увидѣвъ у себя полковника Чернобыльскаго.

— Вацлавъ, ты? Какими судьбами? Съ неба свалился?...

— Зачѣмъ съ неба? Экспрессъ Парижъ—Мадридъ гораздо болѣе удобный способъ сообщенія, хотя и болѣе прозаическій. Я только сегодня утромъ пріѣхалъ... Къ сожалѣнію, на вчерашній бой...

— Только ради Бога не надо никакихъ сожалѣній! Ты ровно ничего не потерялъ. Вообще, если ты не хочешь омрачать нашей встрѣчи, давай говорить о чемъ-нибудь другомъ... Какъ и зачѣмъ нелегкая занесла тебя сюда? Занести человѣка въ Испанію, въ это подлое послѣвоенное время, можетъ развѣ только нелегкая.

— Видишь ли, другъ мой, я назначенъ въ Мадридъ военнымъ агентомъ...

— Что такое? Я не ослышался, милостивый государь? Или, можетъ, вы шутите?

— Ни то, ни другое — недоумѣвающе улыбнулся Чернобыльскій.

— Въ такомъ случаѣ, дайте же мнѣ на васъ внимательно посмотрѣть, какъ на бѣлую ворону, или же на

австрелійскаго чернаго лебедя — и съ ласковой пріязненной усмѣшкою Бейзымъ глубоко сидящими сѣрыми глазами своими съ ногъ до головы смѣрилъ барскую военную подъ штатскимъ платьемъ фигуру Чернобыльскаго, благообразнаго шатена съ полнымъ лицомъ, съ тщательнымъ проборомъ гладко зачесанныхъ волосъ и небольшими подстриженными усами.

— Пріемъ нечего сказать! — иронизировалъ гость, — сначала чуть не вышвырнулъ за дверь, а сейчасъ не то глумленіе, не то мистификація, не то... Скажи, какая муха тебя укусила?

— Вацлавъ, дорогой, милый! Голубчикъ! Я тебѣ такъ радъ, такъ безконечно радъ! Честное слово! Дай обниму, поцѣлую! Вотъ такъ! Еще! Ну, ты-жъ поймешь меня и самъ согласишься со мною... Ты, получившій прекрасное военное воспитаніе и образованіе, ты, старый кадровый офицеръ, ты вдругъ назначенъ военнымъ агентомъ? Ты, бывшій русскій офицеръ и еще какой офицеръ! Я же помню твою атаку съ эскадрономъ Владимірцевъ на баварскихъ уланъ послѣ Свенцянскаго прорыва. Ты не глупый, свѣтскій, прекрасно воспитанный и вдругъ такое назначеніе? Я ничуть не удивился, если бы сюда пріѣхала вмѣсто тебя какая-нибудь жалкая австрійская пигалица или какой-нибудь штатскій молодой человѣкъ, игравшій въ солдатики и похожій въ офицерскомъ мундирѣ на тарнопольскаго буфетчика, или же на гимназиста-недоучку. Право, это было бы въ порядкѣ вещей... Что, развѣ не такъ?...

— Такъ — согласился Чернобыльскій. — Да и мнѣ, какъ своихъ ушей не видать бы этого назначенія, если бы... Помнишь въ 1912 году, впрочемъ, ты не можешь помнить, ты тогда былъ въ Америкѣ... Я взялъ въ Лондонѣ второй призъ на скачкахъ. Присутствовавшій тогда Испанскій король пожелалъ, чтобы я ему былъ представленъ. Милостиво бесѣдовалъ со мной нѣсколько минутъ, распрашивалъ о русской конницѣ и оказывается вотъ, не забылъ про меня и вотъ теперь своимъ назначеніемъ я обязанъ ему. Это — во-первыхъ, во-вторыхъ же тарнопольскаго буфетчика, или недоучившагося гимназиста не умѣющаго держать себя, не умѣющаго и двухъ словъ связать по французски, при всемъ желаніи, неудобно назначать въ Мадридъ, гдѣ придворный этикетъ одинъ изъ самыхъ строгихъ въ Европѣ. Да и зачѣмъ

это имъ? Паркетъ — очень скользкая вещь для нихъ. Они гораздо лучше себя чувствуютъ эти штатскіе молодые люди, командуя полками, дивизіями и корпусами...

— Какъ? Они до сихъ поръ еще въ фаворѣ — эти соціалистическіе преторьянцы, эти доморощенные стратеги, военные вундеркинды, эти многообѣщающіе геніальные юноши съ длинными волосами, развязными манерами и съ кожаннымъ поясомъ на выпяченномъ, глубоко штатскомъ животѣ? Я думалъ, на разстояніи думалъ, что съ приходомъ къ власти правыхъ и въ арміи начнутся оздоровленіе и чистка... Но объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить. Гдѣ ты остановился?

— Здѣсь.

— Отлично! Я сейчасъ пройду къ женѣ и мы всѣ вмѣстѣ позавтракаемъ, внизу. Жена будетъ очень рада... Сію минуточку...

— Однако и накурилъ же ты! Дымъ такъ и ѣсть глаза!

Вернулся Бейзымъ.

— У жены разболѣлась голова.

— Отъ твоихъ сигаръ?

— Къ сожалѣнію, да. Она очень кланяется и проситъ насъ завтракать вдвоемъ. А вечеромъ пообѣдаемъ въ ея обществѣ... Попробуешь испанской кухни. Прянная и даже весьма, но вкусная! Эхъ, съ какимъ удовольствіемъ выпилъ-бы съ тобой водки... хотя... Ты пробовалъ когда-нибудь кальвадосъ?

— Какъ-то въ Парижѣ передъ лондонскими скачками.

— „Какъ-то“ не считается! Да и пилъ, вѣроятно, какъ пьютъ французы, послѣ обѣда, пригубливая, какъ ликеръ. Нѣтъ кальвадосъ надо пить сначала, какъ водку. Пріятный такой обжогъ, ясность въ мысляхъ... Впрочемъ самъ увидишь. Пойдемъ!...

Въ ресторанѣ, подъ сѣнью пальмъ, Бейзымъ и Черно-быльскій, въ укромномъ уголкѣ, уничтожая пикантныя, острыя закуски и усердно запивая ихъ кальвадосомъ, продолжали бесѣдовать на близкую для нихъ и такую больную тему. Этой темою была армія.

22. БОЛЬНОЙ ВОПРОСЪ.

— Вѣдь, вотъ въ чемъ досада... Больше, чѣмъ досада! Польскій солдатъ — великолѣпный матеріалъ самъ по себѣ. Изъ него и вмѣстѣ съ нимъ можно творить чудеса! — съ подъемомъ воскликнулъ Бейзымъ — но при условіи, чтобы офицерскій корпусъ и командный составъ были на надлежащей высотѣ. Пока же судьба арміи въ рукахъ австрійскихъ недоносковъ и штатскихъ молодыхъ людей, карьерою своей обязанныхъ игрѣ въ соціализмъ, пока мы бывшіе русскіе офицеры не у дѣлъ и въ злостномъ загонѣ, до тѣхъ поръ... Ну, самъ скажи... Помнишь, весною, когда я вернулся изъ Америки, мнѣ предлагали кавалерійскій полкъ.

— Какъ же, какъ же! подхватилъ Чернобыльскій — тебѣ съ твоими взглядами, съ твоимъ крестикомъ ненавистнаго имъ перваго корпуса и вдругъ полкъ! Но это была взятка твоей популярности, мы такъ и поняли... Какъ мы всѣ восхищены твоимъ красивымъ жестомъ.

— Когда я отказался? Я не могъ поступить иначе! О, если-бы вмѣстѣ со мной распахнулась дверь и для всѣхъ товарищей моихъ по первому корпусу, по доблестному крестику, который мы носимъ, это было-бы совсѣмъ другое дѣло! Мы подняли бы армію, возродили-бы конницу, изгнали-бы все то пагубное, австрійское, которое въ великой войнѣ мы били, били всегда и вездѣ, какъ хотѣли. Быть патріотомъ полякомъ — это совсѣмъ не значитъ — ненавидѣть все русское. Скажу больше, даже у самыхъ заклятыхъ враговъ необходимо перенимать все лучшее, цѣнное, что они имѣютъ и чѣмъ сильны... Русскіе строевыя сѣдла? Хороши, какъ и все въ бывшей русской конницѣ! Такъ нѣтъ подавай непремѣнно австрійскія сѣдла. Помнишь результаты? Когда мы воевали съ большевиками, уже черезъ двѣ, три недѣли лошади такъ набиты, такъ покалѣчены, что въ эскадронѣ оставалось двадцать-тридцать коней, да и отъ нихъ шелъ такой смрадъ, нельзя было подойти близко. И все остальное въ такомъ же духѣ. И это, другъ мой, повторяю при условіи, что нашъ солдатъ — великолѣпный матеріалъ и что, вообще, мы поляки народъ конный. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я влюбленъ въ нашего солдата и сейчасъ тебѣ скажу, почему... Кругомъ дѣлается все, чтобы его большевизировать. Пропаганда въ арміи идетъ во всю. Москва

тратитъ на это громадное количество денегъ и коммунистической литературы. Да и не только одна Москва. Ей усердно въ этомъ помогаютъ и наши польскіе жиды, и наши лѣвые депутаты сейма, разжигающіе классовую ненависть, нагло вмѣшивающіеся въ армейскую жизнь. А тѣмъ и другимъ безсознательно помогаетъ та часть нашего офицерства, не получившая ни общаго, ни спеціальнаго образованія, о которой мы съ тобой сейчасъ говорили. И что же? Несмотря на все это нашъ солдатъ, слабо выправленный, плохо дисциплинированный, все же старается, подтягивается. Съ пріятнымъ удивленіемъ наблюдалъ я всегда, какъ онъ отдаетъ намъ честь. Онъ могъ бы пройти мимо офицера и пустить ему въ физіономію дымъ отъ своей папиросы. Могъ бы! И демократическій офицеръ демократической арміи ничего не посмѣлъ бы ему сказать! Вѣдь такъ же, Вацлавъ? А онъ, солдатъ нашъ, тянется, какъ можетъ, какъ умѣетъ и козыряетъ гораздо отчетливѣе и приличнѣе, нежели козыряютъ генераламъ нѣкоторые наши господа офицеры. Ты думаешь легко это мнѣ рысказывать? Думаешь, не тяжело на сердцѣ? Но что же, когда, къ прискорбію, это именно такъ... Рекомендую твоему вниманію, дружище, эти помидоры въ сливочномъ маслѣ. Отъ такой закуски въ жаръ и холодъ кидаетъ. Будемъ же пить кальвадосъ. Итакъ, ты кажется хочешь что-то возразить мнѣ?

— Возразить — нѣтъ, — молвилъ Чернобыльскій съ гримасой, — въ самомъ дѣлѣ испанскіе помидоры кинули его въ жаръ и въ холодъ — нѣтъ, мы съ тобою одинаково думаемъ. Я только хочу внести поправку. Дѣло въ томъ, Игнась, что за послѣднее время новое правительство начало въ арміи чистку, чистку въ желательномъ для насъ съ тобою, для всѣхъ благомыслящихъ поляковъ направленія. Кое-кто изъ доморощенныхъ стратеговъ уже вернулся въ свое первобытное состояніе. Кто знаетъ, быть можетъ, потихоньку, со временемъ...

— Терпѣть не могу этихъ со временемъ! — стукнулъ кулакомъ Бейзымъ, — Да и тебѣ, старому коннику, это совсѣмъ не идетъ! Подгнивающее дерево надо рубить съ плеча, рубить топоромъ, а не подрѣзывать перочиннымъ ножикомъ. Никогда и ни въ чемъ терпѣть не могъ трусливыхъ полумѣръ! Есть у насъ въ Польшѣ и умные люди и честные и даровитые. Есть! Но нѣтъ сильныхъ, рѣшительныхъ, я говорю, конечно, о правыхъ, а не о

коммунистахъ. Среди коммунистовъ, къ сожалѣнію, имѣются таковые, да и то не среди поляковъ, а среди жидовъ и нѣмцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, объясни мнѣ, почему между правыми государственными людьми у насъ нѣтъ сильныхъ натуръ, какъ не было ихъ за послѣдніе годы въ Россіи. Почему? Что это? Славянская расхлябанность? Страхъ передъ этой, съ позволенія сказать, демократіей?

— Я думаю и то и другое — замѣтилъ Чернобыльскій.

— Ты правъ! И то и другое! Какая жалкая слюнявая Керенщина! Почему этого нѣтъ на Западѣ, по крайней мѣрѣ, хотя бы въ романскихъ странахъ? Италія! Она уже висѣла надъ бездною. Она была уже наканунѣ полной большевизаціи. Уже преступная чернь была господиномъ положенія и разбойничьи красныя тряпки уже почти вездѣ вытѣснили національный флагъ. И что же? Пришелъ Муссолини со своими фашистами, взялъ власть — диктаторъ не принимаетъ ее, а беретъ — и рявкнулъ своими бульдожьими челюстями: „Будетъ! Довольно!... Прочь грязныя лапы! Довольно убійствъ, насилій, грабежа, бандитизма! Довольно! За дѣло, за работу, бездѣльники, паразиты, канальи!“ И вся эта сволочь мгновенно поджала хвостъ, увидя надъ собою бичъ, занесенный твердой и смѣлой рукой!... Передъ поѣздкой сюда, какъ ты знаешь, я нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ Италіи. Вся страна подтянулась, да какъ! Давно ли никто не хотѣлъ съ нею считаться? А сейчасъ, посмотри, какъ звучитъ голосъ Италіи въ международной политикѣ? И все благодаря одному человѣку, съумѣвшему надѣть намордникъ и на большевиковъ и на соціалистическую шушеру. Тѣ и другіе вели страну къ гибели, какъ и у насъ... Это человѣкъ! Это я понимаю! Развѣ можно не восхищаться?

— Еще бы! — восторженно согласился Чернобыльскій — но ты одно упустилъ. Ему было на кого опереться, онъ создалъ полумилліонную армію фашистовъ, этихъ бравыхъ молодцовъ въ черныхъ рубахахъ, преданныхъ ему безгранично...

— Да потому-то онъ и создалъ этихъ своихъ черно-рубашечниковъ, потому и преданы они ему, что онъ весь выкованъ изъ стали, а не слѣпленъ изъ другого, болѣе мягкаго вещества...

— Ты всегда любилъ образныя сравненія — подмигнулъ Чернобыльскій, опрокидывая въ себя по кава-

лерійски рюмку съ блѣдно-золотистымъ кальвадосомъ.

— Не иронизируй, пожалуйста. Кулаки сжимаются, стистикиваешь зубы, наблюдай, что творится у насъ на родинѣ. И отъ злобы хочешь кататься по полу и грызть ножки стульевъ... — и зловѣще-мрачнымъ сдѣлалось крупное лицо съ тяжелыми чертами и на лбу поперекъ обозначалась та самая жила, что вздулась багровой синевою вчера въ циркѣ, когда Бейзымъ посадилъ на заднія ноги, быка, спасши этимъ красавца Бельмонтэ.

Глядя на Бейзыма, подумалъ Чернобыльскій:

— Вотъ былъ-бы великолѣпный диктаторъ! И выразилъ вслухъ свою мысль.

Бейзымъ отрицательно покачалъ головою.

— Такая диктатура какъ-то не вяжется съ представленіемъ о Польшѣ.

— Почему?

— Да потому! Поляки, мы всегда боялись и боимся сильныхъ людей. Каждый изъ насъ увѣренъ, что самъ все умѣетъ, все знаетъ, все можетъ. А посему, отчего диктаторомъ долженъ быть именно онъ, а не я? Такъ было и, къ сожалѣнію, будетъ... А вотъ Испанію... Казалось, — классическая колыбель анархистовъ, казалось уже совсѣмъ агонизируетъ власть. А посмотри, какъ это все обернулось...

— Позволь — удивился Чернобыльскій — у насъ, по газетамъ судя, было такое впечатлѣніе, что здѣсь уже революція въ полномъ разгарѣ... И ѣхалъ сюда я, признаться...

— У меня мѣсяцъ назадъ было такое же впечатлѣніе. Работа на темныя деньги шла во всю! Какъ перепеловъ подстрѣливали фабрикантовъ, епископовъ, видныхъ чиновниковъ, жандармовъ, офицеровъ. Казалось терроръ, бомбы и браунингъ торжествуютъ... Преступные подонки выползали уже изо всѣхъ щелей. И вотъ уже почти въ моментъ катастрофы диктаторскую власть взялъ въ свои руки генералъ Примо-ди-Ривейра, такой же смѣлый, вылитый изъ бронзы солдатъ, какими были предки его — славные конквистадоры... Онъ сплотилъ буржуазію, снабдилъ ее оружіемъ и сказалъ: „Не только защищайтесь, а нападайте... Этимъ мерзавцамъ надо платить ихъ же монетою!...

— Очаровательный генералъ! Одинъ изъ тѣхъ генераловъ въ ботфортахъ, помнишь, о которыхъ говорилъ

еще Наполеонъ — улыбнулся Чернобыльскій — и что же? Результаты, конечно, не замедлили сказаться?

— Натурально! Ободренная, спаянная буржуазія помѣнялась ролью съ коммунистами. Каждое утро находили убитыми на улицахъ Барцелоны и другихъ городовъ, трупы коноводовъ революціоннаго движенія. Многіе безо всякаго слѣда исчезли. Это сильно дѣйствующее средство — помогло. Мятежный сбродъ, сильный и храбрый съ беззащитными, присмирѣлъ, сталъ тише воды, ниже травы. Жизнь вошла въ нормальную колею. И все это благодаря тому, что генералъ Примо-ди-Ривейро оказался на должной высотѣ. Нисколько не боясь упрековъ въ не демократичности, онъ вооружилъ интелигенцію. Въ самомъ дѣлѣ, почему можно раздавать винтовки преступной черни, устраивать всевозможныя боювки изъ такъ называемаго пролетаріата, а мозгъ страны, интелигенція должна являть собою стадо овецъ, пугливо жмущихся въ паническомъ ожиданіи, пока товарищи начнутъ его рѣзать? Давай же, Вацлавъ, выпьемъ за Муссолини, выпьемъ за генерала Примо-ди-Ривейра и, вообще, за смѣлыхъ, сильныхъ людей, которыхъ такъ не достаетъ поглупѣвшей и одряхлѣвшей Европѣ!

— И нашей бѣдной родинѣ, истерзанной политиканствомъ всевозможныхъ проходимцевъ, толкаемой къ гибели фанатиками и подлецами — добавилъ Чернобыльскій.

— И нашей бѣдной родинѣ, толкаемой къ гибели фанатиками и подлецами. Совершенно вѣрно, полковникъ Чернобыльскій, здорово пущено! — скрѣпилъ Бейзымъ громадной рукой своею съ перстнемъ цыганскаго короля, поднося къ губамъ рюмку.

23. НА ТУ ЖЕ ТЕМУ.

Все это всколыхнуло Бейзыма. Полгода назадъ онъ такъ спѣшилъ скорѣе прочь изъ Варшавы. Гнала его и политическая атмосфера, гнало еще и многое другое, наконецъ, хотѣлось отдохнуть съ любимой женщиной на залитой горячимъ солнцемъ чужбинѣ далеко отъ всего, что было такъ потрясающе пережито въ послѣднее время.

И тогда въ эту свадебную поѣздку, грязная, не мытая Варшава покидалась съ чувствомъ облегченія и удовольствія. Онъ тогда мечталъ о кипарисахъ Флоренціи

и о тысячелѣтнихъ развалинахъ Рима. Тогда... А сейчасъ? Подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ Чернобыльскимъ, вѣря, желая вѣрить въ здоровую, честную, національную власть, онъ уже порывался домой. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, если въ арміи уже начались дезинфекція и чистка, то и ему найдется не послѣднее мѣсто. И онъ съ головою уйдетъ въ захватывающую созидательную работу. Онъ, такъ любившій и любящій военное дѣло и мягкій послушный воскъ этого военнаго дѣла — солдата. Да, воскъ!... Только нужны опытные искусные, добросовѣстные пальцы, дабы лѣпить изъ этого воска то, что сдѣлаетъ отечество могущественнымъ, грознымъ, внушающимъ сосѣдямъ уваженіе и страхъ...

И онъ продолжаетъ уже вслухъ:

— Если наша армія будетъ такою, какой она и можетъ и должна быть и какою я ее себѣ представляю, тогда большевики не только не посмѣютъ насъ шантажировать, пикнуть не посмѣютъ! Дипломаты наши заговорятъ совсѣмъ другимъ языкомъ, а дипломаты совѣтскіе и не заикнутся даже про обмѣнъ польскихъ коммунистовъ на нашихъ ксендзовъ и епископовъ, томящихся въ жидовскихъ застѣнкахъ. Я былъ въ Варшавѣ и пережилъ нашъ общій стыдъ и позоръ и лицо мое горѣло, какъ отъ пощечины, когда совѣтскій сбродъ, играя головами архіепископа Цѣпляка и прелата Будкевича, ставилъ намъ унизительныя, роняющія нашу державность требованія. И что же наше правительство? Вынимая платокъ вытирало плевки. Никто не хотѣлъ понять, вѣрнѣе боялся понять, что съ большевиками возможно разговаривать лишь однимъ языкомъ, который они уважаютъ и понинаютъ. О, повѣрь мнѣ, волосъ не упалъ бы съ головы Будкевича! Да что Будкевичъ! И онъ и Цѣплякъ и всѣ ксендзы, вообще, всѣ поляки, гніющіе такъ въ разбойничьихъ клоповникахъ, всѣ были бы доставлены въ экстренномъ поѣздѣ къ нашей границѣ. Жестокій палачъ всегда трусливъ, какъ гіена. Если ты его вытянешь черезъ голову бичемъ, оставивъ на физіономіи кровавый слѣдъ, онъ упадетъ передъ тобой на колѣни и, пресмыкаясь, будетъ лизать свои ноги. О, я знаю, знаю этихъ мерзавцевъ, знаю ихъ психологію! Больше трехсотъ комисаровъ — и какихъ еще! — прошло черезъ мои руки...

— Еще бы! Кто же не помнитъ, Игнась, твоихъ разстрѣловъ, твоихъ висѣлицъ и „коммунистическихъ

аллей"? Все, что ты говорилъ сейчасъ — святыя слова! Такъ, именно такъ долженъ думать и дѣйствовать настоящій солдатъ-полякъ! И развѣ это не трагедія, Игнась? Ты и тебѣ подобные, — я обобщаю, — обречены скитаться на чужбинѣ, играть для синема, колоть быковъ на благотворительныхъ бояхъ, словомъ растрачивать кипучую энергію и непочатый запасъ здоровыхъ творческихъ силъ. А въ это самое время австрійскіе недоноски и штатскіе Бонапартики распоряжаются судьбою нашей родины и такъ дораспоряжались, что мы съ нашей территоріей, нашими богатствами, нашимъ двадцатипятимилліоннымъ населеніемъ, играемъ въ Европѣ куда меньшую роль, чѣмъ маленькая бѣдная Чехія. Не такъ ли?

— Такъ... Хотя и не совсѣмъ... Видишь-ли маленькая Чехія своей завидной ролью въ концертѣ великихъ державъ обязана не столько сама себѣ, какъ таковой, сколько своимъ вождямъ Бенешу и Массарику. И тотъ и другой съ большими связями и большимъ вліяніемъ, ибо и тотъ и другой масоны и ставленники... Знаешь, чьи они ставленники?

— Знаю, отлично знаю, дружище, и готовлю тебѣ возраженіе. На верхахъ власти много масоновъ не въ одной только Чехіи. Имѣются они вездѣ. Имѣются и у насъ. И вотъ, понимаешь, тутъ-то вопросъ, либо они эти наши собственные масоны расшатываютъ вполнѣ сознательно Польшу, либо это масончики такъ себѣ второсортные, невысокихъ степеней и съ ними совсѣмъ не считаются тѣ, кто тянетъ Массариковъ и Бенешей. Либо, либо... Но и то и другое одинаково неутѣшительно... Это кажется къ тебѣ, Игнась?

Къ Бейзыму подошелъ отельный шассеръ въ куцей курткѣ съ нѣсколькими рядами пуговицъ, напоминающихъ крохотные бубенчики и протянулъ металическій подносъ съ телеграммой. Бейзымъ расписался въ полученіи, далъ шассеру пять песетъ и прочелъ телеграмму.

— Что-нибудь интересное? — спросилъ Чернобыльскій.

— Это изъ Рима. Законтрактовавшая меня фабрика „Чинесъ" извѣщаетъ, что съемки съ моимъ участіемъ откладываются на полъ года. А чтобы я не участвовалъ въ другихъ фильмахъ „Чинесъ" будетъ выплачивать мнѣ въ теченіи этихъ мѣсяцевъ жалованье.

— Ты доволенъ?

— Даже очень! — воскликнулъ Бейзымъ и сумрачное лицо его просіяло.

— Сидѣли съ тобой говорили, вспоминали и какія-то смутные голоса звали меня на родину. А сейчасъ я окончательно рѣшилъ: Ѣду! Ѣду! Что Богъ дастъ!...

Чернобыльскій хотѣлъ отвѣтить и уже раскрылъ ротъ, но къ ихъ столику подошла компанія молодыхъ мужчинъ, бритыхъ, смуглыхъ, стройныхъ, изящно одѣтыхъ и у каждаго Чернобыльскій замѣтилъ, къ удивленію своему, небольшую косичку на затылкѣ. Впереди всѣхъ съ бокаломъ шампанскаго, красавецъ заговорившій по французски съ сильнымъ акцентомъ:

— А, вотъ гдѣ скрывается мой спаситель? Хотя вы и прячетесь, мосье Бейзымъ, но мы васъ давно выслѣдили. Окажите намъ честь позавтракать съ вами и представьте насъ вашему другу...

Чернобыльскій обмѣнялся рукопожатіемъ съ Бельмонтэ. Перезнакомились, а черезъ минуту сидѣли за общимъ столомъ. Чернобыльскій во всѣ глаза смотрѣлъ на этихъ сказочныхъ людей сказочной страны. Какъ ему повезло! Не успѣлъ пріѣхать въ Мадридъ, и уже завтракаетъ въ обществѣ кумировъ испанской толпы знаменитыхъ торреадоровъ, знакомыхъ ему до сихъ поръ лишь по романамъ. И вотъ они такъ близко, такіе живые, реальные, такіе самобытные, ни на кого не похожіе и его тянетъ къ нимъ, его спортсмэна-кавалериста.

Матадоръ, сидѣвшій рядомъ съ Чернобыльскимъ, съ пламеннымъ энтузіазмомъ описывалъ неслыханный подвигъ Бейзыма, подвигъ спасшій ему, Бельмонтэ, жизнь.

— Отнынѣ я вѣчный неоплатный должникъ вашего великаго друга! Неоплатный! — говорилъ Бельмонтэ и черные глаза его блестѣли на красивомъ слегка припудренномъ лицѣ. — Въ любой моментъ, когда только захочетъ, онъ можетъ потребовать у меня все, все, включительно до жизни моей, принадлежащей ему...

— Полно-те, дорогой Бельмонтэ, — конфузился Бейзымъ, — вы преувеличиваете мою дружескую услугу...

Бельмонтэ и слушать ничего не хотѣлъ.

Онъ угощалъ на славу. Шампанское лилось рѣкою и подъ звонъ бокаловъ уже начинало шумѣть въ головахъ. Только благодаря привычкѣ и умѣнію пить, не

свалился Чернобыльскій, очарованный своимъ первымъ днемъ въ столицѣ Испаніи..

24. ПЕРЕДЪ АФИШЕЙ КИНЕМАТОГРАФА.

Этотъ день, начавшійся такъ интересно, еще интереснѣе кончился. Послѣ завтрака Чернобыльскій поднялся къ себѣ. Тянуло ко сну, а еще больше тянуло на улицу, — скорѣй знакомиться съ этимъ новымъ городомъ новой страны.

И вспомнивъ свои гусарскіе кутежи, окативъ голову холодной водою, Чернобыльскій, освѣжившійся, бодрый, — сонъ, какъ рукой сняло — вышелъ на Пуэрта-дель-Соль, многолюдную, хаотическую, залитую солнцемъ, громыхающую, звенящую трамваями.

И когда онъ немного освоился и съ испанской толпою и съ красивыми мужчинами въ сомбреро и съ еще болѣе красивыми сеньоритами въ мантильяхъ на высокой прическѣ, и съ маленькими стройными, единственными въ мірѣ, ножками, — вниманіе его привлекла гигантская афиша кинематографа „Киприччіо“, извѣщавшая, что вечеромъ пойдетъ сенсаціонная драма „Въ когтяхъ пантеры“, съ участіемъ сильнѣйшаго человѣка въ мірѣ, Восточнаго Геркулеса — Игнаціо Бейзыма, того самаго, который изучивъ тауромахію, выступалъ во вчерашней корридѣ съ такимъ потрясающимъ успѣхомъ. Эта реклама свѣжая, пахнущая краской, только что выпущенная изъ типографіи, наклеена была на плакатъ съ изображеніемъ единоборства человѣка съ медвѣдемъ. Въ обнаженномъ до пояса атлетѣ, обнаженномъ несмотря на зимній, лѣсной ландшафтъ и сугробы снѣга, Чернобыльскій узналъ Бейзыма.

И вдругъ исчезла куда-то, умолкла, погасла красочная шумная Пуэрта-дель-Соль... Чернобыльскій перенесся въ Варшаву, покинутую дней десять назадъ... Плакатъ вспугнулъ цѣлый рой воспоминаній... Затрепетали тѣни, встали полузабытыя, поблекшія картины и образы. И центральная фигура — онъ, этотъ сильнѣйшій въ мірѣ человѣкъ. Этотъ Геркулесъ съ Востока. Сильнѣйшій ли онъ въ мірѣ — еще вопросъ, но что онъ человѣкъ стихійный и, гдѣ-бъ ни появился, на войнѣ ли, въ мирной ли обстановкѣ, — вокругъ него всегда сплетаются самыя необыкновенныя приключенія, которыхъ хватило бы смѣло

на десятки романовъ — это не подлежитъ никакому сомнѣнію!... Не успѣлъ вернуться изъ Америки — первая глава романа и какая эффектная глава! — уже есть, какъ есть...

Молодая, красивая Магдалина, вырвавшаяся недавно изъ совѣтскаго ада, ищетъ у Бейзыма покровительства. Комиссаръ-чекистъ Геллеръ, тамъ въ Петербургѣ, причинившій ей много страданій, разстрѣлявшій ея мужа, и здѣсь въ Варшавѣ, гдѣ онъ всплылъ уже, какъ „дипломатъ", преслѣдуетъ ее, шантажируетъ, запугиваетъ...

Женщина съ темными, какъ тропическая ночь глазами, не ошиблась. Она знала, что Бейзымъ рыцарь заступникъ и другъ всѣхъ обиженныхъ, угнетаемыхъ, знала, что онъ товарищъ ея покойнаго мужа по Лейбъ-гусарскому Павлоградскому полку, знала какой ненавистью ненавидитъ онъ большевиковъ и какъ одно имя его кидаетъ ихъ въ страхъ и трепетъ...

Не ошиблась Магдалина. Чуть ли не на другой день пробрался Бейзымъ въ миссію въ Римскую гостинницу и такъ избилъ хлыстомъ Геллера, что „дипломатъ" весь въ пластыряхъ и съ забинтованной головою, — скорѣй давай Богъ ноги, — покинулъ Варшаву. Магдалина себѣ сама сначала не вѣря, влюбилась въ своего рыцаря. Онъ же тогда увлекался другой! Эта другая — загадочная графиня Юлія Сапари. Познакомились на дѣловой почвѣ. Юлія пригласила его къ себѣ въ „Бристоль", дабы онъ, создавшій себѣ въ Америкѣ славу сенсаціоннаго киноактера, участвовалъ въ ея новомъ дѣлѣ, субсидируемомъ англійскими капиталистами.

Начались съемки сценарія, сочиненнаго Бейзымомъ. Для себя онъ ставилъ еще небывалое на экранѣ. Охота на медвѣдя съ ножомъ.

Вначалѣ графиню Сапари тѣшило увлеченіе Бейзыма. Она играла съ нимъ, а потомъ, отдавшись, стала его любовницей, и сама увлеклась. Но было уже поздно, потому что Римскій отель — она была подневольнымъ его агентомъ — требовалъ заманить любимаго человѣка въ ловушку, чтобы разъ навсегда покончить съ этимъ опаснымъ врагомъ совѣтской власти.

Ловушкой предполагалась Волынская усадьба маіора Бейзыма въ нѣсколькихъ километрахъ отъ большевистской границы. Поѣхали туда зимою снимать медвѣжью охоту. Къ этому времени Бейзымъ охладѣлъ къ графинѣ,

пресытился ею и уже Магдалина волновала его новымъ, другимъ, глубокимъ чувствомъ...

Адскій планъ предательскаго нападенія на усадьбу и похищеніе Бейзыма уже былъ готовъ. Уже ночью двинутъ былъ лѣсными тропинками черезъ границу конный отрядъ „красныхъ чертей“ подъ командою сахалинскаго каторжника Сережки Людоѣда. А Геллеръ съ навсегда разсѣченной хлыстомъ губою, ждалъ исхода этой, имъ же задуманной „операціи“, ждалъ у самой границы. Охота удалась, какъ нельзя лучше. Операторъ, снимавшій ее, взлетѣлъ на седьмое небо отъ радости. Лѣсникъ, изъ давно выслѣженной берлоги, поднялъ громаднаго медвѣдя. Страшнымъ ударомъ ножа Бейзымъ поразилъ его въ сердце. Но звѣрь, падая, успѣлъ задѣть богатыря лапою, нанеся ему незначительную рану въ голову. Когда Бейзымъ лежалъ ночью съ повышенной температурой, а Магдалина сидѣла у изголовья, графиня съ покаянной мукою на лицѣ и въ голосѣ, открыла весь заговоръ. Бѣжать было поздно. Оставалось или побѣдить, или погибнуть. Бейзымъ, вскочивъ съ постели, организовалъ съ нѣсколькими друзьями оборону, связалъ помощника оператора Пахомова, большевистскаго агента и послалъ верхового конюха въ ближайшую деревню за помощью къ уланамъ.

Уланы подоспѣли, когда рукопашный бой уже шелъ внутри господарскаго дома и Бейзымъ, получившій двѣ раны, истекающій кровью, уложивъ нѣсколько „красныхъ чертей“, отбивался теряя силы, отбивался отъ цѣлой своры большевиковъ.

Бейзымъ спасенъ. Изъ „красныхъ чертей“ — ни одинъ не ушелъ, — всѣ легли подъ уланскими саблями.

Два мѣсяца лечился Бейзымъ въ Варшавѣ въ госпиталѣ Младенца Іисуса. Два мѣсяца боролся за жизнь геркулесовскій организмъ. Тамъ же въ госпиталѣ узналъ онъ о таинственной смерти графини Сапари. У себя въ номерѣ она была найдена мертвой. Вся Варшава утверждала, что графиня — жертва мести большевиковъ. Она измѣнила имъ. Въ Совдепіи — тамъ прямо къ стѣнкѣ, а на чужой территоріи подобное сведеніе счетовъ приходится обдѣлывать деликатнѣй и тоньше...

Въ госпиталѣ же получилъ Бейзымъ телеграмму отъ фабрики „Чинесъ“ съ приглашеніемъ выступить въ нѣсколькихъ новыхъ кинодрамахъ. И, только-только под-

нявшись, блѣдный, еще не совсѣмъ окрѣпшій, онъ вмѣстѣ съ Магдалиною поспѣшилъ въ Римъ.

Вотъ что вспомнилъ Чернобыльскій на Пуэрта-дель-Соль, передъ гигантской афишею кинематографа „Киприччіо".

Въ Варшавѣ онъ видѣлъ одну изъ американскихъ картинъ съ участіемъ своего друга. Видѣлъ и восхищался его игрою, его ковбойскими „трюками", и тѣмъ, какъ онъ разбрасывалъ своихъ противниковъ съ такой легкостью, словно это были человѣческія куклы, а не живые люди.

Видѣлъ и восхищался, но то — совсѣмъ другое впечатлѣніе. Здѣсь же Бейзымъ на фонѣ Варшавы, у себя на Волыни въ занесенной снѣгомъ усадьбѣ. Здѣсь участвуютъ и Магдалина и покойная графиня Сапари и наконецъ здѣсь такъ нашумѣвшій тогда поединокъ Игнася съ медвѣдемъ.

Ураганомъ влетѣлъ Чернобыльскій къ Бейзыму. Тотъ вышелъ къ нему изъ спальни, притворивъ за собою дверь.

— Что случилось, Вацлавъ?

— Игнась, ты видѣлъ свою варшавскую картину?

— Видѣлъ кусочками на просмотрѣ въ павильонѣ, да и то не всю... Конца не видѣлъ, конецъ уѣхалъ, когда я лежалъ въ госпиталѣ. А что?...

— А то, дружище, что ты увидишь ее сегодня вечеромъ.

— Не можетъ быть? Гдѣ?

— Въ кинематографѣ „Киприччіо"! Какая реклама! Смотри, отсюда изъ окна видать! Чуть ли не во всю стѣну афиша!

— Да, да! Вотъ не ожидалъ! Могу себѣ представить рисунокъ?

— Изобразили тебя полуголымъ... Это понятно! Хотѣли показать рельефъ мускуловъ. Непремѣнно пойдемъ. И на первый сеансъ. Потомъ съ большимъ аппетитомъ поужинаемъ. Да и пани Магдалина съ удовольствіемъ посмотритъ тебя и себя... Это будетъ для нея сюрпризъ. Мы ей ничего не скажемъ...

— Гм... сюрпризъ? — бросивъ взглядъ на дверь, понизилъ голосъ Бейзымъ — не думаю, чтобы этотъ сюрпризъ доставилъ ей особенное удовольствіе.

— Не понимаю...

— Поймешь, дорогой мой... Вспомни, тамъ играетъ еще и эта несчастная графиня Сапари. А мой романъ съ графиней, до сихъ поръ еще больное, не зажившее мѣсто... — и вновь Бейзымъ бросилъ взглядъ по направленію двери — вообще, рѣдко переплетались такъ тѣсно между собою двѣ драмы — житейская, между артистами-исполнителями и та, которую они разыгрываютъ для фильмы... Нѣтъ, мы лучше посмотримъ вдвоемъ съ тобою, а Магдалина останется дома. Къ тому же она врядъ-ли, вообще, выйдетъ сегодня. Головная боль разыгралась не на шутку. Да и кромѣ того... обычное женское недомоганіе... Очень просила тебѣ кланяться и зоветъ завтра днемъ откушать съ нами здѣсь, въ номерѣ. Утромъ ты пойдешь въ посольство и, надѣюсь къ часу успѣешь отдѣлаться? Идетъ?

Друзья, усѣвшись поудобнѣе, закурили сигары. Бейзымъ описывалъ Чернобыльскому свое приключеніе въ Севильѣ, свое знакомство съ цыганскимъ королемъ, пляску гитанъ въ пещерѣ, эпизодъ съ отравленными „Педро-Муріасъ".

Чернобыльскій только диву давался:

— Самъ Господь Богъ тебя бережетъ! Шагу никогда не ступишь безъ какой-нибудь авантюры. И такъ всю жизнь?...

— Всю жизнь — виновато улыбнулся Бейзымъ.

— Да, знаменитый Казанова, мальчишка и щенокъ въ сравненіи съ тобою...

Вечеромъ они пошли въ кинематографъ на первый сеансъ.

25. КѢМЪ И ЧѢМЪ БОЛЬНА ИЗА.

Съ такимъ же, а то и сильнѣйшимъ, пожалуй, любопытствомъ потянуло въ кинематографъ женщину съ птичьимъ профилемъ и немигающими, холодными глазами. Только самое любопытство Изы Башіаччи было совсѣмъ другое.

Вообще, Бейзымъ не давалъ ей покоя, портилъ настроеніе, и безъ того не важное. Инымъ оно и не могло быть у нея, убѣдившейся, что колоссальная энергія и не менѣе колоссальныя деньги потрачены совсѣмъ, совсѣмъ зря. Пламя гражданской войны въ Испаніи погасло, не успѣвъ разгорѣться, затушенное генераломъ Примо-ди-

Ривейра, этимъ „извергомъ самой мрачной реакціи“. Увы, благодаря желѣзной волѣ и патріотизму этого человѣка восторжествовали попы, военщина, жандармерія, помѣщики, чиновники, а демократія оказалась посрамленной.

Эта „демократія“ — Иза Башіаччи, — одна изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Европѣ. Эта „демократія“ — Спееръ — одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ въ Европѣ. Эта „демократія“ — еще множество такихъ же, какъ они, Спееровъ и Башіаччи.

Маленькій, короткій, съ пухлымъ лицомъ и съ острымъ кончикомъ носа, въ круглыхъ очкахъ своихъ, напоминавшій сову, Спееръ жалобно скулилъ передъ своимъ недосягаемымъ божествомъ.

— Ну, и видите, видите...

— Что видите?...

— Я вамъ не говорилъ? Я вамъ не говорилъ? Въ этой проклятой Испаніи мы ничего не достигнемъ!... Дворянство здѣсь — каста, офицерщина — каста, попы — каста, фабриканты, купцы — то же самое! Вся буржуазія — каста! А чернь сходитъ съ ума отъ боя быковъ. Это вамъ не Россія! Вотъ и устраивай здѣсь революцію!

— Ахъ замолчите же, Спееръ! Не говорите глупостей! — обрывала его Иза — революція — не пиджачная пара, — не сдѣлаешь на заказъ и не купишь готовой. Неудача нисколько не должна обезкураживать... Или вамъ денегъ жаль, скупендяй вы этакій?

Спееръ, умоляя простиралъ впередъ обѣ ладони, какъ два щита.

— Иза, грѣхъ вамъ, ой грѣхъ! Честное слово! Чтобы сдѣлать вамъ пріятное, я же готовъ не знаю, на какія жертвы! Готовъ устраивать пять, шесть, десять революцій!...

— Опять глупѣе глупаго! Не для моего, — поймите, — личнаго удовольствія, а во имя...

— Ну, довольно, довольно... Пощадите, больше не буду!... Вы меня положили на обѣ лопатки. Только одно слово ваше: прикажите укладывать чемоданы и мы поѣдемъ въ Польшу...

— Вопросъ, возьму ли я васъ...

— Не возьмете? Не возьмете? — пѣтушась и сдерживая слезы, наступалъ кругленькимъ животикомъ своимъ Спееръ на тонкую, сухую и плоскую Изу.

— А если не возьму? Тогда что?

— Тогда? Тогда? — почти всхлипывалъ Спееръ — тогда я себя лишу жизни...

— Ха, ха, вотъ смѣшнякъ! Можно полюбопытствовать, какимъ же именно способомъ: повѣситесь, застрѣлитесь, утопитесь?

— Жестокая! Она все шутитъ, все шутитъ! А мнѣ, честное слово, не до шутокъ!...

Въ концѣ концовъ Иза выгоняла его, и онъ покорно уходилъ смѣшной, убитый, едва не плача подъ круглыми стеклами въ роговой оправѣ. Да, не повезло ей здѣсь съ революціей, а тутъ еще, какъ на зло этотъ Бейзымъ...

— Я больна этимъ человѣкомъ, больна! — сознавалась Иза своему секретарю Мунцу — я его ненавижу до спазмъ въ горлѣ, до бѣшенство, до... сама не знаю до чего!...

— Не до любви, нѣтъ? Говорятъ же: отъ любви до ненависти одинъ шагъ — улыбался тонкими, безкровными губами блѣдно-восковой Мунцъ.

— И вы поглупѣли отъ долгаго общенія со Спеeромъ? Глупость заразительна, молодой человѣкъ. Да, серіозно, Мунцъ, вы поймите меня? Этотъ Бейзымъ, столько причинившій намъ зла, отправившій на тотъ свѣтъ множество нашихъ активныхъ работниковъ, этотъ даже не человѣкъ, нѣтъ, а какой-то полу-центавръ, полу-быкъ, — онъ здѣсь, такъ близко, близко, и намъ никакъ не удается его уничтожить!...

— Удастся! — успокаивалъ Мунцъ.

— Можетъ быть. Но когда? Когда? Вы знаете, до чего я неперпѣлива. Мнѣ сейчасъ, сейчасъ подавай его голову...

— Терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе! Мы не у себя въ Россіи, мы въ чужой странѣ. Здѣсь это вовсе не такъ легко. А что вы больны имъ, — это да!

— Больна, больна! — упрямо сознавалась она. — Сильный человѣкъ! Сильный! А такихъ я и боюсь и ненавижу! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, даже въ мелочахъ... Хотя, это вовсе не мелочь... Съ его появленіемъ я утратила свою гипнотическую силу. Вчерашній бой быковъ... Я вся ушла, вся напряглась и — ничего, никакихъ результатовъ! Можно подумать, своею близостью онъ... какъ бы это вамъ сказать... вліялъ на Бельмонтэ, во вредъ моему вліянію. А вѣдь, Бельмонтэ раньше поддавался мнѣ. Сначала, — я говорю о вчерашнемъ — онъ былъ не-

уязвимъ, я слѣдила. Набѣжала тѣнь маленькаго безпокойства, но и какъ тѣнь улетучилась. А, работая со вторымъ быкомъ, онъ уже началъ „поддаваться“. Мой взглядъ уже сковывалъ свободу его движенія, и если бы не этотъ проклятый Бейзымъ съ его дѣйствительно феноменальною силой, Бельмонтэ былъ бы вынесенъ съ арены, по ихъ обычаю, ногами впередъ и съ развороченнымъ животомъ... Какъ жаль, какъ жалъ... — задумчиво молвила Иза.

Въ эти мрачные дни козломъ отпущенія былъ не только одинъ Спееръ, и не только одинъ Мунцъ выслушивалъ дерзости и колкости Изы. Доставалось и бѣдной Танечкѣ Покатиловой. Ахъ, какъ доставалось этой бѣлотѣлой, глупенькой и сонной генеральской дочкѣ!

На ней, какъ на безотвѣтной собакѣ срывала всѣ свои политическія неудачи Иза.

Не въ добрую минуту потянулась однажды къ ней лѣнивыми губами Танечка и уже хитѣла обнять мягкими, полными руками, Иза оттолкнула ее, схвативъ лежавшій на подоконникѣ хлыстъ.

— Надоѣла ты мнѣ! Надоѣла! Надоѣла! — И послѣ каждаго изъ этихъ „надоѣла“ — жестокій ударъ по еле прикрытымъ, — она всегда ходила еле прикрытая, — пышнымъ формамъ Танечки. Нѣжное тѣло мѣсяцъ было въ сине-багровыхъ полосахъ и кровоподтекахъ. Танечка „простила“, какъ прощала все и вся на бѣломъ свѣтѣ. Не хватало воли, да и безпробудная лѣнь мѣшала сердиться и затаивать обиду. Къ тому же Иза уже черезъ нѣсколько минутъ послѣ произведенной экзекуціи заласкала объятіями и поцѣлуями избитую, по дѣтски плачущую Танечку. И по дѣтски роняла она сквозь крупныя, такія безпомощныя слезы:

— Иза, холосо, холосо... Танецка не сельдится, не сельдится... А Иза — бяка, бяка, бяка!..

Послѣ этого наединѣ съ Покатиловой, Иза уже не разставалась съ хлыстомъ. Особеннымъ садическимъ удовольствіемъ было хоть разъ ударить, разъ, но больно и хлестко. При этомъ Иза плотно прикусывала нижнюю губу и вспыхивали нехорошимъ, жестокимъ огнемъ змѣиные глаза. Пожалуй, такіе же глаза были въ Одессѣ у „Замшевой Берты“ и такъ же прикусывала нижнюю губу она, стрѣляя въ затылокъ русскимъ офицерамъ, когда они проползали подъ ея стуломъ, между ея ногами.

Для Спеера, для Мунца, для художника, скульптора и всѣхъ другихъ много знавшихъ, во многое посвященныхъ, Иза была вершиною пирамиды, у подножія которой они находились. Она имъ приказывала, давая тѣ, или другія задачи, порученія. Она держала ихъ въ строгой дисциплинѣ, но кто стоитъ за нею, кто руководитъ самой Изой, направляетъ ее, — этого не знала свита, да и не имѣла права знать. Слѣпое рабское повиновеніе и, никакихъ попытокъ приподнять завѣсу! Этого требовала іерархія тайной организаціи. Тѣ, кто былъ надъ Изой и кому такъ же слѣпо она сама подчинялась, тѣ были не на остріѣ пирамиды, а уже на заоблачной вершинѣ масонскаго Олимпа. Напримѣръ, никто, даже личный секретарь Мунцъ — черезъ него проходила вся корреспонденція — не зналъ, что Иза получила въ Мадридѣ лаконическую телеграмму: „Здѣсь больше нечего дѣлать. Выѣзжайте въ извѣстномъ вамъ направленіи. Скоро увидимся. Бимба". Если бы даже Мунцъ получилъ и распечаталъ телеграмму, — „Бимба", то этотъ псевдонимъ ему ничего не сказалъ бы. Изѣ же сказалъ многое... Она вспомнила осень и зиму въ Константинополѣ. Это были знаменательныя осень и зима 1920 года. Это была еще неслыханная въ міровой исторіи эвакуація на чужбину послѣ гражданской войны цѣлой арміи. На Константинопольскомъ рейдѣ бросила якорь флотилія изъ 130 судовъ. Это бѣлая русская армія вмѣстѣ съ вождемъ своимъ генераломъ Врангелемъ оставила Крымъ послѣ героическаго сопротивленія несмѣтнымъ краснымъ полчищамъ Совдепіи.

Вмѣстѣ съ Изою вспомнимъ и мы трагическій финалъ этой легендарной эпопеи. Вспомнимъ и попутно раскроемъ, — необходимо раскрыть, — псевдонимъ таинственнаго „Бимбы".

26. БЕЗЪ РОДИНЫ.

Исключительное во всѣхъ отношеніяхъ зрѣлище.. Прежде всего — Константинополь въ снѣгу. Эта сказочная столица, одна изъ живописнѣйшихъ въ мірѣ. Этотъ восточный городъ изъ „тысячи и одной ночи", городъ султановъ, гаремовъ, мраморныхъ дворцовъ и мечетей, изгрызанныхъ вѣками генуэзскихъ башенъ, вѣчно зеленыхъ кипарисовъ и пиній, вѣчно бирюзовыхъ небесъ, горячаго солнца и малахитовыхъ водъ Босфора — этотъ

южный городъ въ снѣгу! И снѣгъ — не мутная слякоть, по недоразумѣнію какому-то выпадающая въ теплыхъ краяхъ, а настоящій снѣгъ бѣлый, плотный. И все и вся одѣлъ онъ серебристо-молочными хлопьями. Все! Пиніи, кипарисы, меланхолическія мусульманскія кладбища, крыши мраморныхъ дворцовъ... Все!

Запорошилъ мачты, палубы, капитанскіе мостики покинувшей „пловучей Россіи". Да, эти военные корабли, эти пассажирскіе, санитарные, купеческіе и буксирные пароходы, эти ветхія, готовыя разсыпаться по всѣмъ швамъ барки, съ кое-какъ на спѣхъ прилаженнымъ моторомъ, эти утлыя рыбачьи фелюги, эта вся армада, ее нельзя было назвать „непобѣдимой", но и нельзя было назвать „побѣжденной" — являла собою все, что осталось отъ бѣлой Россіи.

На палубахъ, въ каютахъ, въ трюмахъ скучилось, сгрудились около двухсотъ тысячъ русскихъ офицеровъ, женщинъ и дѣтей, не пожелавшихъ остаться подъ грубой пятою совѣтскаго хама. Эти люди предпочли свободными голодать и маяться въ нищетѣ на чужбинѣ, чѣмъ служить кровавымъ палачамъ еврейскаго интернаціонала съ его ликующей до поры до времени красной тряпкою, этимъ символомъ грабежа, насилья, пытокъ и смерти...

И пусть не было у нихъ завтрашняго дня, пусть они безпріютные, гонимые, но вывезли они оттуда, съ послѣдняго клочка своей Родины и честь, и совѣсть и трехцвѣтный флагъ свой.

Трагедія — одна изъ прекраснѣйшихъ во всей міровой исторіи.

Но для оккупаціоннаго командованія въ Константинополѣ это не была трагедія. Оно не хотѣло, или не умѣло понять: нѣсколько десятковъ измученныхъ, израненныхъ бойцовъ этихъ дрались тамъ за Чернымъ моремъ, не только за Крымскій полуостровъ и даже не только за Россію, а за человѣчество, защищая его отъ нашествія воинствующихъ красныхъ ордъ. Точно такъ же Европа не хотѣла, или не умѣла понять, что польская армія и польскій народъ защитили грудью своей не только подступы къ Варшавѣ, но и подступы къ Парижу, Брюсселю, Лондону, Риму. Если бы пала Варшава, участь ея постигла бы и Парижъ, Брюссель, Лондонъ, Римъ, Бухарестъ и многія другія столицы.

Опьяненные побѣдою, какъ на крыльяхъ неслись все впередъ и впередъ поляки. И еще немного, еще дружное усиліе и красная армія вся цѣликомъ въ пухъ и прахъ была-бы разбита. И капитулировали-бы въ загаженномъ Кремлѣ заживо гніющій паралитикъ — идіотъ Ленинъ и мрачный съ физіономіей еврейскаго дьявола Бронштейнъ-Троцкій. Это на Сѣверо-Западѣ. А на Югѣ изнемогавшая крохотная армія Врангеля, повторяла съ горечью:

— Поляки предали насъ! Не заключи они Рижскаго мира, совмѣстнымъ напоромъ въ нѣсколько недѣль раздавили-бы мы красныхъ, уничтожили-бы коммунистическихъ паразитовъ...

Не знала русская армія, да и откуда ей было знать, что не польскій народъ, а тайныя темныя силы руками соціалистовъ подписали Рижскій договоръ, спасшій и большевиковъ и большевизмъ отъ неминуемой гибели.

Не знала русская армія, что эти же самыя темныя силы пригнали ее голодную, раздѣтую въ грязныхъ, закопченныхъ трюмахъ къ берегамъ голубого Босфора. Тифознымъ, раненымъ женщинамъ и дѣтямъ, ютившимся вповалку подъ открытымъ небомъ и какимъ небомъ — точно губка слезилось оно, то холоднымъ дождемъ, то снѣгомъ — не хватало прѣсной воды. За то шампанское лилось рѣкой въ международномъ, шумномъ, веселомъ и праздномъ Константинополѣ.

Это былъ пиръ во время чумы. Это была пляска на вулканѣ. Пляска въ буквальномъ значеніи слова.

Въ мавританскомъ холлѣ Пера-Паласа танцовали до упаду фокстротъ, шими. Танцовали сверкающіе бриллiантами, полуобнаженныя левантинки, еврейки, гречанки, француженки, англичанки, американки. Вылощенные дипломаты во фракахъ и смокингахъ и офицеры-оккупанты были кавалерами этихъ дамъ. Шампанское, флиртъ, спекулятивные сдѣлки тутъ же за мраморными столиками, фокстротъ, шими, ява... А въ кабачкахъ съ дребезжащими пьянино и въ притонахъ Галаты, гдѣ размалеванныя трущобныя гетеры заманивали къ себѣ мужчинъ, веселились матросы и солдаты оккупаціоннаго флота и гарнизона. Эти самые солдаты и матросы пьяные, развращенные бездѣльемъ, шатались по улицамъ съ проститутками, не отдавая чести офицерамъ, и даже толкая ихъ. Экспедиціонный корпусъ, отравляемый, разлагаемый коммунистической пропагандою, со дня на день терялъ бое-

способность. Къ стыду бѣлыхъ, боеспособность и дисциплина сохранились главнымъ образомъ въ „цвѣтныхъ“ колоніальныхъ войскахъ. Никто никогда не встрѣчалъ пьяными ни черныхъ сенегальцевъ, ни бронзовыхъ индусовъ. Первые съ дѣтскимъ осуждающимъ изумленіемъ въ громадныхъ темныхъ, съ лошадиными бѣлками глазахъ, вторые съ величавымъ презрѣніемъ на породистыхъ тысячелѣтней породою лицахъ смотрѣли на бѣлыхъ солдатъ, разнузданныхъ, громко горланившихъ пѣсни и сквернословившихъ. Горсть смѣльчаковъ могла бы взять Константинополь. Другой вопросъ, удержала бы она его, но завладѣть на нѣсколько дней могла бы.

Этого не знали, быть можетъ, сами оккупанты-побѣдители, но это знали турки. Знали ихъ тайные и явные друзья и, важнѣе всего, зналъ Кемаль-Паша, этотъ по словамъ однихъ — національный герой, турецкій Бонапартъ, по словамъ другихъ — жалкая маріонетка въ могущественныхъ рукахъ тѣхъ самыхъ темныхъ силъ, которыя спасая Кремлевскихъ владыкъ, заключившихъ съ Польшею Рижскій миръ и сбросившихъ Врангеля въ море. Бонапартъ ли, маріонетка ли? Кто знаетъ? Но, пожалуй, вѣрнѣе — второе. Никому невѣдомый до сихъ поръ Кемаль, никакими талантами не блещущій, билъ грековъ при содѣйствіи красной казачьей конницы, грозилъ султану веревкой, если онъ не отречется, а союзникамъ грозилъ поголовной рѣзнею, если не уберутся прочь изъ Константинополя.

Оккупаціонное командованіе избрало линію наименьшаго сопротивленія. Оно слѣпо творило волю своихъ правительствъ. А правительства, зная чью волю они творили, посылали шифрованныя телеграммы въ отвѣтъ:

„Кемаль хоть и выскочка, но онъ реальная сила и не стоитъ съ нимъ связываться. Дѣлайте видъ, что вы не замѣчаете наглаго тона и дерзкихъ выкриковъ этого проходимца. Что же касается Врангеля, его сорокатысячная армія, эти закаленные въ великой и гражданской войнѣ кондотьеры, являютъ собою, хотя и гораздо меньшую, но все же опасность. Скученные въ тѣсныхъ трюмахъ, какъ невольники рабовладѣльческихъ кораблей, они все же опасны до тѣхъ поръ, пока у нихъ есть оружіе. Наведя пушки дредноутовъ и броненосцевъ, отнимите у врангелевцевъ пулеметы, винтовки, патроны и когда это будетъ уже не армія, а толпа, скорѣе посадите ее за колючую проволоку на Лемносѣ и въ Галиполи...

27. МИСТЕРЪ РООНЪ — БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

На улицѣ Таксимъ есть трехъ-этажный особнякъ богатаго эспаньола, за какія-то услуги, оказанныя еще Абдулъ-Хамиду, получившаго лестную, для еврея въ особенности, приставку „бей". А если мы скажемъ, что его фамилія была Бимбасадъ, то въ общемъ получалось — Бимбасадъ-бей.

Султанскія милости ничуть не помѣшали Бимбасадъ-бею участвовать въ младотурецкомъ переворотѣ.

Бимбасадъ-бей съ многочисленною семьею надолго покинулъ Константинополь, вскорѣ по занятіи его французами и англичанами, а особнякъ свой съ дорогой посудою, коврами, золоченной мебелью, картинами, бронзой, со всей его кричащей скороспѣлой роскошью и даже съ лакеями-неграми и лакеями-евнухами, — Бимбасадъ не имѣлъ гарема, но держалъ у себя евнуховъ, въ подражаніе знатнымъ турецкимъ пашамъ, — со всѣмъ этимъ мертвымъ и живымъ инвентаремъ предоставилъ въ пользованіе человѣку, называвшемуся мистеромъ Роономъ.

Посмотрѣть на мистера Роона, не зная, что это за фигура, никто, пожалуй, и двадцати піастровъ за него не далъ-бы. Такъ себѣ, самый заурядный человѣчекъ. Одѣвался, — любой приказчикъ французскаго магазина съ Большой улицы Перы, одѣтъ куда лучше.

Мистеръ Роонъ бѣгалъ, — не ходилъ, а именно бѣгалъ мелкими сѣменящими шажками — въ затрапезномъ, сѣромъ пиджачномъ костюмчикѣ. Въ жилетномъ карманѣ — плоскія стальныя часы. Вмѣсто цѣпочки — узенькая кожанная полоска, потемнѣвшая отъ времени. Перламутровыя запонки въ манжетахъ. Скромный темный галстухъ, кое какъ повязанный и всегда съѣзжающій вбокъ. Широконосыя американскія ботинки на толстой двойной подошвѣ. Никогда никакой драгоцѣнности, ни жемчужной булавки, ни бриллианта на пальцѣ.

Пепельно-сѣдые, плохо повинующіеся гребню волосы, бритое, легко забывающееся лицо. Не забывались только подвижные, углубленные въ орбитахъ глаза. И не было въ нихъ, не читалось, по крайней мѣрѣ, ни особенной силы воли, ничего притягивающаго.

А вотъ подите-жъ, кто хоть разъ всмотрѣлся въ нихъ, тотъ навсегда уносилъ съ собою ихъ безпокойное,

раздражающее мельканіе. У маньяковъ и сумасшедшихъ бываютъ такіе глаза...

Говорили — да и не только говорили, это было и на самомъ дѣлѣ — что мистеръ Роонъ баснословно богатъ, богаче всѣхъ Морганов и Ротшильдовъ вмѣстѣ взятыхъ, что тамъ у себя въ Америкѣ онъ — многократный „король". Король банковъ, стали, нефти, король табаку, металлургіи и еще и еще чего-то король...

Чѣмъ-же занимался многократный король этотъ въ Константинополѣ? Ему были подчинены союзы, такъ называемой, христіанской молодежи, работавшіе и по всей Европѣ и по всей Сибири, въ тылу и на фронтѣ войскъ адмирала Колчака.

Мистеръ Роонъ занимался такъ-же благотворительностью. Явную благотворительность его нельзя было назвать „королевской".

Когда послѣ эвакуаціи французами Одессы весною 1919 года, на улицы Константинополя выброшено было двѣ тысячи офицеровъ — многіе съ семьями — къ мистеру Роону обратилась за помощью русская дама сестра Данзасъ, владѣвшая англійскимъ языкомъ:

— Мистеръ Роонъ, эти люди очутились въ буквальномъ значеніи слова на мостовой. Многіе почти въ рубищахъ. Дѣти умираютъ съ голоду. Мистеръ Роонъ, вы американецъ, ваша великая родина принимала участіе въ войнѣ въ рядахъ антанты, помогите же тѣмъ, кто свято и до конца исполнилъ свой долгъ и по отношенію собственнаго отечества и по отношенію къ союзникамъ...

Мистеръ Роонъ суетился, бѣгая мелкими шажками по кабинету Бимбасадъ-бея.

— Да, да разумѣется... Нельзя не помочь... Я вамъ сейчасъ выдамъ записку на восемьдесятъ жестянокъ сгущеннаго молока. Это для вашихъ бѣдныхъ русскихъ дѣтей... Ну, а для взрослыхъ чѣмъ я могу быть полезенъ?

— Я уже вамъ сказала, мистеръ Роонъ, многіе обносились и оборвались. А я знаю, здѣшніе склады американскаго Краснаго Креста ломятся отъ комплектовъ платья, военнаго и статскаго.

— Ну, это нѣсколько преувеличено — ломятся!.. Мы будемъ дѣлать такъ — послѣ минутнаго раздумья молвилъ мистеръ Роонъ, какъ будто принимая очень важное рѣшеніе — всѣмъ не поможешь. Мы будемъ дѣлать

такъ: каждый день приводите ко мнѣ сюда, ну, самое большее, скажемъ, двухъ офицеровъ...

Разочарованная уходила сестра Данзасъ. Но — лучше хоть что-нибудь, чѣмъ ничего. Сгущенное молоко дѣтямъ и, если этотъ мистеръ Роонъ, съ какимъ-то страннымъ безпокойнымъ мельканіемъ въ глазахъ, одѣнетъ хотя бы десятокъ-другой офицеровъ, — и за это спасибо... На слѣдующій день сестра Данзасъ взяла съ собою двухъ, — полковника и ротмистра. Оба съ бѣлыми Георгіевскими крестами на измятыхъ, видавшихъ всякіе виды кителяхъ. Оба въ разваливающихся, покрытыхъ густою пылью ботинкахъ — не было десяти піастровъ дать греку-чистильщику. Неловко и стыдно — особый стыдъ самолюбивыхъ и гордыхъ людей, очутившихся въ унизительной роли жалкихъ просителей. Негры-лакеи, въ вицъ-мундитахъ съ золотыми аксельбантами, пялили громадныя глазища свои на обтрепанныхъ нищихъ — офицеры казались нищими этимъ чернымъ лоснящимся неграмъ.

Оставивъ полковника и ротмистра въ шести-угольной восточной пріемной съ коврами и шестигранными табуретками изъ чернаго дерева, инкрустированнаго перламутромъ, Данзасъ прошла въ кабинетъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулась.

— Пожалуйте, господа...

Почти не взглянувъ на просителей, мистеръ Роонъ сказалъ сестрѣ Данзасъ по-англійски:

— Пусть они повернутся ко мнѣ спиною...

Данзасъ перевела. Медленно, недоумѣвающе исполнили офицеры желаніе американца.

Мистеръ Роонъ внимательно оглядѣлъ со спины обоихъ, поясняя сестрѣ Данзасъ:

— Я всегда такъ... Если штаны не свѣтятся, значитъ ихъ можно еще носить... У этихъ вашихъ уже свѣтятся... Я выдамъ записку на два комплекта. Кромѣ того, для каждаго по десяти долларовъ. По мѣрѣ необходимости выдавайте, но не всѣ сразу, а то они пропьютъ. Всѣ русскіе офицеры — пьяницы!

Сестра Данзасъ вспыхнула до корней волосъ и чуть не сорвалось у нея рѣзкое слово по адресу наглаго американца. Но она сдержалась. Сдержалась во имя тѣхъ другихъ еще, которымъ необходимо помочь. Слава Богу, что ни полковникъ, ни ротмистръ не понимали ни слова.

Получивъ ордеръ на два комплекта и двадцать дол-

ларовъ, она вмѣстѣ съ офицерами покинула особнякъ Бимбасадъ-бея.

Офицеры спросили:

— Скажите, сестра, зачѣмъ это ему понадобилось, чтобы мы повернулись къ нему спиною?

— Зачѣмъ? — искала она — какъ вамъ сказать... онъ хотѣлъ болѣе, или менѣе точно опредѣлить ростъ каждаго изъ васъ...

Двѣ недѣли ежедневно повторялась такая же самая исторія. Данзасъ входила въ кабинетъ, опуская глаза, чтобы мистеръ Роонъ не могъ прочесть ненависти къ нему за тѣ оскорбленія, которымъ этотъ „благотворитель" подвергалъ и русскую армію и Россію.

Черезъ двѣ недѣли мистеръ Роонъ заявилъ:

— Стопъ! Я уѣзжаю!

И дѣйствительно уѣхалъ. Уѣхалъ на англійскомъ броненосцѣ въ адмиральской каютѣ. Оффиціально — во Владивостокъ инспектировать на мѣстѣ въ Сибири дѣятельность союза христіанской молодежи. Не оффиціально же... Съ появленіемъ мистера Роона въ Сибири усилилась предательская работа эсъ-эровъ и чехословацкаго корпуса. На всей территоріи занятой Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Колчакомъ, развернулась во всю коммунистическая агитація. Эсъ-эровскія банды взрывали мосты, желѣзныя дороги, склады арміи. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ французскій генералъ Жаненъ и чехословаки предали адмирала Колчака эсъ-эрамъ. Эти же вѣрные слуги большевиковъ выдали его своимъ господамъ. И великій русскій патріотъ-флотоводецъ былъ разстрѣлянъ въ Иркутскѣ, къ бурному ликованію многихъ союзниковъ, соціалистовъ и чехословаковъ, разграбившихъ русскій золотой запасъ, послужившій основнымъ капиталомъ для пражскаго легіонъ-банка...

28. ЗАГОВОРЪ НЕЧЕСТИВЫХЪ

Погибъ благородный, такъ одиноко погибъ всѣми брошенный и всѣми преданный Колчакъ. Дрогнулъ и разсыпался фронтъ честнаго и упрямаго Деникина. Въ Крыму съ горсточкой своихъ героевъ отбивался Врангель отъ красныхъ скопищъ. И не только отбивался, но еще и самъ наносилъ великолѣпные, чувствительные удары...

Но и доблесть имѣетъ свои предѣлы...

И вотъ въ снѣгъ и въ слякоть въ пронизующій вѣтеръ флотилія Врангеля покачивается на крупной, переходящей въ волны зыби „голубого“ Босфора.

Зябнутъ офицеры, женщины, дѣти. Особенно, кто за неимѣніемъ мѣста гдѣ-нибудь въ трюмѣ, — о каютахъ и думать нечего, — ютится на палубѣ.

А въ кабинетѣ Бимбасадъ-бея тепло и уютно. И даже не тепло, а прямо-таки жарко. Здоровенный лакей негръ еще раннимъ сизымъ утромъ зажегъ крупныя глыбы угля въ громадномъ каминѣ съ двумя мраморными сатирами. Эти похотливо смѣющіеся козлоногіе сатиры создавались въ ателье извѣстнаго французскаго скульптора Бартоломэ.

Тепло и уютно въ кабинетѣ Бимбасадъ-бея. Тепло и уютно мистеру Роону. Болтая ногою онъ сидитъ возлѣ камина въ креслѣ-качалкѣ. Онъ такой же, какимъ видѣли мы его въ этомъ самомъ кабинетѣ два года назадъ передъ тѣмъ, какъ онъ ѣздилъ хоронить Колчака и когда онъ требовалъ у русскихъ офицеровъ-эмигрантовъ поворачиваться къ нему спиною, дабы установить съ полной точностью — свѣтятся, или не свѣтятся ихъ защитныя, въ заплатахъ штаны?

Все тотъ же мистеръ Роонъ. Въ пепельныхъ волосахъ сѣдины почти не прибавилось. Тѣ же грошевыя перламутровыя запонки, тѣ же плосскія стальныя часы, та же потемнѣвшая ленточка узенькой кожи, вмѣсто цѣпочки. То же бритое, незначительное лицо и то же, надолго запоминающееся мельканіе въ свѣтлыхъ, какъ сильно разбавленное водою молоко, глазахъ. Такіе глаза бываютъ у алкоголиковъ. Бываютъ. Но мистеръ Роонъ ничего не пилъ, кромѣ кофэ и минеральной воды. Длинная черная сигара дымилась въ крѣпкихъ, желтыхъ зубахъ мистера Роона. Свои собственные зубы. Только два золотыхъ по бокамъ верхней челюсти непріятно поблескивали въ моментъ улыбки.

Негръ въ вицъ-мундирѣ съ аксельбантомъ на лѣвомъ плечѣ, ослѣпительно сверкнувъ зубами и глазами на плосконосомъ темно-бронзовомъ лицѣ доложилъ:

— Мамель Бушачъ...

Это означало: мадемуазель Башіаччи.

Мистеръ Роонъ сдѣлалъ утвердительный кивокъ, болтнувъ ногою.

Вошла Иза, такая же, какую потомъ, спустя три

года мы ее видѣли въ Испаніи.. Сухая, плоская, съ мальчишескими формами подъ темнымъ, гладкимъ платьемъ, со змѣиными глазами, острымъ птичьимъ профилемъ и маленькою головкою.

Сейчасъ это не была капризная, надменная Башіаччи, свысока третирующая Мунца, Спеера, Танечку. (Мы удаляемся назадъ отъ событій, уже разсказанныхъ. Позже Иза въ Константинополѣ подобрала Танечку и взяла къ себѣ въ секретари Мунца, а со Спееромъ и вовсе еще не была знакома).

Всѣмъ своимъ видомъ Иза являла самую глубокую почтительность. Можно было подумать, что для нея Роонъ — существо другой, высшей расы. И онъ принялъ это, какъ должное и, сунувъ ей руку, не мѣняя удобной полулежачей позы въ качалкѣ, этой же самой рукою указалъ на кресло возлѣ себя.

— Садитесь. Слушаю васъ!...

— Мистеръ Роонъ имѣетъ время? Могу я сдѣлать подробный докладъ?

Вспыхнулъ подъ сѣрымъ компактнымъ пепломъ красный уголекъ сигары и теплое дыханіе камина потянуло въ себя нѣжный голубоватый дымокъ...

— Слушаю васъ!...

— Сначала обрисую общую ситуацію... У Врангеля и его штаба вытянулись физіономіи... Еще бы! Мы хорошо подготовили почву. Въ лицѣ французскаго и англійскаго командованія эти господа встрѣтили самый холодный пріемъ... Сразу же было заявлено, что армія сдастъ все оружіе и перейдетъ на положеніе обыкновенныхъ рядовыхъ бѣженцевъ.

— Это очень хорошо... Очень!...

— Хорошо, но получилось не совсѣмъ такъ... Не совсѣмъ, къ сожалѣнію... — Иза испуганно осѣклась, поймавъ на лицѣ собесѣдника своего недовольную гримасу.

— Не совсѣмъ? Не совсѣмъ? — вскочивъ и забѣгавъ по кабинету повторялъ онъ — въ такомъ случаѣ я, я превращу ихъ въ бѣженцевъ... И тогда будетъ — „совсѣмъ“... Тамъ, въ Парижѣ знаютъ, и еще какъ знаютъ... Стоитъ мнѣ нажать кнопку, франкъ полетитъ внизъ съ головокружительной быстротою...

— Не волнуйтесь мистеръ Роонъ. Конечно вы можете сдѣлать все, что пожелаете, но я не совѣтовала бы

сразу нажимать кнопку... Дѣло въ томъ... Врангель помимо воли самыхъ союзныхъ генераловъ, помимо инструкцій, полученныхъ ими, произвелъ на нихъ обаятельное впечатлѣніе. Я его видѣла мелькомъ. Да въ немъ что-то есть... И даже больше, чѣмъ что-то... О, если бы мы имѣли такого вождя! И такъ, онъ выговорилъ сохраненіе воинской организаціи для своей арміи... Пусть! Въ концѣ концовъ, это же не такъ страшно... Это даже интересно... Скучно, если все очень легко дается. Скучно!.. Пусть они себѣ поиграютъ въ солдатики. Въ два-три мѣсяца мы распылимъ эту армію бѣлыхъ кондотьеровъ. Я убѣждена, послѣ сидѣнія за проволокой на полуголодномъ пайкѣ, патрулируемая синегальцами, эта армія, если не вся, то на большую половину, ожесточенная, возненавидѣвшая союзниковъ и своего Врангеля, пожелаетъ вернуться въ совѣтскую Россію...

— Вы такъ думаете? — спросилъ мистеръ Роонъ, останавливаясь передъ Изой.

— Не думаю, а увѣрена.

— Если бы это было такъ! Если бы они дѣйствительно, какъ говорите вы, распылились. Ха, ха, ха, — засмѣялся онъ издѣвательскимъ смѣхомъ, — а они что же себѣ думали? Что же думалъ онъ, этотъ ихъ „обаятельный“ Врангель? Что ихъ встрѣтятъ какъ героевъ съ почестями? Встрѣтятъ пушечными салютами броненосцевъ? Отведутъ имъ базу для отдыха и переформированія? А потомъ, потомъ, что еще? Снабдятъ деньгами, снаряженіемъ и, подъ защитою военныхъ кораблей, повезутъ къ... право же не знаю къ какимъ берегамъ, — отвоевывать Россію для графовъ, помѣщиковъ, для поповъ, и тѣхъ генераловъ, которые дѣлали себѣ карьеру на еврейскихъ погромахъ? Нѣтъ, путь на Москву не лежитъ по еврейскимъ черепамъ и по еврейскимъ бумажникамъ! Это не мои слова, это я цитирую изъ статьи профессора Миркина-Гецевича. Всѣ его статьи мнѣ переводятъ на англійскій языкъ. Итакъ, они ожидали разныхъ великихъ благъ, эти кондотьеры? Ожидали возобновленія своихъ разбойничьихъ экспедицій? А въ результатѣ — не угодно ли, за проволоку! Отлично, чудесно, восхитительно! Я не допущу никакихъ послабленій, никакихъ! Если же дѣйствительно, какъ вы сказали, Иза, оккупаціонныхъ генераловъ этихъ успѣлъ обворожить декоративный, высокій, съ тонкой таліей въ казацкомъ костюмѣ

господинъ, съумѣвшій соединить въ себѣ солдата со свѣтскимъ львомъ, если это именно такъ, я не постѣсняюсь въ двадцать четыре часа убрать отсюда такихъ дураковъ, какъ Ричардсонъ и Пеллэ и потребую замѣщеніе всѣхъ высшихъ постовъ генералами и адмиралами изъ масоновъ. А этотъ — вы, Иза, тоже, какъ видно, подпали его чарамъ, — этотъ Врангель мнѣ уже успѣлъ надоѣсть! Вы понимаете. Я уже объѣлся имъ! На каждомъ шагу: Врангель, Врангель... Я слышалъ, вліяніе его на эти нѣсколько десятковъ головорѣзовъ безгранично. Если это такъ, а это несомнѣнно такъ, иначе Пеллэ и Ричардсонъ говорили бы съ нимъ совсѣмъ по другому — онъ для насъ человѣкъ опасный. Опасный, Иза, слышите? — повторилъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ и съ особенной чеканкою словъ мистеръ Роонъ.

— Что-жъ нѣтъ самыхъ опасныхъ людей, которыхъ нельзя было бы, въ концѣ концовъ устранить... Какъ вамъ извѣстно, Его Превосходительство или даже Высокопревосходительство, изволитъ жить на своей яхтѣ „Луккулъ.“ Онъ тамъ чувствуетъ себя гораздо лучше, нежели на берегу... На берегу легче арестовать, а на „Луккулѣ“ имѣется конвой изъ аристократической молодежи, преданной ему

— Тогда... какъ же?

— А вотъ мой планъ, Мистеръ Роонъ. Изъ окна вашего кабинета Босфоръ — какъ на ладони... У васъ есть бинокль? Хотя, не надо... И простымъ глазомъ... Видите, вонъ тамъ между башнею Леандра и Гайдаръ-Пашею — маленькое, чуть замѣтное суденышко, а рядомъ, это не рядомъ, на самомъ дѣлѣ, это съ полъ километра будетъ — громадный итальянскій „купецъ“. Онъ простоитъ еще очень долго. Сначала его разгрузятъ, потомъ нагрузятъ, а потомъ будутъ слегка ремонтировать. Команда — почти сплошь коммунисты. Мои агенты успѣли ихъ распропагандировать... Капитанъ же, если ему хорошо заплатятъ... Вы представляете себѣ... Врангель и его штабъ въ своихъ каютахъ... Тамъ же всѣ ихъ документы, архивы, денежный ящикъ арміи. Итальянскій купецъ „Адріа“ вздумалъ перемѣнить стоянку. — Это его право — снимается съ якоря, идетъ, неожиданно врѣзывается носомъ въ бортъ „Луккула“. Носорогъ, аттакующій граціозную хрупкую газель. Кракъ... и въ двѣ-три минуты все кончено, — „Лукулъ“ подъ водою... И, глав-

ное, никакихъ уликъ, никакой отвѣтственности. Катастрофа!...

— Ошибаетесь, Иза! Это съ вашей женской точки зрѣнія... Нѣтъ, виновники подобной катастрофы отвѣчаютъ передъ судомъ и еще какъ строго отвѣчаютъ... Хотя... Отъ насъ же зависитъ превратить судъ въ комедію... Капитана же — капитанъ всегда козелъ отпущенія — мы обезпечимъ на всю жизнь. Въ общемъ, планъ весьма остроумный. Дѣйствуйте! Дѣйствуйте, Иза! Что еще?

— Мои люди уже повели агитацію среди казаковъ и офицеровъ. Удалось кой-кого соблазнить и обѣщаніемъ полной амнистіи и кругленькимъ авансомъ, но — это все мелочь... А вотъ мы охотимся на крупнаго звѣря...

— Крупнаго звѣря? Кто?

— Генералъ Слащевъ.

— Слащевъ? Не знаю... Не слышалъ...

Ничуть не удивляюсь, мистеръ Роонъ! Гдѣ же вамъ, играющему правительствами и министерствами великихъ державъ, какъ пѣшками, гдѣ вамъ знать генерала Слащева? Гдѣ вамъ примѣтить съ вашихъ олимпійскихъ высотъ копошащійся внизу муравейникъ?

Польщенный „американецъ“ обнажилъ въ пріятной улыбкѣ и желтые, крѣпкіе собственные зубы и парочку золотыхъ.

— Иза, ваши сравненія бываютъ весьма образны и удачны...

— Не забывайте, что я поэтесса... Главное же качество ихъ, мистеръ Роонъ, точность, — скромно приняла комплиментъ Иза. — Итакъ, Слащевъ въ муравейникѣ Врангеля — видная фигура. Въ европейской войнѣ онъ бы прошелъ незамѣтно, въ гражданской же — это величина! Пьяница, сумасбродъ, кокаинистъ, онъ смѣлъ, дерзокъ, лично храбръ и далеко не безъ способностей, хотя и глупъ. Еще до Врангеля нѣсколько мѣсяцевъ защищалъ Крымъ, и защищалъ успѣшно. Врангеля ненавидитъ! Прокутилъ всѣ свои сбереженія. Его можно купить. Его переходъ въ лагерь красныхъ произведетъ сенсацію, какъ въ совѣтской Россіи, такъ и среди Врангелевцевъ, такъ и среди союзнаго командованія...

— Покупайте, покупайте вашего Слащева! — одобрительно молвилъ мистеръ Роонъ — вообще не стѣсняйтесь въ расходахъ. Вотъ вамъ двѣ чековыя книжки,

на Оттоманскій банкъ и на Нѣмецкій... Что? У васъ есть деньги? Я знаю, что вашъ отецъ богатъ. Но приходится тратить такія суммы, — никакое богатство не выдержитъ! До свиданія. Минуточку, Иза... Вы меня заинтересовали этимъ Слащевымъ... Есть шансы?

— Человѣкъ неравнодушный къ алкоголю, падкій на женщинъ и на дешевые лавры, человѣкъ неустойчивый, безпринципный — такой всегда будетъ нашей легкой добычею — отвѣтила Иза.

Мистеръ Роонъ пытливо взглянулъ на нее.

— Я вами доволенъ, Иза... Больше ничего?... До завтра...

Башіаччи съ низкимъ поклономъ ушла. Блѣдное ея лицо вспыхнуло румянцемъ счастья. Онъ доволенъ ею, онъ такой скупой, вообще, на какія бы то ни было похвалы...

29. ИСКУСИТЕЛЬ ФЕДОРЪ БАТКИНЪ.

Иза не сгустила красокъ въ своей характеристикѣ Слащева. На немъ необходимо остановиться болѣе подробно, такъ какъ ренегатствомъ своимъ, своей измѣною Россіи и русскому трехцвѣтному знамени, тѣмъ что поклонился жидовскому Кремлю и пошелъ подъ его красную тряпку, всей этой мерзостью онъ увѣковѣчилъ себя на скрижаляхъ исторіи. Офицеръ одного изъ второстепенныхъ пѣхотныхъ полковъ Императорской гвардіи, Слащевъ никогда не былъ типичнымъ гвардейцемъ. Не говорилъ ни на одномъ иностранномъ языкѣ, былъ дурно воспитанъ и манерами своими напоминалъ развязнаго армейца.

Онъ рано посѣдѣлъ и это шло бы его молодому бритому лицу, если-бъ только оно не было такимъ вульгарнымъ. Подражая англійскимъ офицерамъ, онъ вѣчно сосалъ зажатую въ зубахъ маленькую трубку. Стоило заговорить ему — непріятное выраженіе губъ, непріятный голосъ, непріятная жестикуляція.

Въ войнѣ съ большевиками Слащевъ показалъ себя молодцомъ. За нимъ шли. Офицеровъ и солдатъ онъ увлекалъ своимъ личнымъ примѣромъ, личной отвагою. Нанюхавшись кокаину, готовъ былъ одинъ атаковать цѣлый красноармейскій полкъ.

Стремительнымъ ударомъ Деникинцы брали Николаевъ. Слащевъ вмѣстѣ съ офицерами своего штаба подъ пулеметнымъ огнемъ овладѣлъ желѣзнодорожнымъ мостомъ черезъ Днѣпръ, обративъ въ бѣгство сильныя непріятельскія заставы.

Въ этотъ же самый день Слащевъ кутилъ въ освобожденномъ Николаевѣ. Онъ потребовалъ отъ музыкантовъ:

— Гимнъ! Мой гимнъ!...

Гимнъ молодого генерала отличался сжатой лаконичностью. Весь въ двухъ строкахъ:

Мы смѣло въ бой пойдемъ за Русь святую
И всѣхъ жидовъ побьемъ — сволочь такую.

Публика, сидѣвшая въ ресторанѣ, должна была хоромъ подпѣвать. Евреи, опасаясь погрома, въ паническомъ страхѣ, спѣшили попрятаться кто куда.

Нѣсколько мѣсяцевъ онъ удерживалъ Крымъ отъ натиска совѣтскихъ войскъ и удерживалъ, отдать справедливость, съ исключительной доблестью. Власть на фронтѣ и въ тылу — въ его рукахъ. Онъ велъ себя крымскимъ ханомъ. Щеголялъ въ фантастической формѣ, имъ самимъ сочиненной. Барашковая бѣлая свитская шапка, бѣлый гусарскій доломанъ, отороченный мѣхомъ. Собственный поѣздъ съ женщинами, коньякомъ и шампанскимъ. Слащевъ самъ распускалъ слухъ, что подъ его именемъ скрывается Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Севастопольскіе рабочіе пѣли:

Отъ разстрѣловъ идетъ дымъ
То Слащевъ спасаетъ Крымъ...

Но это не была та необходимая, твердая власть, которой не хватало, къ сожалѣнію, на территоріи Добровольческой Арміи. Это былъ большевизмъ справа. Это была только „Слащевщина".

На ряду съ большевиками разстрѣливались и невиновные. Если кто нибудь имѣлъ смѣлость указать на это Слащеву, онъ, по армейски прищелкнувъ языкомъ, отшучивался:

— Э, пустяки! Въ небесной канцеляріи, тамъ живо разберутъ, кто виноватъ, кто правъ!...

Но вотъ Слащевъ уже не одинъ въ Крыму... Уже тамъ высадились остатки Деникинской арміи и верхов-

ное командованіе принялъ генералъ Врангель, этотъ кумиръ и герой, обвѣянный такими побѣдами, какъ взятіе Царицына. А рядомъ съ этимъ вождемъ Слащевъ былъ способный и дерзкій генералъ-партизанъ. И только. Не болѣе. Ни себѣ самому, ни другимъ, самовлюбленный Слащевъ не хотѣлъ въ этомъ сознаться...

Въ началѣ Врангель, цѣня Слащева, но не переоцѣнивая, однако, далъ ему крупную боевую задачу, которую этотъ пѣхотный генералъ въ гусарскомъ доломанѣ выполнилъ совсѣмъ иначе, нежели это было ему приказано Главнокомандующимъ. Результатъ — почти катастрофическое положеніе всей арміи. Дальнѣйшій же результатъ — неизбѣжный. Слащева поспѣшили убрать съ фронта. Опальный генералъ, затаивъ злобу противъ Главнокомандующаго и, очутившись не у дѣлъ въ Севастополѣ, усердно нюхалъ кокаинъ лошадиными порціями, а коньякомъ еще больше разжигалъ свою злобу...

Въ Константинополѣ эта злоба росла, увеличиваясь прямо пропорціонально количеству вливаемаго Слащевымъ въ себя алкоголя. Уже черезъ двѣ недѣли такой жизни изсякли запасы кокаина и коньяку, а того и другого купить было не на что. Разгулъ смѣнился мрачнымъ, тяжелымъ похмѣльемъ...

Не бритый, не мытый, не чесанный сидѣлъ Слащевъ цѣлыми днями въ облакахъ трубочнаго дыма.

На Босфорѣ въ живописномъ пригородѣ Бебекъ снималъ онъ для себя и для своего „штаба“ деревянный, двухъ-этажный турецкій домикъ, вначалѣ сверкавшій мусульманской чистотою, а черезъ мѣсяцъ уже заплеванный, загаженный пустыми бутылками, окурками, дурно пахнувшими жестянками изъ подъ консервовъ...

Туда въ Бебекъ явился къ Слащеву севастопольскій еврей Федоръ Баткинъ. Этотъ невзрачный молодой человѣкъ, юркій, смуглый, съ острыми чертами, съ острымъ носомъ, въ печальную эпоху Керенщины сдѣлался чуть ли не всероссійской извѣстностью подъ именемъ „матроса“ Баткина. Матросъ Федоръ Баткинъ нигдѣ никогда не плавалъ, но чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ на митингахъ и въ клубныхъ притонахъ.

Вынырнулъ Баткимъ въ Константинополѣ, уже не маскарадномъ матросомъ, а какимъ-то маскарадномъ „студентомъ“, въ измятой фуражкѣ, съ бархатнымъ околышкомъ и съ какимъ-то „спеціальнымъ“ значкомъ.

Слащевъ, къ удовольствію Баткина, оказался на весь домъ одинъ-одинешенекъ. Собутыльники-адъютанты уѣхали въ Константинополь.

Слащевъ съ погасшею трубкой въ зубахъ, въ туфляхъ на босу ногу, лежалъ на низкой тафтѣ. Было душно въ непровѣтренной комнатѣ. На двухъ табуреткахъ вздымалось тяжелое строевое сѣдло съ сброшеннымъ коекакъ на него гусарскимъ доломаномъ и съ прислоненной винтовкою. На другой тахтѣ — пулеметныя ленты, револьверныя обоймы и длинный въ черныхъ ножнахъ дагестанскій кинжалъ.

Съ вкрадчивой улыбкою подсѣлъ Баткинъ къ Слащеву.

— Какъ поживаете, ваше превосходительство?

— Видите, какъ поживаю — меланхолически отвѣтилъ Слащевъ.

— Да, это ужасно! — посочувствовалъ Баткинъ — вы, который на своихъ плечахъ вынесли всю Крымскую эпопею и, не угодно ли?... Вотъ вамъ награда! Извините меня, ваше превосходительство, не знаю, какъ вы, но я, — это мое глубокое убѣжденіе — я считаю, Врангеля узурпаторомъ! Да, да! Изъ чувства зависти къ вашему военному генію, онъ свелъ васъ на нѣтъ и... Да что и говорить! — махнулъ рукой Баткинъ — сами понимаете!

— Спасибо за доброе слово, Баткинъ! Вы порядочный человѣкъ!... Скажите, стоило спасать Крымъ, чертъ бы его далъ, чтобы, въ концѣ концовъ, очутиться въ этой дырѣ безъ единаго піастра и, вдобавокъ, униженнымъ, оплеваннымъ, оттертымъ на задній планъ... Вѣдь это я, Слащевъ, я! — привскочилъ генералъ на тахтѣ — я, дуракъ, болванъ и оселъ, я этими своими руками изъ огня выгребалъ каштаны для Петра Николаевича Врангеля, пожелавшаго сдѣлаться его величествомъ Петромъ Четвертымъ. Ну, скажите, ну, не дуракъ ли я?...

— Дуракъ... — чуть было не сорвалось у Баткина. Спохватившись онъ отвѣтилъ:

— Ваше превосходительство, одно могу сказать: вы благороднѣйшій человѣкъ и патріотъ... Вы... кстати, угодно вамъ знать, какая мнѣ пришла идея?

— Какая?

— Во имя высшей справедливости... Это необходимо! Это вашъ долгъ, ваша священная обязанность... Вы должны раскрыть глаза несчастной арміи, вовлечен-

ной Врангелемъ въ эту трагическую авантюру. Должны раскрыть глаза русскому обществу, и наконецъ союзному командованію... Пусть и оно узнаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло... Вы меня поняли, ваше превосходительство?

— Н... Не совсѣмъ... Не скажу, чтобы это мнѣ было ясно, какъ шеколадъ ...

— Вы должны выпустить книгу, разоблачающую Врангеля!

— Долженъ? — переспросилъ Слащевъ — легко сказать! Я ничего не писалъ никогда, кромѣ рапортовъ, да и тѣ сочинялъ мой начальникъ штаба полковникъ Дубяга... Я только подписывалъ...

— Такъ и эту книгу! Вы ее то же самое „только подпишете", — съ ужимкой подхватилъ Баткинъ, — а напишетъ ее вашъ покорный слуга, — вы же мнѣ дадите фактическій матеріалъ, документы и, вообще... Идетъ, ваше превосходительство?

— Очень! Прекрасная, такъ сказать, мысль! Я хочу отомстить, хочу показать, что нельзя мною швыряться, какъ негодной тряпкою! Но — денежки, денежки? На какіе шиши? Чѣмъ я заплачу типографіи и за бумагу?... Чѣмъ?

— Чѣмъ? Ну, такъ слушайте же, Ваше превосходительство! Вамъ, слышите, вамъ еще заплатятъ!...

— Нѣтъ дураковъ! — усумнился генералъ.

— Зачѣмъ дураковъ? Зачѣмъ, когда умные дадутъ деньги!...

— Кто? — все еще сомнѣвался Слащевъ.

— Видите, я связанъ честнымъ словомъ, а я господинъ своего слова... Не все ли вамъ равно? Лишь бы поскорѣй вышла книга и вы получили свой авторскій гонораръ... Мы сейчасъ же напишемъ условіе:

„Я, генералъ-лейтенантъ Слащевъ, продаю въ полную собственность Федору Баткину и т. д." Гонораръ, ваше превосходительство, — пять тысячъ турецкихъ лиръ вы получите въ такомъ порядкѣ: сейчасъ двѣ тысячи, а остальныя — по выходѣ книги. Ваши разоблаченія обязаны появиться въ свѣтъ не позже, какъ черезъ мѣсяцъ...

Слащевъ ни глазамъ, ни ушамъ не вѣрилъ. Онъ полусидѣлъ на тахтѣ блаженный, растерянный, пьяный отъ счастья... И это не сонъ, это явь! Да, самая подлинная — ужъ чего больше — явь! Баткинъ, живой, реальный Баткинъ отсчитываетъ пачку вынутыхъ изъ

бумажника крупныхъ цвѣтныхъ ассигнацій по пятидесяти лиръ каждая.

Кокаинъ, коньякъ, женщины — есть отъ чего закружиться головѣ!

— Соблаговолите пересчитать, ваше превосходительство...

— Бростье, Баткинъ, бросьте... Между порядочными людьми...

— У насъ безъ обмана, а впрочемъ, какъ хотите... Съ завтрашняго дня начинаемъ работать... Сейчасъ же отъ полезнаго немножко перейдемъ къ пріятному. Съ вами жаждетъ познакомиться одна очаровательная особа.

— Кто такая? — оживился Слащевъ.

— Какой же вы нетерпѣливый! — усмѣхнулся острымъ лицомъ своимъ Баткинъ, уже фамильярно похлопывая генеральское плечо и уже не добавляя „ваше превосходительство".

— Ну, хоть скажите, голубчикъ, какой національности?

— Причемъ тутъ вѣроисповѣданіе? Красавица! Плечи, тѣло, одинъ восторгъ! Довольно съ васъ?...

— Тащите ее ко мнѣ!... Когда?...

— Что вы, что вы? Бросьте! Это вамъ не Херсонъ и Николаевъ! То же, — тащите! Куда? Здѣсь у васъ, какъ въ казармѣ... Я васъ познакомлю... Стойте, стойте, — прищурился Баткинъ — завтра къ двумъ часамъ пріѣзжайте прямо ко мнѣ. Я живу — гостинница Токотліана 21-ый номеръ. И будемъ обѣдать и будетъ хорошая выпивка и будетъ эта красавица. У васъ есть штатское?

— Есть, но...

— Никакихъ но! Такъ надо! Вы ей и въ штатскомъ понравитесь...

— Ничего съ вами не подѣлаешь... Такъ хороша, говорите?

— Онъ все еще спрашиваетъ? Сказалъ же, красавица! Слышали, есть такой комендантъ Флоранъ, начальникъ морской французской контръ-развѣдки?

— Кажется, слышалъ. А что?...

— Такъ вотъ, онъ чуть-чуть не застрѣлился черезъ нее. Мало вамъ? Но я спѣшу! До завтра, тѣмъ временемъ... Не опоздайте же! — и еще разъ покровитель-

ственно потрепавъ обалдѣвшаго Слащева по плечу, Баткинъ поспѣшилъ съ докладомъ къ Изѣ Башіаччи.

30. ОСЛАЩЕВЛЕННАЯ СОНЯ КОГАНЪ.

Но не одинъ только Федоръ Баткинъ былъ агентомъ Изы въ Константинополѣ. Цѣлая международная шайка съ замѣтнымъ преобладаніемъ іудейскаго племени старалась для Изы, получая хорошее жалованье и сверхъ того еще — довольно кругленькіе куши на всякіе непредвидѣнные расходы.

Слащевъ долженъ былъ поступить въ обработку сначала къ бывшему матросу, нынѣ студенту Федору Баткину, а затѣмъ къ Сонѣ Коэнъ. Этой Соней Коэнъ, вѣрнѣе Коганъ, заинтриговалъ Баткинъ Слащева. Относительно же начальника французской контръ-развѣдки студентъ навралъ для большаго эффекта.

Комендантъ Флоранъ и не думалъ стрѣляться. Зачѣмъ ему было стрѣляться, если, во-первыхъ, онъ вовсе не принадлежалъ къ числу романтическихъ, глубоко чувствующихъ поклонниковъ, а во-вторыхъ, Соня Коэнъ была его любовницей. Измѣняла же она ему съ его собственнаго вѣдома не по темпераменту, — врядъ ли у нея былъ таковой, — а „для дѣла".

Соня служила у него въ морской контръ-развѣдкѣ. Конечно, Флоранъ не подозрѣвалъ, что Соня работаетъ съ большевиками и для большевиковъ.

Соня искусно играла комедію. Когда послѣ такой унизительной для французовъ эвакуаціи Одессы, „Черноморская красавица" занята была большевиками, Соня предложила любовнику своему такую комбинацію:

— Я сама изъ Одессы и знаю тамъ всѣхъ. Мнѣ легко будетъ скрываться... Могу добыть интереснѣйшія для васъ свѣдѣнія...

Комендантъ Флораиъ нашелъ этотъ планъ геніальнымъ.

Въ условіяхъ строгой военной тайны, Соня доставлена была къ берегамъ Одессы на французскомъ „истребителѣ" и шлюпка ночью высадила ее на Большомъ Фонтанѣ.

А потомъ, потомъ Соня была дорогой и желанной гостьею у красныхъ комисаровъ Одессы.

Она привезла имъ списки большевиковъ и комму-

нистовъ, арестованныхъ союзнымъ командованіемъ. Она раскрыла всю закулисную секретную работу англійскихъ и французскихъ контръ-развѣдокъ. Съ ея словъ спѣшно послано донесеніе въ Москву, что оккупаціонный корпусъ въ Константинополѣ разложился и никакія новыя интервенціи большевикамъ не угрожаютъ.

Двѣ недѣли прожила Соня у своихъ почтенныхъ папаши съ мамашей въ Одессѣ, двѣ недѣли танцевала и веселилась на концертахъ, устраиваемыхъ въ чрезвычайкахъ, оставила родителямъ „немножко“ франковъ и благополучно вернулась въ Константинополь на томъ же самомъ „истребителѣ“, который 15 дней назадъ высадилъ ее у Большого Фонтана.

Флоранъ получилъ изъ ея бѣлыхъ, холеныхъ ручекъ обширный докладъ о положеніи въ Одессѣ, о красной арміи и о политическихъ настроеніяхъ въ Москвѣ. Докладъ этотъ, сочиненный совѣтскимъ комендантомъ гор. Одессы Домбровскимъ, — съ нимъ Соня развлекалась въ обществѣ другихъ женщинъ — привелъ въ такой телячій восторгъ Флоранъ, что, кромѣ денежной награды, онъ исхлопоталъ еще и военный крестъ Софіи Коэнъ, „съ опасностью для жизни совершившей подвигъ въ интересахъ Франціи“.

Въ Константинополѣ Соня появлялась вездѣ и повсюду съ зеленой, въ красныхъ полоскахъ ленточкою на груди.

Съ этой ленточкой являлась она и къ Токотліану обѣдать у Баткина вмѣстѣ со Слащевымъ.

Одѣта Соня была дорого, богато и безвкусно. Украшенная цвѣтами шелковая шляпа. Пестрая, тончайшаго шелка кофточка обнажала точеныя плечи и шею, подчеркивая линію молодого, свѣжаго тѣла.

Звенѣли браслеты. Въ ушахъ и на пальцахъ сверкали брилліанты. Красота лица, безупречно правильнаго, была кукольной красотою. Кукольный, подкрашенный ротикъ. Кукольные сѣро-синіе глаза безъ мысли, безъ выраженія. Кукольные волосы, свѣтло-каштановые, густые. Она избѣгала смѣяться, чтобы не испортить яркій кукольный гримъ свой.

Столъ былъ уже готовъ. Въ центрѣ треугольника изъ трехъ приборовъ — пирамида бутылокъ.

Соня явилась первая.

— Его еще таки нѣтъ?

— Сейчасъ будетъ, Соня! Снимайте же вашъ головной уборъ...

— Что вы, что вы, Федя! Сейчасъ видно вы не свѣтскій молодой человѣкъ. Это хорошій тонъ, если дама обѣдаетъ въ шляпѣ... И ужинаетъ — добавила Соня.

— Пускай будетъ такъ! Я демократъ и вашихъ свѣтскихъ фиглей-миглей не знаю, и не желаю знать! Итакъ, еще разъ вкратцѣ наша программа... Вы его забросаете съ мѣста въ карьеръ комплиментами, а я его буду накачивать... Потомъ я сдѣлаю видъ, что у меня разболѣлась голова и уйду въ спальню. Вы же... но вы знаете въ какомъ духѣ слѣдуетъ?... Побольше играйте на оскорбленномъ самолюбіи, осторожно пріучая къ мысли, что ему необходимо уѣхать въ совѣтскую Россію, гдѣ онъ займетъ высокое положеніе и гдѣ онъ будетъ осыпанъ деньгами и почестями, на зло всѣмъ этимъ Врангелямъ. Смотрите же, не напутайте! — предостерегалъ Баткинъ, зная, что Соня, если и не совсѣмъ глупа, то во всякомъ случаѣ, не хватаетъ звѣздъ съ неба.

Стукъ въ дверь. Это Слащевъ. Слащевъ похожій не на генерала, а скорѣй на генеральскаго денщика. Сѣренькій пиджачный костюмъ. Короткія штаны, не по модѣ короткія, потому что высоко подтянуты. Неумѣло повязанный кричащій галстухъ вылѣзалъ изъ подъ отложного воротничка.

Нѣтъ, Слащевъ куда интереснѣй въ китель и даже въ своемъ фантастическомъ доломанѣ.

Вошелъ, смѣясь гогочущимъ смѣхомъ недалекихъ, пустыхъ людей.

Баткинъ глазами спрашивалъ Соню:

— Ну, и какъ онъ вамъ нравится?

Соня отвѣтила, но не глазами — ея глаза никогда ничего не выражали, — а легкой презрительной гримасой.

Сѣли за столъ. Два грека-лакея вносили холодныя и горячія закуски. На металлическомъ блюдѣ поданъ свѣжій омаръ и его алая панцырная чешуя горѣла, какъ кардинальская мантія.

— Что же, генералъ, выпьемъ по единой — предложилъ юркій еврейчикъ, этимъ своимъ „по единой“ гримируясь подъ русскаго хозяина-хлѣбосола.

— Ого, сколько здѣсь у васъ бутылокъ! — потиралъ руки Слащевъ, въ предвкушеніи основательной выпивки.

— Подъ омара, подъ омара, а какой провансаль

— Хм... знаете, Баткинъ, я предпочелъ бы соусъ тартаръ...

— Въ чемъ дѣло? Сейчасъ будетъ тартаръ! — позвонилъ Баткинъ.

Послѣ пяти-шести рюмокъ Слащевъ, возбужденными глазами все чаще и чаще задерживался на Сонечкиныхъ формахъ. Она ему нравилась. Дѣйствительно красавица. Не преувеличивалъ Баткинъ...

— Ваше имя, отчество, мадемуазель?...

— Меня зовутъ Софія Эдуардовна — отвѣтилъ накарминенный ротикъ.

— Восхитительное имя и отчество... какъ и сама его обладательница — началъ немудренный запасъ комплиментовъ своихъ Слащевъ, — а этотъ военный крестъ, эффектно украшающій вашъ классическій бюстъ, за что и гдѣ изволили получить?

— Я была сестрой милосердія на западномъ фронтѣ и, подъ огнемъ... Баткинъ телеграфировалъ Сонѣ и глазами и всѣмъ лицомъ что-то свирѣпо умоляющее. Соня поняла. Баткинъ требуетъ отъ нея восторговъ по адресу Слащева. Въ самомъ дѣлѣ пора начинать.

— Да, да подъ огнемъ! Но это не интересно, генералъ, и сама я такая неинтересная.

— Что вы, что вы, помилуйте!..

— Да, да, говорите лучше о себѣ! Я фактически бредила вами! Фактически! Такой герой, такіе подвиги! Одно взятіе Николаева, когда вы съ винтовкой...

— Ну, положимъ я былъ не одинъ. А если бы и такъ, вы себѣ представить не можете, до чего труслива вся эта красная сволочь! При первомъ же натискѣ драпаетъ...

— Драпаетъ? Что такое драпаетъ?

— Это наше добровольческое словцо! Бѣгутъ, удираютъ!

— А... а... какой, однако, у васъ спеціальный жаргонъ. Потому и убѣгаютъ, что у нихъ нѣтъ вождей... Такихъ, такихъ, какъ вы, напримѣръ, генералъ...

— А вѣдь вы, Софья Эдуардовна, умница! И еще какая! Мнѣ иногда самому приходитъ въ голову: будь я тамъ у нихъ, я бы показалъ Врангелю! Я раскаталъ бы его въ ова счета! О, я ему не далъ бы погрузиться на корабли и уйти, а взялъ бы въ плѣнъ со всей его арміей.

— Вотъ, вотъ — подхватила Соня — гдѣ же ему устоять противъ васъ? Вообще, не говорите мнѣ даже про этого Врангеля! Я возненавидѣла его за отношеніе его къ вамъ...

— Спасибо, родная, спасибо! — расчувствовался уже полупьяный Слащевъ. — Утѣшили! Обиженъ! Такъ обиженъ! Ваше драгоцѣнное здоровье! Гадили мнѣ, ходу не давали. Если бы не это, я бы раскаталъ всѣхъ этихъ Фрунзе, Буденныхъ... Я бы... Нѣтъ, Слащевъ еще покажетъ себя. Наливайте, Баткинъ, наливайте! А что же самъ не того?... Кишка слаба?...

— При чемъ тутъ кишка? У меня такъ разболѣлась голова! Трещитъ! Мигрень или что? Софья Эдуардовна, извините меня и вы, генералъ, тоже самое. На одну минуточку прилягу. Не могу выдержать, и Баткинъ съ перекошеннымъ лицомъ, стиснувъ голову обѣими руками, вышелъ почему-то на цыпочкахъ въ сосѣднюю комнату.

— Что вы смотрите? Не смотрите на меня такъ! Дѣлая видъ, что конфузится подъ пристальнымъ взглядомъ Слащева, прошептала Соня.

— Какъ же не смотрѣть на такую красоту? Да вы... Я уже втрескался по уши! Честное слово! Зачѣмъ насъ раздѣляетъ столъ?

— Садитесь рядомъ, не будетъ раздѣлять...

— Вотъ умница, вотъ люблю! Садитесь рядомъ. Такъ просто... Канальски просто! Нѣтъ, я очарованъ, околдованъ...

— А я ослащевлена...

— Каково? Нѣтъ, это же... это же прямо восхитительно! Ослащевлена? Вашъ языкъ острѣе всякой кабардинской шашки! Ослащевлена!... Это геніально, талантливо... Нѣтъ, я не могу. Обалдѣть можно! Вашу ручку... ручку. Ослащевлена... Ха, ха, ха, чертъ возьми, какъ это геніально...

Онъ перекочевалъ къ Сонѣ со своимъ стуломъ и дышалъ ей въ лицо табакомъ и алкоголемъ. Близость молодого тѣла докончила начатое водкою. Жадно хватая руками Соню за плечи, за грудь, тиская, онъ влажными губами цѣловалъ ее въ шею и въ губы, пьянѣя все болѣе и болѣе.

— Снимите... сними шляпу...

— Зачѣмъ? Развѣ она мѣшаетъ?

— Ну хорошо... хорошо... пусть такъ...

Дрожащими пальцами растегивалъ онъ кофточку.

— Моя, моя — бормоталъ онъ, ослѣпленный видомъ и запахомъ обнаженной груди, ставшей вдругъ такой близкой, доступной...

31. ПОСЛѢДНІЙ ГВОЗДЬ ВЪ ГРОБЪ.

Слащевъ былъ всегда человѣкъ безо всякихъ убѣжденій. Начатое природою и воспитаніемъ докончено было гражданской войною, развращающей и куда болѣе крѣпкія и чистыя натуры, нежели этотъ генералъ, щеголявшій въ гусарскомъ доломанѣ и втихомолку черезъ собутыльниковъ своихъ распускавшій молву, что онъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Но при всей своей безпринципности, при всемъ деморализующемъ вліяніи братоубійственной войны, въ которую онъ бросился не какъ рыцарь-подвижникъ, не какъ романтикъ, влюбленный въ поруганное свое, опаганенное отечество, Слащевъ, однако же, не былъ патентованнымъ мерзавцемъ. Таковымъ нельзя было его назвать. Все же гдѣ-то въ душѣ, быть можетъ на самомъ днѣ ея, трепетало и билось что-то... Въ моменты просвѣтлѣнія, когда онъ не пилъ и не нанюхивался кокаину, Слащевъ нехотя все же, въ концѣ концовъ, сознавался, что многое сдѣлалъ не хорошо. И среди многаго — разстрѣлы невинныхъ, грабежи и какая-то завистливая, способная толкнуть на преступленіе, жгучая ненависть къ Врангелю. И сознавалъ въ такія минуты, что онъ, какъ мы уже сказали, не рыцарь и не герой бѣлаго движенія, а кондотьеръ, искатель приключеній и сытой, пьяной жизни, легкаго обогащенія.

Но все же, какъ дворянинъ и офицеръ Императорской гвардіи, какъ военный съ ногъ до головы, онъ безъ сомнѣнія въ симпатіяхъ своихъ былъ гораздо ближе къ бѣлымъ, чѣмъ къ краснымъ. Помѣщичья дворянская чашка вѣсовъ перевѣшивала пролетарскую, большевитскую.

И вотъ Баткину поручено было сдѣлать, какъ разъ наоборотъ. Съ искусствомъ опытнаго провокатора взялся за это дѣло севастопольскій еврей-проходимецъ. Съ мѣста въ карьеръ онъ убилъ сразу двухъ зайцевъ. Онъ во время схватилъ два момента — психологическій и матеріальный и уже не выпускалъ ихъ, разжигая нена-

висть къ Врангелю, снабжая прокутившагося Слащева деньгами и бросивъ его въ объятія Сони Коганъ.

Спаивая Слащева, ссужая авансами „подъ книгу“ и сводя съ женщиной-куклой, Баткинъ совсѣмъ загасилъ слабенькій огонекъ, мерцавшій въ потемкахъ Слащевской души, какъ гаситъ матросъ-большевикъ кощунственнымъ плевкомъ своимъ тоненькую свѣчечку, озаряющую ликъ Богоматери.

Черезъ мѣсяцъ къ выпуску своей разоблачительной книги, написанной Баткинымъ и проредактированной Изою Башіаччи, Слащевъ былъ уже совсѣмъ готовъ. Правда, мысль ѣхать въ Совдепію и отдать себя и свою шпагу во власть Кремлевскихъ палачей и насильниковъ, моментами пугала его. Но въ такіе моменты Соня, — частая желанная гостья въ деревянномъ домикѣ на Босфорѣ, ночевавшая тамъ — подливала ему коньякъ, говоря: „Пей!“ и подсовывала бѣлый порошекъ, говоря: „Нюхай!“

Наконьяченный, накокаиненный, съ безумнымъ блескомъ воспаленныхъ глазъ, съ хищно раздувавшимися ноздрями, онъ кидался на Соню, мялъ ее, тискалъ до синяковъ и поцѣлуями, похожими на укусы, покрывалъ нѣжное, надушенное тѣло, спокойное, безстрастное. Если она и вздрагивала порою, то судоргою отвращенія, а ужъ никакъ не чувственности...

Соня жаловалась Изѣ:

— Онъ мнѣ противенъ! Физически противенъ!

— Дитя мое, нельзя же быть такой капризной!... Нельзя требовать, чтобы всякій мужчина, котораго поручаютъ вашему вниманію, былъ непремѣнно Аполлономъ Бельведерскимъ, берущимъ каждое утро ванну и возбуждающимъ васъ... Черпайте мужество въ библейскихъ примѣрахъ. Маленькая хрупкая Далила навѣрно безъ всякаго удовольствія спала съ этимъ волосатымъ чудовищемъ Самсономъ. А хорошенькой Юдифи ночь съ грязнымъ, бородатымъ Олоферномъ, храпѣвшимъ, сопѣвшимъ, казалась, я думаю еще большей пыткою, чѣмъ Слащевскія обятія вамъ, Сонечка, дитя мое... Но такъ надо!... Потерпите еще капельку. Мы обѣ съ вами свободно вздохнемъ, когда Баткинъ наконецъ увезетъ этого болвана въ Новороссійскъ. Игра стоитъ свѣчъ. Вы, моя фарфоровая куколка, моя птичка, и понять не можете, да и врядъ ли когда-нибудь поймете, какая это побѣда! Примѣры такихъ, какъ Слащевъ, — заразительны. У него

много сторонниковъ, за нимъ потянутся и другіе въ совѣтскую каноссу. Вы знаете, что такое каносса? А союзное командованіе протелеграфируетъ въ Парижъ и въ Лондонъ: „разъ такой доблестный генералъ поѣхалъ въ Москву, значитъ въ бѣлой арміи далеко не такъ ужъ все хорошо, а въ красной — далеко не такъ ужъ плохо". Поняли вы, Сонечка? Нѣтъ? По вашимъ хрустальнымъ глазамъ вижу, что нѣтъ. Вообще, Сонечка, я давно хотѣла съ вами поговорить...

— Вы недовольны? — испугалась эта живая кукла, испугалась не лицомъ неподвижнымъ въ своей разрисовкѣ, а голосомъ.

— Вы, если и правы, дитя мое, — это „дитя мое" странно звучало въ устахъ Изы, Сонечкиной ровестницы — то на половину. Вы весьма добросовѣстны и не ваша же вина, что... какъ бы это выразиться, ну, словомъ, другая на вашемъ мѣстѣ извлекала бы гораздо больше, нежели извлекаете вы... Но тогда вы уже не были бы Сонечкой Коэнъ и, причемъ же вы, дитя мое, что папенька съ маменькой сдѣлали васъ именно такой, какая вы есть? Напримѣръ, будь кругозоръ вашъ немного шире, будь вы темпераментнѣе, вы бы дѣйствовали совсѣмъ иначе.

— Я же не виновата... Не сердитесь на меня! — готова была Соня заплакать. — Я ужъ такая безтемпераментная! Даже Флоръ... Красивый, правда красивый? Даже и онъ, не дѣйствуетъ на меня...

— Ахъ, дурочка вы моя милая! — разсмѣялась Иза — да, я вовсе не въ этомъ отношеніи... А нѣтъ у васъ политическаго темперамента. По-ли-ти-ческаго, великолѣпная дурочка, понимаете? Если кухаркѣ, чтобы приготовить вкусный обѣдъ, и то необходимъ темпераментъ, что же говорить про наше съ вами дѣло? Сонечка, вы и ненавидѣть не умѣете?

— Умѣю, только не такъ очень — сознавалась Сонечка.

— А ненависть — все! Или почти все! Я убѣждена, вы слабо разбираетесь, ну хотя бы во всей этой Слащевщинѣ, о которой только что говорили?

— Почти не разбираюсь.

— Ну вотъ! Даже весело! Какая очаровательная наивность! Я же сказала: вамъ самой никогда не понять, какого громаднаго масштаба работу продѣлали вы подъ

„контролемъ“ Баткина. Съ вами надо начинать съ азбуки. Останавливались ли вы надъ вопросомъ, почему евреи всегда, вездѣ и повсюду за одно съ красными противъ бѣлыхъ, а не съ бѣлыми противъ красныхъ? Подумайте — одни грязные хамы, отъ нихъ воняетъ — это красные. Другіе моются, они культурные, у нихъ приличныя манеры — это бѣлые. И вотъ мы съ ними, а не противъ нихъ. Да потому, Сонечка, что самые гуманные, самые образованные бѣлые русскіе, націоналисты — погромщики, а если и не погромщики, то ужъ будьте покойны, убѣжденные антисемиты. Подъ самыми лучшими бѣлыми евреямъ всегда было бы плохо. И не потому, что бѣлые загнали бы ихъ въ черту осѣдлости, лишили бы правъ, а потому, что евреямъ уже мало равноправія, имъ необходимо главенство. А главенствовать они могутъ лишь въ плебейской вшивой совѣтской Россіи, которую мы съ вами одинаково презираемъ... Начинаете понимать?

— Начинаю...

— Вообразите себѣ, что Врангель высаживается въ Константинополѣ, а мы сидимъ сложа руки. Чего добраго, французы, французская военщина, снабдивъ его всѣмъ необходимымъ для новыхъ авантюръ, дала бы ему возможность осуществленія попытки реванша. Кто знаетъ, эта попытка быть можетъ увѣнчалась бы успѣхомъ. Но, такъ какъ, сложа руки мы не сидѣли, то теперь Врангелевцы сидятъ за проволокой, сидятъ на голодномъ пайкѣ и авантюрамъ ихъ положенъ конецъ, какъ положенъ былъ конецъ авантюрамъ Деникина, Колчака. Миллера, Юденича и, сколько тамъ было еще генераловъ? Я, вы — Соня, Баткинъ, всѣ мы — разной величины послѣдніе гвозди, которыми бѣлое движеніе заколачивается въ гробъ. Думаю, что это уже окончательно! Ахъ, Соня, Соня, какъ все это интересно! До чего интересно! Я сказала — гробъ. Это, — какъ финалъ, какъ сжатый неумолимо подведенный итогъ — звукъ заколачиваемыхъ послѣднихъ гвоздей. Это наши побѣдныя фанфары, милая Соня, потому что мы побѣдили и побѣждаемъ на всѣхъ фронтахъ. Мы евреи! Такія, какъ вы, Соня, къ счастью, не правило, а исключеніе. Такихъ мало среди насъ, какъ вы безразличныхъ, лѣнивыхъ, сонныхъ. Но вы не безнадежны. Я все таки, надѣюсь, васъ подтянуть...

— Подтяните! Я буду слушаться покорно, — въ тихомъ отвѣтѣ шевельнулись подкрашенныя губки.

— Соня, Соня! Порою, когда я васъ вижу на улицѣ, мнѣ кажется, что вы дивный восковой манекенъ изъ Парижскаго музея Греванъ. И когда я вспомню, что этотъ поганый Слащевъ продѣлываетъ съ вами всякія тамъ вещи, мнѣ кажется, что онъ это продѣлываетъ съ куклой... Но мы отвлеклись въ сторону. Это уже совсѣмъ не для нашей съ вами политической... не лекціи, нѣтъ — какая-же это лекція? — бесѣды... Соня, если какой-нибудь еврей, самый благодушный, самый буржуазный скажетъ вамъ, что онъ любитъ христіанъ и готовъ съ ними, слиться, а можетъ быть уже и слился — не вѣрьте ему! Не вѣрьте! Мы и они — это два совсѣмъ, совсѣмъ особыхъ міра. Намъ никогда ни понять, ни полюбить другъ друга. Между нами всегда будетъ широкая зіяющая бездна. И точно такъ-же не вѣрьте христіанину, если онъ только не соціалистъ... Не вѣрьте, когда онъ скажетъ вамъ, что видитъ въ евреяхъ такихъ же самыхъ братьевъ, какъ и его соплеменники. Плюньте ему въ физіономію и скажите: „Ты лжешь, собака!“ Если мы евреи выжили, уцѣлѣли, физически уцѣлѣли, мы, двѣ тысячи лѣтъ, пребывавшіе и пребывающіе въ скитальческомъ разсѣяніи, то только благодаря фанатическому націонализму нашихъ верховъ и такой же фанатической религіозности нашихъ низовъ... Вотъ поэтому и нисколько не трогаютъ меня, — а я не исключеніе, а правило, — страданія всѣхъ этихъ прибитыхъ къ берегу обломковъ Врангелевской армады. Такъ надо! И мы сдѣлали все, чтобы это было именно такъ! Рисую картину: пустынный Галлиполійскій берегъ. Унылый берегъ контрастовъ. Или сухая пыль, или жирная, топкая грязь. И вотъ въ этихъ пыли и грязи томится, изнываетъ русское офицерское мѣсиво, въ оборванныхъ кителяхъ, — у многихъ за отсутствіемъ бѣлья этотъ китель надѣтъ прямо на голое тѣло. А вѣдь тамъ среди нихъ есть умные, талантливые, по своему честные генералы, капитаны, полковники и юные — энтузіасты въ болѣе скромныхъ чинахъ. Большинство изъ нихъ одна сплошная энергія, сплошной порывъ, одна кипучая жажда борьбы. Это — лучшіе отборнѣйшіе русскіе люди. По ночамъ они видятъ яркіе сны... Имъ чудится походъ на Москву, чудится звонъ колоколовъ, шелестъ старыхъ царскихъ знаменъ. Это — во снѣ, а на яву — тюрьма подъ открытымъ небомъ, французская проволока и французскіе чернокожіе солдаты, пере-

кликающіеся короткимъ гортаннымъ звукомъ... Черные, какъ сапогъ сенегальцы-тюремщики, тюремщики бѣлыхъ культурныхъ пажей, академиковъ, гордыхъ сыновъ гордой, всего нѣсколько лѣтъ назадъ величайшей, Имперіи. Соня, развѣ это не пытка и развѣ ее, эту пытку не мы создали? А жены и сестры, дочери этихъ томящихся за проволокой? Внизу въ хаотическихъ кварталахъ Галаты-наверху въ закоулкахъ Перы мы видимъ по вечерамъ стыдливо и робко жмущіяся тѣни... Владѣющія тремя языками, окончившія самые аристократическіе институты, онѣ, эти самыя тѣни, вышли предлагать себя нечистоплотнымъ армянамъ и грекамъ, чтобы, „заработавъ" нѣсколько лиръ, накормить голодныхъ дѣтей, мужей, отцовъ — инвалидовъ. Это еще горшая пытка! Никогда еще не доходила до такого паденія русская женщина, воспѣтая Пушкинымъ, Тургеневымъ, Толстымъ... Никогда! Это наша месть! За все: за черту осѣдлости, за безправіе, за ограниченную норму! За то презрѣнье, котораго они даже не скрывали по отношеніи къ намъ... Теперь мы помѣнялись ролями. Теперь мы загнали ихъ въ черту осѣдлости, теперь мы ихъ прикрѣпили, не выдавая визъ и никуда не пуская... Но, милая Сонечка, для перваго раза — довольно! Ваши хрустальные глаза смыкаются съ непривычки, вашъ мозгъ не переваривает такую большую порцію моихъ... моихъ... не подберешь... ну, поученій, что-ли...

На другой день по Константинополю разнеслось, что генералъ Слащевъ вмѣстѣ съ Федоромъ Баткинымъ и нѣсколькими офицерами бѣжалъ на моторной лодкѣ. Уже въ открытомъ морѣ совѣтскій пароходъ принялъ всю эту компанію на свой бортъ.

Какъ и слѣдовало ожидать этотъ слухъ произвелъ громадную сенсацію и облетѣлъ по радіо весь свѣтъ.

А еще черезъ нѣсколько дней появилось въ газетахъ подробное описаніе, какъ торжественно встрѣченъ былъ въ Новороссійскѣ Слащевъ и какъ тутъ же приказано было ему снять свои генеральскіе погоны, и съ поспѣшностью ренегата онъ сорвалъ ихъ съ себя и бросилъ въ море.

Мистеръ Роонъ, измѣнивъ разсѣянному своему безразличію, тепло, насколько могъ тепло благодарилъ Изу, пообѣщавъ ей значительное повышеніе. Этимъ повышеніемъ была командировка на западъ съ неограниченной

властью и такимъ же неограниченнымъ кредитомъ. Спустя два года командировка окончилась Испаніей. Тамъ, какъ мы знаемъ уже, Иза потерпѣла неудачу. Но такое уже фатальное гиблое мѣсто Испанія. Если самъ великій Наполеонъ споткнулся въ Пиринеяхъ и подъ Сарагоссой, то и великой Изѣ не грѣшно было споткнуться именно тамъ, откуда нѣсколько вѣковъ назадъ сотни тысячъ евреевъ и въ томъ числѣ ея собственные предки были изгнаны святой инквизиціей.

32. ПОДВИГЪ КАПИТАНА „АДРІИ".

Все это вспомнилась Изѣ, когда она въ Мадридѣ получила телеграмму, подписанную „Бимба" и посланную Роономъ. Такія телеграммы самое удобное отправлять не отъ собственнаго имени, а взявъ какой-нибудь псевдонимъ. Для такихъ случаевъ, требующихъ конспираціи, подполья, мистеръ Роонъ разрѣзалъ пополамъ, вѣрнѣе „обрѣзалъ" имя своего друга Бимбасадъ-бея.

И вспомнилась Изѣ еще одна картина — самое послѣднее изъ Константинопольскихъ впечатлѣній.

Чарующій весенній день. Голубое зеркало Босфора, гладкое, безъ малѣйшей зыби сверкало жидкимъ золотомъ горячихъ лучей. Мраморные дворцы, кружевомъ фасадовъ своихъ подошедшіе къ самой водѣ, розовѣли на солнцѣ, опрокинутые въ глубинѣ Босфора. Каменныя громады мечетей монументальностью своей и массивомъ куполовъ напоминали о былomъ величіи Ислама. Враждебные, такіе чуждые и этимъ мечетямъ и мраморнымъ дворцамъ изъ восточной сказки и кипарисовымъ кладбищамъ, поднимались изъ Босфора трубами, своими гигантскими пушками такіе же гигантскіе броненосцы союзной эскадры. Ни поэзіи, ни красоты. Скучное, угрюмое желѣзо. Гигантскіе плавающіе утюги. Надъ каждымъ изъ этихъ „утюговъ" трепетали англійскіе, французскіе, американскіе флаги.

Издали игрушечными казались по лѣтнему одѣтыя бѣлыя фигурки матросовъ на палубахъ. Мощная эскадра! Четверть часа ожесточенной бомбардировки и не осталось бы камня на камнѣ отъ волшебной столицы, жемчужины теплыхъ морей. Обманчивая мощь! Оттуда, изъ глубины Малой Азіи, объятой пламенемъ пожарищъ и безпощадною рѣзнею грековъ, надвигается загадочный

Кемаль со своими пергаментными, полуголыми и полудикими анатолійцами.

И когда они влотную подойдутъ къ рубежамъ Азіи и Европы, гигантскіе утюги аспидно-сѣраго цвѣта снимутся съ якоря и, дымя широкогорлыми трубами покинутъ голубой Босфоръ. Загадочный Кемаль... Загадочный для всѣхъ, но не для мистера Роона, маленькаго, суетливаго, съ бѣгающими глазами... Въ остроносомъ кайкѣ хрупкомъ, подобно скорлупѣ, проплываетъ онъ вмѣстѣ съ Изой мимо исполинскихъ, закованныхъ въ желѣзо броненосцевъ и не страшны они ему, какъ и не страшенъ Кемаль. Онъ одинаково презираетъ и Кемаля и броненосцы... Это не прогулка. Это ожиданіе... Ожиданіе „чего-то“ Горбоносый бронзовый каикджи, высушенный солнцемъ и морскимъ воздухомъ, получилъ приказаніе двигаться медленно. Чуть-чуть скользитъ кайкъ и чуть-чуть приподнимаются изъ воды мокрыя, гибкія весла. Въ полукилометрѣ итальянскій „купецъ“ „Адрія“, не мытый, закопченный. Гремятъ цѣпи, извлекая на поверхность тяжелый якорь, напоминающій спрута-великана, выловленнаго со дна морского. Задвигался „купецъ“, засопѣлъ, завылъ своей сиреною и забурлила подъ нимъ вода. И словно послѣ нерѣшительнаго раздумья, „Адрія“, развивая полный ходъ, взяла курсъ прямо на стоявшую невдалекѣ изящную, маленькую яхту подъ русскимъ трехцвѣтнымъ флагомъ. Мистеръ Роонъ, измѣнившій своему обычному спокойствію, поблѣднѣлъ и, схвативъ пальцы Изы, крѣпко сжалъ ихъ, какъ бы ища опоры, сочувствія... Иза немигающими змѣиными глазами смотрѣла въ лорнетъ. И она и ея спутникъ, и всѣ кругомъ и матросы пассажирскихъ и военныхъ кораблей и пестрые, въ своихъ лохмотьяхъ турки, шнырявшіе на каикахъ, всѣ видѣли: громоздкій, тяжелый „купецъ“ врѣзался носомъ въ бортъ „Луккула“.

Ужасный трескъ, и въ широкую брешь хлынула вода. Яхта начала погружаться. На палубѣ тонувшаго „Луккула“ забѣгали охваченные смертельною тревогой люди.

„Купецъ“, давшій задній ходъ, безучастно созерцалъ дѣло рукъ своихъ. Да и не только онъ одинъ. Броненосцы — на ихъ же глазахъ разразилась катастрофа — хранили самый невозмутимый „неитралитетъ“. Ни одна шлюпка не была спущена для спасенія погибающихъ. Только брон-

зовые каикджи бросились вылавливать изъ воды офицеровъ и юнкеровъ конвоя Главнокомандующаго.

Всѣ были подобраны и спасены. Всѣ, за исключеніемъ одного. Этотъ „одинъ“ — капитанъ яхты молодой мичманъ Сапуновъ. Сознательно, какъ рыцарь долга, онъ пошелъ ко дну вмѣстѣ съ яхтою. Она была нераздѣльною частицею его души, его тѣла. Частицею его самого...

. . . . . .

Въ этотъ же вечеръ въ конспиративной квартирѣ большевитскаго „внѣшторга“ передъ сидѣвшей въ креслѣ Изою мялъ фуражку, возбужденный, вспотѣвшій итальянецъ въ бѣлой курткѣ изъ африканскаго полотна.

Клянусь вамъ, клянусь Мадонною, Сереніссима синьоро, я былъ увѣренъ, что генералъ Врангель находится внизу въ своей каютѣ...

— Хороша ваша увѣренность, если онъ оказался въ городѣ!...

— Ошибка! Фатальная ошибка!... Перъ-Бакко! Я готовъ вырвать у себя всѣ волосы... Готовъ... но я надѣюсь, что сереніссима... у меня жена, трое дѣтей... И если будетъ назначенъ судъ...

— Объ этомъ можете не безпокоиться, — остановила его Иза Башіаччи презрительнымъ жестомъ — я велю выдать вамъ всю обѣщанную сумму. А, если васъ будутъ судить, вы ничѣмъ не рискуете...

— Сереніссима!... и капитанъ униженно ловилъ руку Изы.

— Кудишъ! — громко позвала Башіаччи.

Изъ сосѣдней комнаты выскочилъ лохматый еврей, глава торговой совѣтской миссіи.

— Что прикажете?

— Выдать сейчасъ же этому синьору сто тысячъ рублей золотомъ и, уберите его отъ меня...

Кудишъ, взявъ капитана подъ локоть, потащилъ къ себѣ. А капитанъ, обалдѣвшій отъ счастья, все еще бормоталъ:

— Сереніссима, сереніссима...

Конецъ первой части.

НА ЗОЛОТОМЪ ТРОНѢ

РОМАНЪ ВЪ 3-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

ЧАСТЬ II.

I. ПОДЪ НЕГРИТЯНСКУЮ МУЗЫКУ.

Трудно представить большую безвкусицу, чѣмъ ресторанъ варшавской гостинницы „Бристоль“. И лѣпка и, вообще, вся архитектура — смѣсь пошлѣйшаго модерна съ чѣмъ-то еще, уже совсѣмъ не поддающимся опредѣленію. Вдоль стѣнъ — круглые, напоминающіе иллюминаторы стекла — впечатлѣніе каютъ-кампаній исполинскаго парохода, перебрасывающаго изъ Европы въ Америку и назадъ богатыхъ растакуэровъ.

Не будемъ уже говорить о гостяхъ, умѣющихъ, весело пообѣдать и поужинать и подъ конецъ увѣренныхъ, что подъ ихъ ногами колеблется полъ, но даже самымъ трезвеннымъ посѣтителямъ кажется иногда, что они плывутъ по океанскимъ волнамъ — до того вводятъ въ заблужденіе эти круглые молочнаго цвѣта „иллюминаторы“.

Днемъ они рѣзко бросаются въ глаза, вечеромъ-же, когда электричество зажигаетъ брилліанты женщинъ и оглушительный негритянскій оркестръ свиститъ и трещитъ, создавая безшабашно-дикое настроеніе, пробуждая что-то звѣриное и въ безъ того звѣриной человѣческой душѣ — впечатлѣніе каютъ-кампаніи стушевывается.

Этимъ осеннимъ вечеромъ, какъ и всегда, горѣли брилліанты и молодыхъ и не молодыхъ, и красивыхъ и не красивыхъ, но одинаково подгримированныхъ женщинъ. Свистѣли, трещали, барабаня по клавишамъ, притоптывая ногами, курчавые негры, лоснящіеся, какъ темная вспотѣвшая бронза, сверкая зубами и бѣлками. Особенно-же неистовствовалъ самый красивый, самый видный негръ Боби-Броди, извлекая рѣзкіе, пронзительные звуки изъ маленькаго губного инструмента. Боби-Броди, элегантно одѣтый, кривлялся, подскакивалъ, гримасничалъ, подмигивалъ своими, какъ два раскаленныхъ угля громадными глазищами. Это не былъ ресторанный

наигранный искусственный „темпераментъ“. Это было настоящее упоеніе весельемъ, упоеніе разошедшагося человѣка пустыни. И забывался отлично сшитый смокингъ забывался твердый ослѣпительный воротничекъ съ узенькимъ чернымъ бантомъ галстуха. Создавалось настроеніе голаго, увѣшаннаго амулетами негритянскаго жреца, доводившаго своей музыкой до экстаза себя и зажигавшаго такимъ-же экстазомъ толпу чернокожихъ.

У женщинъ Боби-Броди возбуждалъ чувственность, билъ ихъ по нервамъ. Добрый десятокъ дамъ, ужинавшихъ въ разныхъ концахъ зала со своими кавалерами и мужьями личнымъ опытомъ убѣдились въ вулканическомъ темпераментѣ мускулистаго Боби-Броди. Онъ подмигивалъ имъ съ наивнымъ безстыдствомъ сильнаго, знающаго цѣну себѣ самца. Подмигивалъ и тѣмъ, которыя, если еще и не побывали въ его способныхъ дробить кости объятіяхъ, то, во всякомъ случаѣ, искали ихъ... Искали, — это угадывалось по блеску затуманенныхъ глазъ, по раздувавшимся ноздрямъ и по тому, какъ подымалась и опускалась грудь...

Здѣсь, въ этомъ ночномъ „Бристолѣ“ всѣ знали другъ друга. Всѣ, за исключеніемъ либо очень рѣдко бывающихъ, случайныхъ гостей, либо попавшихъ впервые.

Къ числу послѣднихъ принадлежала баронесса Вѣра Анатольевна Захертъ, сидѣвшая въ обществѣ двухъ Азулаи, — мефистофельскаго дядюшки и „ассирійскаго“ племянника. Бернардъ Азулаи былъ не въ военномъ, а въ штатскомъ, хотя, и военное сидѣло на немъ какъ-то по-штатски и въ немъ напоминалъ онъ офицера, исполняющаго роль на сценѣ, а не настоящаго офицера. Но, такъ или иначе, смокингъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ мундиръ, оттѣнялъ его фигуру, съ узкими, покатыми плечами, его красивое экзотической красотою лицо, нѣжно матовое, съ узкими глазами и курчавой бородой, подстриженной, геометрически правильной лопаточкою.

Информируя свою даму по поводу лицъ, привлекшихъ ея вниманіе, дядюшка и племянникъ въ свою очередь, съ тщеславнымъ удовольствіемъ отмѣчали, что баронесса Захертъ далеко не осталась незамѣченною въ этой пьющей, ужинающей, насыщенной рѣзкими громкими звуками, жужжащей сотнями голосовъ толпѣ.

И всѣ штатскіе и польскіе офицеры въ защитномъ и французскіе въ небесно-голубомъ и кокотки, и дамы общества, и разбогатѣвшіе спекулянты-плебеи, каждый по своему интересовался:

— Кто она, эта яркая блондинка, такъ оригинально одѣтая?...

И дѣйствительно всѣ эти мѣщанки и женщины, сдѣлавшія себѣ изъ любви ремесло — одѣты по модному шаблону и обезличены этимъ шаблономъ. А у этой блондинки шея и спина не только не открыты овальнымъ вырѣзомъ, а наоборотъ, плавную и длинную шею охватываетъ высокій воротникъ, когда-то изобрѣтенный — она могла „изобрѣгать", могла, эта міровая знаменитость — Сарою Бернаръ.

Но у Сары Бернаръ все и всегда было съ расчетомъ. Она умышленно прятала свою худую, жилистую шею, прятала до тѣхъ поръ, пока не располнѣла къ старости, какъ полнѣютъ всѣ перешагнувшія за пятый десятокъ еврейки.

У баронессы же все было такое точеное, такое пластическое — нечего было прятать. Нечего! Но высокій воротникъ сообщалъ ей сходство съ Маріей Стюартъ, онъ красиво стилизовалъ и всю ея фигуру, и осанку, и профиль.

Итакъ, дядюшка и племянникъ сознавали себя весьма и весьма польщенными. И не столько, разумѣется, пожилой дядюшка, сколько его молодой племянникъ. Онъ томно щурилъ свои глаза, охотно исполняя роль гида баронессы въ этой живой портретной галлереѣ золоченной Варшавы.

Обратите вниманіе, баронесса... Бритый, широкоплечій блондинъ... Это знаменитый Оссовецкій. Онъ съ одинаковой легкостью читаетъ мысли въ запечатанныхъ человѣческихъ мозгахъ и письма въ запечатанныхъ конвертахъ... Ясновидящій! Въ буквальномъ значеніи слова — ясновидящій! Онъ извѣстенъ въ международныхъ научно-оккультныхъ кругахъ и объ немъ имѣется спеціальная литература...

— Вотъ какъ... — тихо молвила баронесса, не спѣша, вся такая неторопливая, плавная, поднеся къ глазамъ лорнетъ.

Ясновидящій мгновенно подобрался весь, какъ бы прихорашиваясь передъ зеркаломъ. Заиграла улыбка, заблестѣли глаза.

— Странно... Во внѣшности его нѣтъ никакой „загадки". Просто выхоленный, упитанный господинъ, влюбленный въ себя, — замѣтила баронесса — хотя... хотя можетъ быть при ближайшемъ знакомствѣ. А кто съ нимъ этотъ румяный, похожій на ксенза?

— Куровскій, директоръ банка... Они большіе друзья, вѣчно пикируются, но это выходитъ у нихъ премило...

— А эта брюнетка въ длинныхъ серьгахъ и съ приторной улыбочкой... Уже не молодая?

— Ахъ... эта... Какъ вамъ сказать... Премію за добродѣтель ей никогда не получить. Она изъ Кіева. Очень популярна среди мѣстныхъ игроковъ... Понимаете?

— Ну, это не интересно... А другая брюнетка, полная, тоже очень не молодая, но съ молодымъ блондиномъ... Мать и сынъ?...

— О, злая же вы, баронесса! — покачалъ мефистофельской головою дядюшка.

— А что?

— Да это вовсе не мать и сынъ, а нѣжно влюбленная парочка... Онъ дѣлецъ, а она изъ Одессы...

— Неужели... это... супруги?...

— Не совсѣмъ такъ... Онъ женатъ на молодой красавицѣ, но эта парочка совмѣстными усиліями упрятала ее въ сумасшедшій домъ...

— Какой ужасъ! — отвернулась баронесса.

Лорнетъ ея задержался на другой, столь-же контрастной въ смыслѣ возраста парѣ — стильная, худая брюнетка съ жемчужнымъ крестомъ на шеѣ и такой же стильный юноша.

— А эти никого не запрятали въ сумасшедшій домъ?

— Нѣтъ... Эти именно какъ разъ мать и сынъ...

— Что вы! Какая моложавая! Кто они?...

— Петербуржцы... Бениславскіе. Извѣстная фамилія...

— А, знаете, она очень интересная. Есть линія. Одѣньте ее въ лохмотья — останется линія, останется барыня... — Черезъ секунду Вѣра Анатольевна подавила легкій зѣвокъ, не ускользнувшій отъ наблюдательныхъ дядюшки и племянника.

— Баронесса, вы устали съ дороги... Васъ оше-

ломила эта трескотня... Надоѣло это безпокойное мельканіе новыхъ лицъ? — сказалъ профессоръ.

— Да... Хотя очень, очень пріятно ваше милое общество, но я утомлена и, признаться, уже мечтаю о постели...

Всѣ трое покинули залъ. Въ холлѣ, у подъемной машины оба Азулаи откланялись Вѣрѣ Анатольевнѣ.

На Краковскомъ предмѣстьѣ охватилъ ихъ свѣжій осенній мракъ.

— Пройдемся?

— Су удовольствіемъ, дядюшка...

— Нъ, Бернардъ, — твое впечатлѣніе?

— Отъ нея?... Въ восторгѣ, дядюшка! Классная женщина!

— Я бы даже сказалъ — первоклассная! Желаю тебѣ успѣха... Хотя, кажется, эта крѣпость, не изъ легко сдающихся...

— Это зависитъ, дядя... Зависитъ отъ осаждающихъ ее силъ. А, впрочемъ, увидимъ! Нравится-же она мнѣ безумно... Только не нравится мнѣ въ ней какой-то налетъ грусти, свойственный почти всѣмъ русскимъ женщинамъ. Зачѣмъ? Это никому не нужно! Это дѣлается скучно въ концѣ концовъ. Поменьше глубины и побольше...

— Чего?

Но племянникъ такъ и не сказалъ, чего онъ хотѣлъ взамѣнъ глубины отъ русской женщины. Онъ вспомнилъ красивыя, нѣжныя, бѣлыя руки Вѣры Анатольевны и мысленно раздѣвалъ ее всю, чуствуя, какъ у него пересыхаетъ во рту...

2. ЖЕНЩИНА СЪ БОРОДОЙ И СЪ АППЕТИТОМЪ АКУЛЫ.

О, если бы можно было вернуться и, поднявшись въ зеркальной кабинкѣ лифта, еще пропитанной ея духами, провести ночь съ этой женщиной!

Неполная и не худая, не модернистическая, но и далекая отъ идеала немного массивной Венеры Милосской, до чего же она прекрасна!... И чѣмъ онъ больше думалъ о ней, тѣмъ сильнѣй просыпался въ этомъ „ассирійцѣ“, носящемъ польскій мундиръ чувственный семитъ.

— До завтра, дядюшка!...

— Что? Куда же ты? — изумился профессоръ.

Но племянникъ уже вскочилъ въ проѣзжавшую мимо шагомъ извозчичью коляску.

Если Вѣра Анатольевна была настоящей баронессой, настоящей и по паспорту и по мужу, то Людмила Аполлоновна Яснюкъ сама себя произвела въ „баронессы". Вообще, эта особа отличалась богатой фантазіей. То называла себя княжной Волконской въ дѣвичествѣ, то графиней Бенкендорфъ, то маркизою Паулуччи.

Мы не беремся устанавливать, кто именно были ея родители, но съ вилкой и ножемъ Людмила Аполлоновна обращалась далеко не по графски. Относительно же французскаго языка сама признавалась:

— Все перезабыла! Все! А еще два года назадъ болтала, какъ парижанка... Въ эмиграціи и не то перезабудешь!

Бернардъ Азулаи торопилъ извозчика. Но когда Людмила Аполлоновна открыла ему дверь и онъ увидѣлъ ее въ затрапезномъ капотѣ, неряшливо кое-какъ причесанную и съ густой синей щетиной на подбородкѣ, его какъ холодной водой окатили.

— Дуракъ! — самъ себя выругалъ — стоило летѣть и подниматься на пятый этажъ по темной крутой лѣстницѣ, рискуя свернуть себѣ шею? Людмила Аполлоновна сообразила, что красивый брюнетъ, умѣющій тратить деньги, засталъ ее врасплохъ и, вдобавокъ, весьма невыгодно ее засталъ.

Она предусмотрительно закрыла дверь, а то убѣжитъ чего добраго.

— Снимайте пальто! Я васъ съ кумой познакомлю. Кума, поди сюда! Онъ увидѣлъ молодую женщину съ почти классическимъ лицомъ, лицомъ греческой богини, съѣвшей кислое яблоко. Но, такъ, или иначе, кума свѣжѣе „баронессы", успѣвшей къ тридцатипяти годамъ расплыться и поблекнуть. Мгновеніе колебался Бернардъ, а затѣмъ снялъ пальто. Было душно въ комнатѣ. Пахло желѣзнымъ ведромъ... Азулаи вспомнилъ нарядную толпу, Вѣру Анатольевну и его потянуло прочь...

— Я на минутку...

— Нѣтъ, мы васъ не выпустимъ! Кума уже влюбилась! Правда, кума? Правда, какой интересный? А какая у него душа! Это баринъ, понимаешь, баринъ? Чюдная душа! Идея! Бернардъ Львовичъ, пойдемъ ужинать! Спустимся внизъ къ Бокету. Два шага отсюда.

Чюдно кормятъ, чюдно!... И шефъ кухни чюдный!... Сохацкій! Я прямо влюблена... Хорошо? Къ Бокету? Правда, кума?...

— Я ужиналъ...

— Это ничего не значитъ... Вы посидите, а мы поужинаемъ. Общій залъ, оркестръ. Публика... Будетъ весело... Я съѣмъ котлету по Кіевски... Чюдно... чюдно...

Бернардъ не видѣлъ ничего веселаго въ перспективѣ на людяхъ показаться въ обществѣ подозрительной Людмилы Аполлоновны и ея Богъ вѣсть откуда взявшейся подруги. Имъ лестно сидѣть въ ресторанѣ съ такимъ блестящимъ кавалеромъ, какъ онъ... Ему же...

Но ничего не подѣлаешь. Его взяли мертвой хваткой. Онъ предложилъ компромисъ:

— Съ удовольствіемъ, но только въ кабинетѣ.

— Почему-же въ кабинетѣ?

— Я усталъ. Смертельно усталъ. Пока вы будете насыщаться, я слегка вздремлю...

— Жаль... Но разъ вы дѣйствительно устали... Черезъ пять минутъ я буду готова... Поболтайте съ кумой... Отвернитесь...

Людмила Аполлоновна спиною къ себѣ посадила Бернарда и куму на узенькомъ диванчикѣ, а сама спѣшно принялась за ремонтъ лица и за свой туалетъ. Взявъ бритву, съ ловкостью заправскаго парикмахера уничтожила колючую синеву на шеѣ и подбородкѣ. Покрывъ лицо густымъ слоемъ пудры, такъ же густо нарумянила щеки. Схватила жженную пробку и подъ глазами легли широкія тѣни. Въ общемъ-же получилась эффектная, обращающая вниманіе брюнетка и если-бъ не слишкомъ полная, съ короткими ногами фигура, Людмила Аполлоновна могла бы даже понравиться съ перваго впечатлѣнія.

Шли Іерусалимскими Аллеями. Горя въ темнотѣ огнями, одиноко промчался съ грохотомъ ночной трамвай. Бернардъ занятъ былъ мыслью, чтобы тѣ, мнѣніемъ которыхъ онъ дорожилъ, не увидѣли его у Бокета въ компаніи этихъ дамъ. А дорожилъ онъ мнѣніемъ богатыхъ „шикарныхъ“ и занимающихъ видное положеніе людей.

Онъ вслухъ закончилъ свою мысль:

— Вотъ что, mesdames, тамъ есть отдѣльный ходъ въ кабинеты. Для васъ какъ для скромныхъ семейныхъ женщинъ, это очень удобно...

— Милый Бернардъ Львовичъ, хотя вы такъ трогательно оберегаете нашу репутацію, но мы „таки да“ желаемъ пройти черезъ общую залу...

Это было сказано весьма рѣшительно. Бернардъ понялъ всю безполезность дальнѣйшаго сопротивленія. Въ еврейской головѣ польскаго офицера уже имѣлся маленькій стратегическій планъ. Какъ имъ угодно этимъ семейнымъ женщинамъ, а только съ ними его никто не увидитъ. И не успѣли они войти въ вестибюль съ цѣлыми грудами пальто и шляпъ на металлическихъ вѣшалкахъ, Бернардъ стрѣлою помчался впередъ, бросивъ своимъ дамамъ:

— Подождите! Я займу кабинетъ и сейчасъ же за вами вернусь.

Но Бернардъ не вернулся, а послалъ за ними лакея.

— Безобразіе... Могъ бы самъ потрудиться... — фыркнула баронесса, но все же не безъ удовольствія прошла черезъ весь ресторанъ, чувствуя на себѣ взгляды пьяныхъ, полупьяныхъ и совсѣмъ трезвыхъ мужчинъ. Кабинетомъ осталась довольна.

По крайней мѣрѣ, хоть музыку слышно...

— А теперь, мои милыя спутницы, будьте, какъ дома! Заказывайте все, что вамъ по вкусу. На меня-же не обращайте никакого вниманія. Очень прошу! Меня нѣтъ, я не существую, я испарился, умеръ, исчезъ!

Бернардъ полуприлегъ на диванъ и сомкнулись его узкіе ассирійскіе глаза. Чувственное возбужденіе, вспыхнувшее отъ близости Вѣры Анатольевны, погасло. Хотѣлось покоя, сна, отдыха. Но не одиночества. Пусть онѣ себѣ кормятся, а онъ вздремнетъ. Онъ смутно слышалъ, какъ „баронесса“ долго и дѣловито шепталась о чемъ-то съ лакеемъ... А дальше — такой-же смутный звонъ тарелокъ. Потомъ онъ уже больше ничего не слышалъ. А когда проснулся, даже глазамъ не повѣрилъ! Весь столъ загроможденъ былъ закусками и блюдами. На одномъ — цѣлая гора бифштексовъ, на другомъ — куриныя отбивныя котлеты. Надъ всѣмъ этимъ — громадная ваза съ фруктами.

Деньги доставались Бернарду легко, онъ ихъ тратилъ не считая, не былъ ни скупымъ, ни мелочнымъ, однако-же понять не могъ, зачѣмъ этимъ двумъ дамамъ такое несмѣтное количество закусокъ, бифштексовъ, куриныхъ котлетъ, яблокъ, грушъ и апельсинъ? Правда,

Людмила Аполлоновна отличалась прожорливостью акулы, но даже при ея чудовищномъ аппетитѣ должно остаться, по крайней мѣрѣ пять шестыхъ всей этой гастрономической благодати... Онъ сидѣлъ подавленный и все смотрѣлъ, смотрѣлъ...

„Баронесса“ съѣла девятый апельсинъ и чуть дыша, со вздувшимся животомъ, вытирала салфеткою вспотѣвшіе усики:

— Не могу больше! А ты, кума?...

— И я тоже...

— Жаль! Сколько мяса останется! Все равно платить...

— А я вамъ дамъ хорошій совѣтъ — вмѣшался Бернардъ — спросите газетной бумаги и всѣ эти бифштексы, котлеты и фрукты вы унесете съ собой...

— Что вы, что вы, Бернардъ Львовичъ! Это неудобно! Что скажетъ прислуга? Мы не виноваты! Они такія громадныя порціи даютъ! Такія порціи! — изумлялась „баронесса“.

Бернардъ не могъ сдержать улыбки. Теперь онъ уже не сомнѣвался, о чемъ шепталась Людмила Аполлоновна съ лакеемъ.

Бернардъ потребовалъ счетъ. Онъ еще не успѣлъ заплатить, „баронесса“ потребовала сотню папиросъ и газетной бумаги.

— Видите, Бернардъ Львовичъ, вы уговорили меня! Уговорили! Въ самомъ дѣлѣ съ какой стати дарить?..

Она покинула ресторанъ съ громаднымъ пакетомъ. Кума съ лицомъ Венеры, съѣвшей кислое яблоко, тупо и безразлично плелась за нею.

Бернардъ сѣлъ на извозчика и уѣхалъ.

3. БАРОНЕССА-КЕЛЬНЕРША.

Вѣра Анатальевна Захертъ сама себѣ давала оцѣнку:

— Я не гожусь въ героини!...

И это еще тогда, — пять минувшихъ лѣтъ скинуть, — когда, если даже и не героиней, то, во всякомъ случаѣ, хорошей честной русской женщиной Вѣра Анатольевна была несомнѣнно.

Мужъ — гвардейскій офицеръ баронъ Захертъ бѣжалъ на югъ подъ знамена Корнилова отвоевывать родину

изъ хищныхъ и цѣпкихъ когтей еврейскаго интернаціонала.

Многіе мужья устремились на Донъ и Кубань, многіе, но далеко не многія жены послѣдовали за ними — такъ прельщалъ уютъ насиженныхъ Петербургскихъ и Московскихъ квартиръ. А тамъ — опасныя невзгоды и ужасы степной гверильи и кочевая дикая жизнь. Боязнь разстаться съ квартирой и столичной жизнью, хотя и огрубѣвшей, умирающей, — была первымъ шагомъ къ паденію. Начинала квартира, докончивали голодъ и кокаинъ.

Жена офицера — онъ бился въ далекихъ степяхъ, за Россію отдавалъ свою жизнь и кровь, успокаивалась, сытая, нарядная, покрытая брилліантами, успокаивалась въ объятіяхъ чекиста-матроса, эту самую Россію заплевавшаго и втоптавшаго въ грязь...

Капризная, изнѣженная, избалованная, казалась такая не отдѣлимая отъ своего голубого будуара на Моховой, оставивъ безъ сожалѣнія квартиру и связанный съ нею комфортъ, умчалась Вѣра Анатольевна вслѣдъ за мужемъ.

И опять таки, если и не могла выдержать экзаменъ, приблизительно хотя-бы на героиню-патріотку типа Шарлоты Кардэ, то все же эта она, Захертъ и въ лѣтній зной, и въ ледяную стужу, подъ огнемъ перевязывала казаковъ и добровольцевъ. А вѣдь ея тонкіе, изумительно красивые пальчики до этихъ поръ не знали ничего, кромѣ замшевой подушечки, шлифующей ногти и напильниковъ разныхъ величинъ и формъ. Это ее Вѣру Анатольевну, это ея прекрасное точеное тѣло заѣдали вши и въ санитарныхъ обозахъ и въ грязныхъ кубанскихъ станицахъ.

Но время бѣжало. Изматывались нервы. Этой проклятой гражданской войнѣ, казалось, конца краю не будетъ. И погасались порывы въ усталой душѣ, притуплялась вѣра. Все чаще и чаще тянуло на отдыхъ въ глубокій тылъ, разгульный, гніющій и этимъ гніеніемъ своимъ съигравшій далеко не послѣднюю роль въ обѣихъ катастрофахъ, вначалѣ Деникинской, потомъ — Врангелевской.

Вѣра Анатольевна въ Петербургскій періодъ свой курившая иногда, баловства ради, тоненькія египетскія папиросы, теперь папироса за папиросой изводила скверный табакъ. Научилась пить водку, нюхать бѣлый порошокъ, дающій забвеніе и только одного еще пока не научилась — измѣнять мужу.

Въ одномъ изъ послѣднихъ боевъ за обладаніе Кры-

момъ полковникъ Захертъ былъ раненъ выше колѣна разрывной пулею. Ногу пришлось отнять. Инвалидомъ эвакуировался съ женою въ Константинополь и когда послѣ зыбкой палубы, ощутили они твердую почву кривыхъ Константинопольскихъ улицъ, весь ихъ багажъ заключался въ маленькомъ стоптанномъ чемоданѣ, а весь капиталъ — въ двухъ турецкихъ лирахъ съ мелочью изъ нѣсколькихъ замызганныхъ піастровъ.

И тутъ же на этихъ полуазіатскихъ, полуевропейскихъ улицахъ, гдѣ Западъ и Востокъ смѣшались въ убогой каррикатурной гримасѣ, всталъ неумолимый вопросъ: — какъ найти крышу, и чѣмъ питаться, чтобы влачить хотя бы полуголодное существованіе?

Полковникъ еле-еле могъ передвигаться на костыляхъ. Да и раны, полученныя въ великой войнѣ и перенесенный въ гражданской сыпной тифъ давали себя знать.

Безъ слезъ Вѣра Анатольевна смотрѣть не могла на мужа. Но однѣми слезами не поможешь. Дабы прокормить и себя и дорогого, близкаго человѣка, она должна была поступить прислугою въ одинъ изъ многочисленныхъ русскихъ ресторановъ. Въ Константинополѣ они открывались одинъ за другимъ. Ее охотно взяли. Еще бы не охотно? Видная декоративная блондинка съ плавными манерами и величественной осанкою герцогини, она будетъ привлекать не только „бѣлыхъ“ гостей, но и „цвѣтныхъ“ туземцевъ — турокъ, грековъ, армянъ. Они такъ любятъ европейскихъ женщинъ въ особенности же блондинокъ. Для всѣхъ этихъ армянъ, грековъ и турокъ женщина — раба, предметъ наслажденія.

Какая-нибудь волосатая, потная „феска“, пообѣдавъ и вытеревъ пальцами толстыя, жирныя губы, оставляла прекрасной кельнершѣ пять лиръ на чай, поясняя на ужасномъ французскомъ явыкѣ, что если она поѣдетъ съ „фескою“ въ домъ свиданій, то получитъ вдесятеро больше... Сначала баронесса Захертъ опускала свои томныя, усталыя вѣки, чтобы скрыть гнѣвъ и презрѣніе свѣтлыхъ съ поволокою глазъ.

Не доѣдая полагавшійся ей ресторанный обѣдъ, она большую половину его несла мужу въ грязный, кишѣвшій клопами темный чуланъ, снятый у пергаментной вѣдьмы-гречанки.

Первое время чаевыхъ кое-какъ хватало на необходимые домашніе расходы и на оплату чуланчика. Но

когда и „бѣлые“ и „цвѣтные“ гости убѣдились, что сманить баронессу-кельнершу въ домъ свиданій не такъ-то легко, — чаевыхъ, какъ не бывало!...

А полковнику все хуже и хуже. Открылась рана въ груди, полученная въ Карпатахъ. Свой же русскій бѣженецъ-врачъ заявилъ Вѣрѣ Анатольевнѣ:

— Если вы хотите, чтобы онъ жилъ, — необходимо немедленно же покинуть эту грязную, душную щель... Необходимъ морской воздухъ... Чистая, свѣжая комната... О, если-бы вы могли перевести его... ну, хотя-бы на Принкипо...

Баронесса не отвѣтила ничего. Только плотно сомкнулась линія губъ.

Въ этотъ день обѣдалъ въ русскомъ ресторанѣ молодой американецъ-морякъ съ четкимъ рѣзкимъ профилемъ. Его крейсеръ только-что бросилъ якорь въ Босфорѣ, а его бумажникъ былъ туго набитъ узенькими долларами. Одинъ долларъ онъ протянулъ кельнершѣ и, между глоточкомъ ликера и затяжкою изъ коротенькой трубочки, сказалъ на французскомъ языкѣ, если и не такомъ ужасномъ, какъ языкъ потныхъ волосатыхъ „фесокъ“, то все же весьма и весьма далекомъ отъ совершенства:

— Мадамъ, вуле ву... Ну залонъ келькъ паръ се суаръ... Же ву донере сенкантъ долларъ.

Пятьдесятъ долларовъ? Цѣлое состояніе!... Большая свѣтлая комната на Принкипо, морской воздухъ... свѣжее бѣлье... Господи!... Вечеромъ... Квартира... Все въ коврахъ... Низенькія тахты вдоль стѣнъ. Особенный приторно-сладкій запахъ. Крашеная француженка въ рыжемъ парикѣ и съ мокрой вставной верхней челюстью.

Ваза съ фруктами, шампанское, коньяхъ и восточныя сласти, много сластей. Француженка восхищалась баронессой:

— О, мадамъ, почему я не знала васъ раньше? У мена такая богатая клянтель... А вы такая красивая! Дайте скорѣй вашъ адресъ! Идите къ нему Онъ васъ ждетъ. О, какъ я вамъ завидую!... Американецъ былъ занятъ приготовленіемъ какой-то адской смѣси изъ ликеровъ, коньяку и шампанскаго. Мутное пойло въ длинномъ бокалѣ ошеломило Вѣру Анатольевну. И лучше... Не видѣть ничего, не слышать... Американецъ, этотъ

центавръ въ своемъ плаваніи изголодавшійся по женщинѣ, набросился на нее, какъ хищный звѣрь и началъ раздѣвать...

Грубый самецъ — вначалѣ, онъ былъ нѣженъ кротокъ и ласковъ — потомъ. Она захватила его и своимъ царственнымъ тѣломъ, и своей женственностью и главное еще тѣмъ, что инстинктомъ мужчины американецъ почувствовалъ: она отдавалась ему не какъ профессіоналка въ ожиданіи обѣщанныхъ долларовъ, а какъ женщина, сама стосковавшаяся по сильной мужской ласкѣ...

Возвращаясь домой, все время ощущала его въ себѣ, въ глубинѣ своихъ нервовъ... Она видѣла мускулистое молодое тѣло, слышала его запахъ... И хотѣлось, безумно хотѣлось новой встрѣчи, новыхъ объятій. Ноги сами несли — такъ было свободно, легко, празднично. Вѣра Анатольевна была счастлива и только одно омрачало — 50 долларовъ. И былъ порывъ бѣжать, бѣжать назадъ, отыскать его и вернуть деньги... Вернуть — они жгли руки. Но вставалъ образъ мужа — безпомощнаго, безногаго калѣки... Завтра же, завтра она перевезетъ его на Принкипо.

Гречанка-мегера встрѣтила ее дикимъ воемъ, сразу вспугнувъ настроеніе. Чѣмъ-то твердымъ, тупымъ ударило въ грудь... Вѣра Анатольевна кинулась въ чуланчикъ... Кровь, много крови... Полковникъ лежалъ съ размозженнымъ черепомъ, а на колченогомъ столикѣ записка, придавленная бутылкой съ оплывшимъ огаркомъ:

Моя дорогая Вѣрочка!...

Нѣтъ силъ больше... Я уже не человѣкъ, а какія-то выжимки Я — недоразумѣніе... Въ тягость тебѣ, — я и не вправѣ жить... Безъ меня тебѣ будетъ легче. Прощай...

Плакать она уже не могла. Вмѣсто слезъ — шевелящійся какой-то черный туманъ въ глазахъ... Она долго стояла окаменѣвшая, отупѣвшая и что-то тяжелое продолжало неумолимо давить грудь, задерживая дыханіе...

Въ этомъ нѣмомъ горѣ было столько напряженной и страшной жути, что даже гречанка, вбѣжавшая съ воемъ и бранью, остановилась и затихла...

4. ЧТО ПРЕДЛОЖИЛЪ ТОВАРИЩЪ КУДИШЪ.

Сумбуръ, путаницу внесли въ душу и въ умъ баронессы Захертъ послѣднія событія. Эти послѣднія событія: исходъ изъ Крыма безногій инвалидъ-мужъ и ея измѣна, измѣна за деньги, чтобы дать этому калѣкѣ, хоть на время, сносное человѣческое существованіе. Она усумнилась во многомъ и прежде всего: въ себѣ самой и въ бѣломъ движеніи. Первыя сомнѣнія Вѣра Анатольевна вынашивала втихомолку, наединѣ со своей совѣстью, вторыя же высказывала открыто:

— Ради Бога, не подумайте, что я „смѣнила вѣхи". Красное для меня осталось краснымъ, бѣлое — бѣлымъ. Тамъ вся моя ненависть, здѣсь всѣ мои симпатіи. Но, — какъ бы это выразить... послѣ такой трагической эпопеи Крыма, я убѣдилась, что дальнѣйшія попытки освободить Россію отъ большевиковъ безполезны, если и не на вѣки вѣчныя, то во всякомъ случаѣ, на долго... и не такъ эти послѣднія неудачи убѣдили меня — у насъ у женщинъ, вѣдь, особенная логика, — а то, что мой бѣдный Вася, этотъ рыцарь бѣлой мечты, три года за нее героически бившійся, кончилъ инвалидомъ, разворотивши себѣ черепъ изъ за голодной бозпросвѣтной нищеты... Я никого не виню! Я не могу требовать, чтобы армія, сама пользующаяся голоднымъ пайкомъ благотворителей-чужеземцевъ, сама богатая лишь духомъ и волей, заботилась о своихъ инвалидахъ. Не могу и не виню, но все же — фактъ остается фактомъ...

Она не договорила. Не могла же она сказать, что ради своего Васи, пошла на жертву, самую страшную для честной, любящей женщины.

А дальнѣйшія событія не только не разсѣивали этотъ сумбуръ, а наоборотъ, все хаотичнѣй и хаотичнѣй сплетали.

Спустя нѣсколько дней послѣ самоубійства мужа, она встрѣтила американца и пошла съ нимъ въ домъ свиданій. И опять отставная каютка, опять ковры и низкія тахты, пропитавшіеся густымъ, сладковатымъ запахомъ... Опять дьявольская смѣсь изъ коньяку, шампанскаго и ликера. Опять вначалѣ онъ былъ грубъ и рѣзокъ, а потомъ, разомлѣвшійся, мягокъ и нѣженъ. И опять подарилъ ей 50 долларовъ. И хотя они вновь, какъ и впервые, обожгли ей руки, она ихъ взяла... Ее тянуло къ

американцу и въ то же время поднималась щемящая злоба. Хотѣлось его поцѣлуевъ, объятій и хотѣлось сдѣлать ему больно, больно физически, но такъ, чтобы она, эта боль, унизила его, ударила по самолюбію...

Крейсеръ получилъ приказаніе уйти къ Албанскимъ берегамъ и Вѣра Анатольевна больше не видѣла своего моряка. Она продолжала оставаться кельнершей въ русскомъ ресторанѣ. Однажды обѣдалъ тамъ глава совѣтской торговой миссіи Кудишъ — еврей и по фамиліи и по внѣшности. Ходячій ювелирный магазинъ какой-то, весь въ драгоцѣнныхъ камняхъ и въ золотѣ, краденномъ конечно... Даже половина зубовъ и въ верхней и въ нижней челюсти — была золотая.

Ковыряя спичкою въ этихъ драгоцѣнныхъ зубахъ, улучивъ минутку, когда Вѣра Анатольевна принесла ему сдачу, а кругомъ никого не было, Кудишъ, криво и какъ то кисло, приторно улыбнувшись, сказалъ:

— Благодарю васъ, многоуважаемая мадамъ... А я имѣю честь васъ хорошо знать. Вы — баронесса Захертъ.

— А въ чемъ же дѣло? — съ холоднымъ недоумѣніемъ спросила Вѣра Анатольевна.

Кудишъ, ничуть не смущенный, продолжалъ:

— Ну, такъ я же ничего не сказалъ. Я васъ очень уважаю... У васъ большое горе. Вашъ мужъ выстрѣлилъ въ себя... Ой, это же не дай Богъ!...

— Къ чему все это? Какое вамъ дѣло до моей личной жизни?

— Ну вотъ! Вы таки серчаете?... Но я же просто, какъ русскій человѣкъ, хочу васъ... хочу вамъ устраивать хорошее мѣсто. Вы такая барыня, даже аристократка... Такая дама!... Развѣ это вамъ идетъ подавать кушанья? Гдѣ? Въ ресторанѣ! Въ какомъ? Здѣсь каждый нахалъ можетъ къ вамъ приставать...

— Пока вы первый ко мнѣ пристаете.

— Ой, это же остроумно! — восхищался Кудишъ. — Но я къ вамъ не пристаю, какъ нахалъ. Я по хорошему, съ уваженіемъ... Что-бы вы сказали, на-при-мѣръ, — началъ онъ тянуть на-распѣвъ — если-бы я предложилъ вамъ службу въ Лондонѣ... Въ самомъ Лондонѣ!

— Какую?

— Въ торговой миссіи инженера Красина...

— Этого большевика?

— Что вы, баронесса! Дайте же спокой! Красинъ

большевикъ? Тогда я тоже большевикъ! Красинъ — это настоящій буржуй, настоящій! Онъ же смѣется надъ большевиками! Онъ совѣтскій Витте...

— Однако служитъ имъ...

— Что значитъ — служитъ? Если хотите знать, такъ они ему служатъ! Красинъ не достанетъ денегъ — никто не достанетъ... Ну, такъ однимъ словомъ, я получилъ отъ него телеграмму... Ему нужна высоко-интеллигентная секретарша...

— И вашъ выборъ палъ на меня? — съ оттѣнкомъ презрѣнія молвила Захертъ.

— А почему нѣтъ? Почему?... Вы такая интеллигентная...

— Но при всей моей интеллигентности, я не владѣю англійскимъ языкомъ. Знаю только французскій.

— И довольно! Зачѣмъ вамъ англійскій? Что вы будете конферировать со Ллойдъ-Джорджемъ о высокой политикѣ? Отнюдь же нѣтъ!... Личнымъ секретаремъ! Личнымъ! Ну, тамъ писать подъ его диктовку. Ну, тамъ исполнять порученія, ну тамъ еще кой-что... За это на всемъ готовомъ сто фунтовъ въ мѣсяцъ. Это же деньги! Подумайте! Вы же одинокая особа, что вамъ Константинополь? Что вамъ этотъ ресторанъ? Ну, итакъ, слѣдовательно?...

— Право не знаю, что вамъ отвѣтить. Во всякомъ случаѣ, должна подумать...

— И думайте! Хорошенько думайте. Думайте день, думайте два, а на третій вы мнѣ скажете... да, или нѣтъ?...

Но трехъ дней совсѣмъ не понадобилось. Захертъ согласилась на предложеніе Кудиша. Словъ нѣтъ, самъ Кудишъ былъ отвратителенъ съ его жаргонными словечками, съ его грязными, короткими пальцами въ бриллiантовыхъ перстняхъ. Словъ нѣтъ, ни на одинъ мигъ не повѣрила она, что Красинъ, этотъ „совѣтскій Витте“, совсѣмъ не большевикъ. Словъ нѣтъ, перспектива личной его секретарши мало прельщала... А съ другой стороны какія перспективы развертывалъ передъ нею Константинополь? Продолжать изо дня въ день службу кельнершей? Ежедневно выслушивать гнусности и оскорбленія отъ волосатыхъ „фесокъ“ отъ пьяныхъ англичанъ и увы, отъ своихъ же собственныхъ милыхъ соотечественниковъ?

Уѣхать куда-нибудь на волю Божью? Но, чтобы уѣхать, нужны деньги, деньги и деньги... А, во-вторыхъ, куда? Зачѣмъ? На дняхъ же получила она письмо изъ Парижа отъ своей институтской подруги Наточки Всеволожской. Поступила въ горничныя къ содержанкѣ банкира Шкафа... и счастлива, что есть комната и кусокъ хлѣба. Одно скверно, поклонники ея госпожи немилосердно щиплютъ горничную за лицо. И не смѣй жаловаться — у французовъ принято щипать за лицо — и Ната втихомолку плачетъ у себя въ своей монсардѣ, подъ самой крышею.

Перечитала Вѣра Анатольевна письмо и горько, горько улыбнулась. Нѣтъ, лучше идти въ секретарши къ „совѣтскому Витте", чѣмъ выполаскивать ночныя вазы полуграмотной французской дѣвки и терпѣть щипки отъ ея друзей.

На слѣдующій день Кудишъ спросилъ:

— Ну, и что-же, многоуважаемая баронесса?

— Я согласна...

Кудишъ ликовалъ. Ему хотѣлось всячески угодить Красину, чтобы тотъ и его взялъ къ себѣ въ Лондонъ. А Кудишъ зналъ, чѣмъ и какъ можно угодить сластолюбивому Красину, имѣвшему въ Лондонѣ такой гаремъ, — любому восточному деспоту на зависть и удивленіе. Пополнять же Красинскій гаремъ для Кудиша было привычнымъ дѣломъ. Еще не такъ давно этотъ „красный дипломатъ" велъ довольно крупную торговлю „живымъ товаромъ", экспортируя таковой изъ Одессы въ Константинополь, Смирну, Александрію, въ Алжиръ и Тунисъ. Кудишъ выдалъ Вѣрѣ Анатольевнѣ кругленькій авансъ на туалеты и на путь-дорогу. Она пріодѣлась, обзавелась бѣльемъ, чемоданами. Самъ Кудишъ усадилъ ее въ купэ восточнаго экспресса Константинополь — Парижъ. Сытая, полированная, черезъ край бьющая роскошь... Какъ будто ничего не было, ни войны, ни революціи, ни утопавшихъ въ грязи Кубанскихъ станицъ и перевязочныхъ пунктовъ. Все это сонъ, тяжелый, нудный, мучительный и кошмарный. А это — экспрессъ, вагонъ-ресторанъ, лощеная международная публика, манящій Парижъ, — это дѣйствительность, та самая довоенная дѣйствительность, въ которой выросла и жила Вѣра Анатольевна.

Изголодавшаяся и физически, въ прямомъ смыслѣ и въ болѣе широкомъ, Захертъ жадно воспрниимала

всю эту матеріальную благодать и такъ свѣжо, такъ эгоистически упивалась ею. Отмахиваясь, какъ отъ назойливыхъ мухъ, гнала она отъ себя тѣ слабые укоры совѣсти и сомнѣнія, которыя пытались было вначалѣ смущать и тревожить ее...

5. КАТАСТРОФА.

Большой, съ глубокимъ альковомъ номеръ выходилъ на Краковское Предмѣстье. Въ полуоткрытое окно, — Вѣра Анатольевна любила спать при открытомъ окнѣ, — струился бодрый свѣжій воздухъ мягкаго осенняго утра.

Она лежала, закинувъ руки подъ голову и глядя передъ собою.

Она уже давно проснулась и давно смотрѣла въ полумракъ своей спальни, отдѣленной отъ „салона“ тяжелой драпировкою, движущейся на кольцахъ.

Тамъ, гдѣ рождались плавныя, точеныя руки, золотилась мягкая, нѣжная шерсть. Еще вчера вспомнила — надо будетъ побрить эти волосы. Она глядѣла передъ собою и, какъ это всегда бываетъ, если уйти цѣликомъ въ свои мысли, дышала чуть-чуть, до того слабо, какъ если-бъ совсѣмъ не дышала. Но все же приподнималась и опускалась небольшая, невысокая грудь, особенно для ея роста и фигуры — невысокая, дѣвичья. И она не круглилась по мѣщански вульгарными полушаріями, а намѣчалась двумя упругими и въ то же время эластическими конусами.

Вѣра Анатольевна, строгая къ себѣ и своему тѣлу, однако, любила свою грудь, и часто ласкала ее, то поглаживая, то какъ бы вдавливая. И „конусъ“ съ блѣдноземляничнымъ соскомъ исчезалъ подъ узкой, съ длинными пальцами рукою.

Вдругъ шумно, съ необыкновенной силою распахнулось окно и съ такой же необыкновенной силою ворвался съ улицы воздухъ. Не струею, нѣтъ, а цѣлымъ потокомъ, — сбить съ ногъ человѣка могъ бы! И въ это же самое мгновеніе съ улицы донесся звонъ разбитыхъ стеколъ, звонъ рухнувшихъ на землю тяжелыхъ осколковъ. И все это поглотилось глухимъ отдаленнымъ раскатомъ взрыва. Ей же почудился такимъ близкимъ, какъ если бы вере-

ницу трамвайныхъ вагоновъ, пробѣгавшихъ мимо подъ окнами, взметнуло на воздухъ и разметало въ щепы. Силою взрыва и еще чѣмъ-то необъяснимымъ Вѣру Анатольевну слегка подбросило. Похолодѣвъ, она притаилась. Ужасы померещились... Взорванъ „Бристоль“ и вмѣстѣ съ нимъ весь прилегающій кварталъ... Вся Варшава... Но любопытство всегда побѣждаетъ страхъ и неизвѣстность всегда томительнѣе самой реальной опасности. Вскочивъ съ постели и подбѣжавъ къ окну, Вѣра Анатольевна глубоко высунулась полунагая, вѣрнѣе совсѣмъ нагая. Нѣтъ! И Бристоль, и весь кварталъ и Европейскій Отель — визави — все на мѣстѣ! Но гиганскія зеркальныя витрины „Люрса“ всѣ разбиты въ дребезги и зіяетъ во внутрь кафе зловѣщая пустота. И вездѣ, и вправо и влѣво, куда глазъ хваталъ, вездѣ разбиты окна, витрины, стеклянныя двери. Панели усыпаны густымъ ливнемъ, цѣлыми нагроможденіями осколковъ разной величины. Метались какіе-то люди съ окровавленными головами и лицами. Доносились вопли, стоны, крики. Катастрофа! Но гдѣ, что и какъ? Это была именно та неизвѣстность, которая всего на свѣтѣ страшнѣе.

Приковавъ себя къ окну, Вѣра Анатольевна уже не могла оторваться... Сумятица, судорожные звонки стоящихъ накопившихся вагоновъ, окровавленныя женщины, дѣти и зіяющія странной пустотою окна — все это пугающедико и нелѣпо ворвалось въ удобный и спокойно-мирный укладъ жизни столицы.

Тревожные, сердитые рожки скорой помощи. Съ бѣшенной стремительностью мчались автомобили, переполненные стоявшими во весь ростъ полицейскими въ чёрныхъ мундирахъ. Создавалось уже совсѣмъ грозное впечатлѣніе катастрофы, или города, охваченнаго пламенемъ гражданской войны.

Пострадавшіе и санитары въ бѣлыхъ балахонахъ, и полицейскіе, и жадная до зрѣлищъ толпа, — все кричало какими-то чужими голосами:

— Взрывъ въ цитадели... Пущена въ воздухъ цитадель... тысячи жертвъ...

Нетерпѣніе Вѣры Анатольевны и безъ того напряжено было до крайности. Услышавъ же эти восклицанія, кое-какъ наспѣхъ одѣлась и, второпяхъ, оставивъ открытымъ свой номеръ, уже черезъ нѣсколько минутъ была на улицѣ. И если изъ оконъ третьяго этажа все это бы-

ло, хотя и жуткимъ, но все же декоративнымъ, то сейчасъ, лицомъ къ лицу безъ смягчающаго разстоянія, это былъ одинъ сплошной ужасъ.

Стекло можетъ наносить чудовищныя раненія. Школьнику лѣтъ семи, какъ бритвой снесло часть черепа и кровавой мякотью, подобной розовой сметанѣ обнажился пульсирующій мозгъ. Фельдшеръ оказывалъ ребенку первую помощь, а тутъ же въ двухъ шагахъ валялась такая сейчасъ ненужная, забытая связка учебныхъ книгъ и тетрадокъ. Но вотъ еще болѣе потрясающая картина: молодой, цвѣтущей дѣвушкѣ — она торопилась на службу въ свой банкъ — словно гильотиной срѣзало носъ, губы и одинъ глазъ. Проснулась жизнерадостной и, какъ увѣряли знавшіе ее, красавицей, а черезъ какой-нибудь часъ — отвратительный жалкій уродъ съ кровавымъ треугольникомъ вмѣсто носа, съ вытекшимъ глазомъ и двумя челюстями на вѣки обнаженныхъ зубовъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще родные и близкіе находили своихъ пострадавшихъ дѣтей, женъ, братьевъ. Слезы, истерики, душераздирающіе вопли...

Все это передавалось Захертъ, овладѣвало ею. Хотѣлось быть полезной, принять участіе въ общемъ горѣ. Увы, оно было такъ велико, что безпомощно опускались руки...

Новыя восклицанія, новыя свѣдѣнія... Блѣдныя съ искаженными лицами появлялись уже успѣвшіе побывать „тамъ“...

Половина цитадели уже не существуетъ! Многія сотни жертвъ! Руки, ноги, части тѣла, внутренности силою взрыва очутились на крышахъ дальнихъ домовъ, на деревьяхъ, на висящемъ надъ линіей желѣзной дороги мосту... Сцены одна другой леденящій... Капитанъ, увидѣвъ жену и четверо дѣтей, превращенныхъ въ какія-то окровавленныя лохмотья, мгновенно сошелъ съ ума... И не перечесть всего въ такомъ же духѣ. Весь 21 пѣхотный полкъ занятъ раскопками тѣхъ, кто похороненъ заживо подъ грудами каменныхъ глыбъ желѣзныхъ и деревянныхъ балокъ. Весь раіонъ оцѣпили войсками и частныхъ лицъ не пропускаютъ никого.

Обезумѣвшія матери и жены лѣзутъ прямо на штыки, пытаясь прорваться въ цитадель къ своимъ сыновьямъ и къ мужьямъ: офицерамъ, солдатамъ, рабочимъ патроннаго завода.

Вѣра Анатольевна хотѣла добиться, какая же причина взрыва? Слѣпой, фатальный случай? Неосторожность? Злой умыселъ? Но никто ничего не зналъ, да и не могъ знать. Зато предположеній и гадательныхъ и утвердительныхъ была тьма-тьмущая и всѣ они окрашены были въ партійно-политическій цвѣтъ. Какой-то невзрачный субъектъ съ небритымъ лицомъ злобно выкрикивалъ, брызгая слюною:

— Знаемъ чьи это штуки! Знаемъ! Это все правые наши! Это фашисты! Имъ надо создать панику, чтобы сейчасъ же объявить диктатуру. Но тогда всѣ мы соціалисты, всѣ, какъ одинъ, выйдемъ на улицу съ оружіемъ. И только затрещатъ кости...

Рослый мужчина съ военной выправкой и съ желѣзнымъ крестикомъ, перваго, генерала Довборъ-Мусницкаго корпуса на груди, готовъ былъ броситься съ кулаками на соціалиста, но какая-то дама, видимо жена, успокаивала его:

— Оставь, Казикъ, оставь! Не убѣдить все равно!

— Нѣтъ, я не оставлю, не оставлю — горячился „Довборчикъ“ — этихъ каналій-клеветниковъ надо учить! Какъ они смѣютъ? Это они профессіональные поджигатели, убійцы, бомбисты! Имъ нужна смута, нужна кровь и ненависть!... Это ихъ рукъ дѣло! Ихъ! Коммунистовъ и соціалистовъ! Погодите, расправимся съ вами...

Подобныя столкновенія вспыхивали чуть ли ни на каждомъ шагу. Обнажались тайники человѣческихъ душъ, и горячей струею била черезъ край классовая и партійная ненависть, самая страшная изо всѣхъ ненавистей... Кое гдѣ доходило до палочныхъ расправъ и звонкихъ пощечинъ.

А надъ этой ненавистью, надъ искаженными лицами, надъ плачемъ и криками отъ невыносимой физической боли, надъ изуродованными дѣтьми, надъ объятой паникой Варшавой, — такъ безмятежно и вольно раскинулись бирюзовыя небеса, сіяющія въ своемъ равнодушіи къ потревоженному человѣческому муравейнику. Да и развѣ это не былъ муравейникъ для надсолнечныхъ и надзвѣздныхъ высей, имя которымъ — вѣчность?

Въ этомъ былъ ужасъ. И былъ ужасъ, что не отъ войны получились жертвы, жертвы любого крупнаго боя. На войнѣ врагъ видимый, осязаемый, ожидаемый. Здѣсь же, здѣсь такъ кроваво трагически началось мирное, тихое, будничное утро. А врагъ безликій, невидимый, зата-

ившійся, изъ своего подполья убивающій и калѣчащій — врагъ не чужеземецъ, а свой, ничѣмъ не рисковалъ, оставаясь неуязвимымъ. Это было ужаснѣй самой кошмарной, самой безпощадной и лютой войны...

6. У ПЛЕМЯННИКА СЛАБѢЕ НЕРВЫ.

Взрывъ минута въ минуту произошелъ въ 9 часовъ. Всей Варшавой онъ былъ воспринятъ почти вездѣ одинаково. И въ кабинетѣ профессора Азулаи распахнулась форточка и мощный потокъ воздуха сорвалъ и закружилъ бумаги и газеты письменнаго стола. Худой, костлявый Натанъ Азулаи сидѣлъ въ креслѣ, сидѣлъ съ виду спокойный. Лишь горящіе на мефистофельскомъ лицѣ глаза и дрожащіе кончики пальцевъ выдавали его волненіе. Племянникъ значительно хуже владѣлъ собою. Матовыя красивыя черты побѣлѣли, какъ бумага и тряслась вмѣстѣ съ черной ассирійской бородкою нижняя челюсть... Бернардъ сорвался подбирать газеты, но онѣ выскальзывали у него изъ рукъ, ставшихъ деревянными, чужими.

— Ну, какъ же вы думаете, дядюшка? — прерывающимся голосомъ спросилъ онъ.

— Я сейчасъ ничего не могу думать! Да и это лишнее — думать! Необходимо знать. Самъ все скоро узнаешь. Еще и меня самого поинформируешь... Я тебя вчера не видѣлъ... Изъ Парижа телеграмма есть. Съ часу на часъ прибудетъ сюда Иза Башіаччи. Можетъ быть завтра даже. Какой царственный сюрпризъ ждетъ ее... Такъ и напрашивается галантная фраза: „Мадамъ, Варшавская цитадель у вашихъ очаровательныхъ ножекъ“... Съ ея появленіемъ начнется крупная игра. Подъѣдетъ изъ Америки Бимба и наша игра пойдетъ еще крупнѣй. Вообще, нашъ сезонъ, такъ эффектно начавшійся, обѣщаетъ быть особенно интереснымъ... Воображаю, въ какой паникѣ мечутся всѣ эти Витосы, Дмовскіе, Корфанты? Чуствуютъ-ли эти господа, что сегодняшнее утро для нихъ начало конца?... Чувствуютъ-ли? Да, по моимъ свѣдѣніямъ возвращается въ Варшаву, и тоже съ часу на часъ, Бейзымъ. Субъектъ столь же опасный, столь и досадный. Главное же никогда не знаешь, какую онъ выкинетъ новую штуку. Говорятъ: стихійный человѣкъ. Пропади онъ со своею стихійностью! Насмотрѣвшись въ Италіи на

Муссолини, въ Испаніи на Примо-ди-Ривейра, онъ, пожалуй, и здѣсь займется организаціей фашисткихъ бандъ? Но это врядъ ли будетъ имѣть успѣхъ... Врядъ-ли? — задумчиво повторилъ Азулаи. — Однако, ты все еще блѣденъ, какъ мертвецъ и зубы твои, кажется, выбиваютъ дробь... Возьми же себя въ руки, успокойся, овладѣй своими нервами и — маршъ на улицу! Не мѣшало бы провѣдать Захертъ. Очень мило и внимательно будетъ съ твоей стороны. Если она поинтересуется что, какъ, почему и зачѣмъ? — убѣди ее въ виновности „правыхъ" во всемъ случившемся. Ну, вотъ, я вижу, ты понемногу... Кстати, милый племянничекъ мой, какъ подвигаются ваши сердечныя дѣла и какія твои шансы, вообще?

— Мои шансы?... Я не теряю надежды, не теряю, но — Бернардъ уже началъ приходить въ себя, но все еще дрожавшая нижняя челюсть мѣшала говорить связно и плавно — вы... вы ззznaете, ккакъ я смотрю на женщинъ... и ккакъ онѣ ллегко мнѣ давались... Но ээта... я влюбленъ, какъ дуракъ... а она...

— Царственно спокойна? — улыбнулся дядюшка.

— Пока, да! И этто меня страшно ббѣситъ... И тѣмъ болѣе бѣситъ, что вѣдь была же она любовницей Красина. Была, была! — упрямо повторялъ племянникъ — да и въ Константинополѣ она отдавалась за деньги... Такъ почему же?... Почему? Я красивъ, молодъ, могу и умѣю нравиться. Все это бѣситъ меня...

— А ты не бѣсись... Видишь-ли, другъ мой, въ Константинополѣ у нея на шеѣ, на этой гордой прекрасной шеѣ былъ мужъ-инвалидъ... Что же касается Красина, не забывай какія въ его распоряженіи коллосальныя средства!... Онъ затуманилъ ее неслыханной роскошью, ослѣпилъ прямо сказочными брилліантами. Пожалуй, ни одинъ султанъ еще никогда не осыпалъ такъ щедро любимѣйшихъ своихъ одалисокъ... Этимъ можно взять и покорить самую недоступную женщину... Да и то, въ концѣ концовъ, онъ опротивѣлъ ей, иначе такъ легко не разстался бы съ нею... Иди же, иди! Не мѣшаетъ показаться на людяхъ. И будетъ совсѣмъ не плохо, если ты примешь участіе въ развозкѣ раненыхъ... Скажутъ: „Какой чуткій офицеръ-патріотъ племянникъ профессора Азулаи"... Къ твоимъ услугамъ мой автомобиль, можешь его по телефону вызвать. Не слишкомъ усердствуй. Выбирай легко раненыхъ и чистыхъ, чтобы не запачкать обивку... Вечеромъ вмѣ-

стѣ поужинаемъ... Къ этому времени ты мнѣ приготовь докладъ. Понимаешь? — и жгучими глазами Натанъ пронизалъ своего племянника...

Меньше всего думая о раненыхъ, Бернардъ помчался въ Бристоль. Исключительность момента даетъ ему „право“, возможность увидѣть раннимъ утромъ Вѣру Анатольевну, еще затаившую въ мягкихъ складкахъ пеньюара уютъ и сонную нѣгу постели. Но его ждало разочарованіе. Вмѣсто мягкихъ складокъ пеньюара, уюта и сонной нѣги — пустой номеръ.

Бернардъ приказалъ шоферу ждать у „Бристоля“, самъ же отправился на поиски. Она гдѣ-нибудь близко... Но вездѣ кругомъ такой человѣческій хаосъ и такъ густилась повсюду толпа, что отыскать въ этомъ живомъ лабиринтѣ Вѣру Анатольевну не было никакой возможности. Онъ вернулся въ „Бристоль“ и, усѣвшись поудобнѣй въ плетеное кресло въ одномъ изъ уголковъ многолюднаго шумнаго холя — сейчасъ онъ былъ многолюднѣй, чѣмъ когда бы то ни было — терпѣливо, вѣрнѣе нетерпѣливо ждалъ, истребляя папиросу за папиросой.

Суетилась кучка упитанныхъ съ короткими ногами и шеями спекулянтовъ. У всѣхъ взволнованный, перепуганный видъ и такая же рѣчь.

— Ой, а если это — уже революція?

— Почему же нѣтъ? Почему? Это же Польша! Это же, честное слово, какая-то Мексика... И тамъ и здѣсь дерутся между собою генералы.

— Вотъ, вотъ! Господа, это же геніально сказано! Пилсудскій дерется съ Шептицкимъ, Шептицкій дерется съ Пилсудскимъ. Выходитъ какой-то политическій гармидеръ!...

— Еще какой! Забабахаютъ пушки, затрещатъ... какъ ихъ тамъ... ну, эти же... пулеметы... Хорошенькій номеръ! Какое намъ дѣло? Какое намъ дѣло?... Мы пріѣхали торговать, а выходитъ чертъ знаетъ что! Мы не хотимъ достать въ лобъ какую-нибудь паршивенькую пулю... мы вовсе не хотимъ...

— А кто же хочетъ? Никто не хочетъ! Ей-Богу, я сегодня же ѣду въ Данцигъ и буду тамъ выжидать...

— А я въ Берлинъ...

И все это говорилось съ наглостью подчеркнуто громко, чтобъ всѣ слушали. И дѣйствительно слушали всѣ: лакеи, польскія помѣщики, чиновники, офицеры. И

никто не хотѣлъ, а можетъ быть и не смѣлъ, оборвать нахальную свору жидковъ-спекулянтовъ, во всеуслышаніе проводящихъ параллель между Польшей и Мексикой, сѣющихъ панику. Слушалъ и Бернардъ Азулаи, одѣтый въ новенькую форму, дымящій папиросой и съузившій свои ассирійскіе глаза...

А вотъ и она, баронесса. Блуждающій взглядъ... Смотритъ на Бернарда и не узнаетъ, не видитъ. Онъ подлетѣлъ къ ней.

— А я васъ искалъ! Я такъ встревоженъ:

— Да? — машинально спросила она — ахъ, это! Какъ видите... Со мной ничего... Что я видѣла! Что я видѣла! Это ужасно, ужасно... У меня силъ нѣтъ, подкашиваются ноги... — и, въ самомъ дѣлѣ, вотъ, вотъ готова она упасть.

Азулаи бережно подвелъ ее къ мраморному столу и усадилъ въ плетеное кресло, рядомъ со своимъ. Голова ея опустилась на грудь... Состояніе, близкое къ обморочному.

— Воды — шевельнулись ея губы. Темнѣло въ глазахъ, нечѣмъ было дышать.

Бернардъ, поймавъ лакея, попросилъ воды.

Выпивъ залпомъ цѣлый стаканъ, Вѣра Анатольевна понемногу пришла въ себя. Помолчавъ, отдышавшись, она спросила:

— Какія причины взрыва? Неосторожность, или же?... Если это преступленіе, умыселъ, то ему нѣтъ названія!...

Бернардъ тихо отвѣтилъ, оглядываясь по сторонамъ:

— Я думаю, — второе... Есть основаніе предполагать, что дѣло это, дѣло рукъ польскихъ фашистовъ... Имъ необходимо создать въ странѣ панику, чтобы захватить власть въ цѣляхъ самой черной реакціи... Но врядъ ли это имъ... Бернардъ осѣкся на полу-фразѣ. И его вниманіе и вниманіе всѣхъ отвлеклось движеніемъ въ холлѣ. Вереница слугъ вносила облѣпленные ярлыками тяжелые чемоданы. За ними вошелъ гигантъ въ дорожномъ англійскомъ плащѣ.

7. ВОЗВРАЩЕНІЕ БЕЙЗЫМА.

Осанистый и важный портье, утративъ все олимпійское величіе свое, угодливо изогнувшись, разлетѣлся:

— Почтеніе господину маіору! Телеграмма получена! Господина маіора ожидаетъ 216 номеръ..

Спекулянты, прервавъ свой галдежъ, съ изумленіемъ уставились на гиганта. Однимъ своимъ появленіемъ, одной своей геркулесовской фигурою, онъ, какъ бы наполнилъ весь обширный холлъ. Генералъ, высокій, полный рядомъ съ нимъ вдругъ уменьшившійся, раскрылъ свои объятія.

— Бейзымъ! На милость Бога! Не вѣрю глазамъ! Какъ снѣгъ на голову... Позавчера только читалъ о твоихъ испанскихъ подвигахъ... Бой въ присутствіи короля! Быка посадилъ на хвостъ! Господи, есть ли для этого человѣка что-нибудь невозможное? — И высокій полный генералъ отъ всей души сочно расцѣловалъ гиганта. И вдругъ, поймавъ себя въ оплошности, — не замѣтилъ вначалѣ Магдалину, — такъ же сочно приложился къ ея обѣимъ рукамъ.

— Благополучно доѣхали?

— Доѣхали-то благополучно, — отвѣтилъ за жену Бейзымъ, — а вотъ у васъ здѣсь, въ Варшавѣ далеко не все благополучно. Хорошенькимъ пиротехническимъ сюрпризомъ встрѣтили насъ! Полъ цитадели въ воздухѣ! Сотни людей перебито и переколѣчено, и хоть бы что? Гдѣ же конные патрули, гдѣ военное положеніе, гдѣ твердая власть? Твердая, ибо отечество въ опасности... Погодите, еще не то будетъ! Еще не такіе сюрпризы поднесутъ вамъ жиды со своими вѣрными холопами, со всей этой соціалистической дрянью...

Голосъ Бейзыма отзывался перекликами по всему холлю. Жидки-спекулянты, крикливые, наглые, присмирѣли. Имъ казалось, что уже сейчасъ начнется „погромъ“.

Да и не только одни спекулянты оробѣли. Съежился въ своемъ плетеномъ креслѣ и Бернардъ Азулаи. И такъ былъ въ этотъ моментъ ничтоженъ — баронесса прямо не узнавала въ немъ обычнаго своего поклонника, самоувѣреннаго, выхоленнаго, штатскаго въ офицерской формѣ на штатскій ладъ.

— Кто этотъ господинъ съ такой атлетической внѣшностью? — спросила она, щуря на Бейзыма свои немного близорукіе глаза и жалѣя, что, выбѣжавъ второпяхъ, не захватила съ собою лорнетъ. — Гдѣ я видѣла это лицо? Этотъ упрямый мощный лобъ? Эти надбровныя дуги? Этотъ носъ и эти губы фавна? Да, я видѣла

въ Парижѣ бронзовый бюстъ Спартака! До чего разительное сходство! Что же вы не отвѣчаете, мосье Азулаи? Васъ спрашиваютъ кто онъ, этотъ страшный человѣкъ, видимо не питающій особенно нѣжныхъ чувствъ къ евреямъ и соціалистамъ?...

— Что такое? — встрепенулся Бернардъ — ахъ, онъ интересуетъ васъ, это брютальный типъ... — и понизивъ свой голосъ до шепота, Бернардъ пояснилъ — видите ли баронесса... Хм... это нѣкій маіоръ Бейзымъ. Къ счастью, онъ въ резервѣ. Ему нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ рядахъ демократической арміи. Скандалистъ! Человѣкъ, невыносимый въ порядочномъ обществѣ. Переводя на русскій языкъ, — типичнѣйшій черносотенецъ! Субъектъ съ темнымъ прошлымъ, авантюристъ чистѣйшей воды... Не успѣлъ пріѣхать, видите сами, уже здѣсь, въ холлѣ начинаетъ погромную агитацію. Его слѣдовало бы выслать... Въ общемъ — отталкивающее впечатлѣніе. Неправда-ли?

— Я бы этого не сказала — послѣдовалъ не сразу отвѣтъ — я еще не могу разобраться, но въ немъ есть какая то сила, и не только физическая... Смотрите, какъ всѣ притихли? И на васъ онъ произвелъ несомнѣнное впечатлѣніе... Да, да! Вы только не хотите сознаться...

— На меня? — пожалъ плечами Бернардъ — на меня — нѣтъ! Ни капли! А вотъ на васъ, кажется, — да? — язвительно подчеркнулъ племянникъ Натана Азулаи.

— А эта брюнетка его жена? — спросила баронесса, сдѣлавъ видъ, что не разслышала послѣднихъ фразъ своего вздыхателя.

— Не знаю. Семейныя дѣла этого... господина меня нисколько, признаться, не интересуютъ. Я и онъ — мы двѣ крайнія противоположности.

— Я въ этомъ увѣрена — согласилась Вѣра Анатольевна — это видно уже изъ того, что оба вы съ разныхъ крайнихъ точекъ зрѣнія смотрите на сегодняшную катастрофу — или вѣрнѣе, на ея причины...

Бернардъ нахмурился и ничего не отвѣтилъ, спрессовывая холеными женскими руками своими геометрически подстриженную лопаточкою ассирійскую бородку.

Не успѣлъ Бейзымъ водвориться въ своемъ 216-мъ номерѣ вмѣстѣ съ женой и чемоданами, какъ слухъ о его возвращеніи, уже облетѣлъ Варшаву. Облетѣлъ бы-

стрѣе всякаго безпроволочнаго телеграфа. Неумолкая трещалъ телефонъ и, не успѣвавшій переодѣться и вымыться, Бейзымъ ежеминутно подходилъ:

— Алло!

Въ отвѣтъ — десятки радостныхъ восклицаній, привѣтствій, желаній скорѣе увидѣть дорогого маіора.

Звонили директора банковъ, бывшіе охотники въ его партизанскомъ отрядѣ во дни наплыва красныхъ ордъ на Польшу. Звонили такіе же, какъ и онъ самъ „Довборчики", носившіе, какъ и онъ, тонкій изящный стальной крестикъ съ бѣлымъ орломъ. Звонили офицеры, служившіе вмѣстѣ съ нимъ сначала въ русской конницѣ, а затѣмъ въ своей польской. Звонили владѣльцы кинематографическихъ предпріятій, горѣвшіе нетерпѣніемъ узнать, какъ онъ работалъ въ Римѣ, у „Чинеса". Звонила университетская молодежь, пылко влюбленная въ него какъ въ національнаго героя. А вечеромъ былъ звонокъ изъ Лодзи. Это поручикъ резерва Юліанъ Понсиліусъ привѣтствовалъ Бейзыма съ возвращеніемъ и звалъ къ себѣ въ Лодзь на парадный обѣдъ въ офицерскомъ казино. Обѣдъ въ честь дорогого гостя. Понсиліусъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что каждое утро изо дня въ день выпивалъ большую рюмку водки, мысленно чокаясь со всѣми „Довборчиками", разбросанными не только по всей Польшѣ, но и, вообще, по всему бѣлу-свѣту.

Звонили сотрудники правыхъ газетъ, желавшіе поскорѣе напечатать интервью съ Бейзымомъ. И громче всѣхъ звучала въ телефонъ густая низкая октава Юноши-Гзовскаго изъ „Газеты Поранной".

Звонили всѣ тѣ, кто презиралъ ничтожныхъ и бездарныхъ австрійскихъ пришельцевъ, тянущихся къ власти безсильными руками...

Звонили всѣ тѣ, кто ненавидѣлъ большевиковъ и соціалистовъ, ненавидѣлъ хамство, называемое демократизмомъ и демократизмъ называемый хамствомъ. Звонили всѣ тѣ, кто горячо мечталъ о возрожденіи арміи, сознательно и безсознательно разлагаемой трусливыми и бездушными чиновниками-австрійцами въ офицерскихъ мундирахъ и штатскими развязными молодыми людьми, получившими военное воспитаніе въ Парижскихъ кафэ и за прилавками Галиціи. Звонили всѣ тѣ, кто подобно Бейзыму желалъ видѣть въ офицерскомъ корпусѣ рыцарскую касту, и для кого самъ Бейзымъ являлся народнымъ богатыремъ съ широкой славянской душой. А гады?

Гады шипѣли ядовито и зло. И много ихъ было, гадовъ, очень много...

8. НЕ ПЕРВЫЙ И НЕ ПОСЛѢДНІЙ.

Бейзымъ испортилъ настроеніе поклоннику Вѣры Анатольевны. Минуту назадъ этотъ штатскій офицеръ думалъ приблизительно слѣдующее: вотъ мы поднимемся къ ней и я буду рѣшителенъ! Пылко объяснюсь ей въ любви и если она будетъ хотя немножечко „реагировать“ — онъ такъ и подумалъ „реагировать“ — я ее поцѣлую въ губы, а послѣ моего перваго поцѣлуя самая холодная женщина станетъ самой горячей...

Планъ не удался. Во-первыхъ, Бернардъ, какъ-то увялъ съ появленіемъ Бейзыма, во-вторыхъ же и Вѣра Анатольевна еще подъ впечатлѣніемъ катастрофы всѣмъ видомъ своимъ нисколько не поощряла къ сердечнымъ изліяніямъ. Ее тяготилъ Бернардъ, и, вообще, люди были сейчасъ ей въ тягость. Хотѣлось остаться одной.

— Я поднимусь къ себѣ...

— А когда же мы увидимся?...

— Увидимся... Позвоните...

— А сегодня?

— Видите, я никуда не гожусь... Собесѣдница изъ меня изъ рукъ вонъ плохая... Итакъ, ну, хоть до завтра — поднялась она, спѣша отдѣлаться отъ Бернарда.

— До завтра, согласился онъ волей-неволей, пожавъ плечами. Онъ приказалъ шоферу ѣхать домой. Онъ жилъ въ небольшой уютной гарсоньеркѣ изъ двухъ комнатъ въ Аллеѣ Ружъ. Тамъ, переодѣвшись въ штатское, помчался на уголъ Маршалковской и Хмѣльной. Отпустивъ шофера, двинулся по Хмѣльной, примыкающей къ Вѣнскому вокзалу, и юркнулъ въ грязный подъѣздъ, грязной гостинницы съ полутемными, вонючими коррридорами, немытыми окнами и такой же немытой прислугою. У дверей съ цифрою 13 на матовомъ квадратномъ стеклѣ, Бернардъ постучалъ. Ему никто не отвѣтилъ. Бернардъ, нагнувшись къ замочной скважинѣ и убѣдившись, что ключъ торчитъ извнутри, запѣлъ вполголоса:

О, баядера...

Кто-то завозился... На матовомъ квадратѣ смутно обрисовался чей то профиль, ключъ повернулся и, за-

хлопнувъ за собою дверь, Бернардъ очутился лицомъ къ лицу съ поручикомъ Вуйтекомъ.

Вуйтекъ былъ одинъ изъ тѣхъ офицеровъ польскихъ, о которыхъ Бейзымъ говорилъ въ Мадридѣ съ Черно-быльскимъ. Только и всего офицерскаго, что форма, да и та какая то нескладная, неряшливая. Оттопыривался, морщась на животѣ, мундиръ грязно-защитнаго цвѣта. Да и самъ Вуйтекъ весь былъ какой то грязно-защит-ный. Неправильное землисто-сѣрое лицо — сплошь въ жирныхъ, липкихъ угряхъ. Казалось, мать-природа сама сдавила это лицо, зажавъ какимъ-то прессомъ отъ под-бородка до лба, такъ и оставила разъ навсегда. Вотъ почему все было косое, сдавленное, съѣхавшее на сто-рону. И линія вѣчно мокрыхъ губъ, и носъ, вдавленный у переносицы и маленькіе, узкіе мутные, какъ помои, глаза. Волосы цвѣта мочалки жирными прядями лохма-тились почти у самыхъ бровей надъ низкимъ, плоскимъ лбомъ. Вуйтекъ былъ взволнованъ и блѣденъ. Эта блѣд-ность выражалась въ томъ, что его лицо было менѣе сѣрое, чѣмъ всегда.

— Ну-съ, какъ же вы себя чувствуете? — спро-силъ Бернардъ, ища глазами гдѣ бы присѣсть.

Вуйтекъ, схвативъ мокрое въ пятнахъ полотенце, обмахнулъ имъ вѣнскій стулъ съ деревяннымъ, вмѣсто соломеннаго сидѣніемъ. Все это онъ продѣлалъ съ ка-кимъ-то лакейскимъ шикомъ. Угадывался подъ офице-рскимъ мундиромъ кельнеренокъ галиційской кнейпы. Вуй-текъ и былъ таковымъ до своего поступленія въ 1914 году въ легіоны. Въ ихъ рядахъ онъ бился противъ рус-скихъ, англичанъ и французовъ, бился во имя демокра-тической Польши, подъ эгидою Австріи и Германіи.

— Какъ я себя чувствую? Ничего, знаете, прошу васъ... Ничего... Только знобитъ. И все потѣю, все потѣю, прошу васъ...

Бернардъ неопредѣленно для Вуйтека и вполнѣ оп-редѣленно для самого себя, повелъ своимъ избалован-нымъ носомъ.

— Да, у васъ немного душно... Воздухъ спертый! А только я не понимаю чего же потѣть? Все, какъ по росписанію. Неправда ли, Вуйтекъ? И, наконецъ, рано еще малодушничать... На очереди у васъ университетъ, „Двугошувка“, „Рѣчь посполита“. Пусть лучше васъ не знобитъ. Еще немного, еще два-три усилія и вы —

богатый, независимый человѣкъ. Вамъ будутъ завидовать. Когда все уляжется, утрясется, вы можете уѣхать за-границу и... ну, хотя бы открыть ресторанъ. Дѣло вамъ знакомое, близкое... По душѣ... Да, да ресторанъ. И мы вамъ укажемъ — гдѣ. Выберемъ такой центръ, гдѣ много русскихъ эмигрантовъ. Понимаете, Вуйтекъ, какіе перспективы?...

— Пе... пер... перспективы — съ трудомъ вымолвилъ Вуйтекъ, мудреное, непонятное ему слово — перспективы, что и говорить, прошу васъ, а только, если доберутся до моей шкуры, черта ли тогда мнѣ и въ моемъ богатствѣ, прошу васъ? Цитадель еще не вся взлетѣла на воздухъ. Еще хватитъ, прошу васъ, мѣста, гдѣ бы поставить поручика Вуйтека съ завязанными глазами у стѣнки и... фе... Ой, ой, какъ подумать, такъ и затрясетъ всего... — искривленное на бокъ лицо бывшаго молодого кельнеренка, искривилось еще больше, ставши плаксиво-жалостнымъ, сдѣлалось еще отвратительнѣй. Потная рука съ траурными плоскими зазубренными ногтями теребила крестикъ „вертути милитари", украшавшій грудь Вуйтека и говорившій о геройскихъ подвигахъ, совершенныхъ этимъ „доблестнымъ офицеромъ".

— Ахъ, Вуйтекъ, Вуйтекъ, зачѣмъ такія мрачныя мысли! Гораздо пріятнѣе думать не объ одной стѣнкѣ вартавской цитадели, а о четырехъ стѣнахъ своего собственнаго ресторана. Согласны, Вуйтекъ? Наконецъ, даже если-бы все сошло не такъ уже гладко, если-бы... мы васъ въ обиду, мой милый, не дадимъ! Допустимъ уже самое страшное — судъ! Есть чего бояться, подумаешь? Во-первыхъ васъ будетъ защищать адвокатъ Воречекъ. Умная жидовская голова! Настоящій Лабори! Вы знаете кто такой Лабори?

— Нѣтъ, прошу васъ, не знаю...

— Французскій адвокатъ, защищавшій въ свое время знаменитаго Дрейфуса. И если допустимъ, съ большимъ трудомъ допустимое, что судебныя власти заинтересуются вами и потянутъ васъ на цугундеръ, вамъ не грозитъ смертная казнь... Не грозитъ! Хотя бы судъ располагалъ не знаю какими убійственнѣйшими уликами. Въ Польшѣ есть еще, слава Богу, кому заступиться за соціалиста и демократа, подобнаго вамъ, милѣйшій Вуйтекъ... Вѣрьте мнѣ, Сеймъ поднялъ бы гвалтъ на все государство. Чего тамъ, — на всю Европу!... И на самый

худой конецъ, вы получили бы нѣсколько лѣтъ, не пугайтесь, — тюрьмы. Не такъ страшно, ибо нѣтъ тюрьмы, изъ которой нельзя было бы убѣжать, имѣя друзей и деньги. Я вамъ больше скажу... въ вашихъ же собственныхъ интересахъ былъ бы судебный процессъ. Въ вашихъ же! — повторилъ изящный молодой человѣкъ, глядя то на свои шлифованные ногти, то на поручика.

— Вы издѣваетесъ на-до-мною, прошу васъ! Издѣваетесь! потому что развѣ можно, прошу васъ, говорить серьезно такія вещи? — и даже потъ выступилъ у Вуйтека на лбу отъ напряженія.

Медленно улыбнувшись, медленно отвѣтилъ ему Бернардъ:

— Ошибаетесь! Именно я говорю вполнѣ серьезно. Вслушайтесь и вы поймете, убѣдитесь, что я правъ...

Бернардъ сдѣлалъ паузу. Вуйтекъ недовѣрчиво, тихо пробурчалъ что-то, засопѣвъ носомъ...

Бернардъ вынулъ золотой портсигаръ, не спѣша закурилъ ароматную египетскую папиросу съ золотымъ ободкомъ и также не спѣша принялся вдалбивать въ неповоротливые мозги Вуйтека:

— Что вы представляете собою сейчасъ? Что? Маленькій недоучившійся поручикъ, никому не вѣдомый. Такихъ какъ вы, — тысячи! Кто васъ знаетъ? Никто! Кому вы нужны? Никому... Но, вообразите себѣ сенсаціонный процессъ? Вуйтекъ сразу выростаетъ въ героическую фигуру. Лѣвая печать создаетъ вамъ рекламу идейнаго... бомбиста — хотѣлъ сказать Азулаи, но поправился — идейнаго бойца за коммунистическіе идеалы... Какъ это красиво и гордо звучитъ! Адвокатъ Воречекъ на судѣ скажетъ про васъ: „Онъ бросилъ вызовъ, бросилъ перчатку всей міровой буржуазіи. Да, — скажетъ онъ, — подсудимый взорвалъ цитадель. Да, этотъ его актъ сопровождался многочисленными жертвами, но количество ихъ прямо пропорціонально фанатизму этого благороднаго борца за торжество свѣтлаго соціалистическаго будущаго... Борца, съ мученическимъ ореоломъ“ Поймите-же, Вуйтекъ, поймите, какой потрясающій эффектъ получится! Совѣтская Россія подниметъ свой голосъ въ вашу защиту. Она постарается вымѣнять васъ, хотя бы за одну вашу голову пришлось выдать десять-пятнадцать ксендзовскихъ головъ. Вы будете купаться въ золотѣ. Почетъ! Ну-ка, теперь посмѣйте мнѣ сказать, что я издѣваюсь надъ вами?

Вуйтекъ молча сопѣлъ. Изъ сѣраго онъ сталъ густо багровымъ. Онъ весь переживалъ заманчивую картину, для которой демонъ-искуситель Бернардъ не пожалѣлъ красокъ.

И не давъ ему опомниться, Бернардъ вынулъ бумажникъ:

— Вотъ вамъ пока тысяча долларовъ. Оставьте половину себѣ, а половиину дайте капитану Венгерчику. Ну, я ухожу... Такъ помните же, — университетъ и обѣ эти редакціи. Что же касается дальнѣшихъ инструкцій, вы ихъ своевременно получите. Возьмите же себя въ руки, не потѣйте больше и, — за работу!...

Оставшись одинъ Вуйтекъ размечтался...

Онъ увидѣлъ себя самого, увидѣлъ 15 худыхъ изможденныхъ ксендзовъ въ черныхъ сутанахъ. Торжественно происходитъ на границѣ размѣнъ...

А потомъ, потомъ... Стѣны грязнаго номеришки раздвинулись, исчезли совсѣмъ. Большой — такихъ еще не было большихъ — ресторанный залъ. Пальмы до потолка, двойной свѣтъ... Оркестръ на хорахъ. Всѣ столики заняты самими отмѣнными гостями... Это его ресторанъ, Вуйтека, и самъ онъ, Вуйтекъ важно ходитъ по залу въ черной визиткѣ, чуть-чуть кланяясь наиболѣе выгоднымъ и постояннымъ своимъ кліентамъ.

Онъ побьетъ всѣхъ конкурентовъ, у нихъ будетъ пусто, у него — полно...

9. СТЕФАНЪ ОССОВЕЦКІЙ — ЯСНОВИДЯЩІЙ.

Всколзь упомянутъ былъ нами ясновидящій Стефанъ Оссовецкій. Всколзь. Но этотъ замѣчательный человѣкъ заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться болѣе внимательно и подробно.

Первое впечатлѣніе: хорошо и крѣпко сложенный, съ остатками былой красоты, избалованный жизнью, влюбленный въ себя. Свѣтскій, тщеславный, суетный. Словомъ такой, какихъ очень много на бѣломъ свѣтѣ. Нельзя сказать, чтобы это опредѣленіе особенно сильно расходилось съ правдою, но въ то же время необходимо оговориться: въ Оссовецкомъ жило два разительно другъ на друга не похожихъ человѣка. Одинъ — внѣшній, поверхностный, влюбленный въ себя, другой — вдохновенный, мистическій, умѣющій вліять на окружающихъ, тонко чувствовать и воспринимать неуловимое, загадочное, не-

постижимое, никакъ не дающееся обыкновеннымъ смертнымъ. Характеристика, однако, была бы не совсѣмъ законченной, если бы не прибавить еще, что помимо первыхъ двухъ, былъ еще и третій Оссовецкій, отлично уживавшій съ Оссовецкимъ — щеголемъ, срывающимъ цвѣты удовольствія, донъ-Жуаномъ, и съ Оссовецкимъ, свободно читающимъ книгу, которую другимъ читать не дано, — книгу сокровенныхъ глубинъ души человѣческой... Она же книга таинственныхъ судебъ.

Умный практическій дѣлецъ, схватывающій на лету сложныя финансовыя, промышленныя и коммерческія комбинаціи, — вотъ кто былъ третій Оссовецкій.

Оссовецкій-ясновидящій помогалъ Оссовецкому-дѣльцу и, наоборотъ, первый пріобрѣталъ связи въ такъ называемыхъ сферахъ не только польскихъ, но и въ европейскихъ. Третій Оссовецкій былъ своимъ человѣкомъ въ кругахъ, обогатившихся во время войны и послѣ нея.

Оссовецкій практикъ, директоръ банка, акціонеръ фабрики химическихъ красокъ, поилъ и кормилъ Оссовецкаго, витающаго въ надъоблачныхъ высяхъ.

Онъ говорилъ:

— Я хочу заработать много, очень много денегъ... Тогда я могу уже вполнѣ отдаться тому, что мнѣ дороже всего на свѣтѣ...

— Откуда у васъ этотъ ясновидящій даръ?

Онъ отвѣчалъ съ мягкой улыбкой и такимъ же мягкимъ сіяніемъ лучистыхъ глазъ:

— Отъ Бога! Откуда у живописца даръ творить картины, у скульптора — лѣпить статуи, у композитора — сочинять оперы? Отъ Бога!... Имя его стало широко извѣстнымъ съ тѣхъ поръ, какъ весною 1914 года, онъ предсказалъ великую войну со всѣми ея ужасами.

А случилось это вотъ при какихъ обстоятельствахъ:

Въ молодости, живя то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, то за границей, наѣзжая въ Варшаву, Оссовецкій былъ въ добрыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ съ претендентомъ на Испанскій престолъ, полковникомъ русской Императорской гвардіи принцемъ Донъ Хаимэ Бурбонскимъ герцогомъ Мадридскимъ. Они встрѣчались уже и послѣ того, какъ принцъ Хаиме вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ замкѣ Фросдорфъ, близъ Вѣны. Этотъ замокъ завѣщала Донъ Хаимэ его тетка графиня Шамборъ.

Весною 1914 года Оссовецкій былъ въ Вѣнѣ и за обѣдомъ у Захера встѣтился съ принцемъ Бурбонскимъ. Владѣлецъ Фросдорфа пригласилъ Оссовецкаго къ себѣ и они уѣхали въ замокъ на мощной быстроходной машинѣ принца, любившаго носиться съ безумной стремительностью.

На другой же день подъѣхали въ замокъ новые гости — молодой драгунскій полковникъ съ молодой изящной супругой. Это были эрцгерцогъ Карлъ и его жена эрцгерцогиня Зита изъ родственной Донъ Хаимэ семьи Пармскихъ Бурбоновъ.

Всѣ четверо сидѣли послѣ обѣда въ гостинной подъ великолѣпнымъ, кисти Виже-Лебренъ портретомъ несчастной Маріи Антуанеты. Штыками озвѣрѣлой Санкюлотской черни портретъ былъ проколотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и какъ реликвія висѣлъ не зареставрированный, съ зіяющими „ранами".

Донъ Хаимэ, смакуя зеленовато-желтый маслянистый ликеръ, обратился къ супружеской четѣ:

— Зита и Карлъ, нашъ милый гость мосье Оссовецкій обладаетъ божественнымъ талантомъ приподнимать завесу будущаго.

— Да?! Ахъ, это очень, очень интересно! — воскликнула эрцгерцогиня — можетъ мосье Оссовецкій будетъ такъ любезенъ...

Эрцгерцогиня хотѣла добавить еще что-то, но слова застыли на губахъ... Слишкомъ рѣзкая смѣна впечатлѣній... Только-что сидѣлъ передъ ней красивый мужчина, хорошимъ французскимъ языкомъ говорившій съ пріятной улыбкою отшлифованныя любезности. Онъ дѣлалъ все, что полагалось человѣку общества въ присутствіи высочайшихъ особъ. И вдругъ шаблонный человѣкъ свѣта былъ подмѣненъ вдохновеннымъ вѣщателемъ какимъ-то. Одухотворилось обыкновенное, банальное лицо и лучистымъ сіяніемъ засвѣтились глаза.

Казалось, Оссовецкій источаетъ изъ себя какую-то необыкновенную, физическую теплоту. И эти обѣ теплоты и лучистая изъ глазъ, и другая изъ всего существа, обѣ онѣ подчиняли Оссовецкому, его волѣ и въ ней растворялась чужая воля...

И хотя обратилась къ нему съ вопросомъ Зита и ей, какъ дамѣ, надлежало отвѣчать, Оссовецкимъ овладѣло такое состояніе, когда этикету уже нѣтъ мѣста.

Онъ не видѣлъ эрцгерцогини. Онъ видѣлъ передъ собою, да и то сквозь неясную трепетную дымку молодого полковника съ незначительнымъ добрымъ лицомъ и вьющимися волосами.

— Слушайте, ваше высочество... Скоро, очень скоро случится чрезвычайно важное событіе. Вѣрнѣе, это будетъ первое звено цѣпи другихъ событій... — Оссовецкій смотрѣлъ уже не на эрцгерцога, а куда-то мимо и уже не теплымъ было лучистое сіяніе его глазъ, а горячимъ, ощутимо горячимъ... — Я вижу минареты мечетей, вижу кривыя хаотическія улицы восточнаго мусульманскаго города... Хотя, хотя это въ Европѣ... Вижу человѣка съ упрямымъ лицомъ краснваго фельдфебеля. Его ждетъ со дня на день корона и мантія одной изъ древнѣйшихъ Имперій. И вотъ его нѣтъ... Есть кровь... А затѣмъ... затѣмъ... прольются такіе потоки крови... въ нихъ захлебнется все человѣчество — и Оссовецкій круто повернулся къ эрцгерцогу и какъ бы на разстояніи обнималъ его медленно-плавными, обволакивающими движеніями... И отъ бѣлыхъ, пухлыхъ, мягкихъ рукъ его струился жаръ, какъ отъ горячей электрической лампочки.

— Ваше высочество, вы будете императоромъ... не долго, но будете...

И съ этими словами онъ въ изнеможеніи откинулся на спинку кресла. Это уже не былъ ясновидящій, это былъ человѣкъ уставшій отъ неимовѣрнаго напряженія всѣхъ своихъ духовныхъ силъ. Повисли руки, разнѣженно-томно блуждали глаза. Онъ нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ...

Донъ Хаимэ, Карлъ и Зита молчали, подавленные услышаннымъ. Первой очнулась Зита. Властная, честолюбивая и за себя и за своего скромнаго супруга, она не желая останавливаться на зловѣщемъ и жуткомъ, думала объ одномъ, — объ императорской коронѣ для себя и для него. Господи, неужели это свершится? Неужели эрцгерцогъ, котораго держали въ черномъ тѣлѣ, для котораго командованіе корпусомъ являло бы завидную карьеру, будетъ Его Величествомъ?...

Такъ мучительно хотѣлось повѣрить... И она повѣрила. Только одно смущало:

— Почему же не долго? Почему, мосье Оссовецкій? — вымолвила она съ замѣтнымъ усиліемъ.

Онъ почтительно склонилъ голову.

— Ваше высочество, не спрашивайте... Я больше ничего, ничего не могу прибавить...

Пронзенная санкюлотскими штыками Марія-Антуанета въ золоченной потускнѣвшей рамѣ не могла бы лучше хранить въ тайнѣ сказанное Оссовецкимъ въ гостинной замка Фроссдорфа, чѣмъ хранили его Зита, Донъ Хаимэ и Карлъ.

Круговоротъ событій замелькалъ съ невѣроятной быстротою. Выстрѣлъ, спустя два мѣсяца сразившій наслѣднаго эрцгерцога Франца-Фердинанда, былъ сигналомъ къ войнѣ, зажегшей весь міръ.

По кончинѣ Франца-Іосифа вступилъ Карлъ на тронъ Габсбурговъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ, низложенный императоръ, какъ то необъяснимо-загадочно умеръ на далекомъ, затерянномъ въ океанѣ островѣ. И только тогда опубликовалъ Донъ Хаимэ во французскихъ газетахъ письмо, гдѣ съ точностью обрисовалъ знаменательную сцену осуществившихся пророчествъ Оссовецкаго.

Письмо произвело сенсацію, создавъ ясновидящему громкую, далеко бѣгущую славу.

10. СОБЛАЗНИТЕЛЬ И СОБЛАЗНЯЕМЫЙ.

Оссовецкій жилъ на Пенкной улицѣ въ большой барской квартирѣ. Онъ ее снималъ у графини Ледоховской, разоренной демократическими налогами и поэтому вынужденной существовать сдачею квартиры.

Все было выдержано въ темныхъ, спокойныхъ тонахъ. Мебель краснаго дерева помнила бравыхъ уланъ Понятовскаго. Все здѣсь дышало скромнымъ помѣщичьимъ комфортомъ, да и самая квартира съ отдѣльнымъ ходомъ напоминала старо-магнатскій „будынекъ“.

Въ этомъ „будынкѣ“ Оссовецкій время отъ времени давалъ пріемы. Такихъ вечеровъ не было ни у кого. Вездѣ и повсюду — шаблонъ. Варшавская аристократія жила своимъ замкнутымъ міромъ. Финансовые круги — то же самое. Разбогатѣвшіе мѣщане обжирались и опивались въ своей родной мѣщанской семьѣ. Спекулянты, выскочившіе въ милліардеры, съ болѣзненнымъ тщеславіемъ выскочекъ охотились за князьями и графами и, цѣною униженія, покупали честь видѣть за своимъ столомъ титулованныхъ „гастролеровъ“, хотя бы далеко и не первосортнаго качества. Оссовецкій же объединялъ,

вѣрнѣе хотѣлъ объединить всѣ слои общества, всѣ профессіи. Бывали у него и аристократы, и художники, и промышленные тузы, бывали актеры, дипломаты, архіепископы, депутаты сейма — и правые, и лѣвые, и центръ. Бывали красивыя женщины, бывали офицеры, опять таки всѣхъ направленій и служившіе прежде въ русской арміи, близкіе ему, отдавшему лучшіе свои годы Москвѣ. Бывалъ у него Бейзымъ, который терпѣть не могъ австрійцевъ и легіонистовъ. Бывали эти же самые австрійцы и легіонисты, для которыхъ одно его имя, было красной дразнящей быка мулетою...

Но — никакихъ ссоръ, столкновеній. Квартира была велика, гости разбивались на кружки, а хозяинъ, какъ никто умѣлъ всѣхъ обласкать и всѣмъ создать уютъ.

Игралъ какой-нибудь піанистъ. Говорили объ искусствѣ, о политикѣ. Художникъ набрасывалъ акварелью головку, или профиль интересной дамы, — не интересныя не бывали у Оссовецкаго.

Ужина въ прямомъ значеніи не полагалось. Закуски, холодное мясо, водка. Все это — въ изобиліи. Гости подходили къ столу и каждый пилъ и ѣлъ, что ему было по вкусу.

Этотъ вечеръ, — послѣ катастрофы недѣлю спустя — собралъ человѣкъ двадцать. Былъ французскій дипломатъ. Былъ французскій полковникъ въ небеснаго цвѣта мундирѣ. Былъ Игнатій Бейзымъ. Новый парижскій — обшитый тесмою жакетъ вотъ-вотъ казалось по всѣмъ швамъ лопнетъ на его гладіаторской фигурѣ.

Залетный гость — сухой, бритый, съ черными глазами сѣдоволосый Кардиналъ Керубини, пріѣхавшій со спеціальной миссіей отъ Его Святѣйшества. Баронесса Захертъ блистала и своей декоративной, не для всѣхъ, а на любителя красотою, плавными, удлиненными, пѣвучими линіями своего прекраснаго тѣла и своими брилліантами, въ мѣру крупными, чтобы не получилось вульгарной безвкусицы и въ мѣру малочисленными, чтобы не походить на опереточную примадонну. Къ ней тянулись жадные взгляды мужчинъ. Шепотомъ оцѣнивались ея высокая шея, плечи, руки, томные глаза. Она же была, какъ всегда, — немного равнодушная, немного усталая, немного печальная. Бернардъ Азулаи, блѣдный и мрачный отъ своей все еще пока безотвѣтной влюбленности, ни на шагъ не отходилъ отъ Вѣры Анатольевны.

Дядюшка Натанъ пріѣхалъ попозже и не одинъ. Спутникомъ высокаго, худого профессора былъ маленькій, съ бритымъ лицомъ и съ неподдающимися гребню волосами человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Какъ-то непріятно молодо бѣгали на незначительномъ лицѣ свѣтлые глаза со свинцовымъ оттѣнкомъ.

Сѣренькій затрапезный пиджакъ и, если не грязный то, во всякомъ случаѣ, не первой свѣжести воротничекъ а вмѣсто часовой цѣпочки — узенькая полоска замасленной кожи поперекъ жилета.

Рядомъ съ профессоромъ Азулаи, такимъ корректнымъ по внѣшности европейцемъ, одѣтымъ солидно и со вкусомъ, человѣкъ въ грубыхъ американскихъ ботинкахъ, производилъ впечатлѣніе, ну развѣ какого-нибудь секретаря на побѣгушкахъ при великолѣпномъ Натанѣ Азулаи.

Мистеръ Роонъ, — читатель безъ сомнѣній узналъ своего знакомаго по Константинополю, — пріѣхалъ въ Варшаву сегодня утромъ. Никто, за исключеніемъ Изы Башіаччи и профессора, не зналъ о его появленіи на берегахъ Вислы. Не знало даже польское министерство иностранныхъ дѣлъ, ибо не желая на первыхъ порахъ возбуждать вниманіе къ своей особѣ, мистеръ Роонъ пожаловалъ въ Варшаву подъ чужимъ именемъ.

Профессоръ Азулаи, какъ мальчикъ, третировавшій польскихъ дипломатовъ, мистеру Роону выказывалъ знаки не только глубочайшаго уваженія, а прямо-таки подобострастія.

Остановился Роонъ у профессора, Натанъ Азулаи уступилъ почетному гостю свою спальню, а самъ перекочевалъ въ кабинетъ.

Азулаи предложилъ Роону:

— Сегодня вечеръ у Оссовецкаго... Знаменитый ясновидящій! Можетъ быть мистеръ Роонъ изволилъ слышать?

— Погодите, погодите... не онъ ли предсказалъ Сараевское убійство, затѣмъ войну и все остальное?... Кажется, это о немъ писали... Я очень радъ буду съ нимъ познакомиться. Намъ нужны, необходимы, такіе люди...

— Чего же лучше, — засуетился профессоръ — онъ будетъ безконечно счастливъ, этотъ Оссовецкій, если мистеръ Роонъ окажетъ ему честь...

— Вотъ что, Азулаи, — перебилъ Роонъ и чуть улыбнулись его бѣгающіе глаза — я, вѣдь, скептикъ... я

хочу самъ убѣдиться... По внѣшности я могу скорѣе сойти за вашего... не лакея, нѣтъ, лакей долженъ быть представителенъ, а скажемъ за вашего секретаря...

— Мистеръ Роонъ, помилуйте! — сконфузился, вообще, далеко не конфузливый профессоръ.

— Бросьте, Азулаи, бросьте! — безцеремоннымъ жестомъ перебилъ гость — я все же иногда смотрю въ зеркало. Кромѣ зеркала больше никто не смѣетъ говорить мнѣ въ лицо правду... Мы сдѣлаемъ такъ: это будетъ забавно и дастъ мнѣ возможность убѣдиться въ вашемъ Оссовецкомъ. Если онъ спроситъ васъ кто я, скажите что-нибудь снисходительно-небрежное. Придумайте. Я же, я обращусь къ нему съ просьбой... Ну, какъ всегда въ такихъ случаяхъ... Случаи, признаться, очень глупые... „Скажите, мосье Оссовецкій, что меня ожидаетъ?... Получу ли я наслѣдство въ 5000 долларовъ?...“

И вотъ они оба на Пенкной, въ квартирѣ, похожей на старо-дворянскую усадьбу. Сѣренькій, не первой свѣжести пиджачекъ мистера Роона убогимъ пятномъ врѣзался въ черный благовоспитанный фонъ жакетовъ и смокинговъ.

Представляя Оссовецкому своего спутника, Азулаи невнятно уронилъ какую-то фамилію. Осовецкій не выпускалъ Роона изъ поля своего зрѣнія, ласково и въ то же время пытливо нащупывая его лучистыми глазами своими.

Азулаи стушевался... Роонъ съ Оссовецкимъ остались вдвоемъ у камина большой глубокой гостинной. Въ отдаленіи — гости. Мужскіе голоса, женскій смѣхъ. Вблизи же — не было никого.

— Вы нашъ гость впервые? Какъ вамъ понравилась Варшава? — любезно спросилъ Оссовецкій.

— Ваша столица мнѣ очень понравилась. И вообще все... Счастливъ познакомиться съ вами... Такъ много наслышанъ...

— Полноте! Я лишь наивный робкій ученикъ, не болѣе.

— Однако, наивный, робкій ученикъ такъ ясно читаетъ іероглифы будущаго! Кстати, мосье Оссовецкій, разрѣшите великодушно проэксплоатировать вашъ проницательный геній? Для васъ это пустякъ. Для меня, — вопросъ жизни. — Получу ли я 5000 долларовъ? Отъ нихъ зависитъ все мое будущее...

Оссовецкій молча смотрѣлъ на него. Такъ смотрѣлъ, — не по себѣ стало Роону. Оссовецкій взглядомъ своимъ раздѣвалъ его и по настоящему физически и какъ бы выворачивалъ всю душу на изнанку... Потомъ сказалъ:

— Много людей... Шумно... Нельзя сосредоточиться. На минутку пройдемте ко мнѣ...

Онъ мягко взялъ гостя подъ локоть и передалъ ему этимъ прикосновеніемъ какую то особенную теплоту...

— Сколько въ немъ электричества! — съ удивленіемъ подумалъ очень рѣдко удивлявшійся Роонъ.

Они очутились въ чемъ то восьмигранномъ, съ острымъ куполомъ, напоминающимъ шатеръ. Изъ обыкновенной прозаической комнаты, тяготѣвшей къ востоку, Оссовецкій создавалъ подобіе палатки арабскаго шейха. И мавританское стильное убранство съ низкими диванами и шестигранными табуретами чернаго дерева было подъ стать коврамъ и ярко-цвѣтнымъ драпировкамъ.

Гость вспомнилъ Константинопольскій особнякъ Бимбасадъ-бея.

— Ничего подобнаго не ожидалъ встрѣтить въ Варшавѣ!...

— Весь миръ одна сплошная цѣпь самыхъ удивительныхъ неожиданностей, — задумчиво молвилъ Оссовецкій и тотчасъ же совсѣмъ другимъ, уже повелительнымъ тономъ прибавилъ: — Садитесь!...

Роонъ сѣлъ на диванъ, Оссовецкій на табуретъ.

Роонъ выбитый изъ обычной колеи деспота-милліардера, — все можно, все позволено, все преклоняется, — затихшій, выжидающе смотрѣлъ на Оссовецкаго въ полумракѣ восточнаго шатра.

Оссовецкій, не касаясь его сдѣлалъ руками по воздуху такое же плавное, обнимающее движеніе, какъ и десять лѣтъ назадъ въ старинномъ Фроссдорфѣ, предсказывая эрцгерцогу Карлу его судьбу. И, какъ тогда Карлъ, такъ и теперь маленькій человѣкъ въ сѣромъ пиджакѣ ощутилъ какія то горячія волны, источаемыя бѣлыми, пухлыми руками ясновидящаго.

— Зачѣмъ вы пытались меня сбить какой-то жалкой мистификаціей? Эти 5000 долларовъ? Зачѣмъ? Вы богаты, чудовищно богаты! Состояніе ваше — одно изъ величайшихъ на землѣ! Но кромѣ того, вы еще масонъ, масонъ чрезвычайно высокой степени. Куда болѣе высокой, чѣмъ профессоръ Азулаи, чѣмъ Ленинъ и Троцкій,

Несмотря же на вашу американизированную международную внѣшность, вы еврей по крови, по духу, по религіи, по убѣжденіямъ... Въ особенности же — послѣднее! Что, проучилъ я васъ? А теперь извините, меня ждутъ гости...

— Позвольте! Одну секунду! Все вѣрно! Да, я богатъ очень, да, я масонъ исключительно высокаго посвященія и, наконецъ, — да, я еврей! Еврей съ головы до ногъ! Вы упомянули про мой американизмъ. Давайте же чисто по-американски рѣшать съ двухъ словъ... Надѣюсь, это останется между нами? Да? Каковъ бы ни былъ вашъ отвѣтъ... Хотите работать съ нами?...

— Съ кѣмъ, это — съ нами?...

— Я васъ посвящу въ масоны. Вы достигнете высокихъ степеней! Конечно, я васъ использую... Взамѣнъ же требуйте какихъ угодно денегъ, почестей! Хотите, мы васъ сдѣлаемъ президентомъ Польши, какъ мы сдѣлали Нарутовича. Мало вамъ этого — выдумаемъ поинтереснѣе что-нибудь въ болѣе крупномъ масштабѣ. Разъ вы меня расшифровали, вы не можете сомнѣваться въ моемъ могуществѣ... Когда происходитъ засѣданіе моей ложи и я занимаю кресло великаго мастера, англійскій король стоитъ предо мною. Ллойдъ-Джорджъ у меня на посылкахъ. Чего же вамъ еще? Итакъ, рѣшайте!?...

— Я уже рѣшилъ! Благодарю васъ. Я ничего не хочу. Президентскій постъ ничуть не улыбается мнѣ, вообще, въ частности же вовсе не улыбается получить его изъ рукъ... чужестранца... А самое главное... я христіанинъ. Всю жизнь ищу Бога и съ вами, служителями дьявола — мнѣ совсѣмъ не по пути...

— Но, вѣдь это-же безуміе! Всякій другой на вашемъ мѣстѣ...

— Еще разъ прошу извиненія. Я засидѣлся съ вами, мнѣ надо къ моимъ гостямъ, — пропустивъ впередъ изумленнаго мистера Роона, Оссовецкій вышелъ вслѣдъ за нимъ изъ мавританской палатки.

11. БЕЙЗЫМЪ ОТКРЫВАЕТЪ ГЛАЗА БАРОНЕССѢ.

Взглядомъ полководца, осматривающаго боевой порядокъ войскъ, окинулъ Оссовецкій гостинную. Все хорошо, все, какъ слѣдуетъ. Всѣ заняты, оживлены и нѣтъ скучающихъ физіономій. Вотъ развѣ у племянника про-

фессора Азулаи довольно кислый видъ. Но не потому вовсе, что Бернарду скучно, а совсѣмъ отъ другого.

Профессоръ, бесѣдуя съ кардиналомъ Керубини, вспоминаетъ, какъ онъ, Азулаи представлялся Его Святѣйшеству. Азулаи почтителенъ и послѣ каждой фразы говоритъ кардиналу „монсеньеръ".

Сестра Оссовецкаго, генеральша Яцына, отлично сохранившаяся женщина, занимаетъ совѣтника французскаго посольства. Сынъ генеральши милый, обаятельный Алекъ Яцына, — какъ рыба въ водѣ въ обществѣ дамъ. По обыкновенію его словечки и анекдоты балансируютъ на грани дозволеннаго и недозволеннаго и чѣмъ они ближе къ недозволенному, тѣмъ веселѣй, возбужденнѣй дамскій смѣхъ...

Веселѣе, заразительнѣе всѣхъ, дѣтски счастливымъ смѣхомъ, не взирая на свои тридцать лѣтъ, заливался самъ Яцына, не забывая при этомъ о своемъ разительномъ сходствѣ съ Наполеономъ. И дабы оно, это сходство было еще разительнѣй, онъ поминутно опускалъ на лобъ непокорную прядь волосъ.

— Ахъ, какъ похожъ! Какъ похожъ! — прямо изнемогала неравнодушная къ Яцынѣ жена военнаго прокурора, давнымъ давно перезрѣлая брюнетка. Но при основательномъ гримѣ и при слабомъ освѣщеніи прокурорша могла еще „постоять за себя".

— Погодите, это еще не все! — вошелъ въ свою роль Яцына, складывая на груди руки, опуская голову и пронизывая „наполеоновскимъ" взглядомъ свою, годящуюся ему въ мамаши, поклонницу.

Даже монсеньеръ, посмотрѣвъ случайно въ сторону Алека Яцына, сказалъ профессору:

— Помните „его" портретъ кисти Давида?

— Какъ же, какъ же, монсеньеръ! — подхватилъ Натанъ Азулаи, — но не портретъ генерала Бонапарта съ худымъ, аскетическимъ лицомъ, а полный, дышащій сознаніемъ власти и силы императоръ. Ахъ, Давидъ! Какой это былъ геніальный художникъ!...

— Геніальный? — усумнился кардиналъ — я бы сказалъ, очень грамотный, не больше! А, что онъ писалъ этихъ революціонныхъ проходимцевъ до Робеспьера, включительно, за это я его презираю.

Профессоръ, какъ-то неопредѣленно кивнулъ, ничего не отвѣтилъ, но глаза насмѣшливо вспыхнули и погасли.

Они встрѣтились съ глазами Роона.

— Монсеньеръ, я вынужденъ, къ моему сожалѣнію, покинуть ваше очаровательное общество! — поднялся Азулаи и, выправляя длинную фигуру свою, незамѣтно исчезъ вмѣстѣ съ Роономъ.

Вѣру Анатольевну тянуло къ Бейзыму какое-то любопытство. Самъ по себѣ онъ такой ни на кого не похожій, такой стихійный. А, во вторыхъ, за нѣсколько дней Захертъ, наслушалась объ немъ положительно тьму самыхъ разнообразныхъ мнѣній и отзывовъ. Одни, какъ Бернардъ Азулаи, кидавшій на нее ревнивые взгляды, которыхъ она не замѣчала, да и замѣчать не хотѣла, — съ ненавистью чернили Бейзыма. Другіе же, другіе — превозносили его до небесъ. Вѣра Анатольевна желала составить свое собственное впечатлѣніе. И хотя они познакомились только сегодня на этомъ вечерѣ, она, убѣжденная въ своихъ чарахъ женщины, которой позволено все и для которой отпадаютъ условныя свѣтскія рамки, съ восхитительной прямолинейностью задавала вопросы. Бейзымъ, ничуть не удивленный, отвѣчалъ, отвѣчалъ фиксируя свою собесѣдницу тяжелымъ пристальнымъ взглядомъ. Этотъ взглядъ умныхъ сѣрыхъ глазъ, угнѣздившихся подъ массивными надбровными дугами, взглядъ могучаго лѣсного звѣря, нисколько не былъ непріятенъ Вѣрѣ Анатольевнѣ. Нисколько! Наоборотъ, пробуждалъ какую-то волнующую неловкость...

— Мосье Бейзымъ, говорятъ вы странный человѣкъ! Говорятъ, своей жестокостью вы превзошли самыхъ свирѣпыхъ конквистадоровъ типа Кортеса и Пизаро. Мосье Бейзымъ, правда ли, что плѣнныхъ совѣтскихъ комиссаровъ вы жгли на кострахъ?

— Неправда, — спокойно, чуть-чуть улыбнувшись, отвѣтилъ Бейзымъ — неправда! Запахъ живого жаренаго мяса — отвратителенъ...

— Однако, вы убѣдились въ этомъ? — подхватила Вѣра Анатольевна, разсматривая въ лорнетъ Бейзыма. А онъ разсматривалъ нѣжную шерсть, золотившуюся тамъ, гдѣ рождалась ея красивая плавная рука.

— Убѣдился, но при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ вы думаете. Когда я служилъ въ пограничной стражѣ Соединенныхъ Штатовъ, я съ разъѣздомъ своимъ захватилъ мексиканскую банду поджаривавшую одного изъ своихъ. До сихъ поръ еще пре-

слѣдуетъ меня запахъ этой человѣческой гари... Нѣтъ, баронесса, вамъ сказали неправду. Но перевѣшалъ и разстрѣлялъ коммунистовъ и большевиковъ я очень много... Относительно много...

— А не относительно?

— Жаль, что не могъ перевѣшать всѣхъ поголовно...

— Идейныхъ тоже?...

— Вотъ, вотъ! Главнымъ образомъ — идейныхъ! — вдругъ подался Бейзымъ къ Вѣрѣ Анатольевнѣ геркулесовскимъ торсомъ своимъ — главнымъ образомъ идейныхъ! Эти коммунистическіе изувѣры-фанатики гораздо опаснѣе коммунистовъ-жуликовъ. Жулику всыпать сотню-другую шомполовъ и весь его коммунизмъ, какъ рукой сняло! А фанатика шомполами только нафанатизируешь еще больше. Поэтому, самое лучшее — уничтожить его совсѣмъ. Надо знать большевиковъ... Вы были на югѣ Россіи, вы ихъ знаете, вѣрнѣе, знаете, какъ они воюютъ... Гуманное отношеніе къ себѣ, какъ къ противнику, они считаютъ слабостью... Да вотъ вамъ примѣръ. Когда на Кубани генералъ Желиговскій формировалъ нашу польскую бригаду, я нѣкоторое время былъ на фронтѣ. Мой маленькій отрядъ походилъ на какой-то человѣческій салатъ-оливье. Кромѣ казаковъ были у меня еще кавказскіе туземцы, было двое поляковъ моихъ товарищей по русской кавалеріи, былъ даже податной инспекторъ. Пятеро моихъ людей попало въ красный плѣнъ. Черезъ нѣсколько часовъ мы ихъ отбили... Вѣрнѣе, ихъ изуродованные трупы. Одинъ изъ этихъ труповъ еще дышалъ... Въ ближайшую же ночь мои всадники привели восемь захваченныхъ красноармейцевъ. Семерыхъ я приказалъ закопать живыми, а восьмому, эту процедуру наблюдавшему, говорю: Ступай къ своимъ и скажи, что за всѣ мученія и пытки надъ бѣлыми, за всѣ звѣрства, бѣлые будутъ платить той же монетою. И смѣю, баронесса, увѣрить васъ, на нашемъ участкѣ красные больше не позволяли себѣ жестокостей. Не смѣли, каждый боялся быть погребеннымъ заживо... Необходимо имѣть крѣпкіе нервы на войнѣ, вообще, а въ гражданской войнѣ въ особенности. Надо такъ бить по воображенію, такъ...

— Ужасная логика... Страшная... — задумчиво молвила Захертъ, — да и все это одинъ сплошной ужасъ...

Здѣсь счелъ необходимымъ вмѣшаться Бернардъ

Азулаи. Отвѣчая Бейзыму, онъ обращался къ Вѣрѣ Анатольевнѣ:

— Въ такомъ случаѣ, не понимаю, какая же разница между бѣлыми и красными? Какая? Мы осуждаемъ большевиковъ за то, что они разстрѣливаютъ... А сами?...

Бейзымъ, въ свою очередь, отвѣтилъ Бернарду не взглянувъ въ его сторону, а адресуясь къ Захертъ:

—Такая разница!... Они разстрѣливаютъ за мысль, за слово, за одну буржуазную внѣшность, а мы, бѣлые, — за преступленія, за убійства, бандитизмъ. За всѣ тѣ подлости и гнусности, которыя вопіютъ къ небесамъ о возмездіи. Вотъ какая разница! Ее поймете всякій, если только не круглый идіотъ, или не такой же круглый негодяй... Не такъ ли, баронесса?...

— Да, пожалуй, вы правы...

Бернардъ, повернувшись на каблукахъ, отошелъ къ дамамъ, онѣ весело смѣялись надъ какой-то новой фривольной шуткою Алика Яцыны. А Бейзымъ продолжалъ:

— Нѣтъ твердой власти, — нѣтъ совсѣмъ никакой власти! Да вотъ вамъ недавняя катастрофа... Взрывая цитадель, они, эти пока еще таинственные мерзавцы, хотѣли взорвать всю страну. И что же, я увѣренъ, если ихъ схватятъ, ихъ будутъ судить и приговорятъ къ тюрьмѣ, откуда, съ помощью большевиковъ, они преспокойно убѣгутъ... „Демократическая“ власть не была бы таковою, если-бъ поступала иначе... А я, я бы ихъ повѣсилъ на Театральной площади и каждому на грудь дощечку, за что повѣшенъ... О, какъ бы тогда присмирѣли всѣ эти крысы коммунистическаго подполья! Какъ бы они присмирѣли... На терроръ необходимо отвѣчать сугубымъ терроромъ...

— Бить по воображенію?...

— Увѣряю васъ, это весьма сильно дѣйствующее средство, излѣчиваетъ самыхъ безнадежныхъ... Съ болью въ сердцѣ наблюдаю „цитадель“. Это первая вылазка изъ подполья. Первый пробный, такъ сказать, развѣдочный штурмъ власти... Подполье нащупываетъ, какъ она, власть откликнется. Нащупала и убѣдилась, что власть не спружинилась для отвѣтнаго удара, а, какъ разъ наоборотъ, обмякла, растерялась и вмѣсто того, чтобы заговорить желѣзнымъ языкомъ, ограничилась робкимъ и жалкимъ воззваніемъ... Дѣтскій лепетъ... Если бы у власти находились какіе-нибудь соціалистическіе недоноски, я бы мах-

нулъ рукой... Это въ порядкѣ вещей... Другого ничего и ожидать нельзя... Но, вѣдь у власти правые... Есть среди нихъ несомнѣнные патріоты, честные люди, не эгоистическихъ цѣлей ради, а во имя блага Польши, мечтавшіе свалить ведущій къ гибели родину кабинетъ лѣвыхъ выхъ... Мечта осуществилась. Правые ведутъ корабль, называемый Польшею. И что же? Первая хлынувшая черезъ бортъ волна и всѣ — рулевой, капитанъ, помощникъ его — всѣ растерялись... Больно мнѣ, особенно потому больно, что у власти находится человѣкъ, на которомъ я съ юныхъ лѣтъ воспитывался, какъ гражданинъ и полякъ!... Не хочу быть пророкомъ, да и не могу... Я не Оссовецкій... Но право же для этого вовсе не надо быть ясновидящимъ. Если власть оказалась малодушной и слабой, то за первой не отбитой атакой послѣдуютъ новыя болѣе яростныя и прольется еще больше крови, чѣмъ въ знаменательное утро, такое свѣжее, свѣжее еще у насъ въ памяти...

— Чѣмъ же вы это объясняете?...

— А именно?...

— Что люди, по вашимъ же собственнымъ словамъ, любящіе родину, во имя блага этой самой родины не дѣйствуютъ рѣшительно, а ограничиваются робкимъ возваніемъ, только окрыляющимъ смѣлость враговъ?

— Чѣмъ объясняю? — задумался Бейзымъ — прежде всего, вотъ чѣмъ: послѣ войны и русской революціи весь міръ свихнулся... У однихъ — буйное помѣшательство, у другихъ — тихое и даже самые благоразумные, самые трезвые, даже они имѣютъ одинъ пунктикъ: это какъ бы, сохрани Богъ, не упрекнули въ недемократичности... И, вѣдь, вотъ прошу замѣтить, — лѣвые никогда не извиняются передъ правыми. Никогда! Какое тамъ! Сами бросаютъ вызовъ: „Мы соціалисты, мы соль земли, а вы презнѣнные буржуи“ Правые же наши, всегда расшаркиваются: „честное слово, клятву готовы дать, мы вовсе не реакціонеры, нѣтъ! Мы очень, очень демократичны, уважаемъ демократію и всячески готовы итти ей на встрѣчу“... Увы, это именно такъ — вздохнулъ Бейзымъ и тотчасъ же спохватился, уже другимъ тономъ — не довольно ли, баронесса, о политикѣ для перваго знакомства?... Еще немного и вы начнете зѣвать.

— Извольте. Перемѣнимъ... Вотъ что, мосье Бейзымъ, вы человѣкъ искренній... Скажите мнѣ съ полной

откровенностью... Скажите, правда ли, что поляки ненавидятъ русскихъ?...

— Какъ? — удивленно переспросилъ Бейзымъ.

Вспугнутая этимъ „какъ?“ — она уже менѣе смѣло повторила свой вопросъ...

— Ненавидѣть русскихъ намъ не за что. Особенно же теперь, когда несчастная Россія лежитъ во прахѣ и стодвадцати-милліонный народъ попалъ въ неслыханное рабство, а два милліона лучшихъ русскихъ людей скитаются по бѣлу-свѣту... У насъ были свои счеты со старымъ правительствомъ Россіи, но его уже нѣтъ, а требовать, чтобы народъ отвѣчалъ за грѣхи уже не существующей, отошедшей въ исторію власти, было бы по меньшей мѣрѣ глупо... Словъ нѣтъ, есть у насъ тупые узколобые шовинисты. Есть! Особенно среди пражскихъ мѣщанъ и галиційцевъ, вѣдь мѣщане съ Праги и глиційцы — это еще далеко не вся Польша?...

Не совсѣмъ ясно было ей, что такое мѣщане съ Праги и что такое галиційцы, но не хотѣлось перебивать Бейзыма. У него было такое хорошее, хорошее одухотворенное лицо...

— Я не знаю, баронесса, кто васъ информируетъ и не хочу знать, но скажите имъ важимъ информаторамъ, что они лгутъ! Возьмите меня. Я полякъ съ головы до ногъ по крови, по духу, и по моимъ политическимъ идеаламъ. Это знаетъ вся Польша. Но я люблю и Россію и русскихъ. Я не забываю и никогда не забуду, что я бывшій русскій офицеръ... На вѣки останутся у меня лучшія воспоминанія. Отъ Россіи никуда не уйти... Я далеко не исключеніе... Такихъ, какъ я, много, очень много!... Я воевалъ противъ большевиковъ и жду не дождусь воевать съ ними еще и еще, но ни на одинъ мигъ ни мнѣ самому, ни тѣмъ, которые думаютъ какъ и я, намъ и въ голову не приходило, что мы боремся съ близкой, родственной намъ славянской Россіей. Скажу больше: воюя съ пятиконечной красной звѣздой, съ третьимъ интернаціоналомъ, мы всей душой, всѣмъ сердцемъ хотѣли освободить нашихъ русскихъ братьевъ отъ жидовскаго ярма, подъ которымъ они томятся вотъ уже седьмой годъ...

— Вотъ какъ! До чего же отрадно это слышать! — воскликнула Захертъ, словно себѣ самой отвѣчая на свои сомнѣнія

— Да, это такъ! Намъ не нужна мошенническая анонимная фирма „С. С. С. Р.“, вѣчно готовящая предательскіе удары христіанской Польшѣ, которую эта фирма не можетъ не ненавидѣть. Намъ нужна Россія, настоящая Россія! О, съ нею мы всегда сговоримся и будемъ жить въ полюбовномъ добрососѣдскомъ согласіи...

Но вотъ мы опять сбились на политику... Нравится вамъ эта картина? — указалъ Бейзымъ: — Одѣтые, какъ на парадъ, венгерскіе гусары въ конномъ строю, атакующіе деревню. — Это наша гордость! Войцехъ Коссакъ, одинъ изъ первыхъ баталистовъ въ Европѣ.

— Какія горячія сочныя краски?

— Да, да! — подхватилъ Бейзымъ — по живописи Коссакъ ничуть не уступаетъ Невиллю. По рисунку же превосходитъ его и смѣло соперничаетъ съ такими баталистами, какъ Эмэ Моро и Детайль. А въ смыслѣ стремительнаго движенія онъ превосходитъ, пожалуй, обоихъ...

— Однако! — вырвалось у Захертъ — какіе у васъ познанія въ живописи!

— А вы думаете, я только умѣю вѣшать коммисаровъ? — усмѣхнулся Бейзымъ и что-то мягкое, кроткое было въ немъ самомъ и въ этой усмѣшкѣ...

Захертъ слегка виновато, сконфуженно, молча смотрѣла на него. Вспыхнуло лицо и даже шея и плечи порозовѣли...

12. ТАИНСТВЕННЫЙ АВТОМОБИЛЬ НА НАЛЕВКАХЪ.

Иза пріѣхала въ Варшаву съ носатымъ Мунцемъ, но безъ сонной бѣлотѣлой Танички. Пресытившись ею, Иза оставила ее на произволъ судьбы. Бросила, какъ собаченку.

— Что же я буду дѣлать на чужой сторонѣ? — хныкала Таничка.

— Дорогая моя, для васъ, русскихъ бѣженцевъ не только Испанія, но и всѣ страны — чужія! Сами виноваты! Отлично могли бы остаться у себя дома... Тамъ вовсе не такъ уже плохо, а для умныхъ даже хорошо... Таничка, вотъ тебѣ пять тысячъ песетъ. Понимаешь, это пятнадцать тысячъ франковъ. Для тебя это цѣлое богатство. Хочешь — оставайся въ Испаніи, хочешь — поѣзжай въ Парижъ...

Таничка уѣхала въ Ниццу къ своей теткѣ, вдовѣ замученнаго большевиками генералъ-адъютанта, а Иза, на нѣсколько дней задержавшись въ Парижѣ, устремилась въ Варшаву.

Иза Баціаччи называлась оффиціально — для польскихъ властей — вице-директоромъ комитета по оказанію помощи евреямъ-эмигрантамъ изъ Польши и Совѣтской Россіи, ѣдущимъ въ Америку и Палестину.

Въ такомъ же духѣ оффиціальнымъ директоромъ комитета числился мистеръ Роонъ. И хотя помощь евреямъ-эмигрантамъ оказывалась въ самой широкой степени, но главное было не въ этомъ. Благонамѣренной вывѣской своею, комитетъ долженъ былъ прикрывать другую тайную, уже совсѣмъ не благонамѣренную работу. Какую — это мы уже отчасти знаемъ, а еще больше — узнаемъ.

Самъ директоръ съ присущей ему скромностью держался въ тѣни. Онъ былъ высшимъ наблюдающимъ окомъ, главной направляющей рукой, былъ остріемъ пирамиды, затушеваннымъ облаками. Наглядно же ворочала всѣмъ Иза. Ее личная канцелярія помѣщалась въ двухъ номерахъ Европейской гостинницы. А подъ комитетъ былъ снятъ въ еврейскомъ домѣ на Налевкахъ цѣлый этажъ. Онъ въ нѣсколько дней принялъ кипучій, дѣловой видъ. Застучали пишущія машинки. Такъ еще недавно голыя, пустыя комнаты наполнились конторской мебелью, наполнились крикливой жаргонной рѣчью и десятками чиновниковъ и чиновницъ — самый что ни на есть пышный букетъ „восточныхъ“ типовъ и рѣзкихъ профилей съ крючковатыми носами.

До трехъ часовъ дня комитетъ исполнялъ свое оффиціальное, благотворительное назначеніе. До трехъ часовъ пріемная была до отказу набита просителями. Живой длинный хвостъ спускался по лѣстницѣ внизъ.

Выдавались пособія деньгами, бѣльемъ, платьемъ, продуктами, консервами, выдавались безплатно билеты морского и сухопутнаго сообщеній. Информаціонный столъ снабжалъ ѣдущихъ совѣтами, справками и освѣдомительной литературою.

Отъ 3 до 5 перерывъ и въ 5 уже никто не могъ проникнуть съ улицы въ комитетъ. Начиналась другая уже дѣятельность, строго конспиративная. Приходили агенты, все свои, вѣрные люди, — еврейскіе, украинскіе и польскіе большевики, разбавленные значительнымъ

процентомъ украинскихъ, польскихъ и еврейскихъ соціалистовъ. Механизмъ дѣйствовалъ по одному и тому же шаблону. Сначала агентъ хорошенько обрабатывался, куда и зачѣмъ онъ поѣдетъ и что долженъ дѣлать на мѣстѣ. А такъ какъ ѣхать и „дѣлать“ нельзя безъ денегъ, то агентъ снабжался компактными кирпичиками польскихъ милліоновъ, иностранною валютою, а иногда и золотомъ въ тяжелыхъ столбикахъ, туго, аккуратно обтянутыхъ плотной бѣлой бумагою. Зловѣщимъ воронъемъ разлетались агенты по всей Польшѣ. Это — второстепенные, мелкіе. Крупные же — тѣ медленно, увѣренно расползались, какъ жирные пауки, оставляя за собою клейкую, густую сѣть. И покрывали этой сѣтью всю страну отъ Западныхъ до Восточныхъ границъ и отъ Юга на Сѣверъ.

Особенное вниманіе обращалось на Волынь, Бѣлоруссію, Виленщину. Но послѣднее время всѣ главныя силы, самое отборное, испытанное воронье и такіе же испытанные, отборные пауки двинуты были въ Краковскомъ направленіи. Агенты увезли съ собою туда такую валюту — смѣло хватило бы на полъ дюжины Варшавскихъ банковъ. Готовилось что-то изъ ряду вонъ выходящее по значительности и по масштабу. Въ давнюю, очень давнюю пору Налевки были еврейскимъ гетто, въ эпоху русскихъ императоровъ они были еврейскимъ кварталомъ, а теперь въ новой Варшавѣ, свободной, демократической, это уже еврейское царство, куда неохотно заглядываетъ полиція и гдѣ не смѣютъ показываться одинокіе христіане. Во всякомъ случаѣ, это предпріятіе, не лишенное риска. Бывали, да и бываютъ сплошь да рядомъ случаи жестокаго избіенія поляковъ, имѣвшихъ неосторожность очутиться на территоріи Налевокъ, этого государства въ государствѣ.

Не только сиротливо, но и прямо жутко чувствуетъ себя христіанинъ, попавшій въ нѣдра Налевокъ. Духота и вонь и въ этой духотѣ и вони — потная, жестикулирующая, чужая и чуждая, человѣческая гуща съ ея чужимъ и чуждымъ языкомъ, съ ея палестинской внѣшностью, — длинные палестинскіе лапсердаки пейсатыхъ и бородатыхъ мужчинъ и палестинскіе парики женщинъ. Иногда эти парики шевелятся — такъ они кишатъ насѣкомыми.

Панели — грязныя, липкія запружены галдящей смуг-

лой дѣтворой — живая реклама необыкновенной плодливости избраннаго, отмѣченнаго самимъ Іеговою племени.

И вотъ, пусть хотя бы случайно; совсѣмъ не нарочно — гдѣ ужъ тутъ нарочно, — толкнетъ какого-нибудь еврея полякъ. Не дай Богъ! Вокругъ поляка тотчасъ же сомкнется тѣсное кольцо дышащихъ злобою еврейскихъ физіономій. Его обдадутъ чесночнымъ дыханьемъ и затолкаютъ до полу-смерти. И некому вступиться, некому защитить...

Правящая каста въ Совдепіи развратила польскихъ евреевъ. Они держатъ себя не какъ пришельцы и даже не какъ равные, а какъ господа, какъ завоеватели.

И если одинокому христіанину жутко на этихъ враждебныхъ Налевкахъ, то еще болѣе жутко, если онъ заглянетъ въ первый попавшійся дворъ. Это не дворы, а какіе-то караванъ-сараи, это цѣлые хаосы, цѣлые нагроможденія флигелей складовъ, каменныхъ щелей, каменныхъ сводовъ, уходящихъ глубоко въ землю подваловъ. За однимъ дворомъ слѣдуетъ второй, дальше — третій, четвертый... Днемъ это все кишмя кишитъ евреями обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Продаютъ, покупаютъ, прицѣниваются, уносятъ и увозятъ одни товары, вносятъ и ввозятъ другіе. Мѣняютъ деньги, акціи, золото, совершаютъ всевозможныя сдѣлки отъ самыхъ крупныхъ и до самыхъ грошевыхъ, включительно. Это — днемъ. А ночью, когда сгустится мракъ, здѣсь, въ этихъ каменныхъ лабиринтахъ затаивается безмолвіе, но не спокойное, мирное, обвѣянное тихой поэзіей ночи, а какое-то зловѣщее, страшное. Въ этихъ хаосахъ громадныхъ многоэтажныхъ корпусовъ, маленькихъ приземистыхъ флигелей и вытянутыхъ длинныхъ складовъ съ желѣзными рѣшетками и массивными желѣзными дверями, человѣкъ можетъ безслѣдно исчезнуть, если не какъ песчинка, то какъ одинъ изъ этихъ зашитыхъ въ рогожу тюковъ, что цѣлыми тысячами поглащаютъ ненасытные, необъятные подвалы.

Домъ, гдѣ свилъ себѣ гнѣздо комитетъ, не представлялъ исключенія. Комитетъ помѣщался въ главномъ, выходящемъ на улицу корпусѣ, а въ глубинѣ двора, вѣрнѣе трехъ-четырехъ дворовъ, такое безпорядочное нагроможденіе каменныхъ построекъ всевозможныхъ величинъ, формъ и назначеній.

Въ ту самую ночь, когда гости расходились и разъ-

ѣзжались отъ Оссовецкаго, по соннымъ, опустѣвшимъ Налевкамъ промчался большой закрытый автомобиль. У комитетскаго дома шоферъ остановилъ машину. Двѣ тѣни, маячившія у подворотни, приблизились. Одна тѣнь пріоткрыла дверцу. Изъ глубины темной кабинки раздался голосъ:

— Помѣщеніе готово?

— Готово...

— Кругомъ никого?

— Никого...

— Получайте!...

Обѣ тѣни принялись что-то вытаскивать изъ автомобиля. „Что-то“ оказалось женщиной, либо потерявшей сознаніе, либо — это гораздо хуже, — мертвой. Голова свѣшивалась на бокъ, руки безжизненно падали.

Обѣ тѣни, подхвативъ женщину подъ руки, повели, вѣрнѣе, понесли ее во дворъ. Со стороны это могло и не показаться подозрительнымъ. Двое, мужчина и женщина, выйдя изъ машины, послѣдовали за тѣнями и той, которая была между ними. Сердито засопѣвъ, автомобиль умчался по направленію къ Бѣлянской улицѣ.

13. О ТОМЪ, ЧЕГО НЕ ЗНАЕТЪ ВАРШАВСКАЯ ПОЛИЦІЯ.

Подвалъ съ каменнымъ сводомъ. Керосиновая лампа. Обѣ тѣни превратились въ двухъ крѣпкихъ, молодыхъ евреевъ. Смуглый, черноокій и — веснущатый, рыжій. Они положили свою ношу, все еще усыпленную, съ свисающими головой и руками, на стоптанный малый матрацъ. Высокая, худая женщина въ черномъ, длинномъ плащѣ надѣла черную полумаску.

И этотъ послѣдній штрихъ дополнилъ картину, довольно мрачную. Этотъ подвалъ, напоминающій казематъ крѣпости, или таковой же стариннаго замка. Эта неподвижная фигура на тюфякѣ. Эта женщина вся въ черномъ и въ полумаскѣ. Этотъ рыжій, рыжій плечистый еврей, нѣчто среднее между мясникомъ и палачемъ, — а можетъ быть и то и другое вмѣстѣ. Этотъ спутникъ замаскированной женщины блѣдный, съ тонкими губами и громаднымъ, плотно обтянутымъ кожею носомъ. Этотъ мигающій слабый свѣтъ керосиновой лампы такъ трепетно, не смѣло скользящій и по гранитному своду, и по матрацу

съ темнымъ распростертымъ силуэтомъ въ пальто и по замаскированной женщинѣ, и по блѣдному спутнику ея, похожему на секретаря дьяволицы... Да и чѣмъ не застѣнокъ, если въ каменную толщу, на высотѣ человѣческой груди, вбиты желѣзныя кольца?...

— Приведите ее въ чувство... Надѣньте сначала маску — услышалъ носатый молодой человѣкъ изъ устъ женщины въ черномъ плащѣ.

Онъ исполнилъ вторую половину приказанія и уже въ маскѣ, сразу ставшій зловѣщимъ, загадочнымъ, опустившись передъ усыпленной, далъ ей что-то понюхать изъ маленькаго флакона. Запахъ — острый, непріятный, сильный. Съ минуту держалъ секретарь дьяволицы флаконичкъ свой у лица распростертой безъ сознанія. Потомъ отнялъ, закрылъ, спряталъ въ карманъ и поднялся съ колѣнъ.

Еще минута... Шевельнулась голова, судорга, пока еще слабая, прошла по всему тѣлу. Изъ мертваго оно стало живымъ... Одна, другая попытка приподняться. Отяжелѣвшая голова въ дорожной англійской шляпкѣ падала на тюфякъ.

— Коньяку! — приказала маска.

Секретарь дьяволицы отвинтилъ металлическій стаканчикъ плоской, обтянутой замшею фляги и, одной рукою приподнявъ голову женщины, другой держалъ на готовѣ стаканчикъ.

— Глотайте! Не бойтесь. Это вернетъ вамъ силу...

Женщина, не открывая глазъ, все еще въ туманѣ тяжелой дремы, какъ-то машинально повинуясь, раскрыла губы. Носатый влилъ ей коньяку.

Минуты вытягивались въ часы въ настороживишейся, жуткой гнетущей тишинѣ подъ этими сводами. У маски появился въ рукѣ гибкій и тонкій хлыстъ. Она въ нетерпѣніи похлопывала имъ по широкимъ складкамъ плаща.

Оба еврея, рыжій и черный переглядывались терпѣливо и тупо...

Наконецъ женщина пришла въ себя. Чуть-чуть порозовѣло лицо, открылись большіе, темные глаза... То, что они увидѣли, наполнило ихъ ужасомъ...

— Гдѣ я? Пустите меня... Пустите! Не мучьте! — и она заметалась и хотѣла вскочить, но не могла. Проснулось сознаніе, но еще не проснулось тѣло, скованное слабостью.

Маска подошла къ ней вплотную. Женщина полуприсѣла на тюфякѣ и, вытянувъ руки, какъ бы ограждая себя, воскликнула съ мольбою и страхомъ:

— Зачѣмъ вы меня похитили? Зачѣмъ? Что вы будете дѣлать со мною? Если вамъ нужны выкупъ... деньги...

Въ отвѣтъ — злобный смѣхъ и свистящее движеніе гибкаго хлыста.

— Выкупъ? Ха, ха, ха... Какъ же вы наивны, мадамъ Бейзымъ!... Намъ не выкупъ, намъ вы сами нужны! Понимаете, — вы сами!...

— Зачѣмъ? Я... я никому не сдѣлала ничего дурного...

— Вотъ какъ! Нѣтъ, вы очаровательны! Скажите, какая бѣдная угнетенная овечка? Ангелъ, по какому-то недоразумѣнію пребывающій на грѣшной землѣ, а не на небесахъ. Вы никому не сдѣлали ничего дурного?... Вспомните-ка? Пришпорьте немного вашу слабую память...

— Н... нѣтъ... Я ничего не могу вспомнить...

— Я вамъ помогу, въ такомъ случаѣ. По вашей же милости, благодаря только вамъ, теперешній супругъ вашъ, герой и атлетъ избилъ такимъ самымъ хлыстомъ Геллера... Что? Кажется, вспоминаете?

— Геллера?... Но я... видитъ Богъ, я ничего не знала. Я только умоляла заступиться... Геллеръ преслѣдовалъ меня, одинокую, беззащитную... Я... — Магдалина осѣклась подъ тяжестью нахлынувшаго вдругъ. Это, — нахлынувшее: какой ужасъ! Она во власти большевиковъ... Да, большевиковъ... О, если бы это были только бандиты, выкравшіе ее съ цѣлью вымогательства... Если бы одно, одно только это! Но разъ большевики, ненавидящіе Игнася и эту ненависть свою перенесшіе на нее? — и молча, погасшая, ощущая внутри какую-то смертельную пустоту, она сидѣла, опустивъ голову на колѣни и закрывъ лицо, что-бъ не видѣть этой мстительницы въ плащѣ и въ маскѣ.

Помолчавъ, она съ тоскою спросила, отнявъ отъ лица руки:

— Что же вы хотите дѣлать со мною?

— Что мы хотимъ сдѣлать? Вы очень любопытны...

— Я не любопытна... Я... нѣтъ... а... я вамъ хочу сказать... Слушайте же! Я хотѣла бы отвѣтить и за себя и за него... Да, я дѣйствительно... я подстрекала... Онъ

даже не хотѣлъ... Все я! Вначалѣ я вамъ не сказала правды... И вотъ, умоляю васъ, дѣлайте со мной, что угодно, — пытайте, мучьте, убивайте, но оставьте его въ покоѣ... Его не троньте!...

— Ха, ха... Нѣтъ, вы неподражаемы! — перебилъ Магдалину сухой, издѣвательскій смѣхъ. — Вы неподражаемы! Оставить его въ покоѣ? Бейзыма? Его, который надѣлалъ намъ столько вреда? Бейзымъ... При одномъ его имени... — и маска подняла хлыстъ, какъ бы желая ударить Магдалину и не такъ именно ее, какъ причинить этимъ и физическую боль и оскорбленіе ея мужу, — что васъ вдохновляетъ? Что? Святая глупость, или же большая, способная на какія угодно жертвы любовь къ вашему супругу?... Кстати, какой-нибудь часъ назадъ онъ съ граціей степного буйвола ухаживалъ за баронессой Захертъ. Вы его ревнуете, или вы такъ увѣрены въ немъ? Ну! Что же вы молчите? Право же это становится...

— Я ничего не скажу, ничего... Вы женщина безъ безъ сердца и вы хотите сдѣлать мнѣ больно... Издѣвайтесь, мучьте... я въ вашей власти, что-жъ... — развела она руками.

Такая кроткая, обезоруживающая покорность не входила въ планъ Изы. Она ждала, хотѣла рѣзкостей, угрозъ, чтобы, вскипѣвъ, избить хлыстомъ плѣнницу. А, между тѣмъ, не къ чему придраться.

Погоди же, я выведу тебя изъ роли угнетенной невинности. Выведу! — рѣшила Иза.

— А вашему супругу мы предъявимъ длинный счетъ! Длинный! Ха, вы воображаете его себѣ какимъ-то идейнымъ борцомъ. Ложь! Чепуха! Обыкновенный бандитъ, снимавшій съ убитыхъ комиссаровъ золотые часы, бумажники, портсигары. Грабитель, мародеръ, вотъ онъ кто, прославленный герой этотъ... этотъ...

Иза едва, едва успѣла увернуться. Откуда только сила взялась у Магдалины? Вскочивъ, распружинившись она готова была кинуться на Изу. Кроткая овечка мгновенно обратилась въ тигрицу.

— Это вы, вы лжете, клевещете, вы, низкіе, подлые!... Это вы — красныя гіены... Это вы обираете трупы вашихъ жертвъ послѣ пытокъ. А онъ васъ уничтожалъ, уничтожалъ, какъ ядовитыхъ гадинъ... Совѣсть же его чиста и передъ людьми и передъ Богомъ и передъ...

Она не успѣла кончить. Она уже трепетала и би-

лась въ рукахъ двухъ здоровенныхъ евреевъ... Одинъ, рыжій, — не то мясникъ, не то палачъ, — выкрутилъ ей руки за спину. Другой, сдирая нѣжную, холеную кожу съ этихъ рукъ, вязалъ ихъ. Отбивавшуюся Магдалину подтащили къ стѣнѣ и рыжій, просунувъ въ кольцо веревку, завязалъ ее такъ, чтобы при малѣйшемъ движеніи плѣнница испытывала адскую боль. Это было во сто кратъ хуже знаменитаго подвѣшиванія въ германскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ.

Съ закушенной нижней губою и поднятымъ хлыстомъ, Иза подошла къ Магдалинѣ и бросила ей въ лицо гнѣвно-шипящее:

— Негодная тварь! Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ тономъ и въ такихъ выраженіяхъ? Какъ ты смѣешь! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ!... — и на голову, на лицо, на плечи посыпались удары. Иза не хотѣла, да уже и не могла сдержаться, охваченная припадкомъ бѣшенства, переходящимъ въ садизмъ, или садизмомъ, переходящимъ въ бѣшенство... Видъ крови, побѣжавшей струйками изъ разсѣченныхъ губы и носа, опьянялъ Изу, и она хлестала, хлестала свою жертву, пока сама не пришла въ изнеможеніе, пока не выступила пѣна въ углахъ рта и не занѣмѣла рука. Она отшвырнула прочь окровавленный хлыстъ, сняла маску, сбросила плащъ.

— Довольно! Для перваго дебюта — довольно! Завтра мы еще побесѣдуемъ съ вами...

Но Магдалина не слышала ничего. Голова упала на грудь, подогнулись колѣни и она безъ сознанія повисла вся на веревкѣ. И неестественнымъ страшнымъ угломъ подымались надъ головой связанныя руки... Это объяснялось глубокимъ обморокомъ, иначе Магдалина была бы вся одинъ раздирающій крикъ, крикъ невыносимой, нечеловѣческой боли...

— Развязать ее и облить холодной водой! — приказала Башіаччи.

14. ИСЧЕЗНОВЕНІЕ.

Послѣ ужина гости Оссовецкаго расходились и разъѣзжались въ первомъ часу ночи. Бейзымъ хотѣлъ сопровождать Вѣру Анатольевну — оба они жили въ Бристолѣ. Да и сама Вѣра Анатольевна хотѣла этого. Но

вышло иначе и вопреки желанію его и ея. Увезъ баронессу въ дядюшкиномъ автомобилѣ штатскій офицеръ Бернардъ Азулаи. Во-первыхъ, онъ былъ знакомъ съ Захертъ больше мѣсяца, Бейзымъ же только сегодня представленъ ей... Слѣдовательно, права, если только можно говорить о „правахъ", на сторонѣ Бернарда... А, во-вторыхъ, весь онъ даже вмѣстѣ съ великолѣпной ассирійской бородою своей былъ такой пришибленный, жалкій, что баронессѣ не хотѣлось его добивать.

Но когда, подсаженная имъ, она очутилась на кожанныхъ подушкахъ и автомобиль понесся вдоль широкихъ Уяздовскихъ Аллей, чувство безразличія къ своему сосѣду смѣнилось раздраженіемъ.

Весь путь до Бристоля она упорно молчала. Губы ея были плотно сжаты. Она какъ бы мстила Бернарду.

А, тебѣ захотѣлось меня провожать. Захотѣлось? Ты мевя оторвалъ отъ интереснаго собесѣдника. Такъ вотъ же! Получай!... Этотъ самый путь Бейзымъ совершалъ въ одиночествѣ и пѣшкомъ. Двигаться, ходить, ходить безъ конца, но только не спать. Онъ былъ какъ-то особенно возбужденъ, взвинченъ. Это ему казалось результатомъ нѣсколькихъ большихъ рюмокъ водки за ужиномъ. Отмѣнная водка! Душистая, крѣпкая и до чего пріятная на вкусъ! Такъ думалъ Бейзымъ, вѣрнѣе, хотѣлъ думать. На самомъ же дѣлѣ, причина возбужденія была другая и куда болѣе поэтическая. Но если-бъ ему сказали, что причина эта — близкое сосѣдство съ Вѣрой Анатольевной, въ теченіе всего вечера, онъ, пожалуй, возмутился бы и даже самымъ искреннимъ образомъ...

Словъ нѣтъ, умна, загадочна, красива какой-то своей собственной рѣдкой, хотя и неправильной красотою... А ужъ фигура, фигура! Но мало ли онъ встрѣчалъ умныхъ, красивыхъ женщинъ? Поболтать, — отчего же? Есть какое-то волнующее удовольствіе, острое, почти необъяснимое — заставить довѣрчиво открыться женскую душу, заглянуть въ нее... Есть... Но любилъ, любилъ онъ только ее, — свою Магдалину...

Да, любитъ, но въ то же время, идя сейчасъ подъ осенними звѣздами и подъ чернымъ кружевомъ оголенныхъ деревьевъ, онъ поймалъ себя на мысли, еще никогда не приходившей ему... Обыкновенно послѣ нѣсколькихъ часовъ разлуки съ Магдалиной, Бейзыма тянуло домой, тянуло скорѣй увидѣть ее, такую уютную, мягкую,

кроткую. Она какъ-то успокаивающе, по хорошему, успокаивающе дѣйствовала на него. А сейчасъ, сейчасъ онъ сознался себѣ, что ему будетъ пріятно вернуться въ пустой номеръ. Магдалина вчера еще уѣхала въ Сулеювекъ, въ дачное мѣсто, къ знакомымъ, живущимъ тамъ постоянно. Предполагала вернуться завтра къ вечеру, но Сѣчинскіе, — славная радушная семья, — врядъ ли выпустятъ ее такъ скоро...

Поэтому, на другой день къ ночи, когда Магдалина не пріѣхала, Бейзымъ нисколько не удивился. Задержали... Но прошелъ еще день и онъ забезпокоился. Учитывая радушіе Сѣчинскихъ, онъ еще болѣе учитывалъ привязанность къ себѣ Магдалины. Никакими силами не удержать ее вдали отъ него въ теченіи двухъ-трехъ дней. Не случилось ли что-нибудь? Не прихворнула ли? Хотя, съ чего бы? Простудиться нельзя — погода все время сухая, теплая. Наконецъ, дала бы знать. Сѣчинскій почти каждый день бываетъ въ Варшавѣ.

Бейзымъ поспѣшилъ въ Сулеювекъ ближайшимъ поѣздомъ. Промелькнуло Рембертово съ его казармами и стрѣльбищемъ. За Рембертовымъ платформа Весела, вотъ и Сулеювекъ. Бейзымъ сначала проѣхалъ мимо каменной двухэтажной виллы, занимаемой Сѣчинскими и потомъ уже со станціи вернулся къ ней. Многочисленная семья гвардіи полковника Сѣчинскаго, сѣдоусаго гродненскаго гусара, только, только собиралась обѣдать. Уже садились са столъ. И Сѣчинскаго, и жену, и дѣтей — всѣхъ пріятно удивило неожиданное появленіе Бейзыма. А онъ, въ свою очередь, былъ удивленъ отсутствіемъ Магдалины. Едва успѣлъ поздороваться.

— А жена?

Шесть паръ глазъ съ недоумѣніемъ уставились на него.

— Мы васъ должны спросить! Вамъ лучше знать, гдѣ Магдалина Станиславовна, — отвѣтилъ Сѣчинскій.

— Магдалина Станиславовна еще позавчера вечеромъ уѣхала — пѣвучимъ голосомъ москвички подхватила Сѣчинская. — Насильно хотѣли удержать, — какое! Ни за что! Все къ вамъ рвалась... Ну, ничего не подѣлаешь... Мы всей компаніей проводили ее на станцію къ девяти-часовому поѣзду...

— Позвольте, позвольте, господа... Вы не шутите?...

— дрогнувшимъ голосомъ перебилъ Бейзымъ, мѣняясь въ лицѣ, — можетъ быть — она здѣсь и вы ее спрятали?...

— Да какіе тутъ, батюшка мой, прятки? — слегка даже обидѣлась Сѣчинская.

— Въ такомъ случаѣ она исчезла! Другого нѣтъ объясненія! — воскликнулъ Бейзымъ.

Сумрачное лицо стало багровымъ. Зябкій холодъ пронизалъ... Настроеніе гостя передалось хозяевамъ. Молча переглядывались они какими-то чужими, остановившимися глазами.

— Да что же это такое, въ самомъ дѣлѣ, прости Господи? — вопрошающе всплеснула руками Сѣчинская, не находя отвѣта ни въ себѣ самой, ни въ окружающихъ.

Забыли и про обѣдъ. Куда и аппетитъ дѣвался! Бейзымъ тяжело сѣлъ. Внутри — щемящая пустота. Но не упалъ духомъ, не потерялъ самообладанія.

Жизнь, полная самыхъ невѣроятныхъ приключеній, давнымъ давно пріучила его держать себя въ рукахъ.

Когда онъ заговорилъ, голосъ окрѣпъ и рѣшителенъ былъ взглядъ сѣрыхъ глазъ.

— Давайте, разберемся... Вы ее проводили на станцію? На вашихъ глазахъ она сѣла въ вагонъ?... Что у насъ сегодня? Вторникъ! Слѣдовательно, въ воскресенье вы ее видѣли въ послѣдній разъ въ девять часовъ вечера? Дальше? Дальше — исчезновеніе. Не допускаю, чтобы она исчезла гдѣ-нибудь на дорогѣ между Сулеювкомъ и Варшавой. Мысль о похищеніи и убійствѣ съ цѣль грабежа — отпадаетъ. Магдалина почти никогда не носитъ своихъ брилліантовъ. Всѣ шансы, что до Варшавы доѣхала благополучно. Какой же выводъ? Исчезнуть она могла только гдѣ-нибудь между Восточнымъ вокзаломъ и „Бристолемъ“. Согласны вы? Теперь дальше.. Магдалина сѣла бы въ трамвай, это скорѣй всякихъ извозчиковъ. Въ этотъ моментъ напасть никто не рѣшился бы. Послѣ прибытія поѣзда вокзальная площадь всегда кишитъ народомъ. Толпа яростно атакуетъ трамваи и, конечно, грубое, открытое нападеніе отпадаетъ совершенно. Если же допустимъ, что она свободно, безо всякой помѣхи сѣла въ трамвай, онъ ее доставилъ почти къ самому Бристолю, на уголъ Краковскаго предмѣстья и Королевской. Это едва ли не самое центральное мѣсто во всей Варшавѣ. Въ десять вечера движеніе еще кипитъ и самые дерзкіе бандиты, имѣя самую быстроходную машину, не

отважились бы на похищеніе силою... А я уже сказалъ, что исключаю всякія грабительскія цѣли въ данномъ случаѣ...

— Почему же? — возразила Сѣчинская, — пусть на вашей супругѣ не было никакихъ брилліантовъ, никакихъ драгоцѣнностей, но, вѣдь, всѣмъ извѣстно, что вы человѣкъ обладающій крупными средствами? Отчего же не допустить шантажа, требованія выкупа?

— Допустимъ, хотя лично я допустилъ бы это съ большой натяжкой. Въ Варшавѣ имѣются Кроненберги, Шерешевскіе... О, мало ли еще богатыхъ людей, по сравненію съ которыми я — бѣднякъ? Отчего же изъ этихъ семействъ никто никого не похищаетъ съ цѣлью выкупа? Нѣтъ, — задумался, проведя рукой по лицу, Бейзымъ — нѣтъ!... Я склоненъ видѣть въ этомъ скорѣе политическую авантюру и месть, чѣмъ голый бандитизмъ. Но, такъ какъ со мной справиться гораздо труднѣй, чѣмъ съ близкой мнѣ женщиной, то выбрали — женщину. Это — я ничуть не сомнѣваюсь, очередная атака большевиковъ на меня. И вотъ надо рѣшить загадку, — это пока загадка для меня — какимъ образомъ, какъ они осуществили технически самое похищеніе? Въ одномъ не сомнѣваюсь: пущены были обманъ, хитрость... какой-нибудь ловкій трюкъ... Однако, сидя здѣсь въ Сулеювкѣ ничего не придумаешь... Надо сейчасъ же дѣйствовать, спѣшить въ городъ. А вамъ, — давно уже пора садиться за столъ... Извините, что я внесъ... внесъ...

— Полнотѣ! Ничего вы не внесли... Откушали бы съ нами — оставляли его Сѣчинскіе.

— Благодарю васъ, но не могу, не смѣю терять время! Да и не до обѣда мнѣ. Если не ошибаюсь, долженъ быть сейчасъ обратный поѣздъ въ Варшаву?...

— Вы уже опоздали! — взглянулъ на часы полковникъ — уже онъ отходитъ отъ станціи. Слышите?

— Всего лучшаго, всего лучшаго! — и, схвативъ шляпу, Бейзымъ бросился прочь изъ столовой.

— Не волнуйтесь, все кончится хорошо. Не волнуйтесь! — послала въ догонку Сѣчинская.

Отъ виллы — желѣзнодорожное полотно шаговъ за двѣсти. Поѣздъ уже успѣлъ развить обычную скорость и цѣпь вагоновъ неслась за паровозомъ.

Для всякаго другого вскочить на подножку вагона было бы предпріятіемъ рискованнымъ, головоломнымъ.

Для всякаго другого, но только не для Бейзыма. Онъ и не такіе продѣлывалъ трюки, снимаясь для экрана. Это же для него сущій пустякъ. Однимъ прыжкомъ очутившись на гребнѣ насыпи, онъ побѣжалъ рядомъ съ вагономъ, и, уловивъ темпъ, схватившись за металлическія поручни, уже твердо стоялъ на подножкѣ. Оставалось открыть дверь и войти въ купэ. Пассажиры были чрезвычайно удивлены неожиданнымъ появленіемъ этого гиганта, ввалившагося къ нимъ въ купэ на полномъ ходу. Что же касается кондуктора, — священнодѣйствуя онъ „простригалъ“ билеты, — онъ былъ еще и раздосадованъ этимъ безбилетнымъ пассажиромъ.

Кондукторъ, какъ и подобаетъ сознательному демократу, съ мѣста въ карьеръ обрушился на Бейзыма.

— Что вы мнѣ тутъ акробата дѣлаете? Я за васъ буду штрафъ платить, что ли?

— Эй вы тамъ! Потише! — оборвалъ его Бейзымъ, — если вы будете орать, я васъ сейчасъ же вышвырну въ окно внизъ головою и это охладитъ вашъ кондукторскій пылъ. Говорите по человѣчески, сколько вамъ слѣдуетъ? Вдвое, вчетверо, вдесятеро?...

Испугавшійся кондукторъ забормоталъ что-то униженно и примирительное.

15. ПОЯВЛЕНІЕ ГВОЗДАНОВИЧА.

Бейзымъ утѣшалъ себя, правда очень слабой надеждой, что Магдалина отыскалась, вернулась и встрѣтитъ его дома. Но ихъ номеръ былъ пустъ, какъ никогда сиротливо пустъ!...

Первая мысль — Оссовецкій! Если даже въ точности и не сможетъ опредѣлить, гдѣ находится въ данный моментъ Магдалина и что съ нею, то во всякомъ случаѣ, наведетъ на ея слѣдъ, поможетъ разобраться.

Бейзымъ соединился по телефону съ квартирой Оссовецкаго. Отвѣчала степенная, пожилая горничная.

— Панъ Оссовецкій выѣхалъ...

— Куда?

— Въ Берлинъ и въ Гданскъ.

— А вернется когда?

— Черезъ двѣ недѣли...

Черезъ двѣ недѣли! Цѣлая вѣчность! Что будетъ съ Магдалиной черезъ двѣ недѣли? Что съ ней будетъ?

Но какая досада! Сидѣлъ, сидѣлъ Оссовецкій въ Варшавѣ и вотъ вамъ... Такъ страшно необходимый — уѣхалъ.

Другой на мѣстѣ Бейзыма растерялся бы. Ему же эта первая неудача только вливала энергію...

Половина четвертаго. Еще можно застать Винарскаго. Онъ еще въ своемъ служебномъ кабинетѣ.

Выйдя изъ гостинницы, Бейзымъ приказалъ извозчику ѣхать въ Министерство внутреннихъ дѣлъ. Черезъ двѣ минуты онъ уже входилъ подъ арку большого казеннаго особняка на Новомъ Свѣтѣ.

Инспекторъ Винарскій только-что повѣсилъ телефонную трубку. Вошелъ курьеръ.

— Маіоръ Бейзымъ желаетъ видѣть господина инспектора...

Бритое инквизиторское лицо чиновника въ мундирѣ съ двумя серебряными пальмами на бархатномъ воротникѣ — просіяло. Съ юношескимъ темпераментомъ вскочилъ Винарскій изъ-за стола своего, такъ вскочилъ, что телефонъ зазвенѣлъ и подпрыгнулъ. Но едва Винарскій увидѣлъ Бейзыма, улыбка мгновенно исчезла...

— Что съ вами, дорогой?

— Жена похищена... Вотъ уже третій день...

— Садитесь, разсказывайте.

— И разсказывать-то нечего. Никакихъ слѣдовъ, никакихъ указаній. А похитили, безъ сомнѣнія похитили, вотъ при какихъ обстоятельствахъ... — и Бейзымъ описалъ вкратцѣ свою поѣздку въ Сулеювекъ и свое пребываніе у Сѣчинскихъ.

Винарскій слушалъ покачивая головой и сощуривъ узкіе, пытливые глаза.

— Да, здѣсь не можетъ быть никаоихъ сомнѣній. Она похищена вашими врагами. Дотянуться лично до васъ, у нихъ руки можно сказать коротки, да и не по зубамъ добыча. Вотъ рѣшили взять линію наименьшаго сопротивленія. Подозрѣваете ли какое-нибудь опредѣленное лицо, или группу?

— Какъ вамъ сказать? На большомъ у меня подозрѣніи эта появившаяся зловѣщаго вида особа съ птичьимъ профилемъ.

— Ахъ, Изочка Башіаччи! Представьте, вчера только уѣхала заграницу.

— Не можетъ быть?

— Ужъ будьте покойны... Мои агенты великолѣпно информируютъ меня... Такъ вы допускаете возможность?..

— Допускаю ли? Судите сами... Въ Гренадѣ она жила въ одномъ съ нами отелѣ... Тогда же я чуть-чуть не переселился въ иной міръ. Помните, я вамъ разсказывалъ про случай съ отравленными сигарами? Я не сомнѣваюсь – это дѣло ея рукъ, или, по крайней мѣрѣ, ея шайки. Скажу больше вамъ: раньше я колебался, но теперь убѣжденъ, что это она, Иза Башіаччи, подвизалась въ Одессѣ подъ псевдонимомъ „Замшевой Берты". Сюрпризъ для васъ?

— Не совсѣмъ, — улыбнулся Винарскій — и у насъ имѣются кой-какія свѣдѣнія...

— Такъ почему же вы ее не арестуете? Почему? — всколыхнулся Бейзымъ.

— Ахъ, дорогой маіоръ! Стихійный вы человѣкъ! Арестовать, схватить! Сами же хорошо знаете, какъ это все у насъ трудно при нашей демократической конституціи. У насъ, вѣдь, такъ: гражданинъ Х. пойманъ и уличенъ въ изготовленіи бомбъ. Вы думаете это основаніе для его ареста? Ничуть. Да, да! Что вы смотрите? Я не мистифицирую васъ! Нѣтъ! Да, такой бомбистъ — свободный гражданинъ. Бомбочки же свои, — онъ можетъ сказать, — фабриковалъ для собственнаго удовольствія, чистаго искусства ради... И ничего не подѣлаешь! А, вотъ, если бомбы свои онъ пуститъ въ ходъ, перекалѣчитъ и убьетъ десятки, а можетъ быть, и сотни людей, тогда только можно его арестовать... Богъ мой, кому же я все это объясняю? Маіору Бейзыму, который во всю мощь богатырскихъ легкихъ своихъ требуетъ самой что ни на есть твердой власти?... Ну-съ, такъ какъ же вы послѣ этого хотите, чтобы я арестовалъ Изу Башіаччи, или какъ ее тамъ, „Замшевую Берту"? Никакихъ осязательныхъ въ моемъ распоряженіи уликъ не имѣется... Но, если бы даже таковыя и были, если бы... увѣряю васъ, пришлось бы очень много думать, очень многое взвѣсить, прежде чѣмъ... Вы себѣ вообразить не можете, — нѣтъ, именно вы-то и можете, — какой поднялся бы гвалтъ?... Помните Вейсберга? Онъ же Бѣлогоровъ и Монтебіянко? Помните? А, тѣдь, Иза Башіаччи хищникъ куда, куда болѣе крупный, чѣмъ Вейсбергъ. И у нея, какъ у него, англійскій паспортъ... Чуть что, — англійское посольство сейчасъ же на дыбы, а за нимъ и американцы. На американцевъ пожалъ бы Роонъ. Вы его видѣли у Оссовецкаго...

— Вы почемъ знаете? Васъ же тамъ не было — живо спросилъ Бейзымъ.

— Винарскій все видитъ, все знаетъ, какъ и Журналъ Патэ — лукаво по инквизиторски сощурилъ инспекторъ свои узенькіе глаза, не смыкающіеся иногда и двое сутокъ — мы, какъ-нибудь на досугѣ поговоримъ съ вами объ этомъ господинѣ, у котораго десятки банковъ, десятки нефтяныхъ, металлургическихъ и всякихъ другихъ предпріятій, господинѣ, за котораго десяти марокъ не дашь по первому впечатлѣнію... Но вернемся къ вашему дѣлу. Я готовъ на изнанку вывернуться весь, какъ дамская перчатка, чтобы помочь вамъ, такъ васъ люблю и уважаю... Но, въ томъ-то и бѣда, — ничего реальнаго сейчасъ предпринять нельзя. У насъ съ вами нѣтъ рѣшительно никакого матеріала! Не зачто зацѣпиться! Это — во-первыхъ. А во-вторыхъ, шутка ли сказать, уже третій день пошелъ съ исчезновенія вашей супруги. Никакихъ, не только горячихъ, но и холодныхъ слѣдовъ. За три дня сколько воды утекло, сколько событій промелькнуло! Еще бы, съ ихъ средствами, съ ихъ организаціей! За это время они, пожалуй, успѣли перебросить ее въ Совдепію.

— Вотъ, вотъ — подхватилъ Бейзымъ, — я самъ исключаю убійство. Она имъ нужнѣе, полезнѣй живая, чѣмъ мертвая...

— Чтобы въ той, или въ другой формѣ шантажировать васъ — вставилъ инспекторъ — съ полу-слова понимаемъ другъ друга... Таакъ — задумался Винарскій — съ чего же начать въ первую голову? Преступленіе виситъ въ воздухѣ между Европейской гостинницей, гдѣ свила свое гнѣздышко Иза Башіаччи и между Налевками, гдѣ она устроила свой болѣе чѣмъ подозрительный комитетъ... Я прикажу усилить наблюденіе за этими двумя пунктами... Я ихъ поручу одному изъ моихъ лучшихъ агентовъ — Гвоздановичу. Мы съ нимъ открыли цѣлую сѣть коммунистическихъ организацій. А, вотъ и онъ самъ... Легокъ на поминѣ!...

Въ кабинетъ вошелъ невысокій сухощавый лѣтъ сорока съ чѣмъ-то мужчина. Сильная просѣдь и въ густыхъ волосахъ надъ обширнымъ лбомъ и въ плотныхъ жгутахъ подкрученныхъ кверху усовъ и въ узенькомъ клинушкѣ острой бородки. Такія бородки назывались прежде „эспаньолками". Вмѣстѣ съ усами, — какой-то острый, задорный треугольникъ.

Эта сѣдина до того не гармонировала со свѣжимъ, молодымъ лицомъ и молодыми, темными глазами, — получалось впечатлѣніе грима, впечатлѣніе молодого человѣка въ сѣдомъ парикѣ и въ сѣдыхъ приклеенныхъ бородкѣ и усахъ.

16. ЖАЖДА ГОСПОДСТВА НАДЪ МІРОМЪ.

Агентъ вошелъ второпяхъ и съ озабоченнымъ лицомъ, бросивъ недоумѣвающе-вопросительный взглядъ сначала на Бейзыма, потомъ на свое начальство.

— Ничего, ничего. Это маіоръ Бейзымъ! — жестомъ инспекторъ какъ бы представилъ Гвоздановичу Бейзыма, и оба они поклонились другъ другу. — Я вижу, Гвозданович, у васъ есть что сказать мнѣ. Маіоръ позволитъ? — Винарскій отвелъ Гвозданович.

Старшій агентъ оживленно докладывалъ вполъ-голоса что-то, набивая табакомъ маленькую, деревянную трубочку и когда началъ въ свою очередь актерской отчетливой скороговоркою говоритъ Винарскій, Гвоздановичъ уже медленно и какъ бы въ раздумьѣ выпускалъ изъ подъ жгутообразныхъ усовъ клубы дыма.

Кончили. Инспекторъ, взявъ Гвозданович за локоть, подвелъ его къ Бейзыму. Погруженный въ свои невеселыя думы, Бейзымъ очнулся и, словно отгоняя зловѣщія, обступившія его видѣнія, провелъ по лицу могучей рукою своею съ блеснувшимъ на пальцѣ перстнемъ подаркомъ цыганскаго короля. Минуту назадъ онъ самъ вспомнилъ и этотъ перстень и связанныя съ нимъ предсказанія Идресильи. Тогда высохшая, какъ мумія, гитана, тамъ въ отгороженной отъ всего міра стѣною гиганскихъ кактусовъ пещерѣ, утаила недобрый и жуткій смыслъ непонятнаго бормотанія своего. И вотъ здѣсь, въ Варшавѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ этотъ „смыслъ“ отозвался. И какъ отозвался!

— Дорогой Бейзымъ, пожалуйста разскажите Гвоздановичу все, что я знаю и онъ, если не цѣликомъ, то, во всякомъ случаѣ, на половину, посвятитъ себя и свой опытъ вашему дѣлу. Я же пройду къ своему начальству. Каша заваривается не на шутку... Мы наканунѣ новаго штурма. Соціалы объединились съ коммунистами, чтобы свалить неугодное имъ правительство. Мы наканунѣ но-

выхъ событій. По значенію своему они, пожалуй, затмятъ недавній взрывъ. Даже цитадель поблѣднѣетъ...

Послѣ этой встрѣчи въ служебномъ кабинетѣ, Винарскій и Бейзымъ видѣлись ежедневно. Большею частью обѣдали вмѣстѣ. Винарскій отдыхалъ отъ своей напряженной и нервной работы вдвоемъ съ маіоромъ.

Бейзымъ черпалъ въ общеніи съ инспекторомъ какую-то надежду, какую-то почти увѣренность. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшительный, неугомонный и, какъ ртуть, подвижной Винарскій умѣлъ дѣйствовать ободряюще на всѣхъ, кто съ нимъ соприкасался. Изъ этого ничуть не слѣдовало, что Бейзымъ, падая духомъ, нуждался въ поддержкѣ, — онъ никогда не терялъ ни духа, ни сердца, но Винарскій сталъ ему какъ-то непонятно необходимъ.

Разъ они обѣдали въ томъ самомъ кабинетѣ у „Бокета", гдѣ недавно еще Бернардъ Азулаи ужиналъ съ бородатой Ясьнюкъ и кумою. Вѣрнѣе всего не ужиналъ, а сонно, съ лѣнивою скукою наблюдалъ, какъ насыщаются обѣ эти дамы, заказавшія себѣ тройныя порціи всякой всячины.

Тогда утомленный суетнымъ бездѣльемъ маіоръ Азулаи дремалъ на диванѣ, а сейчасъ на этомъ самомъ диванѣ дремалъ Винарскій. Даже нельзя сказать, чтобы онъ дремалъ. Нѣтъ, онъ бодрствовалъ. Узенькіе глаза его полуприщурены. Хотя выпито было много, а можетъ быть именно поэтому, сознаніе отличалось особенной обостренностью и мозгъ воспринималъ все съ повышенной ясностью.

Уже кончили обѣдъ. Уже синеватое пламя подогрѣвало второй кофейникъ въ блѣдныхъ, еще прозрачныхъ и какъ-то по осеннему серебристыхъ сумеркахъ. Не хотѣлось зажигать электричества и въ этой призрачной дымкѣ монументальная фигура сидѣвшаго въ креслѣ Бейзыма чудилась прямо таки сказочно-исполинской.

Въ началѣ Бейзымъ только и говорилъ объ исчезнувшей Магдалинѣ. Инспекторъ, какъ могъ и какъ умѣлъ, успокаивалъ его.

— Вооружимся терпѣніемъ и будемъ ждать... Во-первыхъ, что принесетъ намъ Гвоздановичъ? Я вѣрю въ его чутье. Гвоздановичъ не явится къ намъ съ пустяками. Я это цѣню въ немъ. А когда его глаза какъ-то особенно блестятъ и онъ какъ-то нервно попыхиваетъ своей трубочкой — ждите фактовъ! Ждите удачи! Ждите мерт-

вой хватки! Ну, а затѣмъ, со дня на день ждите вы сами вѣсточки, или отъ вашей супруги, — тѣ, которые держатъ ее въ неволѣ, продиктуютъ ей письмо, — или отъ нихъ самихъ.

— А знаете, будетъ жуткій моментъ, — молвилъ Бейзымъ — касайся это меня одного, — чертъ съ нимъ! Но, коль скоро дѣло идетъ о самомъ близкомъ, самомъ дорогомъ существѣ... — Бейзымъ не кончилъ, но въ недоговоренности этой Винарскій угадалъ всю его душевную муку.

Сдѣлано было все, чтобы похищеніе Магдалины не проникло въ печать. Огласкою боялись напортить. Бейзымъ умышленно распустилъ слухъ, что жена уѣхала гостить въ Минскую губернію къ подругѣ.

Отъ Магдалины перешли къ тѣмъ, кто похитилъ ее, билъ этимъ похищеніемъ по ненавистному Бейзыму. Вспомнили Изу Башіаччи, вспомнили ея дурной глазъ и, сколько этотъ дурной глазъ повлекъ жертвъ на и безъ того кровавой аренѣ испанскихъ цирковъ.

— Я все-таки не понимаю и никогда не пойму, — говорилъ съ наболѣвшей горечью Бейзымъ, — вотъ мы съ вами знаемъ ея роль въ Одесской чека, знаемъ ея роль въ Испаніи и не сомнѣваемся ни на минуту зачѣмъ она пожаловала сюда. Знаемъ и все-таки она неуязвима, все-таки вы не смѣете арестовать ее.

— Даже выслать не посмѣемъ — отозвался Винарскій, все еще полулежа и съ полузакрытыми глазами. Но это не былъ послѣобѣденный кейфъ, это былъ притаившійся въ полной готовности хищникъ, въ любой моментъ могущій сдѣлать прыжокъ. — Даже выслать не посмѣемъ повторилъ онъ съ горечью.

— Въ такомъ случаѣ, остается одно, — маффія! Разъ конституція миндально-приторный кисель какой-то, разъ власть съ одной стороны боится большевиковъ, съ другой — еврейскихъ банкировъ, и слѣдовательно уже перестаетъ быть властью, необходимо создавать организацію патріотовъ-мстителей. Называйте ихъ фашистами, называйте маффистами, какими угодно „истами“, дѣло не въ названіи, а въ ихъ „работѣ“...

— Узнаю его! Весь онъ въ этомъ! Милый Бейзымъ, меньше темперамента и больше трезвой дѣйствительности. Фашизмъ, маффія? Можете себѣ вообразить, что получилось бы, исчезни эта проклятая Иза, или же, это

еще хуже, если-бъ ее нашли убитой? Да противъ насъ ополчилась бы вся оффиціальная Англія, и безъ того не питающая особенно нѣжныхъ чувствъ къ Польшѣ. Жидовство, а вамъ извѣстно, какъ и мнѣ, что Англіей правитъ жидовство, мобилизовали бы всѣ свои силы! Началось бы это дипломатической нотою, а кончилось бы финансовымъ терроромъ. Имѣйте въ виду, — опять таки я не собираюсь ничуть открывать Америкъ — правятъ міромъ и еще какъ правятъ! — 20—30 банкирскихъ домовъ. Я въ эти „дома“ включаю и нефть и уголь и химическую промышленность, металлургію, все! Эти 20—30 жидовскихъ семействъ, виноватъ, уже не семействъ, а династій, переплелись между собою не только общими интересами, но и родственными узами. Сплоченный кагалъ. Кагалъ милліардеровъ! Троньте, скажемъ Изу Башіаччи. Сейчасъ же подымутъ гвалтъ всѣ эти Варбурги, Теплицы, Ротшильды, Сасуны, Рооны, Мондты, Розенберги, Мендельсоны, Спееры, Шифы... Стоитъ имъ нажать нѣсколько магическихъ кнопокъ, къ ихъ услугамъ все, все до карательной экспедиціи на Польшу, включительно... Вспомните 21-й годъ? Вспомните! Вы же сами называли его жидовской карательной экспедиціей... За то, что мы, яко бы учинили рядъ погромовъ надъ избраннымъ племенемъ. А, вѣдь, всѣ эти „погромы“ — нѣсколько разбитыхъ физіономій, да нѣсколько библейскихъ бородъ, срѣзанныхъ солдатами-познанчиками.. Нѣтъ, дорогой маіоръ, не знаю, какъ вы, но я лѣтъ десять назадъ смѣялся надъ запуги ваніями жидо-масонской опасностью. Считалъ ее выдумкой русскихъ черносотенцевъ, да такихъ французскихъ антисемитовъ, какъ Леонъ Додэ и Юрбэнъ-Гойэ.

— А теперь вы больше уже не смѣетесь? — иронически полюбопытствовалъ Бейзымъ.

— Какое тамъ! Плакать охота, а не смѣяться! Когда мнѣ по обязанностямъ службы приходится соприкасаться съ матеріалами, большой публикѣ недоступными, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что правы были и „Новое Время“ и черносотенцы и Леонъ Додэ.

Въ жидахъ презираемыхъ, гонимыхъ, разсѣянныхъ по цѣлому свѣту, вѣками, тысячелѣтіями росла и крѣпла рядомъ съ ненавистью ко всѣмъ христіанамъ жажда главенства, господства надъ міромъ. Имъ нужна была база, нуженъ былъ плацъ-дармъ. Этой базою, этимъ плацъ-дармомъ явилась Россія. Съ помощью нѣмцевъ и далеко

не безъ благосклоннаго участія Англіи, они, воспользовавшись войною, расшатавшей государственный аппаратъ величайшей державы, сначала революціонизировали ее, а потомъ большевизировали. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія! Вырѣзавъ все лучшее, истребивъ весь цвѣтъ русской націи, они завладѣли стодвадцатимилліоннымъ народомъ и его необъятной территоріей и такими же необъятными богатствами. Успѣхъ, повторяю, былъ головокружительный и у нихъ, дѣйствительно, закружилась голова! Скучно вамъ все это, сами знаете. Но право, такое желаніе высказаться именно передъ вами, дорогой Бейзымъ... Поработивъ огнемъ и мечемъ Россію, сдѣлавъ ее своей колоніей, они, пока еще безкровно, колонизируютъ всю остальную Европу. Мы только что говорили съ вами про Англію. Чуть ли не десять лѣтъ правилъ ею Ллойдъ-Джоржъ, правилъ по указкѣ жидовъ. Онъ былъ маріонеткою въ ихъ рукахъ. Кто былъ его личнымъ секретаремъ и близкимъ другомъ? Сэръ Филиппъ Сасунъ... Эти Сасуны азіатскіе жиды, выходцы изъ Багдада. Ихъ называютъ восточными Ротшильдами. Возьмите такую фигуру, какъ бывшій вице-король Индіи лордъ Ридингъ, еще недавно всего навсего — Руфусъ Исаакъ. Это онъ Руфусъ Исаакъ, личный другъ Вильсона, втянулъ Америку въ войну, выторговавъ себѣ за это титулъ лорда и намѣстничество въ Индіи. Ничего гешефтецъ? И дали, должны были дать! Уже послѣ революціи Россія выбыла изъ строя какъ союзникъ-боецъ и участіе Америки явилось вопросомъ жизни для Англіи. Вновь испеченный лордъ потребовалъ себѣ въ помощники и статсъ-секретари для Индіи другого жида Самуэля, онъ же лордъ Монтегю. А чтобы взять подъ контроль засѣданія верховнаго совѣта — эти засѣданія должны происходить въ роскошной виллѣ Лайбни, принадлежащей Давиду Сасуну. Я не хочу утомлять васъ дальнѣйшимъ перечисленіемъ жидовскихъ диктаторовъ Англіи. Назову Альфреда Мондта, который такъ не хотѣлъ отдать намъ, полякамъ, верхней Силезіи. А почему? Да потому, что ему необходимъ былъ силезскій уголь... Да, да! Уголь, — основа химической промышленности. А Мондтъ — одинъ изъ могущественнѣйшихъ въ мірѣ химическихъ королей... Вспомните непримиримую позицію Англіи въ Силезкомъ вопросѣ? Вспомните! И если онъ былъ рѣшенъ, въ концѣ концовъ, въ нашу пользу, то лишь благодаря одному Пуанкаре. Тогда въ

своей парламентской рѣчи онъ обмолвился знаменательной фразой: „Мы не позволимъ международнымъ банкирамъ диктовать намъ свою волю"... Этого не простятъ ему ни жиды, ни большевики. Увидите! Вотъ вамъ Англія, вотъ вамъ сила и власть англійскихъ жидовъ! И послѣ этого вы хотите, чтобы я, скромный польскій чиновникъ, арестовалъ Изу Башіаччи. За это я бы въ 24 часа полетѣлъ!

— Пожалуй, еще скорѣе...

— Вотъ, вотъ! Пріятно слышать умныя вещи.

— Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что надо отказаться отъ борьбы.

— Маффія?

Бейзымъ не успѣлъ отвѣтить.

17. 6 НОЯБРЬ — ТРАУРНЫЙ ДЕНЬ ПОЛЬСКОЙ АРМІИ.

Въ кабинетъ, вспугнувъ сумерки, не вошелъ, а вбѣжалъ Гвоздановичъ. У Бейзыма на мигъ замерло біеніе сердца... Несомнѣнно Гвоздановичъ узналъ что-нибудь исключительно важное въ дѣлѣ похищенія Магдалины и поспѣшилъ сюда съ этимъ „важнымъ".

Бейзымъ не угадалъ... Гвоздановичъ, всегда знавшій, гдѣ въ любую минуту находится Винарскій, хотя и поспѣшилъ къ нему съ новостями дѣйствительно исключительной важности, но чисто политическими, ничего общаго съ исчезновеніемъ Магдалины не имѣющими.

Почуявшій въ такомъ стремительномъ вторженіи что-то большое, очень серьезное, Винарскій однимъ прыжкомъ вскочилъ съ кушетки. Вспыхнуло электричество.

Это уже не былъ Винарскій, кейфующій съ полузакрытыми глазами. Это былъ инспекторъ при исполненіи своихъ обязанностей. Это былъ хищникъ, готовый къ борьбѣ. И какъ хищникъ схватилъ онъ агента за плечи, такъ схватилъ, что Гвоздановичъ невольно съежился и погнулся.

— Что случилось?

— Что случилось? — повторилъ Бейзымъ, тоже на ногахъ и тоже рядомъ съ Гвоздановичемъ.

— Въ Краковѣ возстаніе! Чернь подъ предводительствомъ лѣвыхъ депутатовъ сейма, соціаловъ и коммунистовъ разоружаетъ войска.

— Мы этого ожицали... Ожидали, но не такъ скоро,

— по внѣшнему виду спокойно отвѣтилъ Винарскій и, пожавъ плечами, прибавилъ — доигрались, доигрались...

— Чернь разоружаетъ войска? — не хотѣлъ вѣрить Бейзымъ — не можетъ быть!... Что-нибудь да не такъ. Вы не напутали, Гвоздановичъ?

— Я ничего не напуталъ — обидѣлся агентъ. — Въ министерствѣ записаны телефонныя донесенія и краковскаго воеводы Галецкаго и генерала Чикеля, командующаго корпусомъ.

— Говорите же, говорите всѣ подробности, какъ это было! — тормошилъ Гвоздановича инспекторъ.

— Сейчасъ, сейчасъ... Въ горлѣ пересохло. Выпить чего-нибудь... А, сифонъ, вотъ и отлично... — и агентъ налилъ стаканъ содовой, опрокинулъ его залпомъ — ну, теперь могу... Ситуація слѣдующая: съ ночи уже опредѣлилось, что чернь выйдетъ на улицу съ оружіемъ. Воевода запросилъ у министра внутреннихъ дѣлъ инструкціи...

— Могу представить себѣ, какія инструкціи далъ ему этотъ адвокатъ изъ Галиціи? — не выдержалъ Бейзымъ.

— Министръ приказалъ всячески избѣгать вооруженныхъ столкновеній и занять выжидательную позицію. Чернь, убѣдившись, что рѣшительныхъ мѣръ власти не предпринимаютъ, — обнаглѣла. Въ одномъ мѣстѣ скопище стало напирать на небольшой отрядъ изъ тридцати полицейскихъ... Тѣ давай стрѣлять вверхъ... Толпа смяла ихъ, обезоружила, избила и упрятала, какъ заложниковъ, въ помѣщеніе рабочаго клуба.

— Кошмаръ, кошмаръ! — повторялъ, сжимая громадные кулаки свои, Бейзымъ.

— Слушайте, дальше еще не то будетъ... Вывели пѣхоту — цѣлый батальонъ. Офицеры приказали своимъ солдатамъ — дѣйствительно кошмаръ — поставить винтовки въ пирамиды. Конечно, мятежный сбродъ эти винтовки разобралъ и давай изъ нихъ-то разстрѣливать несчастныхъ обезоруженныхъ солдатъ, какъ стадо барановъ.

— Позоръ!... — схватившись за голову простоналъ Бейзымъ, съ искаженнымъ побагровѣвшимъ лицомъ. — Какая-то рвань, уличные поддонки избиваютъ солдатъ польской арміи...

— Слушайте дальше! — какъ будто заманивалъ Гвоздановичъ, — когда военные власти увидѣли, что дѣло

дрянь и городъ можетъ перейти въ руки мятежниковъ, приказано было двумъ эскадронамъ уланъ въ конномъ строю атаковать толпу.

— Толпу? — усумнился Бейзымъ.

— Вѣрно, вѣрно, это уже не была толпа!... Это были вольные стрѣлки, занявшіе позиціи кто за деревьями, кто за выступами домовъ, кто на крышахъ, кто... ну, словомъ они уже приготовились къ встрѣчѣ.

— Невозможна при такихъ условіяхъ конная атака! — возмутился Бейзымъ, — кого атаковать? Стрѣлковъ, избравшихъ надежное прикрытіе? Это — верхъ невѣжества! Это — не знать самой элементарной азбуки уличнаго боя! Неорганизованную, невооруженную толпу, или вооруженную кое-какъ — можно смести конпымъ полкомъ. Но въ такихъ условіяхъ, какъ говорите вы, — это посылать кавалерію на убой! Здѣсь нужны броневыя машины, пулеметы, а за ними стрѣлковыя цѣпи... И что-жъ результатъ, конечно, самый печальный?...

— Даже очень! Мятежники били на выборъ и всадниковъ и лошадей. Въ двѣ минуты получилась какая-то кровавая каша. Убитые и раненые уланы, убитыя и раненыя лошади. И когда все это безпомощно перемѣшалось, чернь бросилась добивать раненыхъ. Озвѣрѣвшіе негодяи грабили трупы офицеровъ, растаскивала сѣдла. Нашлись молодцы, вырѣзывавшіе у теплыхъ лошадей куски мяса...

— Веселенькія картинки, веселенькія, нечего сказать — повторялъ Винарскій — совсѣмъ большевическій жанръ! Ну, и что же въ концѣ концовъ?... Въ чьихъ же рукахъ древняя столица Польши со всѣми ея святынями? Кто сейчасъ ею владѣетъ, и чей развивается надъ нею флагъ? Бѣло-малиновый польскій, или красная соціалистическая тряпка?...

— Сейчасъ никто не владѣетъ, — наивно, какъ-то, вырвалось у Гвоздановича, — нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе не то перемирія, не то... Мнѣ кажется, что мятежники сначала опьяненные такимъ легкимъ успѣхомъ, потомъ сами растерялись увидѣвъ результаты своей, своихъ...

— А я этого не думаю — возразилъ инспекторъ — не думаю, чтобы они испугались, растерялись... Слишкомъ ужъ все хорошо было организовано, а ихъ инструкторы слишкомъ хорошо знакомы съ техникой уличнаго

боя... Слышали, что только сейчасъ говорилъ маіоръ? Гораздо лучше, чѣмъ командующій корпусомъ и чѣмъ многіе его офицеры... Вѣдь, вѣрно-же маіоръ? Не такъ-ли?...

Но Бейзымъ отвѣтилъ не сразу. Ему было больно, такъ больно, что эта боль заглушила, вытѣснила личныя переживанія. Онъ весь дрожалъ.

— Я горю... во мнѣ все горитъ... И такъ пылаетъ лицо, какъ если-бы чья-то хамская рука надавала мнѣ пощечинъ. И не только мнѣ одному. Сегодня какой-то темной подзаборной сволочью оплевана унижена и поругана польская армія... Сегодня въ Краковѣ втоптаны въ грязь наши боевыя знамена... Я боюсь, боюсь, — одна мыслъ пугаетъ меня, что наша армія, что пролитая на Краковскихъ мостовыхъ солдатская кровь, что наши офицеры, добивавшіеся сапожищами и каблуками остервенѣвшей черни — все это останется, я увѣренъ, останется неотомщеннымъ! Слышите, неотомщеннымъ! Для чего-же мы создавали армію? Для чего? И во имя чего били мы и гнали большевиковъ, подставляя свою грудь, рискуя жизнью? Чтобы въ мирное время на нашей землѣ, наши-же собственные большевики разстрѣливали нашихъ солдатъ и такъ безнаказанно? Въ этомъ во всемъ такой ужасъ, такой леденящій ужасъ. Нѣтъ, не могу... — и какъ мощный, дикій звѣрь заметался по кабинету Бейзымъ.

Винарскій его успокаивалъ.

— Будетъ вамъ, не волнуйтесь. Во всякомъ случаѣ, это преждевременно. Я почти не сомнѣваюсь что виновные понесутъ кару за свои злодѣянія. Лицо Бейзыма перекосилось, какъ отъ физической боли и, скрипнувъ зубами, ничего не отвѣтивъ, онъ лишь рукой махнулъ. И его лицо и этотъ жестъ были краснорѣчивѣе всякихъ отвѣтовъ.

18. КАКИМЪ ДОЛЖНО БЫТЬ ВОЗМЕЗДІЕ.

Въ эту ночъ Бейзымъ ни на одну минутку не сомкнулъ глазъ. Не могъ! Краковскія событія давили тяжелымъ, цѣпкимъ, не выпускающимъ изъ своихъ косматыхъ лапъ, кошмаромъ. Онъ поднялся съ постели, — еще только, только занималась заря. И какъ всегда, въ часы такихъ переживаній онъ быстро ходилъ изъ угла въ уголъ и курилъ, курилъ, вѣрнѣе, сжигалъ одну за другою

свои четырехвершковыя „Педро-Муріасъ“ А большой номеръ казался ему тѣсной клѣткой. Въ восемь часовъ принялъ почти ледяную, освѣжившую его ванну, а въ восемь съ половиною постучался къ нему молодой полковникъ, не замѣтный, незначительный, съ бѣлыми усиками, бѣлыми бровями и даже рѣсницы были у него бѣлые. Онъ улыбался, румяный, отлично выспавшійся. Раньше Бейзымъ относился къ молодому полковнику съ убійственнымъ безразличіемъ. Сейчасъ-же возненавидѣлъ его и за его бѣлыя рѣсницы и за улыбку и за то, что онъ спалъ, спалъ въ эту ночь, когда всякій порядочный, достойный носить польскій мундиръ офицеръ, долженъ мучиться, не находить мѣста себѣ отъ жгучей, терзающей обиды...

— Маіоръ, я побезпокоилъ васъ по очень экстренному важному дѣлу. Вы, конечно, слышали о Краковскихъ безпорядкахъ?

— Безпорядкахъ? — переспросилъ Бейзымъ, — вы это называете безпорядками?

— Ну, мы, надѣюсь, не будемъ спорить изъ за отдѣльныхъ выраженій и словъ... Дѣло, такъ сказать, въ слѣдующемъ: одинъ очень извѣстный генералъ спѣшно командируется сегодня въ Краковъ для разслѣдованія вчерашнихъ безпо... вчерашнихъ событій. У васъ большое имя, вы такъ популярны и въ обществѣ, и въ военныхъ кругахъ, и въ широкихъ массахъ... На этомъ основаніи мнѣ поручено... Не согласитесь-ли вы въ спѣшномъ порядкѣ зачислиться на дѣйствительную службу, надѣть мундиръ и выѣхать вмѣстѣ съ генераломъ въ качествѣ... качествѣ ближайшаго помощника, такъ сказать, по ликвидаціи... ликвидаціи... этихъ прискорбныхъ событій...

— А позвольте узнать кто же этотъ извѣстный генералъ? Австріецъ, легіонистъ, или же просто какой нибудь вчерашній штатскій молодой человѣкъ?...

— Успокойтесь, маіоръ, успокойтесь! Мы знаемъ ваши симпатіи — усмѣхнулся полковникъ — ни то, ни другое и ни третье, а такой же, какъ и вы, бывшій русскій офицеръ.

— А, это совсѣмъ другое дѣло... Я даже не спрашиваю фамиліи. Я только хочу знать, какія же его полномочія? Какія? Могу ли я быть полезнымъ и стоитъ ли, вообще, ѣхать?

— Видите-ли, господинъ маіоръ, — замялся бѣло-

брысый полковникъ — я, такъ сказать, не посвященъ въ детали... Но, мнѣ кажется, ваше принципіальное рѣшеніе — да, или нѣтъ, не зависитъ...

— Наоборотъ! Какъ разъ именно, очень зависитъ! Я могу сказать свое да, или нѣтъ, лишь въ томъ случаѣ, когда мнѣ будетъ ясна политика правительства по отношенію къ Краковскимъ... безпорядкамъ... — насмѣшливо подчеркнулъ Бейзымъ слово „безпорядокъ".

— Вы ставите въ этой плоскости вопросъ, господинъ маіоръ? Я, такъ сказать, могу отчасти информировать васъ... Видите ли, господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшилъ держаться примирительной политики.

— Такъ, такъ, — медленно повторялъ Бейзымъ и его собесѣдникъ, не угадывая иронiи, и эти „такъ, такъ", принимая за поощреніе и даже за сочувствіе, закончилъ уже съ большей увѣренностью:

— Да, совсѣмъ не такое время, чтобы возбуждать противъ себя лѣвыхъ и, вообще, демократовъ. Они — сила! Съ этимъ не считаться нельзя... И вотъ, какъ вамъ сказать, въ такомъ духѣ и директивы... Приказано, выражаясь фигурально, не выпускать изъ рукъ оливковой вѣтви, этого символа мира... Однимъ словомъ онъ разберется на мѣстѣ, выслушаетъ обѣ стороны... А дальше, дальше...

— Дальше, господинъ полковникъ, можете не трудиться — перебилъ Бейзымъ, вставая — въ Краковъ я не поѣду!...

— Но почему-же, почему? — отказывался понимать молодой полковникъ и какъ-то безпомощно заморгалъ рѣсницами.

— Меня удивляетъ этотъ вопросъ въ устахъ офицера! Больше, — изумляетъ! Вчера на нашихъ глазахъ перевернулась едва ли не самая унизительная страница нашей тысячелѣтней исторіи. Пожалуй, не одна армія никогда не получала нигдѣ, ни въ одной странѣ такого оскорбленія... Чернь охотилась, какъ на перепеловъ, на польскихъ офицеровъ и солдатъ. Высшее командованіе округа допустило рядъ возмутительныхъ преступныхъ ошибокъ... Тоже, вѣроятно, изъ-за такихъ же демократическихъ побужденій!... Комунисты, жиды, распропогандированные рабачіе и просто хулиганье, совершивъ безпримѣрное, слышите, безпримѣрное нападеніе на войска, перебили и переранили десятки бойцовъ и около сотни

лошадей! Это потери кавалерійскаго боя. И послѣ всего этого, вы предлагаете оливковую вѣтвь и выслушаніе обѣихъ сторонъ въ какомъ-то чуть-ли не митинговомъ порядкѣ? Предлагаете керенщину?... Здѣсь не развращающая болтовня нужна, а дѣйствіе... Такое дѣйствіе, чтобы много лѣтъ спустя чернь при видѣ нашего мундира охватывалъ паническій трепетъ. Съ мѣста — осадное положеніе и самый строгій полевой судъ! Генералу, ѣдущему въ Краковъ, — самыя широкія диктаторскія полномочія. Въ первый же день всѣ зачинщики, всѣ подстеркатели, всѣ моральные и физическіе убійцы, до лѣвыхъ депутатовъ включительно, всѣ должны болтаться на висѣлицахъ въ теченіи трехъ дней. Время осеннее, холодное и вся эта милая компанія не успѣетъ превратиться въ падаль, отравляющую воздухъ! Необходимъ терроръ? Необходимо нагнать такой ужасъ, чтобы матери младенцамъ своимъ внушали безграничное уваженіе ко всѣмъ, кто носитъ польскій мундиръ — голосъ маіора звучалъ грозно, лицо его было страшно и поперекъ лба вздулась сине-багровая жила — на такую расправу я поѣхалъ бы! Поѣхалъ бы, если-бъ даже мнѣ грозила смерть! И, увѣряю васъ, это обуздало бы, отрезвило бы всю страну, на всю обнаглѣвшую сволочь, которая губитъ Польшу, надѣла бы строгій желѣзный намордникъ. Да и Совдепія присмирѣла бы и серьезно считалась бы съ нами. А такъ... Я увѣренъ, у нихъ тамъ бурное ликованіе. Еще бы! Ихъ же дьявольскихъ рукъ дѣло. Да, я не сказалъ всего... Должны быть наказаны и тѣ, кто по бездарности ли своей, по трусости ли, по никчемности ли, по штатскости ли ничтожнаго духа своего отдали на убой Краковскій гарнизонъ. Вотъ условія, на которыхъ я поѣхалъ бы... Э, да что говорить! Чтобы это понять, нужно быть солдатомъ съ головы до ногъ и страдать тѣмъ, какъ я страдаю! Для меня и мнѣ подобныхъ армія — каста, святыня и ея честь, ея неприкосновенность — выше всего... Но гдѣ же это понять стоящему у власти галиційскому адвокату, когда многіе офицеры не понимаютъ?... И вамъ, я вижу, не понять и вы думаете сейчасъ: „этотъ Бейзымъ или чудакъ, или сумасшедшій, или то и другое вмѣстѣ, плюсъ еще дикій, безпокойный человѣкъ... И принесла же нелегкая его въ Польшу, сидѣлъ бы себѣ тамъ въ Испаніи“. Относительно послѣдняго вы, пожалуй, правы... Если бы я зналъ, что пріѣду на такой позоръ, такое униженіе...

Полковникъ, моргая бѣлыми рѣсницами, какъ-то не смѣло и робко всталъ, противъ собственной воли, захваченный, весь подъ впечатлѣніемъ грознаго вида Бейзыма и его вопля, вопля раненной въ самое чувствительное мѣсто души. Хотя полковникъ самъ былъ за оливковую вѣтвь и противъ висѣлицъ, но Бейзымъ какъ-то загипнотизировалъ его своей стихійной мощью, своей жестокой страстностью.

И, спускаясь по ковровой лѣстницѣ, онъ все еще видѣлъ гиганта съ искаженнымъ лицомъ, съ глазами, метавшими молніи и со вздувшейся поперекъ лба жилою...

19. ЧТО НАДО БЫЛО СДѢЛАТЬ И ЧЕГО НЕ СДѢЛАНО.

Человѣкъ въ жизни, какъ артистъ на сценѣ. Самый талантливый актеръ, чувствуя, что не зажигаетъ игрою своею зрительный залъ, теряется и, въ концѣ концовъ, проваливаетъ роль.

Такъ и въ жизни. Даже натасканный митинговый болтунъ-ремесленникъ, если на него повѣетъ холодомъ отъ слушающей толпы, начинаетъ робѣть и слова застываютъ у него въ горлѣ — вотъ, вотъ захлебнется фонтаномъ собственнаго краснорѣчія.

То же самое и въ интимной бесѣдѣ. Вотъ почему Бейзымъ при всей своей необузданной страстности, съ глазу на глазъ съ молодымъ, бѣлобрысымъ полковникомъ явно ему не сочувствующимъ, не то, что сдерживалъ себя, а не воспламенялся до такой степени, до какой хотѣлъ бы и могъ бы.

Вотъ почему, когда попозже явился къ нему Юноша-Гзовскій, сотрудникъ правой газеты и самъ что ни на есть правый — онъ однимъ видомъ своимъ — сплошное негодованіе — зажегъ Бейзыма. Это негодованіе сказывалось и въ блескѣ громадныхъ глазъ на бритомъ актерскомъ лицѣ и въ буйно трясущейся надъ блѣднымъ лбомъ густой гривѣ и въ жестикуляціи длинныхъ рукъ — Бейзымъ ихъ называлъ боксерскими, чѣмъ Юноша-Гзовскій, въ самомъ дѣлѣ, обладавшій парою тяжелыхъ большихъ кулаковъ, весьма и весьма гордился.

Часто забѣгавшій, Гзовскій недѣлю тому назадъ попросилъ!...

— Маіоръ, потренируйте меня въ боксѣ!...

— Зачѣмъ это вамъ? Во-первыхъ, всякій спортъ вещь полезная и пріятная, а во-вторыхъ, вашему брату — журналисту, да еще работающему въ честныхъ газетахъ, всегда грозитъ нападеніе банды какихъ-нибудь соціалистическихъ каналій. Васъ Богъ и такъ не обидѣлъ! Рычаги — мое почтеніе! Если мы этакъ недѣль шесть подзаймемся съ вами, вамъ не страшны будутъ всѣ Діамантенъ, ундъ Перленъ не только сейма и сената, но и всей Польши. Былъ пока лишь одинъ сеансъ и, хотя Бейзымъ надѣлъ самыя мягкія перчатки, а Юношѣ-Гзовскому далъ самыя строгія, хотя Бейзымъ, ограничиваясь лишь демонстрированіемъ ударовъ, почти не наносилъ ихъ, однако, черезъ двѣ-три минуты у Гзовскаго потемнѣло въ глазахъ и было такое ощущеніе, словно по его груди проѣхалъ автомобиль.

— Ничего, ничего! — одобрялъ его Бейзымъ — съ вашей фигурой и вашими кулаками вы будете молодцомъ.

— А мнѣ кажется, я не выдержу?

— Пустяки! Человѣкъ удивительное животное и какъ никакое другое, привыкаетъ, въ концѣ концовъ, къ физической боли. Вы уже знаете... Когда я пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ 14 лѣтъ назадъ, у меня были хорошіе, свѣжіе мускулы, но не было и нѣсколькихъ центовъ въ карманѣ. Я началъ свою карьеру въ Новомъ Свѣтѣ грузчикомъ въ порту. На меня тамъ обратилъ вниманіе самъ великій Джефрисъ, негръ, чемпіонъ бокса. Онъ увезъ меня къ себѣ, положилъ мнѣ десять долларовъ въ день и началъ тренировать. Его первый ударъ въ мою переносицу зажегъ въ моихъ глазахъ снопы искръ, а изъ носа хлынула кровь, какъ у зарѣзаннаго барана... Честное слово, это было довольно-таки непріятно! А черезъ мѣсяцъ кулаки Джефриса уже не были такими страшными... Въ слѣдующій разъ у васъ будетъ гораздо лучше самочувствіе...

Но, „слѣдующій“ разъ не состоялся. Во-первыхъ, Бейзыму съ исчезновеніемъ жены не до тренировокъ было, а во-вторыхъ, Юношу, какъ злободневнаго журналиста подхватилъ и завертѣлъ вихрь событій. Сейчасъ онъ явился, — впрочемъ онъ самъ скажетъ, зачѣмъ онъ явился.

— Маіоръ, я хотѣлъ бы васъ проинтервьюировать относительно Кракова.

— У меня уже только что былъ одинъ интервьюеръ,

— Ну, это безобразіе! Это прямо-таки... — возмутился Юноша, уязвленный въ своей профессіональной ревности.

— Успокойтесь! Это было не для газеты. Совсѣмъ съ другого конца. А только вотъ что я вамъ скажу, дружище. Все равно, ни ваша, ни какая-бы ни было другая газета не помѣститъ нашего интервью. Слишкомъ оно будетъ рѣзкое!

— Что же вы думаете, мы побоимся? — обидѣлся Гзовскій — да мы сами. Вы представить не можете, какъ мы возмущены... Я ненавижу этотъ Краковъ, ненавижу и за 19-й годъ, когда жиды хотѣли вырѣзать штабъ Галлера, да и чуть-чуть не вырѣзали, и за 21-й, когда въ дни наплыва большевическихъ ордъ, тамъ уже были готовы Совѣты и чрезвычайки и, наконецъ, за все теперешнее... Какой ужасъ! Хочется выть, ревѣть, биться головою объ стѣнку! Необходимо расправиться за поруганную честь арміи... Такъ расправиться.

— Я это же самое говорилъ тому интервьюэру... Кстати, какія у васъ новыя подробности?

— Какія? Извѣстно ли вамъ, что сегодня туда спѣшно выѣзжаетъ генералъ...

— Уговаривать?

— Да, уговаривать! Уговаривать тѣхъ, кто съ убитыхъ офицеровъ стаскивалъ сапоги и очищалъ офицерскіе карманы. Тѣхъ, кто... нѣтъ, не могу. Противно говорить... Можетъ быть я увлекаюсь, можетъ быть я вампиръ, жаждущій крови. Можетъ быть сумасшедшій, но... вотъ вы солдатъ и герой, для котораго армія великое слово, а знамя — святыня. Допустимъ, васъ командировали туда съ диктаторскими полномочіями. Допустимъ.. Что бы вы сдѣлали?...

— Что бы я сдѣлалъ? — медленно какъ-то значительно, какъ-то угрожающе переспросилъ Бейзымъ, — я выбралъ бы позицію для нѣсколькихъ батарей и въ теченіи двухъ-трехъ часовъ прямой наводкой громилъ бы кварталы, населенные моральными и фактическими убійцами польскихъ солдатъ... Я развилъ бы такую бомбардировку, что всѣ улицы, кишащія этой сволочью, превратились бы въ груды развалинъ... О, это былъ бы назидательный урокъ! Уцѣлѣвшая чернь долго бы еще блѣднѣла бы и открещивалась отъ такихъ словъ, какъ „революція, возстаніе, коммунизмъ, большевики“.

У двухъ-трехъ поколѣній выбило бы дурь изъ головы. А на самой высокой точкѣ Вавеля я приказалъ бы поставить гигантскій манекенъ въ польскомъ мундирѣ и, чтобы каждый проходящій мимо жидъ еще за 500 шаговъ снималъ шляпу... И снимали бы! Еще какъ снимали бы!..

— На самой высокой точкѣ Вавеля? За 500 шаговъ? Ахъ, дорогой маіоръ, мало расцѣловать васъ! — пришелъ въ восхищеніе Гзовскій. — Эхъ, будь тысяча, одна только тысяча такихъ же, какъ вы и не было бы того, что къ сожалѣнію есть!!... Такъ за 500 шаговъ? Я представляю себѣ жида, проходящаго мимо Краковскихъ святынь и манекена въ польскомъ мундирѣ... Шутки въ сторону... Въ самомъ дѣлѣ, это имѣло бы громадное воспитательное значеніе. А по формѣ забавно! Нельзя не смѣяться — и Гзовскій расхохотался низкой протодьяконской октавою.

Насмѣявшись до отказу, до выступившихъ на рѣсницахъ слезъ, онъ отъ души посѣтовалъ.

— Жаль... Досада! Нельзя написать объ этомъ...

— Другъ мой, самое интересное никогда не попадетъ въ печать, ибо самыя интересныя вещи — самыя нецензурныя. Такъ и знайте! Вотъ почему газеты всего міра на 90 процентовъ наполняются всякимъ вздоромъ... Кстати, навѣрно у васъ въ редакціи уже получено извѣстіе, какъ откликнулась въ Совдепіи вся эта Краковская эпопея? Воображаю, какія тамъ у нихъ митинги?

— Что митинги? Ночью намъ доставлены телеграммы съ нѣсколькихъ пограничныхъ пунктовъ. И вѣдь вотъ знаменательно. Оказывается, у пограничной полосы большевики ожидали Краковскихъ событіи за 24 часа до самыхъ событій. А когда свершилось, къ вечеру тамъ уже извѣстно было все до мельчайшихъ, подробностей.

— То-то, могу себѣ представить пошло ликованіе! Всю ночь горѣли костры. Всю ночь комиссары спаивали красноармейцевъ водкой, опьяняя ихъ еще зажигательными рѣчами:

„Товарищи, отмѣтимъ въ нашемъ красномъ календарѣ этотъ великій день въ исторіи міровой революціи... На площадяхъ мелко буржуазнаго Кракова доблестный польскій пролетаріатъ далъ рѣшительный бой несознательнымъ наемникамъ банкировъ и бѣлогвардейскихъ пановъ. Уже встаетъ, поднимается рабочій народъ Варшавы и черезъ нѣсколько дней мы соединимся, сольем-

ся съ красной Польшей. Ура! Да здравствуетъ красная Польша! Да здравствуютъ наши доблестные вожди Ленинъ и Троцкій!"

— Любопытную жанровую картинку нарисовали, маіоръ. А еще развѣ не любопытно? Тамъ кричали: „да здравствуютъ Ленинъ и Троцкій", а на улицахъ Кракова депутатъ сейма Бобровскій надъ трупами нашихъ офицеровъ и солдатъ кричалъ: „Да здравствуетъ Пильсудскій! Я ничего не сопоставляю, я привожу лишь голые факты.

— Факты всегда сильнѣе словъ и всякихъ сопоставленій — скрѣпилъ Бейзымъ.

— Ахъ, эти факты! Чтобы имъ проклятымъ! Но все же до сихъ поръ понять не могу, какъ эта чернь могла побѣдить, — нельзя же не признать, побѣдила — большой гарнизонъ большого города?...

—Я же вамъ говорилъ, а можетъ быть и не вамъ, а другому... Во первыхъ, во главѣ этого самого злосчастнаго гарнизона — штатскій или почти штатскій господинъ съ заячьей душой и головой... онъ ее совсѣмъ потерялъ и безъ того неособенно крѣпкую... Во-вторыхъ, во-вторыхъ, полиція, стрѣлявшая не въ толпу, а въ воздухъ... Если бы она смѣло и честно выполнила свой долгъ, то результатъ былъ бы совсѣмъ другой. Да вотъ вамъ весьма поучительный примѣръ... Это было въ Ригѣ, въ 1906 году. Нѣсколько тысячъ рабочихъ фабрики, не помню сейчасъ то-ли Треугольника, то-ли Проводника, взбунтовались... Какія-то политическія требованія, чертъ ихъ тамъ знаетъ что. Словомъ безобразіе, безобразіе, которое при малѣйшемъ попустительствѣ могло бы принять опасныя формы. И вотъ цѣлымъ скопищемъ двинулись на городъ, намитингованные кровожадные, очень буйные и очень рѣшительные рабочіе...

— Мерзавцы! Ну, и что-же?

— А то, дружище, что противъ нихъ выслано было всего пять спѣшенныхъ гусаръ Иркутскаго полка съ унтеръ-офицеромъ во главѣ. За 300 шаговъ унтеръ-офицеръ приказалъ толпѣ разойтись... Какое! Все прутъ и прутъ дальше. Тогда, подпустивъ толпу на 100 шаговъ горсточка гусаръ открыла бѣглый огонь, но не въ воздухъ, а по самой гущѣ. Въ итогѣ — около 30 убитыхъ и около 200 раненыхъ...

— Почему же такъ много?

— Потому, что одна пуля пронизывала нѣсколько

человѣкъ... Тысячная толпа разбѣжалась... Панически разбѣжалась.

— Это я понимаю! Ай, да, гусары! Шесть человѣкъ!

— Теперь дальше. Въ третьихъ, пѣхотный батальонъ въ Краковѣ погубило политиканство офицеровъ. Только развращенные политиканствомъ офицеры могли допустить, чтобы на ихъ же глазахъ мятежный сбродъ осмѣлился расхватать винтовки... Это одно преступленіе, другогое же... Они, эти самые офицеры допустили, чтобы винтовки...

—Да, да, стояли въ пирамидахъ! Это или глупость, или безуміе.

— Или же предательство. Можетъ быть и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Наконецъ, въ четвертыхъ. Пусть восьмой уланскій полкъ — австрійскій полкъ, пусть австрійцы никогда не знали, ничего не умѣли, ничему не научились, но все же атаковать въ конномъ строю великолѣпно укрывшихся стрѣлковъ, да еще на узенькихъ улицахъ древняго города, атаковать засѣвшихъ въ домахъ съ пулеметами — этого я не ожидалъ и отъ австрійцевъ!... И что же получилось въ концѣ концовъ? Регулярное войско превратилось въ безпомощную толпу, понесшую тяжкія потери, толпа же сумѣла показать себя, если и не войскомъ, то все же организаціей, знающей, что такое уличный бой. Грустно это все, такъ грустно — страдальчески вырвалось у Бейзыма — и тѣмъ грустнѣе, что нашъ польскій солдатъ — одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, какъ матеріалъ. Вся трагедія въ отсутствіи офицеровъ... То-есть ихъ много, очень много людей, носящихъ офицерскій мундиръ, но мало среди нихъ настоящихъ офицеровъ. Офицерскій корпусъ долженъ быть офицерскимъ корпусомъ, а не какой-то соціалистической партіей.

— Вотъ, вотъ! — подхватилъ Гзовскій — я такъ и напишу! Честное слово!...

20. ПЕРВЫЯ ПОДОЗРѢНІЯ.

Винарскій дѣлилъ своихъ агентовъ на двѣ группы — хвастуновъ, больше обѣщающихъ и болтающихъ, чѣмъ исполняющихъ, и, наоборотъ, — скупые на слово, въ дѣлѣ они хоть куда молодцы!

Преобладали не вторые, а первые, къ сожалѣнію. Яркимъ же представителемъ меньшинства былъ Гвоздановичъ.

Онъ больше отмалчивался, покручивая сѣдѣющіе усы, попыхивая трубкой, поблескивая молодыми глазами, а самъ въ это время, что-то прикидывалъ, соображалъ, выдергивая изъ хаотическаго клубка жизни какія-то одному ему понятныя, близкія ниточки...

Такъ и въ исторіи похищенія Магдалины. Другой на его мѣстѣ лѣзъ бы съ каждымъ пустякомъ, мозолилъ бы глаза и Винарскому и Бейзыму. Тѣмъ болѣе, съ первыхъ шаговъ онъ располагалъ фактами далеко не пустячными. Гвоздановичъ имѣлъ въ своемъ подчиненіи около десяти низшихъ агентовъ. Они дежурили на вокзалахъ и наблюдали за Римской гостинницей, — оффиціально совѣтское посольство, не оффиціально же — штабъ коммунистической пропаганды. И вотъ изъ показаній двухъ агентовъ, исполнявшихъ свои обязанности какъ разъ именно въ воскресный вечеръ, вечеръ исчезновенія Магдалины, Гвоздановичъ сдѣлалъ нѣкоторые выводы.

Агентъ, вернувшись съ Восточнаго вокзала, сообщилъ приблизительно слѣдующее:

— Въ половинѣ десятаго пришелъ поѣздъ... По моимъ соображеніямъ съ этимъ поѣздомъ должны были пріѣхать изъ Сулеювка два подозрительныхъ субъекта... Я занялъ позицію у контроля, пропустилъ цѣлый потокъ поссажировъ, но тѣхъ, кого поджидалъ, — тѣхъ не было. Уже напослѣдокъ вышла молодая красивая дама. И тутъ же я обратилъ вниманіе на большой, закрытый автомобиль, единственный на всей площади. Какой-то господинъ, — я его не разглядѣлъ въ сумеркахъ, — подошелъ къ брюнеткѣ и, почтительно снявъ шляпу, что-то ей говорилъ. Видимо, сначала она колебалась, а потомъ господинъ открылъ дверцу, посадилъ даму, вслѣдъ за нею сѣлъ самъ и, — только я ихъ и видѣлъ!...

Все это показалось мнѣ довольно таки страннымъ. По привычкѣ, обратилъ вниманіе и на автомобиль и на его номеръ. Послѣдній запомнить было легко: 13-13. Автомобиль же, — фирмы „Фіатъ“. Уѣхалъ онъ по направленію къ городу. Бѣлая доска долго была видна, освѣщаемая крупной синеватой лампочкой.

Другой агентъ показалъ:

Въ десять часовъ вечера онъ смѣнилъ своего коллегу, дежурившаго возлѣ Римскаго отеля. Онъ сидѣлъ у дома № 11 по Трембацкой на скамеечкѣ. Приблизительно около половины 12-го у подъѣзда гостинницы остановился

закрытый автомобиль, по описанію вполнѣ схожій съ тѣмъ, который увидѣлъ у Восточнаго вокзала первый агентъ. Та же фирма „Фіатъ“. Синеватая лампочка освѣщала бѣлую дощечку, но только номеръ на этой дощечкѣ былъ уже не 13-13, а 18-25. Какой-то щупленькій господинъ еврейскаго типа съ большимъ носомъ скрылся за дверями подъѣзда.

Минутъ черезъ пять онъ вышелъ изъ посольства, сѣлъ въ автомобиль и шоферъ взялъ по Трембацкой на Вержбовую.

Гвоздановичъ спросилъ:

— Вы обратили вниманіе на шоффера?

— Нѣтъ! обыкновенный шоферъ, какихъ много.

Послѣ этого у Гвоздановича не оставалось никакого сомнѣнія, что закрытый автомобиль фирмы „Фіатъ“ 13-13, онъ же 18-25 похитилъ и увезъ Магдалину. О, если-бы удалось съ такой же легкостью установить, кому принадлежитъ машина, это былъ бы крупный шагъ впередъ.

Не теряя времени, Гвоздановичъ поѣхалъ на Краковское Предмѣстье въ отдѣленіе „Фіата“. Что-то солидное во всѣхъ автомобильныхъ магазинахъ. Чистота, все блеститъ, ослѣпительно сіяетъ. И строго и тихо. По цѣлымъ недѣлямъ иногда, — хоть бы одинъ покупатель, — то сразу многомилліонныя продажи.

Гвоздановичъ назвалъ себя Грабовскому, бывшему гвардейскому офицеру, а теперь директору варшавскаго „Фіата“.

Грабовскій былъ очень любезенъ.

— Я весь въ вашемъ распоряженіи...

— Господинъ директоръ, не можете ли вы мнѣ назвать лицъ, купившихъ у васъ за послѣднее время автомобили, черные съ закругленными кабинками типа изящной бонбоньерки, или же, я бы сказалъ, это, пожалуй, еще вѣрнѣе, — купальной корзины, гдѣ-нибудь на пляжѣ моднаго курорта?

— Погодите, погодите, — соображалъ Грабовскій, — нѣтъ, машины такого типа я никому не продавалъ...

— Однако...

— Однако, угодно вамъ сказать, что такіе автомобили нашей же фабрики имѣются въ Варшавѣ? Совершенно вѣрно! Есть одна, только этотъ „Фіатъ“, вполнѣ схожій съ вашимъ описаніемъ, привезенъ въ Варшаву кажется изъ Берлина.

— Кѣмъ?

— Кѣмъ? — улыбнулся Грабовскій, и послѣ нѣкоторой паузы добавилъ:

— Совѣтской миссіей...

— А, теперь я понимаю!...

Грабовскій, воспитанный человѣкъ, не спросилъ агента въ чемъ же дѣло, и что именно онъ „теперь понялъ".

Гвоздановичъ выяснялъ мѣстопребыванія Изы Башіаччи. Въ Европейской гостинницѣ сказали ему, что она выѣхала на двѣ недѣли въ Берлинъ. Гвоздановичъ не повѣрилъ. То-есть онъ повѣрилъ администраціи отеля, но не повѣрилъ самой Изѣ Башіаччи, оставившей, по его мнѣнію, ложный слѣдъ. Онъ отправился въ Германское консульство и навелъ справку, получила ли госпожа Башіаччи визу въ Берлинъ?

Консульскій чиновникъ, перелиставъ книгу, куда заносились паспорта ѣдущихъ, объявилъ весьма рѣшительно:

— Нѣтъ! Никакая Башіаччи не брала визы, а слѣдовательно уѣхать въ Берлинъ не могла, по крайней мѣрѣ легальнымъ путемъ...

Визитъ въ консульство укрѣпилъ Гвоздановича въ мысли, что Башіаччи проскользнула въ Совдепію и это ея путешествіе — въ связи съ дѣломъ жены Бейзыма.

Гвоздановича тянуло къ себѣ, какъ-то притягивающе тянулъ домъ не Налевкахъ, гдѣ помѣщался эмигрантскій благотворительный комитетъ. Гвоздановичу было извѣстно участіе комитета въ Краковскихъ событіяхъ.

Одѣвшись въ затрапезный пиджакъ и въ мягкую рубаху безъ галстука растрепавъ свою эспаньолку, растрепавъ и опустивъ къ низу жгуты усовъ, Гвоздановичъ вошелъ во дворъ комитетскаго дома. Его влекло, какъ-то странно, влекло все дальше и дальше, вглубь хаотическихъ нагроможденій — этихъ корпусовъ флигелей, каменныхъ стѣнъ и складовъ. Но, прежде чѣмъ углубиться туда, онъ захотѣлъ посмотрѣть дворника, что представляетъ собою этотъ единственный полякъ — христіанинъ единственный, среди кишмя кишащаго еврейскаго засилья. Впечатлѣніе — самое безотрадное. Маленькій плюгавенькій человѣкъ, неряшливый, беззубый, съ мутнымъ взглядомъ. Онъ дохнулъ такимъ виннымъ перегаромъ, что Гвоздановичъ невольно отшатнулся. Жалкая

пѣшка въ рукахъ жидовъ, которые его спаиваютъ — рѣшилъ Гвоздановичъ.

Желаніе разговориться съ дворникомъ, дало именно такіе же результаты. Мозгъ, отравленный алкоголемъ, соображалъ весьма плохо и такъ же плохо повиновался языкъ беззубаго рта съ фіолетовыми губами. Дворникъ, пяля на собесѣдника мутные, воспаленные глаза, несъ какую-то чушь.

— Э, голубчикъ, да ты совсѣмъ плохъ! — и тутъ-же Гвоздановичъ сказалъ себѣ, что потребуетъ въ мѣстномъ коммисаріатѣ смѣщенія этой человѣческой развалины и замѣны ея кѣмъ-нибудь другимъ.

21. ГВОЗДАНОВИЧЪ ПОСТАВИЛЪ НА СВОЕМЪ.

Поспѣшивъ отдѣлаться отъ дворника съ его нелѣпой болтовней, Гвоздановичъ проникъ вглубь двора. Какъ на восточномъ базарѣ, гдѣ вся купля-продажа подъ открытымъ небомъ, такъ и здѣсь подъ шумъ и гамъ процвѣтала торговля исключительно между евреями, густо кишѣвшими на неровной, грязной, никогда не подметающейся булыжной мостовой двора.

Да, это былъ кусочекъ Востока. Ни кипарисовъ, ни платановъ, ни голубыхъ, какъ персидская бирюза небесъ, ни острыхъ, какъ иглы, минаретовъ, а все же — Востокъ. Не даромъ въ осѣвшихъ вѣками на одномъ мѣстѣ евреяхъ всегда что-то принесенное издалека, знойное, скитальческое.

Шатаясь съ беззаботнымъ видомъ отъ одной группы къ другой и даже прицѣниваясь къ всевозможному хламу, Гвоздановичъ потихоньку, незамѣтно подвигался впередъ.

Если есть инсинктъ у собаки, у звѣря, то почему же не быть ему хотя и въ болѣе слабой степени у человѣка? Именно развѣ только лишь инстинктомъ можно объяснить, что Гвоздановича охватило такое властное, неодолимое желаніе проникнуть въ ушедшій въ землю низкій, съ высокой крышею, длинный складъ съ окнами въ желѣзныхъ рѣшеткахъ и съ желѣзной дверью, запертой висячимъ замкомъ. Гвоздановичъ успѣлъ разглядѣть — замокъ далеко не массивный, а, такъ себѣ, легенькій, маленькій, скорѣе „для очистки совѣсти“, какъ говорится. Видимо, кто владѣетъ этимъ караванъ-сараемъ, похожимъ

на дворъ, или дворомъ, похожимъ на караванъ-сарай, безконечно увѣренъ въ себѣ, въ своихъ „сторожевыхъ“ силахъ и менѣе всего полагается на спившагося дворника — сами же его спаиваютъ.

Желѣзная дверь цвѣта запекшейся крови облупилась и проступала мутная ржавчина. Вдругъ между Гвоздановичемъ и этой дверью выросла плотная фигура, веснусчатаго рыжаго еврея. Глядя на непрошеннаго незваннаго посѣтителя откровенно-злыми, не буравящими, нѣтъ, а скорѣе липкими глазами, онъ спросилъ:

— Что ви ждѣсь потерали?...

— Да, да, что онъ таки ждѣсь потералъ? И что ему нужно? — послышались еще голоса и какъ-то для себя самого незамѣтно, Гвоздановичъ очутился зажатымъ въ плотное кольцо изъ нѣсколькихъ евреевъ.

Силы — болѣе чѣмъ неравныя. Веснусчатый жидъ. съ бычачьей шеей однимъ ударомъ своего покрытаго огненной шерстью кулака могъ замертво свалить Гвоздановича. И Гвоздановичъ понялъ и оцѣнилъ серьезность своего положенія. Сопротивляться — нечего и думать. Не успѣетъ онъ выхватить револьверъ, его собьютъ съ ногъ и такъ основательно искалѣчатъ — всю жизнь будетъ помнить...

Но если онъ даже и не попытается вынуть револьверъ, если онъ, вообще, начнетъ оправдываться, требовать, чтобы ему дали дорогу, его все равно изобьютъ. Это угадывалось. Малѣйшая вспышка — и послѣдуетъ взрывъ... Кольцо все тѣснѣе... Въ нѣсколькихъ парахъ глазъ все больше и больше ненависти и все острѣй мутитъ голову запахъ грязныхъ, немытыхъ тѣлъ еврейской черни...

Выйти сухимъ изъ воды можно лишь при полномъ обезоруживающемъ хладнокровіи и спокойствіи. Гвоздановичъ избралъ именно этотъ путь. Не отвѣчая ни слова на задирающіе вопросы, онъ, смотря въ глаза и веснусчатому и другимъ, вынулъ трубочку, не спѣша набилъ ее табакомъ и не спѣша закурилъ. Это вызвало надлежащій эффектъ. Евреи, загерготавъ что-то по своему, съ гримасами и пожиманіемъ плечъ, невольно раступились. Но Гвоздановичъ не поспѣшилъ воспользоваться этимъ. Опомнятся и еще такъ накладутъ — любо-дорого! Онъ выдержалъ паузу, подымилъ трубочкой и тогда лишь съ беззаботно-скучной миною, побрелъ къ выходу.

Но не сразу, а какими-то лѣнивыми зигзагами. Только, очутившись на улицѣ, понялъ и уяснилъ себѣ во всемъ объемѣ опасность, которой подвергался.

Но это маленькое приключеніе не только не отбило у него охоты проникнуть за дверь цвѣта запекшейся крови, а, наоборотъ, подзадорило на новую въ этомъ направленіи авантюру.

Ночью-же онъ рѣшилъ повторить попытку, но уже не въ единственномъ числѣ, а съ помощникомъ. Въ помощники себѣ онъ взялъ низшаго агента Барилло, въ самомъ дѣлѣ, плотной, свиной фигурою напоминавшаго боченокъ. Это былъ первый силачъ во всей тайной и явной полиціи города Варшавы. Онъ артистически умѣлъ драться ногами и головой. Какъ-то Барилло атакованъ былъ нѣсколькими коммунистами во время одной опасной слѣжки. Онъ такъ обработалъ ихъ — только пухъ и перья летѣли. Коммунистъ, получившій ударъ головой въ грудобрюшную преграду и черезъ нѣсколько минутъ подобранный кареткой скорой помощи, въ этой-же самой каретклѣ испустилъ свой грѣшный послѣдній духъ. Вотъ какой человѣкъ былъ агентъ Барилло, получившій начальное воспитаніе надъ Вислой.

Умомъ и сообразительностью этотъ бочкообразный субъектъ не блисталъ. Онъ могъ быть слѣпымъ исполнителемъ, но никакъ не агентомъ, разсуждающимъ, проявляющимъ собственную иниціативу. Но за то, именно, какъ слѣпой исполнитель, — онъ прямо былъ незамѣнимъ!..

Еще днемъ Гвоздановичъ сказалъ ему:

— Барилло, сегодня съ вечера вы въ моемъ распоряженіи, возьмите свой кастетъ.

Въ данномъ случаѣ „свой кастетъ“ требуетъ поясненія: въ то время, какъ и самъ Гвоздановичъ и другіе агенты пользовались обыкновеннымъ кастетомъ, надѣваемымъ на четыре пальца, Барилло съ успѣхомъ пользовался гирькой, въ четыре фунта. Его кулакъ вмѣстѣ съ такою гирькою, являлся грознымъ, способнымъ проломить самый твердый черепъ, оружіемъ.

Планъ дѣйствія Гвоздановича былъ таковъ: онъ вмѣстѣ со своимъ спутникомъ проникнетъ ночью во дворъ комитетскаго дома. Время позднее, весь караванъ-сарай спитъ и, если оказано будетъ сопротивленіе, то какими-нибудь двумя-тремя человѣками. А съ ними Ба-

рилло съумѣетъ справиться... Долго звонили... Наконецъ что-то завозилось въ подворотнѣ. Долго не попадалъ ключъ въ замочную скважину. Пріотворилась калитка. Въ темнотѣ — неясный силуетъ маленькаго плюгаваго дворника, а за нимъ куда болѣе крупный и внушительный силуэтъ веснущатаго еврея. Узналъ, или не узналъ онъ Гвоздановича, не въ мѣру любопытнаго дневного посѣтителя? Если не узналъ, то, во всякомъ случаѣ, нисколько не былъ отъ этого любезнѣе.

— И, что это шляются ночью разные?... Кого вамъ надо!

— Тебя! — отвѣтилъ Гвоздановичъ и прибавилъ, уже обращаясь къ Бариллу — стукните его хорошенько!...

Еврей и опомниться не успѣлъ, какъ пятерня съ зажатой гирькой хватила его по головѣ.

Пьяному дворнику, да еще съ просонокъ, померещились бандиты. Онъ уже готовъ былъ поднять крикъ, но Гвоздановичъ одной рукой схватилъ его сзади за шею, другой плотно запечаталъ ему ротъ.

— Молчи, дурень! Молчи! Мы агенты полиціи.. Смотри, проболтаешься — сгніешь въ тюрьмѣ... Дѣлай что тебѣ прикажутъ! Закрой калитку, помоги взять жида!

Но Барилло не нуждался ни въ чьей помощи. Онъ сгребъ въ охапку неподвижную тушу и потащилъ ее въ дворницкую. Тамъ при миганіи лампочки шевелилось подъ ватнымъ одѣяломъ какое-то существо неопредѣленнаго пола и возраста. Барилло опустилъ свою ношу рядомъ съ кроватью. Гвоздановичъ ткнулъ въ носъ оглушенному пузырекъ съ какимъ-то снадобьемъ.

— Ну, теперь онъ проспитъ добрыхъ полъ сутокъ... А это у тебя что такое? — спросилъ Гвоздановичъ, кивнувъ на существо, прикрытое ватнымъ одѣяломъ.

— Это... это моя жена...

— Отлично! И ей скажи, чтобы держала языкъ за зубами. Иначе обоимъ влетитъ! Можешь теперь спать. Ничего не знаешь, ничего не видѣлъ... Понялъ?...

— Понялъ... — отвѣтилъ дѣйствительно ничего не понимавшій пьянчужка.

Гвоздановичъ и Барилло углубились въ третій дворъ, гдѣ какъ темные глазницы смотрѣли во тьму рѣшетчатыя окна склада.

— И отмычекъ не надо вынимать... И такъ дадимъ рады... Замокъ-то самый лядащій! — И Барилло, ухватившись обѣими руками, понатужился, запыхтѣлъ, закряхтѣлъ и черезъ минуту-другую тоненькая дужка замка сломалась. Дверь была открыта — оба вошли въ складъ. Электрическій фонарикъ Гвоздановича забѣгалъ снопомъ своихъ лучей, вспугивая мракъ, выхватывая изъ него каменныя плиты, каменный сводъ, какіе-то ящики въ углу и вдоль стѣнъ... Ящики оказались пустые.

— Хм... немного товару! Немного! — покачалъ головою Гвоздановичъ — посмотримъ дальше...

Дальше — нѣчто среднее между гротомъ и сводчатымъ корридоромъ.

— Ну и ну — протянулъ Барилло — тутъ такихъ дѣлъ можно натворить, ни одна живая душа никогда не узнаетъ ничего!

— Чудесное помѣщеніе для чрезвычайки! — замѣтилъ Гвоздановичъ.

Корридоръ въ нѣсколько шаговъ длины вывелъ въ другое помѣщеніе, значительно меньшее. Забѣгавшій ослѣпительный снопъ обнаружилъ грязный, тощій тюфякъ и ввинченное въ стѣну желѣзное кольцо. Съ одного изъ этихъ колецъ ниспадала двумя концами веревка.

— Боже милостивый, кровь! — прошепталъ Барилло.

— Гдѣ?

— Да вотъ... Запеклась... И на тюфякѣ и на полу... Самая настоящая кровь...

— Да, да... Я же говорилъ — чрезвычайка... — и для Гвоздановича не было никакихъ сомнѣній, что здѣсь, именно здѣсь Магдалину Бейзымъ, если даже и не пытали, то, во всякомъ случаѣ, жестоко избили...

22. КУДА ПРИВЕЛЪ ПОДЗЕМНЫЙ ХОДЪ.

— Вы думаете, это уже конецъ? — спросилъ бочкообразный Барилло, вспугнувъ, какъ стаю зловѣщихъ птицъ, текія же зловѣщія мысли Гвоздановича, навѣянныя этимъ инквизиціоннымъ подваломъ.

— Что такое?

— Я говорю, вы думаете, это уже конецъ? Когда я былъ маленькимъ, то слышалъ, что отъ самыхъ Налевокъ ажъ до самой Вислы идутъ подземные ходы...

Жиды понадѣлали! А для чего это жидамъ — извѣстно! Для своихъ разныхъ тамъ гешефтовъ...

— Ну, этого я не думаю... Если они и есть, подземные ходы, то врядъ-ли это дѣло жидовскихъ рукъ... А что жиды ими пользовались, а быть можетъ и пользуются, это... это... Однако, Барилло, вы, кажется, не ошиблись, — и Гвоздановичъ направилъ свой прожекторъ на полукруглую нишу, чуть-чуть замаскированную двумя пустыми ящиками. И когда оба изслѣдователя подошли вплотную къ этимъ ящикамъ, глухо зазвенѣла подъ ногами проволока. Въ этомъ звукѣ почудилось Гвоздановичу и его взвинченнымъ нервамъ что-то предостерегающее. И будь онъ одинъ, врядъ-ли отважился-бы на дальнѣйшія изысканія...

Но съ нимъ Барилло, сильный, какъ быкъ и какъ быкъ нечувствительный. Онъ слишкомъ глупъ, чтобы бояться чего-нибудь, — говорилъ о немъ Винарскій, — да и нервы у него, что твоя телеграфная проволока.

Гвоздановичъ подсчиталъ силы:

— Насъ двое! Вѣрнѣе, пятеро. Вы, Барилло, — одинъ четырехъ стоите! У насъ два револьвера и на нѣсколько часовъ освѣщенія. Что-же рискнемъ, если это, по вашимъ словамъ, „ажъ до самой Вислы?“...

— А, если это такъ себѣ? — усумнился Барилло.

— Мы это сейчасъ увидимъ! Уберите-ка вы прочь эти ящики.

Ниша оказалась и сама по себѣ довольно глубокой, а дальше вели каменныя ступеньки, исчезающія во мракѣ. Сыростью, холодомъ и плѣсенью дышалъ этотъ мракъ. Ступенекъ не много. Кончился спускъ и потянулось что-то, напоминающее римскіе катакомбы. Гвоздановичъ не былъ въ Римѣ, но видѣлъ рисунки катакомбъ. Такой же каменный сводъ, такія же каменныя стѣны, только нѣмыя молчащія не расписанныя фресками.

Подвигались молча. И лишь разъ вставилъ Барилло

— Вотъ увидите, ажъ до самой Вислы!...

И, странно, какъ чужой прозвучалъ голосъ въ этомъ мертвомъ подземномъ царствѣ. Да и тишина здѣсь мертвая совсѣмъ другая, чѣмъ на землѣ. Тамъ на землѣ въ самой глубокой тишинѣ что-то звенящее, нѣтъ, нѣтъ и пронизалъ ее какой-нибудь слабый звукъ... А здѣсь, здѣсь даже шуршаніе ногъ не улавливается слухомъ.

Такъ шли они, сами не зная сколько. Въ подобныхъ условіяхъ теряются понятія пространства и времени. Можетъ быть они сдѣлали 500 шаговъ, можетъ быть тысячу, а можетъ быть, гораздо больше. Ничто не отвлекало мысль и глазъ. Никакихъ ужасовъ, свойственныхъ подземельямъ въ романахъ! Ни череповъ, ни костей, напоминающихъ загадочные іероглифы. Ничего этого нѣтъ въ поминѣ. Въ старинныхъ замкахъ встрѣчаете до сихъ поръ такіе сводчатые, облицованные камнемъ, безстрастные нѣмые корридоры. Но, такъ какъ всему бываетъ конецъ, то и этотъ подземный корридоръ неожиданно уткнулся въ дверь. Ничего древняго, тяжелаго, массивнаго. Обыкновенная позднѣйшаго происхожденія дверь съ обыкновенной бронзовой ручкой и еще болѣе обыкновенной замочной скважиной. Барилло потянулъ ручку сначала къ себѣ потомъ отъ себя. Дверь не поддавалась. Гвоздановичъ, заглянувъ въ замочную скважину, чертыхнулся. Ключъ торчалъ, но, къ великому сожалѣнію, не снаружи, а изнутри.

— Интересно, что тамъ такое? Барилло, вы могли-бы высадить эту дверь?

— Положимъ, что могъ бы!... Случалось, разбѣжишься, хватишь хорошенько плечомъ, а она уже ползетъ по всѣмъ швамъ. Только зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Чтобы туда попасть!..

— Э, господинъ начальникъ, для этого у насъ имѣется особый инструментъ. Будьте добры посвѣтите-ка мнѣ...

Барилло вытащилъ изъ кармана что-то маленькое стальное, продолговатое. На концѣ механизмъ, похожій на паучьи лапки.

— Ну, братъ ты мой, да ты гораздо умнѣе, чѣмъ всѣ мы думали — сказалъ про себя Гвоздановичъ. О такихъ приспособленіяхъ онъ слыхалъ и читалъ въ „полицейскихъ“ романахъ. Этими паучьими лапками пользуются воры въ большихъ центрахъ и на модныхъ курортахъ, дабы проникнуть въ номеръ отеля, запертый ключемъ изнутри.

Лапки захватываютъ бородку ключа, нѣсколько опытныхъ движеній и дверь открыта.

Барилло блестяще продемонстрировалъ свое искусство.

— А что! Пусть господинъ начальникъ скажетъ господину инспектору. Можетъ быть мнѣ выйдетъ повышеніе.

— Скажу, скажу... Непремѣнно скажу... отдѣлывался Гвоздановичъ, весь дрожа, охваченный особеннымъ охотницкимъ азартомъ.

Дверь безшумно раскрылась. Вошли, освѣтили. Продолженіе катакомбъ болѣе широкое, уже не сводчатое, а обыкновенное, жилое, какъ въ теперешнихъ домахъ. Нѣсколько деревянныхъ отполированныхъ ступеней внизъ, еще такой же, теперешній корридовъ, еще полированные ступеньки, но уже не внизъ, а вверхъ. И такъ они шли и получалось впечатлѣніе лабиринта. Вновь уперлись въ дверь, такую же деревянную, съ такой же ручкой. Она была лишь прикрыта. Гвоздановичъ подавилъ крикъ изумленія. Ожидалъ все, что угодно, только не это... Они очутились на прямоугольной большой баллюстрадѣ, охватывавшей длинный „бальный“ залъ. Этотъ залъ былъ весь внизу, подъ нимъ и Гвоздановичъ со своимъ помощникомъ, стоя у деревяннаго рѣзнаго барьера, не лишеннаго художественности, увидѣлъ нѣчто необычайное, до того необычайное, — даже невозмутимый Барилло и тотъ воскликнулъ:

— Ей Богу, я думаю, такой комнаты нѣтъ даже и въ Бельведерѣ у самого Президента!...

Стѣны до самой баллюстрады, выступившей со всѣхъ сторонъ, своеобразнымъ балкономъ, покрыты живописью. Поперекъ зала правильные ряды тяжелыхъ стульевъ чернаго дуба съ высокими спинками. Метрахъ въ двухъ отъ перваго ряда — возвышеніе, какъ въ концертныхъ залахъ, но обитое чернымъ сукномъ. На возвышеніи — столъ, квадратный, небольшой тоже покрытый чернымъ сукномъ. На столѣ два мѣдныхъ массивныхъ семисвѣчника съ восковыми свѣчами. Такіе семисвѣчники старинные, тонкой артистической работы встрѣчаются въ богатыхъ синагогахъ и въ богатыхъ еврейскихъ домахъ...

Между этими самисвѣчниками рельефно круглился на черномъ фонѣ сукна гримасничающій жуткой гримассою, съ оскаленными зубами и бездонными впадинами глазницъ, отшлифованный временемъ черепъ. И такъ хороша была „шлифовка“, — снопъ фонаря зажигалъ на ней яркіе блики.

— Что за чертовщина такая? — недоумѣвалъ Гвоздановичъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе недоумѣвая.

Передъ столомъ — рѣзное монументальное кресло съ точеной спинкою. Настоящее тронное кресло. Оно сдѣлало бы честь любому монарху. Если-бъ Гвоздановичъ былъ свѣдущимъ въ стиляхъ, онъ сразу сказалъ бы, что это кресло — чистѣйшій испанскій ренесансъ.

Вдоль стѣнъ ва высотѣ двухъ человѣческихъ ростовъ висящіе канделябры, тоже съ восковыми свѣчами и тоже типа еврейскихъ семисвѣчниковъ.

Но живопись, живопись! Что ни картина, что ни композиція — самое безбожное кощунство! И не какая нибудь посредственная мазня, а кисть настоящаго мастера, съ талантомъ и размахомъ чувствующаго, что такое стѣнная живопись. Всѣ фигуры въ натуральную величину, а нѣкоторыя и въ болѣе крупномъ масштабѣ. Вотъ дьяволъ съ головою козла бичуетъ колѣнопреклоненнаго передъ нимъ Спасителя, вотъ Богоматерь съ младенцемъ на опушкѣ лѣса, а вокругъ нея бѣснуется хороводъ вакханокъ и козлоногихъ чертей, пляшущихъ съ безстыдными тѣлодвиженіями. И это еще самое скромное, самое невинное, если, вообще, слова невинность и скромность могутъ имѣть здѣсь мѣсто. Остальное же — все такая сплошная мерзость, такое надругательство надъ Святая Святыхъ каждаго мало-мальски вѣрующаго, что и описывать даже противно...

— Вы знаете, куда мы съ вами попали? — спросилъ Гвоздановичъ.

— Тьфу... не знаю куда мы съ вами попали, господинъ начальникъ, а только знаю одно, — здѣсь молятся не Господу Богу, а сатанѣ... Езусъ-Марія и не отсохнетъ же рука — такія гадости рисовать!

— Вы не ошиблись, Барилло. Это масонская ложа.

— А это еще что такое?

— Вы же сами сказали только-что: здѣсь собираются слуги сатаны.

23. ПЕРЕДЪ ЗАСѢДАНІЕМЪ.

— Тсс... тише...

Гвоздановичъ погасилъ свой фонарикъ. Снизу черезъ весь залъ донеслось, какъ кто-то ключемъ отпиралъ большую двухстворчатую дверь.

— Ложитесь! — шепнулъ Гвоздановичъ и самъ легъ. Онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что ихъ трудно увидѣть. Балюстрада, хоть и кружевная, легкая, но — больше дерева, чѣмъ просвѣтовъ. А, лежа, сквозь щелку просвѣта можно съ успѣхомъ наблюдать происходящее внизу.

Все-же Гвоздановичъ не могъ не сознавать опасности положенія. Правда, это сознаніе заглушалось другимъ горделивымъ сознаніемъ: онъ, Гвоздановичъ, шутка ли сказать, онъ и только онъ одинъ открылъ въ Варшавѣ тайную масонскую ложу... То-то будетъ изумленъ его шефъ Винарскій. Тріумфаторомъ былъ въ своихъ собственныхъ глазахъ Гвоздановичъ. Да и не только въ своихъ. Его вызоветъ къ себѣ самъ директоръ департамента общественной безопасности... Самъ министръ, пожалуй...

Сладостныя мечты вспугнуты появленіемъ двухъ тѣней. Да, пока это были тѣни, но вотъ одна изъ нихъ, зажгла свѣчу, прикрѣпленную къ длинной палкѣ. Такая же палка длинная и у другой тѣни и у нея загорѣлась на концѣ тоненькая восковая свѣча.

Обѣ тѣни оказались рослыми мужчинами въ черныхъ, застегнутыхъ сюртукахъ. И вотъ со сноровкой часто дѣлающихъ одно и то же, они зажигаютъ свѣчи въ канделябрахъ вдоль стѣнъ. Покончивъ съ этимъ, зажгли оба семисвѣчника на предсѣдательскомъ столѣ. Оба, молча, не спѣша удалились въ ту же самую дверь, откуда вошли.

— Что же, теперь давай Богъ ноги? — спросилъ низшій агентъ, лежа и упершись кулакомъ въ подбородокъ.

— Вы обалдѣли? — зашипѣлъ на него Гвоздановичъ — теперь только и начнется самое интересное!

Ахъ, какая досада, что этотъ Барилло тупъ и глупъ и не пойметъ ничего, а то Гвоздановичъ не удержался бы подѣлиться съ нимъ своей неописуемой радостью... Еще бы не радость! Съ минуты на минуту здѣсь соберутся масоны, тѣ самые масоны, о которыхъ такъ много говорятъ и пишутъ, тѣмъ больше остаются они какими-то неуловимыми, зловѣще-фантастическими. Многіе не вѣрятъ въ масоновъ. Говорятъ: выдумки правыхъ, католиковъ и антисемитовъ...

Хорошія выдумки! А эта богомерзкая живопись на стѣнахъ, а эти семисвѣчники, этотъ черепъ, это „тронное“ кресло?...

Шорохъ, длительный шорохъ... Еще и еще. Шаги... Все тѣснившееся въ головѣ Гвоздановича разлетѣлось какъ-то вдругъ и до страннаго, такъ же вдругъ опустѣла голова.

Обѣ половинки дверей распахнулись чьей-то невидимой рукою и въ залъ группами стали входить члены масонской ложи.

Запуганное воображеніе старшаго агента чаяло увидѣть какихъ-то необыкновенныхъ, едва ли не сверхъестественныхъ людей въ плащахъ и въ маскахъ. На самомъ же дѣлѣ это были вполнѣ обыкновенные люди безъ плащей и безъ масокъ, правда, одѣты со всей строгостью во все черное. Черные сюртуки и жакеты, черные галстухи. Кой-кого изъ этихъ черныхъ сюртуковъ и жакетовъ Гвоздановичъ узналъ... Вотъ бывшій премьеръ-министръ. Да, да, это онъ! И тутъ же рядомъ съ нимъ генералъ, пользующійся большой извѣстностью далеко за предѣлами Польши. Вотъ одинъ банкиръ — еврей, вотъ другой... Оба вмѣстѣ они такъ чудовищно богаты, что могли бы на свой счетъ въ теченіи года содержать всю польскую армію. Увы, они предпочитаютъ разлагать ее, ассигнуя на это дѣло крупныя деньги, и свои и чужія...

Увидѣлъ Гвоздановичъ въ узенькій просвѣтъ Бернарда Азулаи. Къ одѣтому съ иголочки щеголю — племяннику знаменитаго профессора жался, видимо ища покровительства, молодой человѣкъ съ плебейскимъ лицомъ въ угряхъ, словно смазанный жиромъ. Сюртукъ висѣлъ на немъ такъ же, какъ въ обыкновенное время офицерскій мундиръ, складками топорщившимися на животѣ...

Гвоздановичъ едва не подпрыгнулъ всѣмъ тѣломъ. Въ неказистомъ молодомъ человѣкѣ онъ узналъ поручика Вуйтека, того самаго Вуйтека, за которымъ неустанно ведется слѣжка. Есть основаніе подозрѣвать, что далеко не безъ его благосклоннаго участія произошла катастрофа въ цитадели, а такъ же взорвались бомбы въ университетѣ и въ редакціяхъ „Рѣчи Посполитой“ и „Газеты Поранной“.

Вуйтекъ масонъ?! Вуйтекъ?! Безграничное ничтожество! Вуйтекъ, галиційскій кельнеренокъ въ недавнемъ прошломъ? И зловѣщій таинственный ореолъ, въ кото-

ромъ чудились всегда Гвоздановичу масоны, эти сверхъ-люди, какъ то сразу померкъ, потускнѣлъ...

Вошли уже всѣ, или почти всѣ. На глазъ — около ста человѣкъ. Но никто не садился, не занималъ стульевъ съ высокими спинками. Всѣ ждали кого-то, или чего то. Всѣ вытянулись двумя шеренгами, оставивъ между собой проходъ. Такъ молча стояли они минуты двѣ. А потомъ всѣ головы, какъ по командѣ, обернулись къ дверямъ и на всѣхъ лицахъ застыло выраженіе, какое бываетъ у придворныхъ въ моментъ появленія монарха.

Да это и былъ монархъ необъятной, не имѣвшей границъ имперіи. И хотя ни его имя, ни его династія не упоминались въ Готскомъ альманахѣ, да и, вообще, нигдѣ не упоминались, однако же онъ былъ сильнѣе всѣхъ королей и всѣхъ президентовъ.

Надо ли пояснять, что человѣкъ, встрѣченный низкимъ, подобострастнымъ поклономъ и бывшаго премьеръ-министра и богатѣйшихъ банкировъ, и депутатовъ сейма, генераловъ, сенаторовъ и всѣхъ остальныхъ, былъ никто иной, какъ маленькій, бритый съ бѣгающими глазами и съ узенькимъ ремешкомъ вмѣсто цѣпочки, мистеръ Роонъ, Вслѣдъ за нимъ въ почтительномъ отдаленіи — профессоръ Азулаи, гордый своей къ нему близостью.

Мистеръ Роонъ съ такимъ видомъ прошелъ, вѣрнѣе, пробѣжалъ своими семѣнящими шажками вдоль этой живой аллеи, словно и въ самомъ дѣлѣ каждая изъ этихъ фигуръ была деревомъ, а не человѣкомъ. Профессоръ Азулаи еще долго потомъ восхищался:

— Какое великолѣпное презрѣніе!

Но шедшій за Роономъ профессоръ Азулаи и лежавшій тамъ на верху на животѣ агентъ Гвоздановичъ были разнаго мнѣнія.

— Я бы за этого жида и пяти марокъ не далъ-бы, а они ему чуть-ли не земные поклоны бьютъ. Значитъ и вправду важная масонская шишка — думалъ Гвоздановичъ, пребывая въ неудобномъ горизонтальномъ положеніе и, увы, не надѣясь скоро отъ него избавиться.

Барилло — тотъ нечего не думалъ. Во-первыхъ, ему нечѣмъ было думать. Для такихъ сложныхъ умозаключеній не хватало мозговъ, а, во-вторыхъ, онъ пребывалъ въ состояніи прочнаго обалдѣнія, когда самыя бѣдныя, самыя короткія мысли и тѣ никакъ не лѣзутъ въ голову.

Великій человѣкъ поднялся на эстраду. Азулаи предупредительно и не безъ усилій отодвинулъ тяжелое тронное кресло. Утонувшій въ немъ великій человѣкъ показался карликомъ, усѣвшимся въ кресло гиганта. Въ такихъ же самыхъ креслахъ такого же стиля и такой же эпохи, сидѣли инквизиторы, глядя, какъ корчатся и горятъ въ пламени костровъ дальніе предки мистера Роона. А черезъ нѣсколько вѣковъ потомокъ жертвъ инквизиціи, разсѣвшись въ этомъ испанскомъ креслѣ, будетъ вершить внутреннюю и внѣшнюю политику самаго католическаго государства съ населеніемъ въ 25 милліоновъ и съ территоріей чуть-чуть уступающей Франціи...

24. ПРЕРВАННОЕ ЗАСѢДАНІЕ ТАЙНОЙ МАСОНСКОИ ЛОЖИ.

Мистеръ Роонъ сказалъ что-то по-англійски стоявшему рядомъ съ кресломъ Натану Азулаи.

— Братья, великій магистръ приглашаетъ васъ по мѣстамъ!

Движеніе въ обоихъ шеренгахъ и масоны, соблюдая іерархическое старшинство, разсѣлись. Братья высшихъ степеней заняли первые ряды, все же помельче откатилось назадъ. И вышло такъ, что молодые подполковники и маіоры оказались впереди генераловъ и бывшихъ министровъ, а банкиры, лѣвые депутаты сейма, коммунисты-евреи оказались впереди подполковниковъ и маіоровъ...

Всѣ уже на своихъ мѣстахъ. Воцарилась тишина. Роонъ опять сказалъ что-то профессору Азулаи. Послѣ этого великій магистръ откинулся на спинку кресла и съ видомъ человѣка торжественно приготовившагося скучать все вниманіе бѣгающихъ глазъ своихъ сосредоточилъ на дивно отполированномъ черепѣ, усмѣшкой авгура смѣявшемся ему прямо въ лицо...

Выпрямившись во весь ростъ своего костляваго тѣла, одѣтаго въ превосходный лондонскій сюртукъ, блеснувъ жгучими глазами, профессоръ Азулаи началъ:

— Братья, великій магистръ владѣетъ англійскимъ языкомъ, который среди васъ понимаютъ очень немногіе. Поэтому, я буду говорить отъ имени великаго магистра. Но сначала я предлагаю запечатлѣть въ вашихъ

умахъ и сердцахъ навсегда это знаменательное историческое засѣданіе нашей тайной ложи, осчастливленной присутствіемъ великаго магистра. Такое счастье далеко не всѣмъ второстепеннымъ ложамъ выпадаетъ на долю... Далеко не всѣмъ...

Тутъ профессоръ Азулаи сдѣлалъ маленькую паузу, чтобы собраться съ мыслями. Въ видѣ эффектнаго вступленія онъ хотѣлъ продемонстрировать передъ этими провинціалами все могущество великаго магистра, дабы окончательно загипнотизировать ихъ...

— Братья, согласно масонскому ритуалу вы встрѣтили великаго магистра стоя и сѣли только тогда, когда онъ это вамъ разрѣшилъ. Знайте же, что самъ англійскій король не можетъ сѣсть въ присутствіи великаго магистра — жестъ по направленію Роона, — пока великій магистръ не подастъ ему соотвѣтствующій знакъ. Самъ король! Я даже не говорю о принцахъ крови, о знатныхъ лордахъ и такихъ государственныхъ людяхъ какъ, напримѣръ, Ллойдъ-Джорджъ, который цѣлыми шестью ступенями ниже великаго магистра — опять жестъ по направленію Роона, созерцавшаго смѣющійся черепъ — а, слѣдовательно, являлся и является слѣпымъ исполнителемъ его воли...

Опять пауза. Профессоръ Азулаи торжествующимъ взглядомъ окинулъ съ эстрады свою застывшую въ какомъ-то благоговѣйномъ трепетѣ аудиторію. Еще бы не благоговѣйномъ! Для всѣхъ этихъ депутатовъ съ Налевокъ, для всѣхъ этихъ маіоровъ и подполковниковъ изъ галиційскихъ захолустій, для нихъ Ллойдъ-Джорджъ — хитроумный, заоблачный богъ политическаго Олимпа. И вдругъ оказывается онъ, этотъ олимпіецъ — слѣпое орудіе, покорная маріонетка въ рукахъ человѣка, неподвижно утонувшаго въ тяжеломъ монументальномъ креслѣ... Правъ, тысячу разъ правъ Натанъ Азулаи. Какое счастіе видѣть его, быть въ его обществѣ, дышать вмѣстѣ съ нимъ однимъ воздухомъ, нагрѣтомъ пламенемъ восковыхъ свѣчей...

И депутатамъ съ Нелевокъ, маіорамъ и подполковникамъ галиційскаго и самаго что ни на есть штатскаго происхожденія казалось, что они уже сами восприняли частицу могущества великаго магистра. Депутатамъ мерещились министерскіе портфели, а молодымъ свѣтлымъ

блондинамъ — генеральскій зигзагъ на головномъ уборѣ.

Вспотѣвшій отъ напряженія Вуйтекъ, выросшій въ своихъ собственныхъ глазахъ, уже проникался вѣрою въ ту самою неуязвимость свою, которую Бернардъ Азулаи обѣщалъ ему въ грязномъ номерѣ трущобной гостинницы на Хмѣльной.

А профессоръ во всемъ черномъ еще болѣе мефистофельскій, зловѣщій, чѣмъ всегда, внимательно слѣдящій за своей аудиторіей, продолжалъ:

— Языкъ цифръ самый убѣдительный! Вотъ вамъ сопоставленіе цифръ. Передъ войною въ 1913 году въ Палестину пріѣзжалъ на собственной яхтѣ баронъ Эдмондъ Ротшильдъ. Я не буду говорить, какія оказывались ему почести, какія несмѣтныя толпы еврейскаго народа вышли ему на встрѣчу, когда онъ въѣзжалъ въ Іерусалимъ. Я только скажу, въ этомъ стихійномъ стремленіи впередъ въ этомъ безумно страстномъ желаніи протиснуться поближе къ одному изъ величайшихъ филантроповъ человѣчества, было на смерть задавлено 29 особъ. Замѣтьте себѣ эту цифру...

Азулаи умѣлъ играть на выпуклыхъ, производящихъ впечатлѣніе анекдотическихъ пустякахъ. И сейчасъ сыгралъ. Масоны слушали затаивъ дыханіе.

— А въ 1919 году уже послѣ войны Палестину изволилъ посѣтить нашъ великій магистръ. Мы всѣ имѣемъ счастье лицезрѣть его предъ собою... Такъ вотъ, когда онъ въѣзжалъ въ Іерусалимъ, отряды полиціи и жандармеріи, — англійской, турецкой, еврейской безсильны были сдержать напоръ охваченной энтузіазмомъ толпы и потоптано и задавлено было 46 особъ. Вотъ вамъ наглядное соотношеніе двухъ популярностей. Однако, это еще не все... Когда во время султана Абдулъ-Хамида пріѣзжалъ въ Палестину императоръ Вильгельмъ, его встрѣчали оффиціальныя депутаціи и жандармы. Никто не былъ ни растоптанъ, ни задавленъ. Никто! Потери являлись равными нулю. А въ сравненіи съ нулемъ даже скромная цифра 29 — величина безконечная... Но довольно ариѳметики — улыбнулся Натанъ Азулаи, какъ улыбается учитель, разсказавшій забавную математическую бездѣлку своимъ разинувшимъ рты школьникамъ. — На вашихъ глазахъ недавно происходила не лишенная интереса турецкая эпопея... Союзники, занявшіе Константинополь

своимъ мощнымъ флотомъ и оккупаціоннымъ корпусомъ... Появленіе Кемаль-Паши... Сначала успѣхи грековъ, потомъ ихъ разгромъ. Превращеніе Кемаля въ диктатора. Капитуляція передъ нимъ и мощнаго флота и вообще, французовъ и англичанъ, которыхъ онъ, попросту говоря, выгналъ вонъ съ волшебныхъ береговъ Босфора. Вслѣдъ за ними выгналъ султана, объявивъ Турцію республикой... Что же такое въ самомъ дѣлѣ этотъ Кемаль? Турецкій Бонапартъ? Ничего подобнаго!... Ни одинъ самостоятельный шагъ не былъ предпринятъ имъ безъ вѣдома и директивъ великаго магистра. Вы сами увидите сейчасъ — зачѣмъ? Не тщеславіе же и не упоеніе властью руководило великимъ магистромъ? Онъ дѣйствовалъ во имя братскихъ идеаловъ человѣчества, отрицающихъ господство раззолоченныхъ коронованныхъ дегенератовъ, дѣйствовалъ во имя идей, отрицающихъ религію, какъ пережитокъ суевѣрія, часто переходящій въ изувѣрство...

Барьба съ коронованными деспотами, борьба съ Православіемъ, Католицизмомъ, Исламомъ, Будизмомъ и, вообще, фанатизмомъ, — вотъ наши главныя задачи. И задачи эти столь высокаго гуманитарнаго порядка, что для достиженія ихъ тріумфа, — всѣ средства хороши! Мы стремимся къ добру, черезъ неизбѣжное, стоящее на нашемъ пути зло. Вѣрнѣе, зло уже перестаетъ быть зломъ, если ведетъ къ нашему конечному торжеству... На дорогѣ нашихъ общечеловѣческихъ достиженій стоитъ еще одинъ врагъ. Это — національнизмъ! Вотъ почему безпощадно сметали мы и будемъ сметать повсюду, вездѣ и всегда національныя правительства. Вотъ почему намъ скорѣй по пути съ соціалистами и даже коммунистами, чѣмъ съ тѣми, кто бія себя кулакомъ въ грудь съ тупой самовлюбленностью кричитъ: Я русскій! Я полякъ! Я французъ! Англичанинъ! Японецъ! Этого не должно быть. Не должно быть границъ, раздѣляющихъ народы. Весь міръ долженъ быть одной братской семьей! Мы идемъ къ этому...

Россія съ ея царизмомъ, угнетавшимъ народъ, съ ея дворянской кастой — вычеркнута! Съ нею покончено. За другими очередь! Не пройдетъ и нѣсколько недѣль, какъ должно будетъ пасть національное, узко-шовинистическое польское правительство. Событія неумолимо ведутъ къ этому. Не пройдетъ и нѣсколько мѣсяцевъ, какъ падетъ

диктатура Пуанкарэ... Уже найденъ преемникъ.... Братья, никогда, ничему не удивляйтесь. Какъ бы страннымъ не казалось вамъ что-нибудь.... Если вы увидите, что первый министръ или президентъ республики покорно не выходитъ изъ конституціонныхъ рамокъ, значитъ имѣются для этого свои, тайныя причины. Наоборотъ, если глава правительства и глава государства съ виду рѣзко и грубо нарушаютъ конституцію, значитъ, опять таки требуетъ этого желѣзная необходимость, далеко не всѣми вами ощутимая, далеко не всѣмъ вамъ понятная... Если убитъ масонъ и если даже по законамъ нѣтъ смертной казни, убійца долженъ погибнуть, физически погибнуть, и не отомщенный изъ за угла, а казненный по суду, хотя бы пришлось для этого вверхъ дномъ перевернуть всю конституцію... Если же измѣнятся роли и масонъ убилъ, или совершилъ преступленіе, караемое смертью, онъ долженъ быть спасенъ. Спасенъ какою угодно цѣною, до самаго вопіющаго нарушенія конституціи, включительно... Мы — незримые властители міра. Мы даемъ конституцію народамъ, нарушаемъ ее и отнимаемъ совсѣмъ, когда это въ нашихъ интересахъ и планахъ...

Гибкій актерскій голосъ профессора звучалъ торжественно, звучалъ гордымъ сознаніемъ власти масонства, власти бѣгло имъ только-что продемонстрированной. Онъ умѣлъ вліять и онъ повліялъ и зажегъ не только всѣхъ тѣхъ, кто сидѣлъ на стульяхъ чернаго дерева, но даже и того, кто лежалъ на собственномъ животѣ — Гвоздановича. Врагъ и противникъ масоновъ, сознававшій ихъ гибельную роль въ судьбахъ Европы, да и не только одной Европы, онъ все же противъ воли захваченъ былъ нарисованной только-что профессоромъ картиною силы и мощи всюду проникающаго, всѣмъ повелѣвающаго масонства. И онъ уже предвкушалъ, какъ онъ будетъ дѣлать докладъ Винарскому обо всемъ слышанномъ и видѣнномъ. Онъ скажетъ: любой муравейникъ имѣетъ гораздо больше смысла и правъ на существованіе, чѣмъ всѣ эти партіи, политическіе клубы, сеймы, лѣвицы, правицы, комиссіи и подкомиссіи, Бельведеры и замки... Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ это все, когда какой-то маленькій бритый жидъ и еще два десятка такихъ же и маленькихъ и высокихъ, толстыхъ и худыхъ жидовъ ворочаютъ биржами и финансами нашей планеты, которая для

нихъ ни что иное, какъ глобусъ, то лѣниво, то жадно разсматриваемый съ послѣобѣденной сигарою въ зубахъ... — такъ онъ скажетъ Винарскому. А вотъ что сказалъ послѣ коротенькой паузы профессоръ Азулаи:

— Въ борьбѣ за наши идеи и за популяризацію ихъ мы должны особенно заняться воспитаніемъ подрастающихъ поколѣній, чуткаго, воспріимчиваго ко всему юношества. Вотъ къ чьимъ сердцамъ необходимо найти скорѣйшій и кратчайшій доступъ. Доступъ черезъ такія же юныя поколѣнія. Это — вопросъ безотлагательной очереди, ибо наши враги энергично мобилизуютъ юношество на почвѣ — національстической, религіозной и, пожалуй, рыцарской...

База для этой мобилизаціи — спортъ... Скауты, футбольныя, гимнастическія, гребныя, атлетическія и всякія другія команды. Въ противовѣсъ мы формируемъ такія же самыя общества. Задача — внесеніе развала и смуты въ ряды противника. Это не легкая, требующая такта и выдержки дипломатическая работа. Залогъ успѣха — защитный цвѣтъ. Лишь благодаря защитному цвѣту нашъ союзъ христіанской молодожи могъ такъ успѣшно работать, какъ онъ работалъ въ Сибири у Колчака надъ разрушеніемъ бѣлогвардейскаго тыла... Ближайшимъ лѣтомъ въ Варшавѣ намѣчается съѣздъ упомянутыхъ организацій молодежи національстическо-религіознаго лагеря...

Мы, въ свою очередь...

Не кончивъ фразы, съ испуганнымъ лицомъ обернулся Натанъ Азулай верхъ и взгляды всѣхъ туда обратились.

— Тамъ кто-то есть, кто-то подслушиваетъ...

А все этотъ Барилло... Отъ долгаго лежанія, въ болѣе чѣмъ неудобной позѣ, ноги такъ затекли, онѣмѣли, — онъ уже ихъ не чувствовалъ. Это онѣмѣніе и погубило агента. Онъ, перемѣщая ногу, шаркнулъ носкомъ своего сапога по полу, такъ шаркнулъ, что получился предательскій выдавшій его звукъ...

Если бы въ моментъ смертельной опасности человѣкъ могъ сохранять полнѣйшее спокойствіе, а такъ же и ясность головы и трезвость мыслей, онъ принималъ бы совсѣмъ другія рѣшенія, чѣмъ тѣ, которыя подсказываетъ лихорадочно-пылающій мозгъ. Такъ и у Гвоздановича съ Барилло. Трезвая логика должна подсказать имъ

единственный выходъ. Прежде чѣмъ успѣютъ масоны спохватиться, прежде, чѣмъ кое-кто изъ нихъ бросится вверхъ по лѣсницѣ атаковать дерзкихъ шпіоновъ, они, эти шпіоны, моментально кинувшись туда, откуда пришли, еще могли бы унести и самихъ себя и свои головы. Во-первыхъ, они были бы уже далеко, а, во-вторыхъ, никто не рискнулъ бы преслѣдовать ихъ въ темномъ и узкомъ подземельѣ. А даже если бы и нашлись одиночные смѣльчаки, ихъ можно было бы перестрѣлять, сначала ослѣпивъ яркимъ прожекторомъ.

Такъ слѣдовало бы дѣйствовать Гвоздановичу и Барилло. Они же, потерявшіе самообладаніе, видя себя обнаруженными, — послышались крики: смерть шпіонамъ! — вскочили, да такъ и остались поверхъ приходившейся имъ по поясъ баллюстрады. И еще было, было время бѣжать, давъ одинъ-другой выстрѣлъ паники ради. Но они не бѣжали. За то бросились бѣжать банкиры, сенаторы, депутаты. Въ дверяхъ сгустилось человѣческое мѣсиво и, молотя кулаками по „братскимъ“ спинамъ, масоны протискивались впередъ, скорѣе прочь изъ освѣщеннаго старинными семисвѣчниками зала. Всѣмъ чудилась грандіозная полицейская облава, чуть ли не съ пушками и пулеметами. Пресѣкшійся на полуфразѣ Натанъ Азулаи тоже съ удовольствіемъ покинулъ бы каѳедру, но его удерживало одно — боязнь показаться смѣшнымъ трусомъ въ глазахъ великаго магистра. Каково же было изумленіе профессора, когда онъ увидѣлъ тронное кресло пустымъ. Словно сдунула какая-то волшебная сила за секунду сидѣвшій въ немъ человѣческій комочекъ...

Но къ чести масоновъ необходимо сказать, что не всѣ они предпочли бѣгство. Молодые полковники и маіоры если и не всѣ, то, на половину, убѣдившись, что противниковъ только двое, бросились на штурмъ, верхъ, безпорядочно стрѣляя, больше для поднятія собственнаго духа, чѣмъ для устрашенія атакуемыхъ. Атакуемые отвѣчали такими же безпорядочными выстрѣлами и въ нѣсколько секундъ весь залъ уже наполнился сладковатымъ и въ то же время кислымъ, вызывающимъ тошноту пороховымъ запахомъ...

Бернарда Азулаи и Вуйтека не было въ числѣ нападавшихъ. Они были въ числѣ убѣгавшихъ.

Толпа человѣкъ въ двадцать ринулась на „шпіоновъ“. Но, такъ какъ пространство было узкое на хорахъ, съ

одной стороны стѣна, съ другой баллюстрада защищали Гвоздановича и Барилло съ фланговъ, то изъ нападающихъ могло ввязаться въ бой только пять-шесть человѣкъ, остальные, напирая сзади, только мѣшали. Уже въ свалкѣ нельзя было стрѣлять, уже револьверы служили ударнымъ холоднымъ оружіемъ. Гвоздановичъ свалился съ разбитой, окровавленной головой. Барилло защищался и не только защищался, а и нападалъ съ бѣшенствомъ отчаянія. Онъ сыпалъ удары чѣмъ только могъ — револьверомъ, головой, лѣвымъ кулакомъ, ногами. Онъ тремъ противникамъ размозжилъ лица, четвертаго свалилъ страшнымъ ударомъ въ животъ, замахнулся на пятаго, но уже самого густо облѣпили, прижали къ баллюстрадѣ и на его голову посыпались удары... Кто билъ рукояткой, кто вороненымъ дуломъ браунинга...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I. ВЪ ТРЕХЪ КИНЕМАТОГРАФАХЪ.

Отношеніе Бейзыма къ исчезновенію Магдалины, и вообще, къ самой Магдалинѣ, все это было гораздо сложнѣе, спутаннѣе, чѣмъ казалось, или могло казаться съ перваго взгляда.

Возвращаясь отъ Оссовецкаго подъ впечатлѣніемъ баронессы Захертъ, онъ ужаснулся и устыдился, поймавъ себя на мелькнувшей гдѣ-то далеко въ затаенныхъ, глубинахъ мысли, что онъ уже охладѣлъ къ Магдалинѣ, какъ къ любовницѣ, къ женщинѣ и дорога она ему лишь какъ человѣкъ, другъ, какъ близкое, безгранично преданное существо. И вотъ именно это самое открытіе, это сознаніе удесятерило его муки его томленіе страшной неизвѣстностью...

Теперь, когда онъ поймалъ себя на своемъ охлажденіи и на томъ, что причиною охлажденія, вѣрнѣе, толчкомъ къ нему была эта загадочная, „недоговоренная" Вѣра Анатольевна, теперь мучимый угрызеніями, чувствуя себя передъ Магдалиною виноватымъ, онъ готовъ былъ эту виновность искупить любою жертвой, готовъ былъ вырвать жену изъ рукъ побѣдителей какой угодно цѣною, включительно до собственной смерти, если бы таковую потребовали невѣдомые мстители въ обмѣнъ за жизнь и безопасность Магдалины. А, будь все, какъ раньше, недавно, Бейзымъ легче переживалъ бы всѣ злоключенія послѣднихъ нѣсколькихъ дней. Онъ избѣгалъ встрѣчаться съ баронессой, чувствуя, зная, что и она сама ищетъ встрѣчи... Онъ же, безумно желалъ ее видѣть... И потому именно, что „безумно", потому то онъ такъ тщательно избѣгалъ, хотя бы даже мимоходомъ столкнуться съ нею. Это „мимоходомъ" и повлечетъ за собой желан-

ное, длительное свиданіе, все удовольствіе котораго будетъ отравлено неотвязной мыслью. Въ то самое время, когда онъ отчасти подъ природной, отчасти подъ напускной сумрачностью обуреваемъ жаждой новыхъ наслажденій и ласкъ, въ объятіяхъ этой изощренной тонкой женщины, въ это самое время, Магдалину, одинокую, беззащитную подвергаютъ издѣвательствамъ, пыткамъ... А главное, если-бъ не эта всю душу выматывающая неизвѣстность... Пусть что угодно, только знать, опредѣленно знать. Оссовецкій такъ и не возвращался, а Гвозденовичъ, — хотя на него было гораздо меньше надежды — — не подавалъ признаковъ жизни...

Бейзымъ не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Самая интересная книга валилась изъ рукъ. Онъ старался убивать время за обѣдомъ въ обществѣ Винарскаго, чтобы скорѣе подоспѣлъ вечеръ. А весь вечеръ бродилъ по конематографамъ. Случилось, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ съ 6 до самой полуночи, онъ успѣвалъ просмотрѣть двѣ-три программы.

Въ тотъ вечеръ, когда Гвозденовичъ предпринялъ вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ Барилло подземную экспедицію „ажъ до самой Вислы", Бейзымъ успѣлъ побывать въ „Панѣ", въ „Варсовіи" и въ „Стиловомъ" Три директора этихъ трехъ кинематографовъ обожали Бейзыма и какъ замѣчательнаго артиста, и какъ народнаго героя и, вообще, какъ обаятельнаго человѣка.

Только появился онъ въ „Панѣ", Хаберскій молодой миніатюрный блондинъ, бросивъ свой директорскій надзоръ, какъ за театромъ, такъ и за кассой, подсѣлъ къ Бейзыму и уже не отходилъ отъ него въ теченіи всѣхъ 12 актовъ „сенсаціонной" драмы со львами, тиграми, обезьянами, слонами, жрицами буддійскихъ храмовъ голыми чернокожими дикарями и безконечной вереницею самыхъ невѣроятныхъ приключеній.

— Ну, какъ вамъ, господинъ маіоръ? — интересовался Хаберскій.

— Да ничего! Вещь, какъ вещь! Смотрится. Публика довольна. Видите сколько народу?

— Такъ-то оно такъ... А все же... Эхъ, если бы скорѣй пришла сюда лента съ вашимъ участіемъ... Съ медвѣдемъ... Помню, какъ ее прошлой осенью „крутили": Вы, господинъ маіоръ, уже ее видѣли?

— Видѣлъ. Въ Мадридѣ.

— Воображаю! Могу себѣ представить! Ея еще нѣтъ, а мы уже чуть не передрались между собою... Каждому хочется у себя поставить... Нельзя ли какъ-нибудь при вашей протекціи, господинъ маіоръ?

Мрачный Бейзымъ впервые за весь день улыбнулся.

— Милый мой, Хаберскій... Здѣсь ужъ вамъ я протекціи никакъ составить не могу... Это все идетъ помимо меня...

— Ну, такъ беру съ васъ слово... Если я эту картину заполучу, вы непремѣнно пожалуете на премьеру...

— Это — съ большимъ удовольствіемъ!...

Драма кончилась посрамленіемъ злыхъ героевъ и тріумфомъ добрыхъ. Вспыхнулъ свѣтъ. Бейзымъ и Хаберскій направились къ выходу. Взоры всей публики устремились на нихъ. Рядомъ съ исполинскимъ Бейзымомъ миніатюрный Хаберскій казался игрушечнымъ.

Изъ „Пана" Бейзымъ перекочевалъ тутъ же на Новомъ Свѣтѣ въ „Варсовію", гдѣ былъ встрѣченъ съ такимъ же вниманіемъ и почетомъ директоромъ Островскимъ. Подольскій помѣщикъ молодой, красивый, съ хорошими манерами, Островскій, разоренный большевиками рѣшилъ попытать счастья на другомъ поприщѣ и снялъ самый большой въ столицѣ кинематографъ.

— Какъ дѣла? — спросилъ Бейзымъ.

— Не плохо въ общемъ... Но... Ахъ, эта публика, господинъ маіоръ. Вотъ жаль, не видѣли минувшей программы... Чудная картина и такой не банальный фонъ... Португальская природа, живописная старина... Постановка игра, сюжетъ... все такое художественное, тонкое, выдержанное...

— И не многочисленная публика зѣвала?...

— Вы угадали! А вотъ сейчасъ... Досадно даже, что васъ, именно васъ я угощу такой ерундой... Сейчасъ увидите сами... Театръ полонъ и такъ ежедневно. А вотъ я съ нетерпѣніемъ жду прибытія фильмы, которую вы крутили здѣсь въ Варшавѣ и у себя на Волыни... Кажется, получу ее для себя монопольно... Однако, уже началось... милости прошу...

Какъ Хаберскій въ „Панѣ", такъ и Островскій въ „Варсовіи", просидѣлъ вмѣстѣ съ Бейзымомъ всю драму. Хорошо еще, что директоръ занималъ его разговоромъ, а то Бейзымъ съ перваго же дѣйствія началъ зѣвать и отъ глупыхъ трюковъ съ бронированнымъ

автомобилемъ, который и въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ и одинаково себя чувствуетъ и на землѣ и подъ землей. Но двѣ нѣмки, двѣ героини, безвкусно одѣтыя и неуклюжія, и некрасивыя были еще горше бронированнаго автомобиля.

Уже прощаясь, Бейзымъ вспомнилъ:

— Жаль, что я не видѣлъ португальской картины. У васъ есть вкусъ. Разъ вы ее хвалите... Она больше нигдѣ не пойдетъ?

— Нигдѣ! Но если, господинъ маіоръ, интересуется я спеціально для него пропущу ее днемъ какъ-нибудь.

— Сердечно тронутъ! Но съ какой же стати? Что я за владѣтельная особа такая?

— Маіоръ Бейзымъ для каждаго честнаго поляка и патріота важнѣе всякой владѣтельной особы — галантно отвѣтилъ съ легкимъ поклономъ Островскій. — Когда прикажете? Угодно завтра? Этакъ скажемъ ровно въ полдень?

— Съ условіемъ, что потомъ вы со мной отобѣдаете?...

— Есть, господинъ маіоръ!

Довольный, что вечеръ подходитъ къ концу и еще остается какихъ-нибудь два часа, которые необходимо убить, отправился Бейзымъ въ „Стиловый" на Маршалковскую. Въ небольшомъ уютномъ вестибюлѣ высокая, полная, красивая дама насѣдала на молодого стройнаго блондина.

— Ахъ, пане Прусиньскій до чего душка этотъ Рудольфо Валентино! Это мой кумиръ! Я всегда ношу съ собой его карточку!... Вотъ и сейчасъ...

Директовъ Прусиньскій съ учтиво-скучающей улыбкой слушалъ свою частую посѣтительницу. Увидѣвъ Бейзыма, онъ поклонился высокой дамѣ, пробормоталъ какое-то извиненіе и скорѣй — къ Бейзыму.

— Вотъ и мое начальство! Счастливъ видѣть господина маіора.

Бейзымъ былъ вдвойнѣ, даже втройнѣ начальствомъ Прусиньскаго. Во время великой войны, юный вольноопредѣляющійся гусаръ попалъ въ эскадронъ Бейзыма. Въ 1918 г. Прусиньскій, уже польскій уланъ-поручикъ, опять таки подъ начальствомъ Бейзыма выгонялъ большевиковъ изъ Волыни. Въ 1921 г. Прусиньскій былъ офицеромъ въ знаменитомъ партизанскомъ отрядѣ Бей-

зыма и совершалъ лихіе набѣги на красные штабы въ совѣтскомъ тылу.

У Бейзыма было какое-то отеческое чувство къ молодому своему офицеру, а тотъ его обожалъ и это обожаніе сіяло въ ясныхъ, свѣтлыхъ глазахъ Прусиньскаго.

— Удачно пожаловали, господинъ маіоръ. Интересная драма съ участіемъ Рудольфо Валентино. Вамъ не приходилось съ нимъ работать въ Лосъ-Анжелосъ?

— Вмѣстѣ — нѣтъ! Онъ только начиналъ при мнѣ. Но и тогда подавалъ большія надежды, много обѣщая. Спортсменъ — съ головы до ногъ!... Красавецъ и большой драматическій актеръ...

— Воображаю, какой онъ имѣетъ успѣхъ у женщинъ?

— А вотъ какой! У почтальоновъ сумки разбухали отъ любовныхъ писемъ...

— Сколько у него здѣсь поклонницъ? — и Прусиньскій отыскалъ глазами высокую, красивую даму. Она уже передъ кѣмъ-то другимъ восхищалась своимъ кумиромъ, показывая открытку съ его изображеніемъ.

Бейзымъ пришелъ къ четвертому акту драмы и въ полночь вышелъ на улицу вмѣстѣ съ покидавшей кинематографъ толпой.

Медленно, медленно, задерживая шаги, останавливаясь, возвращался онъ домой. Какая-то особенная тоска на душѣ. Пугалъ осиротѣлый, опустѣвшій номеръ гостинницы. И какъ всегда за послѣднее время чудилось ему, что дома подстерегаетъ его что-то непріятное, способное ухудшить настроеніе и безъ того изъ рукъ вонъ дурное.

Онъ какъ-то нерѣшительно повернулъ ключъ въ дверяхъ. Вошелъ, зажегъ свѣтъ, остановился прислушался. Померещились какіе-то шорохи, необъяснимые, странные...

— Э, дѣло дрянь — подумалъ онъ — нервы начинаютъ капризничать. Этого со мной еще никогда не бывало.

Онъ увидѣлъ на столѣ удлиненный, твердый прямоугольникъ письма. Увидѣлъ и, сдѣлалъ шагъ впередъ, уже протянулъ руку, такъ и застылъ. Отъ кого? Кто пишетъ? Они, или она сама? И то и другое — одинаково страшно, одинаково невыносимо... И сейчасъ онъ не могъ рѣшить, что же лучше, — неизвѣстность, какъ было до сихъ поръ, или правда, осязательная правда, отъ которой

можно съума сойти... И такъ онъ простоялъ минуты двѣ. Потомъ схватилъ письмо и, не глядя на конвертъ безъ марки, заадресованный крупнымъ незнакомымъ почеркомъ, зажмурившись разорвалъ его. Держа листъ въ рукѣ все еще не смѣлъ прочесть. И только послѣ борьбы съ самимъ собою поднесъ къ глазамъ письмо. И хотя сразу отлегло, но также сразу стало безразлично и скучно. Всего нѣсколько словъ:

„Звонила, звонила. Васъ никогда не бываетъ дома, никто не отвѣчаетъ. Хотѣлось бы поговорить о многомъ. Откликнитесь"...

Вѣра Захертъ.

Онъ сѣлъ и держа въ рукахъ письмо, тотчасъ же забылъ о немъ...

2. БЕЙЗЫМЪ ПОЛУЧАЕТЪ УЛЬТИМАТУМЪ.

Утромъ вмѣстѣ съ газетами ему подано было письмо. Со штемпелемъ и маркой. Городское. Уже безъ трепета и волненія разорвалъ онъ конвертъ. И потому, что ежедневно, ежечастно, ежеминутно поджидалъ такого, или приблизительно такого письма, Бейзымъ ничуть не удивился. Ничуть. Онъ только понялъ острымъ, повышеннымъ чувствомъ, понялъ, что съ момента прочтенія безстрастныхъ и гладкихъ, отбитыхъ на машинѣ строкъ этихъ, онъ не принадлежитъ себѣ... Онъ уже обреченный. Во имя чувства долга — сначала это была святость присяги русскому Императору, затѣмъ это была святость любви къ Родинѣ — совершилъ много подвиговъ. Люди ихъ зовутъ легендарными. Но этотъ подвигъ, вѣрнѣе, это подвижничество, на которое обрекаетъ себя — это затмитъ все, совершенное имъ до сихъ поръ.

Подвигъ — для толпы, для массъ, больше — для цѣлаго народа! Подвижничество — для избранныхъ, они только поймутъ и оцѣнятъ. Бейзымъ, творившій чудеса отваги и силы сначала въ борьбѣ съ нѣмцами, затѣмъ съ большевиками, этотъ Бейзымъ прославленъ и въ стихахъ, и въ романахъ, и въ безчисленныхъ открыткахъ, и въ солдатскихъ пѣсняхъ. А другой Бейзымъ, который отдаетъ себя добровольно краснымъ палачамъ, чтобы цѣною пытокъ и въ концѣ концовъ разрывной пули въ

затылокъ спасти Магдалину, ея жизнь и свободу, этотъ Бейзымъ никѣмъ не будетъ воспѣтъ.

Вотъ что содержала въ себѣ четвертушка бумаги канцелярскаго типа и по канцелярски же испещренная буквами пишущей машинки:

„Вы догадались, конечно, что Ваша жена въ нашихъ рукахъ. Мы предпочли бы имѣть вмѣсто нея — Васъ, но, такъ какъ, это значительно труднѣе, то, пока пришлось удовлетвориться ею въ качествѣ заложницы. Единственное средство спасти Вашу жену, — это самому явиться. Было бы чудовищно глупо упустить рѣдкій случай заставить Васъ заплатить по счету. А счетъ длинный и написанъ кровью тѣхъ отвѣтственныхъ работниковъ и товарищей, тѣхъ политическихъ коммисаровъ и коммунистовъ, которые погибли отъ Вашей руки... Но мы обѣщаемъ, какъ только Вы явитесь, немедленно освободить гражданку Магдалину Бейзымъ и вернуть ее изъ совѣтской Россіи обратно въ Польшу.

Она поставлена въ извѣстность, что только Вы одинъ, отдавшись въ руки совѣтскаго правосудія, можете ее спасти. Въ случаѣ же, если бы вы уклонились — чего мы не допускаемъ — ей такъ же это было бы извѣстно. Зная Васъ и уважая въ Васъ сильнаго, открытаго, смѣлаго врага, мы не сомнѣваемся въ Вашей готовности пожертвовать собою, а поэтому даемъ Вамъ трехдневный срокъ для приведенія въ порядокъ и ликвидаціи Вашихъ дѣлъ. 16 ноября вы должны быть въ Ровно. 16-го же въ 10 часовъ вечера ждите на опушкѣ рощи Грабникъ, находящейся за городомъ возлѣ шоссе. Это совсѣмъ недалеко отъ зданія бывшей царской тюрьмы. Дальнѣйшее Васъ уже не касается. Хотя Вы человѣкъ умный и знаете хорошо насъ, однако же напоминаемъ на всякій случай: для Магдалины Бейзымъ было бы непоправимо гибельнымъ, если бы Вы явились бы въ назначенное мѣсто въ сопровожденіи полиціи, или Вашихъ преданныхъ „Бейзымчиковъ“. Лишь соблюденіе строгой тайны можетъ гарантировать жизнь Вашей женѣ. Итакъ, 16 ноября, 10 час. вечера, опушка рощи Грабникъ“.

Никакой подписи. Да и зачѣмъ она, подпись? Развѣ не ясно? Трехъ-дневный срокъ, чтобы ликвидировать дѣла. Какая заботливость!... Невиносимая тоска угнетала Бейзыма, но все же онъ не могъ не улыбнуться...

Нѣтъ! Ничего. Рѣшительно ничего не будетъ онъ приводить въ порядокъ. Все останется какъ было, какъ есть... Онъ уйдетъ, уйдетъ навсегда, но такъ уйдетъ, какъ если-бы вышелъ на четверть часа...

Позвонилъ Оссовецкому въ надеждѣ, что пріѣхалъ же онъ наконецъ, онъ, котораго со дня на день, съ часу на часъ ждали? Если онъ дома, онъ ясновидческимъ даромъ своимъ озаритъ весь этотъ страшный темный, жутко шевелящійся лабиринтъ страстей и мучительныхъ думъ.

Увы, надежда оказалась пустой. Оссовецкаго нѣтъ, какъ нѣтъ. Бейзымъ съ такимъ бѣшенствомъ повѣсилъ трубку, что чуть не сорвалъ со стѣны аппаратъ. Черезъ минуту позвонилъ въ министерство Винарскому. Уже двѣнадцать часовъ, инспекторъ въ своемъ кабинетѣ.

— Добрый день, маіоръ... Алло? Желаете меня видѣть сію минуту? Милости прошу... И у меня есть коечто для васъ, неожиданное, но и не утѣшительное. Въ особенности для меня. Я лишился... впрочемъ, это не по телефону.

—Жду васъ...

Черезъ пять-десять минутъ они уже сидѣли другъ противъ друга.

— Что случилось?

— А вотъ что! Сегодня въ девять утра конный полицейскій патруль наткнулся на берегу Вислы на полумертваго Гвоздановича. Все лицо въ крови, вся голова изранена...

— Бѣдняга! Но хоть удалось у него что-нибудь узнать, или онъ такъ слабъ...

— Въ томъ-то и дѣло... Нельзя ничего добиться, хоть онъ и пришелъ въ себя въ госпиталѣ уже обмытый, перевязанный и подкрѣпившійся коньякомъ. Я только сейчасъ оттуда. Очнувшись онъ понесъ такую ерунду... Какъ я ни пробовалъ навести его на интересующее меня, увы, напрасно... И, вѣдь, вотъ еще что... Другой агентъ вчера вечеромъ вмѣстѣ съ Гвоздановичемъ вышедшій на работу, исчезъ безслѣдно. Попали они, безъ сомнѣнія, въ очень жаркій переплетъ... Барилло — отчаянный забіяка и парень большой физической силы. Съ нимъ не такъ-то легко справиться... Голыми руками не возьмешь!

— Да, это дѣло серьезное — покачалъ головой Бейзымъ.

— И, главное, понимаете вотъ въ чемъ досада! Если-бы Гвоздановичъ сказалъ мнѣ, куда они отправляются и, въ случаѣ чего, откуда слѣдуетъ начать поиски, можетъ быть по горячимъ слѣдамъ и открыли бы что нибудь.... А такъ — и Винарскій съ тоскою въ узенькихъ глазахъ своихъ посмотрѣлъ на собесѣдника. — Жаль Гвоздановича и какъ агента, и какъ человѣка. Но этотъ еще хоть уцѣлѣлъ, по крайней мѣрѣ... Заштопаютъ его, починятъ, перестанетъ нести всякій вздоръ и будетъ опять молодцомъ. А вотъ Барилло? Боюсь, что онъ вычеркнутъ навсегда не только изъ списковъ чиновъ тайной полиціи, но и, вообще, изъ списка живыхъ... А, въ концѣ концовъ, я не сомнѣваюсь, что вся авантюра эта связана съ вашимъ дѣломъ. Гвоздановичъ послѣднее время и слышать ни о чемъ другомъ не хотѣлъ... Ахъ, будь онъ сейчасъ въ здравомъ умѣ и свѣжей памяти, мы навѣрно узнали бы много интереснаго.

— Не везетъ намъ! Дьяволски не везетъ! — промолвилъ Бейзымъ сквозь стиснутые зубы, съ исказившимся лицомъ. — Оссовецкаго нѣтъ, Гвоздановичъ лежитъ безъ языка... Какое-то прямо каторжное невезеніе... Можетъ быть мнѣ поѣхать къ нему?... Можетъ быть я что-нибудь выпытаю и какъ-нибудь расшифрую его бредъ?

— Напрасная потеря времени! Мнѣ же врачъ сказалъ: раненіе въ голову — удары тупымъ оружіемъ — повлекло за собой утрату памяти. Временно ли, навсегда ли, это покажетъ ближайшее будущее... А теперь, дорогой маіоръ, къ вашему желанію меня видѣть...

Бейзымъ молча протянулъ Винарскому полученное утромъ письмо. Инспекторъ такъ же молча, не спѣша, внимательно прочелъ съ первой до послѣдней строки и возвращая письмо — глаза ихъ встрѣтились — спокойно замѣтилъ:

— Этого, именно этого слѣдовало ожидать... Иначе и быть не могло. Иначе похищеніе потеряло бы всякій смыслъ... Разрѣшите еще на секунду...

Винарскій всмотрѣлся въ письмо и, вторично возвращая, прибавилъ: — Выстукивалась эта „литература“ у большевиковъ въ Римскомъ отелѣ.

— Вы думаете?

— Не думаю, а увѣренъ! Тамъ у нихъ восемъ пишущихъ машинъ и всѣ шрифты мнѣ знакомы. Въ Варшавѣ нѣтъ частныхъ машинъ съ такимъ русскимъ шриф-

томъ... Я это между прочимъ... Этимъ я не открылъ вамъ даже самой маленькой Америки, ибо участіе Римскаго отеля въ похищеніи супруги вашей, — секретъ полишинеля. Да, такъ что же вы намѣрены дѣлать?

— Ѣхать — съ глубокимъ вздохомъ отвѣтилъ Бейзымъ.

— Ѣхать... — повторилъ Винарскій — да, это очень сложная комбинація и если начнешь въ ней разбираться, пожалуй, съ ума сойдешь... Я васъ понимаю... Вы натура могучая, цѣльная... Такой, какъ вы, богатырь тѣла и духа не можетъ иначе поступить.

— Не могу — подхватилъ Бейзымъ — одно сознаніе, что у Магдалины хоть на мигъ могла бы явиться мысль, что я не пожелалъ ее спасти... Вообще, если-бъ она усумнилась, это могло бы отравить и мою совѣсть и всю послѣдующую жизнь. Развѣ не такъ?

— Безспорно! А, съ другой стороны, хочется рвать и метать отъ бѣшенства! Бейзымъ, шутка-ли сказать, Бейзымъ! — самъ по своей охотѣ отдается имъ въ руки, этотъ страшно ненавидимый Бейзымъ, это пугало, которымъ жены коммунистовъ и коммисаровъ стращаютъ свое малолѣтнее отродье. Какой тріумфъ для красной нечисти! Для жидовъ! Прежде чѣмъ разстрѣлять они, какъ живой трофей повезутъ васъ въ Москву, въ Петербургъ, будутъ возить по всей Россіи...

Будутъ... — Винарскій осѣкся. Взглянувъ на Бейзыма, понялъ, что хватилъ черезъ край, живописуя грядущія перспективы...

Бейзымъ сидѣлъ мрачнѣе мрачнаго, подавшись впередъ геркулесовскимъ торсомъ своимъ. И въ томъ, какъ смотрѣли изъ подъ тяжелыхъ надбровныхъ дугъ сѣрые глаза его и въ рельефѣ поперекъ лба жилы, налитой кровью, пульсирующей и въ томъ, какъ онъ вертѣлъ и мялъ въ рукахъ взятыя съ письменнаго стола большія канцелярскія ножницы, во всемъ этомъ сказывалась мучительная, глубокая, происходившая въ немъ, не борьба, нѣтъ, — если онъ рѣшалъ что-нибудь, то уже разъ навсегда, незыблемо, неизмѣнно, а работа, именно работа.

У людей стихійныхъ, какъ Бейзымъ, у богатырей тѣла и духа, какъ назвалъ его Винарскій, такая работа переживаній и чувствъ находитъ иногда выходъ въ какомъ-нибудь чисто физическомъ движеніи, порывѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Бейзымъ испытывалъ невыноси-

мый гнетъ. Словно весь шаръ земной навалился на него своею тяжестью. Бейзымъ побагровѣлъ, скрыпнулъ зубами и далекій отъ сознанья, что онъ дѣлаетъ, переломилъ ножницы пополамъ, какъ если бы это былъ карандашъ. И, тотчасъ же, вскочивъ, пришелъ въ себя, опомнился.

— Что я надѣлалъ! Простите, я вамъ испортилъ казенную вещь...

— Не прощать, а благодарить васъ надо! — воскликнулъ восхищенный инспекторъ — я, какъ реликвію спрячу эти обѣ половинки ножницъ, я буду ихъ показывать, какъ образный документъ вашей силы, хотя вы и не нуждаетесь въ рекламѣ. Однако же, однако! — и гроза коммунистовъ Винарскій съ мальчишескимъ увлеченіемъ разсматривалъ обѣ части сломанныхъ возлѣ самого шарнира ножницъ.

— Будете показывать, когда меня уже не будетъ— задумчиво молвилъ Бейзымъ — очень скоро... Эти ножницы переживутъ меня... Знаете, что я вамъ скажу — совсѣмъ другимъ тономъ, съ довѣрчивой задушевностью какой-то началъ Бейзымъ — дѣйствительность такъ подла кругомъ, все такъ насыщено гнустностью, сѣрымъ непробуднымъ хамствомъ, что право, теряешь всякій вкусъ къ жизни. Такъ отвратительно все кругомъ! Умереть вообще? Скажу вамъ руку на сердце положа — ничего не имѣю противъ. Но умереть красиво! И, если что меня смущаетъ и пугаетъ предпринятое мною рѣшеніе, такъ это сознаніе, что мнѣ суждено погибнуть отъ руки этихъ мерзавцевъ, которыхъ я самъ давилъ, какъ вонючихъ клоповъ... Да, что тамъ!... — отмахнулся Бейзымъ, тряхнувъ головой — Итакъ, я пока не говорю прощайте... Я уѣзжаю завтра вечеромъ и, надѣюсь, мы еще увидимся. А завтра, завтра я вамъ скажу „прощайте!“...

Отъ этихъ словъ сердце Винарскаго сжалось щемящей, невыносимой болью. Онъ всегда цѣнилъ и уважалъ Бейзыма, считая человѣкомъ неисчерпаемой доблести, но сейчасъ, въ эту минуту Бейзымъ выросъ въ его глазахъ въ такое, почти сверхъестественное существо, для котораго не хватаетъ уже никакихъ человѣческихъ масштабовъ...

Оставшись одинъ, Винарскій долго еще сидѣлъ неподвижно, словно загипнотизированный этимъ величавымъ образомъ, такимъ не нынѣшнимъ, такимъ захватывающе прекраснымъ...

3. ЧЕЛОВѢКЪ ИЗЪ ОСТРЫХЪ УГЛОВЪ.

У штатскаго дядюшки сильнѣе нервы, чѣмъ у военнаго племянника. Бернардъ Азулаи бѣжалъ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ Вуйтекомъ, а Натанъ Азулаи до конца сопровождаемой выстрѣлами свалки, не измѣнилъ своему вицѣ-предсѣдательскому посту возлѣ „троннаго“ кресла.

Когда яростные возгласы, шумъ и топотъ, борьбы, выстрѣлы и хрустящіе дробившіе кости и черепа удары, когда все это смолкло, тогда только лишь обнаружилъ Натанъ Азулаи присутствіе мгновенно исчезнувшаго было великаго магистра.

Великій магистръ, этотъ едва ли не властитель міра, передъ которымъ униженно вытягивались монархи и президенты и къ которому ѣздилъ на „поклонъ“ и за директивами самъ Кемаль-Паша — гроза „Антанты“, великій магистръ, поднимавшій и ронявшій доллары, фунты и франки на биржахъ Новаго и Стараго Свѣта, онъ, этотъ могущественный масонъ блѣдный, съ трясущейся нижней челюстью, нерѣшительно вылѣзъ наконецъ изъ подъ стола, оглядываясь съ ужасомъ въ бѣгающихъ глазахъ.

— Ну, что шпіоны? Ихъ уже взяли?

— Больше чѣмъ взяли! Они навсегда обезврежены — успокоилъ Натанъ Азулаи великаго магистра и дрожащаго увезъ къ себѣ на своей машинѣ.

Каково же изумленіе было дядюшки, когда на слѣдующій день, вѣрнѣе въ этотъ же самый, ибо побоище произошло на зарѣ, племянникъ ошеломилъ его сюрпризомъ:

— А вѣдь, этотъ мерзавецъ Гвоздановичъ живъ!

— Не можетъ быть!

— Хорошее дѣло не можетъ быть! Живъ, говорю вамъ!

Профессоръ схватился за голову.

— Такъ онъ же всѣхъ насъ выдастъ! Это же будетъ грандіозный скандалъ! — чисто по-еврейски воскликнулъ Натанъ Азулаи. Страхъ передъ „грандіознымъ скандаломъ“ какъ-то вдругъ смахнулъ съ него весь культурный лоскъ Запада.

— Не безпокойтесь, дядюшка! По моимъ точнымъ свѣдѣньямъ... Хотя, этотъ Гвоздановичъ и живъ и пришелъ въ себя, но врачи констатировали у него потерю памяти... Если это навсегда, тѣмъ лучше для насъ, если

же это временно, тѣмъ хуже для самого Гвоздановича, ибо мы его отправимъ вслѣдъ за этимъ хулиганомъ, который такъ варварски искалѣчилъ цѣлыхъ четырехъ нашихъ братьевъ...

— Племянникъ, иногда я горжусь тобой.

— Жаль, что только иногда, дядюшка! Во всякомъ случаѣ, благодарю за комплиментъ... А нашъ-то великій магистръ засѣлъ подъ столъ, какъ въ траншею...

— Не смѣй такъ непочтительно говорить о великомъ магистрѣ! Не смѣй! — оборвалъ профессоръ, — его жизнь слишкомъ драгоцѣнна, чтобы ее подвергать всякимъ случайностямъ. А вотъ, милый мой, ты-то хорошъ. Убѣжалъ! А еще офицеръ!

— Дядюшка, моя жизнь для меня въ такой же степени драгоцѣнна, какъ для великаго магистра его собственная.

— Пожалуй, — согласился профессоръ.

— Ну, вотъ! Въ одинъ день — два комплимента! Польщенъ! Я, вообще, не избалованъ вами, дядюшка...

За первымъ, спустя нѣсколько часовъ, послѣдовалъ другой сюрпризъ. И, опять таки, вѣстникомъ былъ Бернардъ.

— Вуйтекъ арестованъ у себя въ номерѣ и подъ сильнымъ конвоемъ отправленъ въ мокотовскую тюрьму.

— Хм... этого слѣдовало ожидать. А ты не боишься, что на допросѣ съ испугу, припертый къ стѣнѣ, онъ можетъ сболтнуть лишнее?

— Не сболтнетъ! Я его пріучилъ къ мысли, что въ обиду мы его не дадимъ. Въ чаяніи обѣщанныхъ благъ онъ будетъ нѣмъ, какъ рыба.

— Даже, если... — и Натанъ пристально взглянулъ на племянника.

— А, въ такомъ случаѣ...

— Но все же необходимо дѣйствовать энергично и, не теряя ни минуты времени. Дѣло Вуйтека будетъ раздуто въ сенсаціонный процессъ. Я уже имѣю для него защитника. Это Краковскій адвокатъ Воречекъ.

— Воречекъ? Еврей?...

— Натурально же! Бѣденъ, честолюбивъ, гримируется подъ соціалиста. Защищать будетъ идейно.

— А сколько онъ возьметъ за свою идейность?...

— Намъ какое дѣло? Не мы будемъ платить, —

Римскій отель! А уже Воречекъ сдеретъ съ нихъ, будьте покойны! Жадная бестія!

Воречекъ шестиголовную семью свою оставилъ въ Краковѣ, а самъ пріѣхалъ „завоевывать Варшаву“. Но, до поры, до времени, туго подвигалось „завоеваніе“. Воречекъ жилъ впроголодь, ютился въ крохотной комнаткѣ Грандъ-Отелл, на Хмѣльной. Гостинница съѣдала все. Воречекъ — дегенератъ. Казалось, всѣ его суставы развинчены — такъ онъ безсильно, безпомощно вихлялъ руками, ногами и головою, чуть-чуть державшейся на дряблой и тонкой шеѣ. Ее всегда тянуло книзу, эту большую: тяжелую съ лысымъ черепомъ голову. И эта голова, и лицо съ крупными рѣзкими чертами и немощное тѣло, все, рѣшительно все состояло изъ какихъ-то острыхъ угловъ. Великолѣпный натурщикъ для пишущаго треугольника футуриста. Подъ острымъ угломъ сгибались развинченные колѣни и локти. Острый лицевой уголъ, острый, какъ дыня, черепъ, острый носъ съ горбинкою. Бываютъ слабенькія, жиденькія насѣкомыя съ большимъ ртомъ и массивными челюстями. Такъ и у Воречека, хилаго, какого то недоношеннаго, — ротъ съ крокодиловыми зубами выдѣлялся хищнымъ рисункомъ, а челюстями смѣло могъ бы гордиться любой преступникъ. Да и въ глазахъ его холодныхъ, язвительныхъ, на весь міръ злящихся было что-то преступное...

Воречекъ гримировался не только подъ соціалиста. Онъ еще хотѣлъ казаться настоящимъ чистокровнымъ полякомъ. Онъ былъ увѣренъ, что наилучшимъ доказательствомъ его „полькости“ будетъ ненависть, высказываемая вездѣ и повсюду ко всему русскому. Адвокатъ изъ острыхъ угловъ не признавалъ русской литературы. Съ кислой, чисто еврейской гримасою жаловался:

— Ой, тэнъ Пушкинъ мнѣ нудзи! Достоевскій нудзи... И тэнъ Толстой нудзи...

Какъ и профессоръ Азулаи, онъ былъ полякъ для виду, внѣшне, и какъ профессоръ Азулаи — въ глубинѣ души терпѣть не могъ и поляковъ, и русскихъ и славянъ вообще...

Итакъ, Ворочекъ, не признававшій Толстого, Достоевскаго, Пушкина и втихомолку зачитывавшійся порнографической литературой, вотъ уже полгода „завоевывалъ“ столицу, но изъ этого ничего не выходило. Тщетно умолялъ онъ судьбу послать ему хотя бы паршивенькаго

кліента. Самого паршивенькаго! Только бы выступить, только бы обратить на себя вниманіе. А ужъ онъ-то развернется!... Увы, даже самый паршивенькій кліентъ не показывался на горизонтѣ Воречека. А въ гостинницѣ росъ длинный счетъ, да и семья писала отчаянныя письма изъ Кракова, взывая о помощи.

И вотъ... Ну, совсѣмъ въ сказкѣ, или въ чувствительной кинодрамѣ.

Блѣдно-матовое лицо. Ассирійская бородка. Манеры показались провинціальному адвокату самыми утонченными.

Бернардъ излагалъ суть дѣла. Воречекъ, оскаливъ свои зубы, зубы аллигатора, кивалъ головою и трудно было сказать одобряетъ онъ этимъ своего сказочнаго гостя, или тяжелой головѣ не подъ силу держаться на вялой, тоненькой шеѣ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ хищнѣе становилась улыбка и холодные глаза тлѣли какимъ-то подобіемъ блеска.

— Вы понимаете, эта защита для васъ: карьера и деньги, деньги и карьера!

— Я, какъ соціалистъ...

— Э, полно, Воречекъ! Сколько?

— Видите, я долженъ себя обезпечить. У меня жена четверо дѣтей. Больная старуха-мать... Если къ этому времени правая власть будетъ скинута, будетъ хорошо... А если нѣтъ — меня заѣдятъ...

— Не заѣдятъ! Дни Витоса уже сочтены. Сколько же вы хотите?...

— Сорокъ тысячъ долларовъ! — выдавилъ изъ себя Воречекъ и самъ испугался.

— Вамъ дадутъ эти деньги! Половину впередъ. Ну, завтра, хотя бы... Что же касается второй половины... Я думаю, они поставятъ условіе... Вы, конечно, понимаете? Объ оправданіи не можетъ быть и рѣчи. Или тюрьма, или это — и Азулаи ребромъ ладони провелъ по своему горлу, но такъ аккуратно, чтобы не задѣть на диво спрессованной бороды. — Въ случаѣ тюрьмы, вы немедленно получаете остальныя 20 тысячъ. Если же онъ получитъ пулю въ лобъ, вы врядъ ли что-нибудь получите. Въ вашихъ интересахъ, чтобы кліентъ остался въ живыхъ. Имѣйте ввиду, онъ глупъ, какъ пень, его невѣжественность феноменальна! Вамъ придется натаскивать и дрессировать его, чтобы онъ могъ хоть кое-какъ притво-

риться бойцомъ за коммунистическіе идеалы. На этомъ вы будете строить всю защиту. Я самъ немного юристъ. Его виновность очевидна. Необходимо брать дерзостью, наскокомъ. „Да, можетъ быть, онъ причастенъ къ взрыву въ цитадели. Можетъ быть, университетъ и обѣ редакціи — его рукъ дѣло, но совершая все это, подсудимый Вуйтекъ думалъ о благѣ всего человѣчества. Это піонеръ новой зари..." И такъ дальше. Въ демократическихъ судахъ демократическихъ странъ это всегда имѣетъ успѣхъ. Надо угодить массамъ, а массы — быдло! Ну, вотъ, моя роль кончена. Завтра оттуда явится къ вамъ одинъ человѣчекъ и вручитъ валюту...

И дѣйствительно человѣчекъ „оттуда" явился на другой день и вручилъ валюту. А еще черезъ день Воречекъ за 8500 долларовъ купилъ въ Уяздовскихъ Аллеяхъ квартиру изъ восьми комнатъ съ мебелью и по телеграфу выписалъ изъ Кракова семью. Такъ началось завоеваніе Варшавы адвокатомъ изъ острыхъ угловъ и съ улыбкой аллигатора.

4. ПОСЛѢ ИСЧЕЗНОВЕНІЯ БЕЙЗЫМА.

Итакъ, исчезнувшій безъ слѣда Барилло на тотъ свѣтъ унесъ вмѣстѣ съ собою тайну засѣданія масонской ложи и всего происшедшаго въ ней. Гвоздановичъ никуда не унесъ событій знаменательной жуткой ночи. Онъ только растерялъ ихъ въ своей ослабѣвшей послѣ раненій въ голову памяти.

Изъ непосвященныхъ — никто ничего не зналъ. Правда четыре молодыхъ офицера — три подполковника и одинъ маіоръ, подавъ рапортъ о болѣзни, отсиживались дома, залѣчивая свои разбитыя физіономіи.

Тайной это никакъ не могло остаться, породивъ слухи о какомъ-то побоищѣ, о какомъ-то грандіозномъ дебошѣ. Въ другой арміи, менѣе демократической, начальство, по крайнѣй мѣрѣ, затребовало бы объясненія у пострадавшихъ — какъ, что и почему и совмѣстимы ли полученныя побои съ достоинствомъ и честью офицерскаго мундира? Но отъ одного маіора и трехъ подполковниковъ начальство никакихъ объясненій не требовало и они спокойно, изо дня въ день, ставили себѣ свинцовыя примочки.

Бернардъ Азулаи навѣщалъ ихъ, утѣшалъ. Вообще, онъ по горло весь былъ въ хлопотахъ и въ дѣлахъ, какъ

мы уже видѣли, ничего общаго со службой не имѣющихъ.

— Я не дуракъ — хвалилъ онъ самъ себя, — что не бросился вмѣстѣ съ другими на шпіоновъ, а бросился на „утекъ“. Чего добраго, и ему могло попасть, какъ этимъ четыремъ дуракамъ. Въ самомъ дѣлѣ, переусердствовали, а теперь сами жалѣютъ, чуть-ли не ежеминутно смотрятъ въ зеркало, а не останется ли навсегда испорченнымъ профиль? Его же, Бернарда, ассирійскій профиль чистъ, безмятеженъ и красивъ, какъ всегда. Но если онъ, Бернардъ вышелъ изъ всей этой передѣлки свѣжимъ и невредимымъ тѣлесно, за то чувствовалъ себя духовно раненымъ. Эта рана не давала ему покоя. Эта рана — безотвѣтная влюбленность въ Вѣру Анатольевну. Если бы еще только безотвѣтная, если бы, а то съ вечера у Осовецкаго, гдѣ она познакомилась съ этимъ проклятымъ Бейзымомъ, она измѣнилась по отношенію къ нему, къ Бернарду. Учтиво-свѣтское безразличіе уступило мѣсто среднему чему-то между легкимъ презрѣніемъ и легкой непріязнью. Баронесса, какъ женщина воспитанная не давала прямо понять этого, но Бернардъ не могъ не чувствовать. У него было одно утѣшеніе: со дня на день онъ избавится навсегда отъ опаснаго соперника. И онъ какъ то свободнѣй вздохнулъ, узнавъ отъ агентовъ своихъ, что Бейзымъ уѣхалъ наконецъ въ Ровно, уѣхалъ послѣ полученнаго письма, содержаніе котораго не только извѣстно Бернарду, но имъ же самимъ одобрено.

Дядюшка зналъ о сердечныхъ треволненіяхъ племянника и, по своему, старался его успокоить. Даже не столько успокоить, сколько направить мысли въ другую сторону.

— Брось, другъ мой, совѣтую бросьі Понимаю, непріятно для самолюбія... Патентованный красавецъ и Донъ Жуанъ, ты встрѣтилъ вдругъ отпоръ... Что дѣлать? Бываетъ! Вспомни мой совѣтъ и займись Изой. Она не вернется сюда больше, — это не бѣда, — можешь поѣхать за границу. Тамъ встрѣтишь ее. Она перебѣсилась и сама будетъ смѣяться надъ своими грѣшками лесбіянки. Тамъ большіе, большіе милліоны и я бы на твоемъ мѣстѣ...

Это болѣе всего раздражало племянника.

— Дядюшка, вамъ легко говорить. Вамъ за 50, а мнѣ 28. Я хочу ее, понимаете, безумно хочу эту Захертъ! Это желаніе отбиваетъ у меня сонъ... Я не сплю по ночамъ...

— И аппетитъ? — улыбнулся дядюшка.

— Аппетитъ нѣтъ, сонъ — да! Ласкать это прекрасное тѣло... Какое блаженство! Съума сойти можно.

— А если бы за это блаженство пришлось заплатить собственной жизнью? Если-бъ тебѣ, какъ Бейзыму, предложили отдаться ради нея въ руки твоихъ смертельныхъ враговъ, что бы ты сказалъ на это?

— Сейчасъ, натурально, сказалъ бы нѣтъ, но если бы она уже была моей любовницей...

— То и тогда сказалъ бы нѣтъ?

— Ахъ, дядюшка, вы прямо невозможный человѣкъ...

— Ну, вотъ видишь...

— Вы понимаете, что меня доводитъ до бѣшенства? Ну, будь она строгой весталкой-дѣвственницей, будь она вѣрной женою своего мужа, я бы махнулъ рукой. Нельзя такъ нельзя... Но когда я въ безсонныя ночи представляю себѣ, какъ она лежала въ объятіяхъ другихъ мужчинъ, какъ она отдавалась имъ, это меня такъ разжигаетъ, такъ разжигаетъ...

— А ты не разжигайся, встань, продѣлай гимнастику, выпей два стакана холодной воды. И...

— Опять таки, — вамъ за 50, а мнѣ 28. Если-бъ кто-нибудь четверть вѣка назадъ, угощалъ васъ такими совѣтами, вы бы его послали ко всѣмъ...

— Ко всѣмъ чертямъ, ты хочешь сказать? Благодарю! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вижу она захватила тебя не на шутку. Меня же озабачиваетъ совсѣмъ другое. Отъ ея красоты, обаянія и прочихъ, не менѣе цѣнныхъ качествъ — никакой пользы. Она совсѣмъ не желаетъ работать. Я напишу въ Лондонъ Красину. Пусть онъ ее или отзоветъ, или ужъ право не знаю что...

— Не пишите! Умоляю васъ...

— Ты все еще не теряешь надежды?

— Самъ не знаю... Хотя, съ уходомъ Бейзыма съ моей дороги... Во всякомъ случаѣ, не пишите... Сознанье, что я дышу однимъ воздухомъ съ нею, что она здѣсь... Словомъ, я готовъ биться головою объ стѣну...

— Смотри, у тебя и такъ взболтались все мозги.

Другой на мѣстѣ племянника, даже менѣе тонкій, замѣтилъ бы перемѣну въ отношеніи къ себѣ... Да, именно такъ и было, какъ Бернардъ описывалъ дядюшкѣ... Въ началѣ баронесса терпѣла общество Бернарда, съ какимъ-то скучающимъ равнодушіемъ, только потому не

оскорбительнымъ, что по природѣ своей она была мягкой, деликатной натурою.

Но еще до знакомства съ Бейзымомъ — оно дало лишь толчекъ, знакомство — Вѣра Анатольевна стала тяготиться Бернардомъ, увидѣвъ, что онъ влюбленъ въ нее, чего-то желаетъ, чего-то требуетъ, предъявляетъ какія-то права. Есть двухъ типовъ женщины: однѣ стараются привлечь поклонника, постоянно имѣть его при себѣ, даже при условіи полнаго къ нему равнодушія. У другихъ же — наоборотъ, вздыхатель безъ всякой надежды на взаимность, — ихъ тяготитъ и, въ концѣ концовъ, становится физически непріятнымъ, невыносимымъ.

Баронесса Захертъ принадлежала къ этому послѣднему типу женщинъ. То, что другимъ такъ неотразимо нравилось въ Бернардѣ — его холеная, экзотическая красота, его глаза восточные, узкіе, нѣжная, оттѣняемая черной ассирійской бородою тонкая кожа лица, — все это дѣйствовало на Захертъ скорѣе отталкивающе, нежели привлекающе. Теперь, именно теперь, какъ никогда стосковалась по настоящему, раздѣленному чувству. И чѣмъ больше казнила она себя за прошлое, вспоминая его наединѣ съ собою и своей совѣстью, вспыхивая румянцемъ стыда, тѣмъ больше просыпалась жажда любить и быть любимой!...

Двѣ Вѣры Анатольевны боролись въ ней. Двѣ — судья и адвокатъ. Судья обвинялъ, обвинялъ за встрѣченнаго въ Константинополѣ американца-моряка и за Красина, за то, что пошла къ нему въ содержанки. Если суровъ былъ голосъ судьи, то не менѣе пылко защищалъ адвокатъ. Онъ говорилъ:

— Пусть бы судья помѣнялся съ этой женщиной ролью. Пусть бы очутился на ея рукахъ мужъ-инвалидъ, эти человѣческіе выжимки.

Пусть! И вотъ на выборъ одно изъ двухъ: или спасать его родного, близкаго, или спасать свою добродѣтель чистой замужней женщины.

Она предпочла первое.

— Красинъ? — вопрошалъ судья.

— Красинъ? Словъ нѣтъ, Красинъ большая, темная страница... Морякъ, этотъ добрый и мощный самецъ и по своему несомнѣнный джентльменъ, былъ эпизодъ, случай. Красинъ же, разжирѣвшая утопающая въ награбленныхъ сокровищахъ большевитская гадина. Гадина,

словъ нѣтъ, но нельзя же не принять во вниманіе психику несчастной русской бѣженки, измученной, изголодавшейся такъ, что живого мѣста не было! Изголодавшейся, натерпѣвшейся и, вдобавокъ, буквально затравленной мужчинами. Каждый по-скотски откровенно и по-скотски грубо, добивался ея тѣла...

А, вѣдь, у животныхъ бываютъ даже красивыя прелюдіи... Нѣкоторые самцы умѣютъ ухаживать, умѣютъ понравиться самкѣ, чтобы не силой взять ее, а ласкою.

Послѣ всего хватитъ ли бросить камнемъ въ эту женщину?

Въ отчаяніи зажмурившись и съ отвращеніемъ стиснувъ зубы, она пошла на Красинскій позоръ, давшій ей царственную роскошь. Тѣмъ болѣе, она изголодалась не только въ прямомъ смыслѣ слова, а изголодалась еще и по удобной, чистой и свѣтлой квартирѣ, по широкой постели съ тонкимъ бѣльемъ, по туалетамъ и духамъ, по ваннѣ, по всему тому, что у нея было раньше и такъ безжалостно сразу отнято революціей.

До встрѣчи съ Бейзымомъ, адвокатъ всегда бралъ верхъ надъ судьей, а со дня первой встрѣчи, послѣ того, какъ она вернулась отъ Оссовецкаго, началъ побѣждать судья. Захертъ находила какое-то страстное удовольствіе въ самобичеваніи. Да, да, и чѣмъ сильнѣе бичевала себя, тѣмъ сильнѣй просыпалось желаніе очиститься, подняться и, если не вычеркнуть — вычеркнуть нельзя — по крайней мѣрѣ, искупить страницы своей жизни, которыхъ, увы, никакъ не вырвешь, а если даже и вырвешь, — останутся вѣчнымъ напоминаніемъ, какъ зазубренные корешки...

Она знала, что Бейзымъ женатъ, но не хотѣла знать, чтобы это могло быть препятствіемъ. Она говорила себѣ: она слишкомъ сама несчастна, чтобы щадить чужое, ставшее ей поперекъ дороги, счастье. У Оссовецкаго она убѣдилась, что Бейзыма тянетъ къ ней. Даже больше, чѣмъ тянетъ. Онъ захваченъ ею. Она удивлялась, что Бейзымъ не идетъ къ ней, не идетъ, хотя „долженъ притти"! Написала, напомнила о себѣ — молчанье! Но какъ ни больно кольнуло ее это молчанье, она все же ни обидѣлась, не почувствовала себя уязвленной въ своемъ самолюбіи интересной, избалованной женщины.

Не равнодушіе угадывалось въ этомъ молчаніи, а совсѣмъ другое, скорѣй, пожалуй, наоборотъ... И, во вся-

комъ случаѣ что-то глубокое, запутанное...

Столкнувшись съ Бейзымомъ на лѣстницѣ, она поняла, что не ошиблась. У него былъ такой видъ и онъ на нее такъ взглянулъ, что у нея сжалось сердце и отъ боли и отъ какого-то предчувствія и отъ чего-то еще...

Они стояли другъ противъ друга, молча, безъ словъ, потому что слова были бы лишними, блѣдными, въ тягость обоимъ.

Послѣ этой мучительной для обоихъ паузы, онъ вымолвилъ тихо, до страннаго тихо:

— Прощайте...

— Но мы увидимся еще? — такъ же тихо, упавшимъ голосомъ спросила она.

— Нѣтъ... Больше никогда не увидимся... Прощайте..

И это долго потомъ звучало въ ея ушахъ непонятной, тревожной загадкою...

5. ПАССАЖИРЪ ВТОРОГО КЛАССА.

Бейзымъ слишкомъ хорошо зналъ большевиковъ, дабы не знать, что за нимъ будутъ слѣдить, за каждымъ его шагомъ и до отъѣзда, а главное съ момента, когда онъ сядетъ въ поѣздъ. Но къ этому онъ относился вполнѣ безразлично съ какимъ-то безмятежнымъ философскимъ спокойствіемъ, какъ и, вообще, началъ относиться ко всему на свѣтѣ...

Изумляло самого, куда дѣвалось въ немъ все кипучее неугомонное, буйное — ни минуты покоя, бездѣйствія? Куда? Оно смѣнилось какимъ-то яснымъ, точно зеркальная гладь тихаго горнаго озера, смиреніемъ.

Вотъ и сейчасъ въ скупо озаренномъ свѣчею вагонѣ какой-нибудь мѣсяцъ назадъ, даже меньше, онъ учинилъ бы громкій скандалъ, а сейчасъ, сейчасъ онъ вполнѣ мирно, съ такой несвойственной ему кротостью отмѣтилъ возмутившій его фактъ.

Въ купэ второго класса всѣ восемь мѣстъ были заняты. Восьмое его— Бейзыма. Сидѣлъ какай-то помѣщикъ, сидѣлъ какой-то чиновникъ, въ форменной фуражкѣ. Сидѣли какіе-то евреи громко, вызывающе болтавшіе на жаргонѣ. Сидѣлъ, уничтожая папиросу за папиросой какой-то плюгавый длиноволосый сержантъ съ австрійскими бачками отъ висковъ и до ушей.

Уже передъ самымъ отправленіемъ поѣзда, вошелъ въ вагонъ съ чемоданомъ въ рукѣ высокій, сѣдой полковникъ. Въ чудесной выправкѣ, въ умѣньи носить форму угадывался сразу бывшій русскій офицеръ.

Полковникъ заглянулъ въ одно купэ, въ другое, въ третье — нѣтъ свободнаго мѣста. Задержался на порогѣ купэ, гдѣ сидѣлъ Бейзымъ. Евреи не удостоили даже взлядомъ польскаго офицера. Сержантъ нехотя, чуть-чуть приподнялся, такъ же нехотя, небрежно отдалъ честь и закурилъ новую папиросу.

Полковникъ, помнившій другія времена, когда солдаты не ѣздили во второмъ классѣ, смущенно улыбнулся, маскируя этой улыбкою уязвленное самолюбіе, не свое собственное, человѣческое, а самолюбіе офицера. Онъ вышелъ въ корридоръ, опустилъ на полъ свой чемоданъ и повернулся спиною къ окну, дѣлая видъ, что весь ушелъ въ созерцаніе бѣгущаго мимо вечерняго пейзажа. На самомъ же дѣлѣ, онъ ничего не видѣлъ. Глаза были полны слезъ и, чтобы не замѣтилъ этого никто изъ проходящихъ, онъ плотно прильнулъ лицомъ къ холодному стеклу...

Бейзымъ слѣдилъ за нимъ. По всей стройной, крѣпкой фигурѣ полковника, по его склонившейся головѣ, а такъ же по линіямъ спины Бейзымъ понялъ переживанія стараго офицера.

Мѣсяцъ назадъ при такихъ же условіяхъ длинноволосый сержантъ былъ бы вышвырнутъ изъ купэ могучей рукою. Бейзымъ сдѣлалъ бы это подъ впечатлѣніемъ минуты, не входя въ обсужденія вопроса, что по демократическимъ законамъ демократической арміи сержантъ является такимъ же свободнымъ гражданиномъ, какъ и любой генералъ, любой полковникъ. Онъ заплатилъ за свое мѣсто, занимая его по праву и ему нѣтъ никакаго дѣла, что офицеръ вынужденъ стоять въ корридорѣ.

Бейзымъ въ свое оправданіе сказалъ бы:

— Въ самой демократической арміи въ солдатѣ необходимо воспитывать солдата, а не хама. Только хамъ, не уважающій арміи, въ которой служитъ и мундира, который носитъ, можетъ сидѣть развалясь съ папиросой, когда пожилой, годящійся ему въ отцы полковникъ стоитъ въ корридорѣ. Къ такому офицеру и вся остальная публика, наблюдающая подобную сцену, невольно теряетъ уваженіе.

Бейзыму стоило не малыхъ усилій сдержаться. Въ

концѣ концовъ, переборовъ себя, онъ всталъ и подошелъ къ офицеру.

— Господинъ полковникъ, я васъ очень прошу: будьте добры занять мое мѣсто...

— Но позвольте... Какъ же такъ?... А вы сами? — и полковникъ успѣвшій украдкой смахнуть платкомъ слезы, съ какимъ-то радостнымъ изумленіемъ смотрѣлъ во всѣ глаза на гиганта въ длинномъ англійскомъ пальто. Вдругъ лицо полковника озарилось. — Позвольте, позвольте... Кажется, маіоръ Бейзымъ?...

— Точно такъ, господинъ полковникъ... Бейзымъ Игнатій, маіоръ кавалерійскаго резерва. Какъ младшій въ чинѣ, я не могу допустить... — Бейзымъ, не давая полковнику возражать, почти насильно усадилъ его на свое мѣсто, а самъ всю ночь простоялъ и проходилъ въ коррндорѣ...

Сколько онъ передумалъ и перечувствовалъ за эту нескончаемо долгую, такую безсонную ночь...

Въ сизой мглѣ ранняго утра всплылъ передъ окнами грязно кирпичный фасадъ станціи. Пассажиры съ измятыми лицами бросились со своими чемоданами прочь изъ вагона. Обычная суета. Одинъ только Бейзымъ не суетился. Ему некуда было спѣшить и некуда было дѣвать цѣлую вѣчность, оставшуюся до вечера. Послѣ этого онъ больше уже не принадлежалъ самому себѣ... ни душою, ни тѣломъ. Надъ душой наиздѣваются, плюнутъ въ нее, а тѣло — убьютъ. Бейзымъ часто бывалъ на самомъ краю гибели, на волоскъ отъ смерти. Но никогда ни въ ту, ни въ другую не вѣрилъ. Да и трудно было повѣрить. Геркулесовское тѣло съ такой рельефной, упругой мускулатурой, что тѣло, вытѣсняющее такъ много воздуха и такое замѣтное для всѣхъ на землѣ, вдругъ перестало бы существовать, ушло бы подъ землю, стало бы прахомъ? Этого Бейзымъ не допускалъ, подобно мифическому полу-богу считавшій себя безсмертнымъ. Онъ? Мало ли что онъ считалъ? А вотъ вмѣстѣ со своей доблестью, своею силою, своими подвигами, своимъ всесвѣтнымъ именемъ кинематографическаго актера, онъ оказался песчинкою. Куда подуетъ вѣтеръ, туда и полетитъ. Вѣтеръ, этотъ наилучшій, найживѣйшій символъ судьбы.

Бейзымъ медленно вышелъ въ людской муравейникъ галдѣвшій, копошившійся между вереницею вагоновъ и вокзаломъ. Онъ не замѣчалъ этихъ людей. Не замѣтилъ

двухъ подозрительныхъ субъектовъ — оба евреи, — шептавшихся на его счетъ. Одинъ пріѣхалъ, другой встрѣчалъ и, первый, какъ бы съ рукъ на руки сдавалъ второму этотъ живой человѣческій багажъ.

Бейзымъ машинально двинулся передъ собою, машинально сѣлъ въ извозчичью коляску. На вопросъ куда, отвѣтилъ:

— Поѣзжай, куда хочешь!

Старикъ, больше тридцати лѣтъ возившій пассажировъ съ вокзала въ городъ и обратно, впервые услышалъ такой отвѣтъ.

Заскрипѣли ветхія рессоры, застучали по камнямъ колеса, зацокали копыта. И какъ-то особенно звонко и четко отдавалось это въ утреннемъ воздухѣ. Вдоль шоссе жидовскія халупы дымили своими трубами и дымъ подымался къ небесамъ ровно и плавно въ холодномъ безвѣтріи. На вкусъ чувствовался его терпкій запахъ. Ни съ чемъ такъ не связаны воспоминанія, какъ съ запахомъ...

И эти лачуги, этотъ дымъ напомнилъ Бейзыму его дѣтскіе годы въ реальномъ училищѣ здѣсь же, въ Ровно. И все стало вдругъ такимъ знакомымъ, знакомымъ... Вонъ бѣлѣетъ на берегу пруда училище, двухъ-этажное подъ зеленой крышею. Оно какъ-будто вросло въ землю, стало ниже, а какимъ тогда казалось высокимъ...

Этотъ прудъ? Онъ вспомнилъ другимъ его, отливающимъ скользкимъ зеркаломъ льда. Свѣтло-бурый камышъ, гибкій запорошенный снѣгомъ. Ученическій катокъ. Онъ, Игнась Бейзымъ упруго съ какимъ-то хрустящимъ звукомъ рѣжетъ острыми коньками вензеля и къ восхищенному удивленію всѣхъ описываетъ дугу высоко надъ тремя разосланными на льду шинелями.

А какимъ необъятнымъ, пугающимъ и суровымъ обвѣяннымъ тайною чудился полуразрушенный замокъ Любомирскихъ на островѣ?

Игнась путешествовалъ по его подгнившимъ чердакамъ вспугивая летучихъ мышей. Въ слуховыя окна, пустыя, зіяющія, пулей врывалась ласточка съ воли, напоенной свѣтомъ и солнцемъ и, смущенная затхлымъ мракомъ, такой же пулею вылетала назадъ на просторъ... И этотъ замокъ, теперь ничуть не страшный, не обвѣянный тайною, тоже какъ будто сталъ ниже, меньше и вросъ въ землю.

Вспомнился покойный старый дядюшка, прямой, съ сѣдыми подусниками, въ неизмѣнной черной крылаткѣ и въ выцвѣтшей фуражкѣ съ бирюзовымъ околышкомъ гусара-павлоградца.

Дядюшка опредѣлилъ сироту Игнася въ училище, а когда Игнася за тихія успѣхи въ наукахъ и за громкое поведеніе, выгнали, дядюшка, мрачный, какъ грозовая туча, повезъ его въ Житомірскую гимназію. Гдѣ теперь это все? Умеръ дядюшка въ родныхъ завѣщанныхъ племяннику Бейзымахъ. Нѣтъ его, старика... Да, въ сущности, ничего нѣтъ... Все призрачно... призрачно, какъ дымъ этихъ жидовскихъ халупъ...

Бейзымъ колесилъ по городу безъ смысла, безъ цѣли, безъ желаній. Черезъ какой-нибудь часъ опьяненная воздухомъ дала себя знать безсонная ночь. Потянуло ко сну. Занявъ въ первой попавшейся гостинницѣ номеръ, какъ былъ, въ одеждѣ, только снявъ польто, упалъ на застонавшую подъ его тяжестью кровать и уснулъ глухимъ, тяжелымъ сномъ.

Когда онъ открылъ глаза, было темно. Какая-то перебранка доносилась съ корридора. Сначала Бейзымъ самъ не зналъ, гдѣ онъ находится и только черезъ минуту, вернувшись къ дѣйствительности, вспомнилъ. Первымъ ощущеніемъ былъ — испугъ. А что если онъ проспалъ назначенное время?

Зажегъ спичку освѣтилъ циферблатъ часовъ-браслетки. Ровно девять. За глаза успѣетъ. Но что-то властное, непонятное толкало, физически толкало спѣшить. Онъ всталъ, зажегъ свѣчу и съ нею подошелъ къ висѣвшему у окна зеркалу. Оттуда глянуло чье-то чужое лицо. Во всякомъ случаѣ, онъ себя не узналъ, — такъ постарѣлъ, осунулся. Глаза, подъ надбровными дугами, ушли еще глубже... Расплатился и вышелъ...

Уже на окраинѣ, тамъ гдѣ Шоссейная улица поднимается въ гору, двигался по направленію рощи Грабникъ одинокій человѣкъ. Прохожіе оборачивались на него — такъ онъ былъ высокъ.

Вѣтеръ разгулялся къ ночи, пригибая оголенныя верхушки деревьевъ съ глухимъ протяжнымъ завываніемъ. И въ этомъ завываніи чудилось: у... у... гу... гуу... человѣкъ — песчинка, вѣтеръ — судьба... Угу-гуу...

Человѣкъ — песчинка, вѣтеръ — судьба...

А одинокій человѣкъ уже поравнялся со зданіемъ тюрьмы, съ обнесенной высокой стѣною. Еще немного и уже за нею потянется роща...

6. КАЖДЫЙ ИНТЕРЕСУЕТСЯ ПО СВОЕМУ.

Юноша-Гзовскій, этотъ американскаго типа журналистъ, у котораго фонтаномъ билъ черезъ край профессіональный темпераментъ и который въ такой же самой мѣрѣ не зналъ, куда дѣвать избытокъ физическихъ силъ своихъ, горѣлъ нетерпѣніемъ возобновить тренировку въ боксѣ, прямо-таки чесались большіе, крѣпкіе кулаки его длинныхъ-предлинныхъ рукъ.

Разлетѣлся въ Бристоль.

Номерная прислуга ничего не могла сказать.

— Госпожа Бейзымъ уѣхала давно, а господинъ маіоръ два дня назадъ.

— Номеръ освободили?

— Нѣтъ.

— За собой оставили?

— Нѣтъ...

— Какъ же такъ? — удивился Юноша и заиграло его подвижное актерское липо, — какъ же такъ? Ничего не понимаю.

— Мы тоже не понимаемъ.

— Съ этого надо было начать! — и длинный Гзовскій, прыгая черезъ три ступеньки, бросился внизъ.

Но внизу его ждало разочарованіе... Вотъ что узналъ у одного изъ директоровъ:

— Маіоръ Бейзымъ ничего не сказалъ... Вообще признаться, онъ былъ послѣднее время какой-то задумчивый, разсѣянный. Всѣ сундуки, чемоданы остались въ номерѣ. Будь это другой кто-нибудь, мы, конечно, освободили бы номерь отъ этихъ вещей. Но маіоръ Бейзымъ не кто-нибудь... Поэтому...

— Поэтому вы готовы ждать хоть цѣлый годъ? — подхватилъ Гзовскій.

— Хоть цѣлый годъ! — согласился директоръ вполнѣ серіозно.

— Да, маіоръ Бейзымъ это наша гордость! Но неужели это все, что вы знаете?

— Могу прибавить еще: въ нашемъ сейфѣ хранятся драгоцѣнности госпожи Бейзымъ и деньги въ довольно крупной валютѣ.

— А именно?

— Вообще, это не принято говорить, но...

— Да, да! Конечно! Я спросилъ машинально... Совсѣмъ другое въ головѣ... — и дѣйствительно голова сенсаціоннаго „газетчика“ работала во всю. Напрягая мысль, Гзовскій отчаянно теребилъ свою густую шапку волосъ.

Все это болѣе чѣмъ странно. Какая-то необъяснимая тайна въ этомъ двойномъ исчезновеніи.

Вещи въ номерѣ. Валюта и драгоцѣнности въ сейфѣ. Есть надъ чѣмъ призадуматься.

Гзовскій былъ популяренъ и любимъ въ полицейскихъ кругахъ. Вотъ гдѣ онъ, пожалуй, разузнаетъ что-нибудь. Къ тому же Бейзымъ личный другъ Винарскаго. Гзовскій помчался къ Винарскому. Возбужденный, размахивая руками, ворвался въ кабинетъ и загремѣла его низкая протодіаконская октава.

— Господинъ инспекторъ, что же это такое, вы, конечно, знаете? Маіоръ Бейзымъ исчезъ... Исчезъ и при обстоятельствахъ... не совсѣмъ... не совсѣмъ...

Громадные блестящіе глаза Гзовскаго встрѣтились съ узенькими, лукаво инквизиторскими глазами инспектора.

— Что вы говорите? Маіоръ Бейзымъ исчезъ? А я вотъ сижу здѣсь и ничего не знаю!...

— Господинъ инспекторъ, нѣтъ дураковъ! — погрозилъ пальцемъ Гзовскій — вы, нашъ магъ и чародѣй, вы, который видите все подъ землей на три метра въ глубину, а можетъ быть и больше, вы ничего не знаете?

— Увѣряю васъ.

— Будете сто разъ увѣрять, ни за что не повѣрю! Въ своей газетѣ я подниму бумъ на всю Польшу: „Загадочное исчезновеніе маіора Бейзыма“... Громадными буквами! Такими! Я буду кричать!... Я...

— Умоляю васъ, не дѣлайте этого!

— А?. Ха, ха, ха! Поймалъ! Значитъ, вы кое-что знаете?

— Я связанъ обѣщаніемъ... Вамъ же господинъ Гзовскій, даю слово, что малѣйшей замѣткой вы можете

повредить Бейзыму. Смертельно повредить! Больше я ничего не скажу, ничего не прибавлю.

Гзовскій тяжело дышалъ, а его лобъ оросился крупными каплями пота.

— Зарѣзали меня, зарѣзали, — повторялъ онъ — впервые за 20 лѣтъ своей газетной работы очутился въ такомъ безпомощномъ положеніи.

Баронесса Захертъ была немного удачливѣй. По крайней мѣрѣ, хоть что-нибудь узнала...

Она забыть не могла этой жуткой, мимолетной встрѣчи, когда онъ сказалъ ей: „Прощайте"! какъ онъ это сказалъ!... И какое было выраженіе лица. Захертъ никогда не забудетъ ни этого голоса, ни этого лица.

И хотя все было для нея страшной загадкою и въ мучительныхъ поискахъ своихъ она далеко была отъ истины, однако же чуяла душа, чуяла... Надъ этимъ человѣкомъ повисло что-то неумолимо роковое. Моментами казалось, что Бейзымъ посвятилъ себя какой-нибудь новой, безумно рискованной политической эскападѣ въ Совдепію, и, самъ не надѣясь на благополучный исходъ, не вѣря въ него, но вѣря въ свою обреченность, больше не считалъ себя жильцомъ на этомъ свѣтѣ...

Вѣра Анатольевна и такъ по природѣ своей далеко не общительная, теперь совсѣмъ замкнулась въ себѣ. Не хотѣла никого видѣть. Раза два приходили къ ней порознь дядюшка и племянникъ, но баронесса не приняла ни того ни другого. Не хотѣла видѣть, зная ихъ враждебное отношеніе къ Бейзыму. Запершись въ своемъ номерѣ, какъ монахиня въ кельѣ, нетерпѣливо добивалась Оссовецкаго, каждый часъ, телефонируя ему на квартиру.

Прислуга твердила — да больше ничего и не оставалось — она ждетъ его съ минуты на минуту.

Наконецъ на пятый день послѣ того, какъ Бейзымъ сказалъ свое, до сихъ поръ звучащее во всемъ существѣ ея: „прощайте", она услышала въ телефонъ уже не голосъ прислуги, а самого хозяина.

— Вы?... Вы?... Господи, наконецъ-то!...

— Да, это я, баронесса... Изъ Берлина пришлось съѣздить въ Парижъ и вотъ причина, причина моей... вы у телефона?

Она не сразу отвѣтила. Біеніе сердца, такое сильное — даже схватилась за грудь — мѣшало говорить.

— Алло? Алло? Баронесса, вы у телефона?...

— Да... да... Я здѣсь, Вы дома? Я могу къ вамъ сейчасъ пріѣхать?

— Счастливъ буду! Какая вы милая! — принималъ Оссовецкій всецѣло на свой счетъ горячее желаніе Захертъ поскорѣй его увидѣть.

Нѣсколько минутъ спустя онъ уже сочно цѣловалъ ея красивыя небольшія руки, не выпуская изъ своихъ. Но его ждало разочарованіе. Онъ убѣдился, что она спѣшила вовсе не для флирта съ нимъ.

— Стефанъ Ивановичъ, вы одинъ, одинъ во всей Варшавѣ можете мнѣ помочь...

— Я весь къ вашимъ услугамъ! и нѣсколько озадаченный Оссовецкій галантно поклонился.

— Вы ничего не знаете о Бейзымѣ?

— Рѣшительно ничего! Да и откуда же? Я едва, пріѣхалъ. Что-нибудь развѣ случилось? Вы-то, вы давно его видѣли въ послѣдній разъ?...

— Пять дней назадъ!... Онъ былъ самъ не свой. Такой угнетенный... А въ глазахъ-непередаваемое что-то Ужасно, ужасно! — повторяла она съ какимъ-то страдальческимъ надрывомъ. Да и въ лицѣ столько было страданія, что свѣтлая улыбка мгновенно исчезла съ бритыхъ губъ Оссовецкаго.

— Да, я вижу — это серьезно! Что-же онъ арестованъ, уѣхалъ? Что съ Бейзымомъ? Я ничего не понимаю...

— Увы, я понимаю не больше вашего... но быть можетъ...

Стефанъ Ивановичъ, напрягите всю вашу силу... Узнайте, гдѣ онъ? Что съ нимъ?

— Баронесса, право я не могу такъ сейчасъ. Я съ дороги только-что, во мнѣ такъ много еще неулегшихся впечатлѣній. А чтобы самоуглубиться, необходимо и полное спокойствіе... и...

— Такъ когда же, когда? — съ тоской допытывалась она. Страннымъ, непонятнымъ казалось... Думала, что не только для нея, а и для всѣхъ, рѣшительно для всѣхъ интересно и важно именно сейчасъ же узнать про Бейзыма. Онъ же, Оссовецкій такъ безразличенъ, откладываетъ на завтра. Вѣдь это же цѣлая вѣчность...

Вѣчность, а, между тѣмъ, и нѣтъ и не можетъ быть никакихъ другихъ вопросовъ, желаній и дѣлъ...

У Оссовецкаго былъ скучающій видъ. Онъ уже тя-

готился своей гостьей. И сразу угасло въ немъ любопытство къ ней, какъ къ женщинѣ. Она, сама не подозрѣвая, нанесла ударъ его самолюбію, вѣрнѣе самовлюбленности. Ея голосъ такъ много обѣщалъ по телефону... Онъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ ее, предвкушая объятія, поцѣлуи, а можетъ быть и что-нибудь еще болѣе острое и менѣе скромное. И, вотъ, не угодно ли? Вынь, да положи ей, куда дѣвался Бейзымъ? Что же онъ, Оссовецкій, въ самомъ дѣлѣ профессіональный отгадчикъ, балаганный ясновидецъ, работающій по заказу нѣсколько разъ въ день на потѣху толпѣ зѣвакъ?...

И оба сразу стали какъ-то оффиціально холодны. Баронесса спѣшила уйти. Оссовецкій не удерживалъ. Однако, желая смягчить создавшуюся неловкость, онъ уже у самыхъ дверей задержалъ Вѣру Анатольевну:

— Секундочку, баронесса... Жду васъ завтра, какъ мы условились. Но предупреждаю, не надѣйтесь на ясные, точные отвѣты. Я уже чувствую нѣкоторыя, какъ бы вамъ сказать, препятствія, гдѣ въ данное время находится Бейзымъ, тамъ я угадываю присутствіе какой-то враждебной мнѣ силы... И она эта сила напрягаетъ всю свою волю, все свое „хотѣніе", чтобы парализовать меня... Баронесса, вы меня поняли?

— Не только поняла, но и повѣрила.

— То-есть?

— Задержавъ меня, но сами еще не зная, о чемъ будете говорить, вы, какъ свѣтскій человѣкъ, хотѣли оставить напослѣдокъ пріятное впечатлѣніе... Въ тотъ-же самый моментъ „что-то" осѣнило васъ. Вы дѣйствительно почувствовали тамъ силу, враждебную вашей... Я не ошиблась?

— Умныя женщины, вообще, рѣдко ошибаются.

Она пропустила комплиментъ мимо ушей.

— Итакъ, до завтра, Стефанъ Ивановичъ...

— До завтра, баронесса, до завтра!...

Но этому „завтра" не дано было осуществиться. На утро весь городъ узналъ, что Оссовецкій раненъ, раненъ, если не съ опасностью для жизни, то все же весьма серіозно.

Въ первомъ часу ночи онъ возвращался къ себѣ домой и былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, дважды кто-то выстрѣлилъ въ него. Первая пуля просвистѣла мимо, вторая же пронзила навылетъ грудь, къ сча-

31. ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — КАКЪ СОНЪ.

А дальше, какъ во снѣ. Даже эта дѣйствительность была болѣе смутная, чѣмъ сонъ. Во всякомъ случаѣ, мыслью, умомъ Бейзымъ почти не переживалъ этого. Переживалъ часто механически тѣломъ, двигаясь, садясь въ автомобиль, выходя изъ него. И даже все это дѣлалось вяло и тупо.

А, главное, то безконечно трагическое, на что еще тогда, въ часы такой мучительной борьбы онъ сознательно шелъ, теперь уже не было трагическимъ.

На опушкѣ оголенной рощи его встрѣтили два человѣка. Когда поднявшійся надъ чернымъ хаосомъ вѣтвей блѣдно-золотой мѣсяцъ, отточенный какъ лезвіе алебарды, освѣтилъ всю группу, Бейзымъ такъ и не поинтересовался увидѣть лица. Даже не удостоилъ взглядомъ.

Одинъ изъ нихъ вѣжливо, черезчуръ вѣжливо сказалъ хорошимъ русскимъ языкомъ безъ малѣйшаго акцента.

— Господинъ маіоръ, не извольте ни о чемъ безпокоиться... Предоставьте намъ все... Васъ же объ одномъ просимъ: до момента, пока мы не очутимся на совѣтской территоріи, вы будете хранить самое глубокое молчаніе. Это, какъ въ вашихъ личныхъ интересахъ, такъ и въ интересахъ вашей супруги...

Все это — какъ бы на разстояніи и какъ бы сквозь завѣсу, сквозь дымку и только слово „супруги“ было услышано Бейзымомъ ясно, преувеличенно ясно и близко.

И онъ молча далъ имъ убѣдиться, нѣтъ ли при немъ оружія, молча сѣлъ въ автомобиль и всѣ 35 километровъ до Корца, послѣдняго пограничнаго мѣстечка Польши, молчалъ, какъ можетъ молчать спящій съ открытыми, хотя и ничего не видящими, глазами.

Мчались всю ночь и подъ утро, еще такое же темное, какъ и ночь, пріѣхали въ городъ. Этотъ городъ былъ хорошо знакомъ Бейзыму и по впечатлѣніямъ дѣтства и по воспоминаніямъ послѣднихъ лѣтъ, когда Бейзымъ, командуя эскадрономъ въ дивизіи доблестнаго генерала кавалериста Савицкаго, бралъ со своими уланами Заславль, и выгоняя большевиковъ, многое множество потопилъ ихъ въ рѣкѣ Горынь.

Бейзымъ средь уже блѣднѣющаго мрака узналъ

полуобгорѣвшія развалины тѣхъ самыхъ еврейскихъ домовъ, откуда стрѣляли въ поляковъ.

Эти дома Бейзымъ приказалъ тогда своимъ уланамъ сжечь.

Это было въ 1919 году. Загнавъ въ рѣку подъ Бернардинскимъ монастыремъ въ Горынь батальонъ матросовъ, Бейзымъ съ коня крошилъ ихъ своей саблей, а теперь въ 1923 году, два большевика везутъ его по этимъ самымъ улицамъ черезъ эту самую плотину, везутъ потерявшаго волю и стоически готоваго потерять то, чего уже никогда не вернешь — жизнь. Его просили молчать и онъ молчалъ. Даже ни разу не спросилъ о Магдалинѣ.

Да и зачѣмъ? Онъ зналъ большевиковъ. Зналъ, что низшіе агенты врядъ ли знаютъ правду, а если и знаютъ, все равно ничего не скажутъ или же солгутъ...

Тяжелыя массивныя монастырскія ворота. Два красноармейца съ винтовками. Ворота распахнулись и автомобиль въѣхалъ, во дворъ съ гранитной тумбою солнечныхъ часовъ посрединѣ. И этотъ дворъ и эти часы хорошо памятны Бейзыму...

Старый Бернардинскій монастырь извѣстенъ на всю Волынь своими казематами, гдѣ въ давніе времена держали плѣнныхъ турокъ, запорожцевъ и татаръ, пока ихъ не обмѣняютъ на плѣнныхъ поляковъ.

Въ одинъ изъ этихъ казематовъ былъ положенъ, вѣрнѣе поставленъ Бейзымъ. Ни сидѣть, ни лежать было не на чемъ. Гладкій каменный полъ и, хотя бы малѣйшее подобіе какого-нибудь матраса, или койки.

На высотѣ двухъ человѣческихъ ростовъ — оконце, забраное желѣзными стрѣлами. Подоконникъ въ полумертвой толщѣ стѣни былъ покатый.

Два дня и двѣ ночи узнику не давали ни пить, ни ѣсть. Никто къ нему не входилъ. Не только не было слышно человѣческихъ голосовъ, но даже ни одинъ звукъ не долеталъ. Бейзымъ выкурилъ весь имѣвшійся при немъ запасъ сигаръ и трудно было сказать, что его больше мучило, отсутствіе курева, или голодъ. Вѣрнѣе, пожалуй, второе. Никогда и нигдѣ такъ не хочется курить какъ въ тюрьмѣ.

Если бы его спросили потомъ, спалъ ли онъ хоть сколько-нибудь всѣ эти сорокъ часовъ, онъ врядъ ли могъ бы отвѣтить. Лежа на разостланномъ на каменныхъ

плитахъ польто своемъ, онъ впадалъ въ забытье, скорѣй, однако, полупрозрачное, чуткое, нежели глубокое забвеніе.

Онъ слышалъ царапанье скребущихся крысъ, чувствовалъ, какъ эти крысы съ цѣпкой стремительностью маленькихъ хищниковъ, проносились по его ногамъ.

Другой на его мѣстѣ, обыкновенный человѣкъ отощалъ бы отъ голода и окоченѣлъ бы отъ адской стужи въ этомъ каменномъ мѣшкѣ съ выбитымъ оконцемъ, но могучій организмъ Бейзыма сравнительно легко выносилъ и голодъ и холодъ. Вотъ если бы вымыться съ головы до ногъ обжигающей тѣло водою. Но гдѣ ужъ вымыться, когда за эти два дня и глотка воды выпить не дали. Бейзымъ не понималъ, зачѣмъ все это? Начало пытокъ? Нѣтъ! Въ большевитскихъ застѣнкахъ пытаютъ иначе, кормятъ жирными селедками, заставляютъ мучиться жаждою и потомъ, когда жертва начинаетъ сходить съ ума, ей даютъ пить...

И она пьетъ, пьетъ въ надеждѣ погасить сплошную жаровню своихъ горящихъ внутренностей...

Морить же голодомъ — этотъ пріемъ почти не въ обиходѣ у красныхъ палачей... Но, если бы даже и такъ, если допустить, что его присудили къ казни черезъ голодную смерть, съ этого во всякомъ случаѣ не начнутъ...

Теряясь въ догадкахъ Бейзымъ, во всякомъ случаѣ не сомнѣвался въ одномъ: товарищи готовятъ ему какой-то пакостный сюрпризъ. Во-первыхъ, къ инымъ сюрпризамъ товарищи не способны по отношенію къ бѣлогвардейцу, въ частности же, къ такому заклятому врагу, какъ онъ, — не способны тѣмъ паче...

Бейзымъ не ошибся. Сюрпризъ былъ задуманъ съ поистинѣ дьявольскимъ коварствомъ. Да что дьявольскимъ? Большевики давнымъ-давно перещеголяли всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ чертей-дьяволовъ и по сравненію съ большевиками всѣ эти обитатели преисподней вовсе уже не такъ отвратительны и разница между ними въ слѣдующемъ:

Черти отъ самого сотворенія міра имѣютъ „плохую прессу“ и только лѣнивый развѣ не вѣшаетъ на нихъ всѣхъ собакъ. Съ ними никто не хочетъ знаться. Отъ нихъ открещиваются. Большевики же, наоборотъ, имѣютъ во всемъ свѣтѣ чудную прессу и репутацію далеко не по заслугамъ. Съ ними заключаютъ торговые, финансовые, политическіе и всякіе иные договоры.

И ничего! Находятъ въ порядкѣ вещей... А вотъ, если когда-нибудь, кто-нибудь заключалъ договоры съ дьяволомъ, продавалъ ему свою душу — съ такимъ несчастнымъ бѣднягою никто не хотѣлъ знаться, и онъ какъ прокаженный влачилъ остатокъ дней своихъ...

Мало этого, ему и послѣ этого не давали покоя романисты, поэты, сочинители балетовъ и оперъ.

Нѣтъ, въ наши дни гораздо выгоднѣе быть большевикомъ, нежели чертомъ!...

32. ПОСЛѢ 48 ГОЛОДНЫХЪ ЧАСОВЪ.

На третью ночью, Бейзымъ увидѣлъ наконецъ свѣтъ фонаря, услышалъ человѣческіе голоса, услышалъ простуженное хрипѣніе ключа въ заржавленномъ желѣзѣ массивнаго замка массивной двери.

Опять двое, тѣ самые, что его привезли. И тогда онъ не досмотрѣлъ ихъ лицъ и теперь не интересовался ими. Вмѣсто лицъ, — сѣрыя пятна какія-то.

Одно изъ этихъ „пятенъ“ сказало ему:

— Потрудитесь слѣдовать за нами.

Онъ взялъ свое пальто съ каменныхъ плитъ и накинулъ на плечи. Они пересѣкли монастырскій дворъ и вошли въ тѣ парадные покои, гдѣ сначала при польскихъ корольхъ, а затѣмъ въ эпоху русскихъ царей, останавливались посѣщавшіе монастырь папскіе нунціи, кардиналы, архіепископы.

Теперь въ этихъ строгихъ чинно обставленныхъ твердой жесткой мебелью аппартаментахъ гостятъ уже не архіепископы и нунціи, а чекисты и комиссары.

Комната вродѣ обширной передней. Печь такъ и пышетъ жаромъ. На простомъ деревянномъ табуретѣ мѣдный тазъ. Тутъ же свѣжее полотенце, кусокъ мыла, кувшинъ и ведро.

Можете умыться...

Повторять не пришлось Бейзымъ, боясь что ему будутъ мѣшать, будутъ торопить, мгновенно сорвалъ съ себя пиджакъ, рубаху и, обнаженный до пояса, началъ мыться. Вся мощная мускулатура его, пока еще не ослабленная голодомъ и бездѣйствіемъ, пришла въ движеніе, переливаясь упругими желваками.

Оба „типа“ смотрѣли во всѣ глаза. Да, это сложеніе! Это мускулы? Такому лучше не попадайся...

И они знали, что Бейзымъ настроенъ болѣе, чѣмъ миролюбиво, что онъ безоружный, а у нихъ по револьверу, что онъ въ ихъ власти, а не они въ его и что, наконецъ, ради жены, онъ обрекъ себя на какія угодно испытанія, однако же, имъ далеко было не по себѣ въ присутствіи этого страшнаго человѣка.

Бейзымъ умылся растеръ до красна полотенцемъ спину и грудь. Это освѣжило его, окрыливъ бодростью и тѣло и духъ. Не было никакого желанія спать, но голодъ увеличился, обострился.

— А теперь что и куда?...

— Пожалуйте...

Распахнулась дверь и Бейзымъ — въ ярко освѣщенной съ большой висячей лампою комнатѣ. Дверь тотчасъ же захлопнулась.

Въ комнатѣ, какъ и въ передней, жарко натоплено и — никого. Посрединѣ, подъ самой лампою столъ съ отлично сервированнымъ холоднымъ ужиномъ. Твердая, бѣлѣе дѣвственнаго снѣга скатерть. Ножи, вилки, — все это тяжелое, солидное, сверкающее серебромъ. Несомнѣнно выкрадено изъ какого-нибудь богатаго особняка.

Но пораженъ былъ Бейзымъ не такъ сервировкою, какъ самимъ ужиномъ и батареей бутылокъ, приложенной ко всѣмъ этимъ яствамъ. Всей этой благодати смѣло на человѣкъ десять хватило бы. Окорокъ ветчины съ тонко нарѣзанными ломтями... Круглыя блюда, уложенныя въ звѣздчатомъ порядкѣ жирными кусочками гусинаго филе. Твердый „кирпичъ“ сливочнаго масла. Оранжевая, вся въ „слезахъ“ семга, сардины, зернистая икра въ жестянкѣ. Двѣ глыбы сыра — швейцарскій въ дырочкахъ и горгонзола въ мраморныхъ жилкахъ. — Въ пузатыхъ графинахъ водка всѣхъ видовъ, цвѣтовъ и оттѣнковъ.

Щупальцы невидимаго спрута спазматически зашевелились въ пустомъ желудкѣ Бейзыма. Охватило неодолимое желаніе наброситься на этотъ волшебный столъ, наброситься по-звѣриному и ѣсть, ѣсть до отвала, до спертаго дыханія и обалдѣло выпученныхъ глазъ. Но какъ ни чудовищно было искушеніе, Бейзымъ сдержался, сдержался изъ презрѣнія къ большевикамъ, и уваженія съ самому себѣ. Руки тянулись къ тарелкамъ и блюдамъ, Бейзымъ желѣзною волею своею отводилъ ихъ прочь и

только густая слюна, подступая изъ горла, склеивала губы. Черезъ минуту Бейзымъ, уже совсѣмъ овладѣвшій собою, шагалъ вдоль стола взадъ и впередъ. Кромѣ двери, куда онъ вошелъ, была напротивъ еще одна. Оттуда въ замочную скважину чей-то любопытный взглядъ, имѣя въ своемъ полѣ зрѣнія пиршественный столъ, наблюдалъ и за нимъ, и за богатырской фигурою шагавшей мимо.

Такъ прошло минутъ двадцать. Кто-то, подглядывавшій, стремительно рванулъ дверь, и тотчасъ же остановился на порогѣ. Теперь столъ съ батареей бутылокъ явствами раздѣлялъ Бейзыма и упитаннаго молодого человѣка съ бритымъ, женственно красивымъ лицомъ. Оно было напудрено, глаза, живые, веселые и наглые чуть-чуть подведены. Англійскій новенькій френчъ, съ двумя грудными и съ двумя нижними карманами. Широкій поясъ на отрастающемъ животикѣ. Красныя чакчиры и сапоги съ гусарскими розетками. Будь погоны — совсѣмъ щеголеватый гусаръ въ походной формѣ бывшей Императорской Арміи. Гдѣ онъ, Бейзымъ, встрѣчалъ это подгримированное лицо? Гдѣ онъ встрѣчалъ эти нахальные, красивые глаза? Гдѣ?... Только обладатель ихъ былъ тогда значительно моложе, тоньше и женообразнѣй

— Лейбъ-гусарскаго Павлоградскаго Его Величества полка, ротмистръ Бейзымъ, привѣтствую васъ!...

А, теперь ужъ никакихъ сомнѣній...

— Поручикъ Шейдеманъ?...

— Такъ точно, господинъ ротмистръ, — и, звякнувъ шпорами, Шейдеманъ вплотную подошелъ къ Бейзыму ожидая, что какъ старшій въ чинѣ Бейзымъ первый протянетъ руку, а можетъ быть и не протянетъ, какъ офицеру запятнавшему и русскую конницу и Павлоградскій полкъ службой третьему интернаціоналу.

Но Бейзымъ явился сюда въ Совдепію не въ своемъ обычномъ воинствующемъ настроеніи. Явился не пылкимъ непримиримымъ судьею, а надломленный, утихшій, готовый на всѣ жертвы, готовый поступиться всѣмъ, кромѣ чести. И Шейдеманъ съ удовольствіемъ выдержалъ боль, физическую боль отъ пожатія Бейзыма.

— Какъ я радъ васъ видѣть! Сколько воспоминаній встаетъ! Куда только не разметало нашихъ павлоградцевъ по бѣлу свѣту? Субботкинъ у васъ въ Варшавѣ Сулимовъ гдѣ-то въ Югославіи на границѣ Албаніи, а Бѣ-

линскій и Паевскій, я слышалъ, теперь уже польскіе генералы. Что они дѣлаютъ?...

— Бѣлинскій командуетъ корпусомъ, а Паевскій управляетъ департаментомъ кавалеріи...

— Департаментомъ кавалеріи? Какъ это странно звучитъ. А Бѣлинскій, вѣрно, все такой же тоняга, какъ и былъ... Вѣдь, это же мой шаферъ. Помните, когда я женился на дочери Хана Нахичеванскаго?

Бейзымъ промолчалъ, давъ этимъ понять, что Шейдеману лучше и не вспоминать о своей „женитьбѣ".

Молодая ханша, влюбленная въ корнета Шейдемана, прибѣжала на другой день послѣ свадьбы въ родительскій домъ вся въ слезахъ и съ ужасомъ въ прекрасныхъ глазахъ, умоляла взять ее отъ мужа, который въ первую брачную ночь такъ держалъ себя, какъ если бы съ нимъ на супружескомъ ложѣ былъ юноша вмѣсто дѣвушки. Ханша-мать бросилась къ Государю и ея дочь въ нѣсколько дней вмѣстѣ съ разводомъ получила свободу.

Шейдеманъ поспѣшилъ замять непріятное для себя, самимъ же накликанное воспоминаніе.

— Однако, что же это я.. А, такъ какъ вы не соловей, а орелъ, то тѣмъ паче... Милости просимъ — хлѣба-соли откушать... Чѣмъ хата богата. Садитесь пожалуйста, мы, какъ старые гусары, начнемъ съ водки? Съ чего прикажете? Вотъ рѣдчайшая Смирновка, прозрачная, какъ майскій день... Вотъ сербская сливовица, ей 18 лѣтъ! А вотъ, вы сдѣлаете большіе удивленные глаза: французскій кальвадосъ. Обжигаетъ и возбуждаетъ аппетитъ, какъ никакая другая водка...

— Я предпочту кальвадосъ.

— Вотъ! Сразу видно человѣка со вкусомъ! Да, вѣдь вы же счастливецъ! Все разъѣзжаете по культурному Западу... Слышали, читали мы о вашихъ подвигахъ въ Испаніи.

— Развѣ? — полуусомнился Бейзымъ.

— А вы что-же думаете? Отрѣзаны отъ внѣшняго міра? Обыкновенные смертные — да. Мы же получаемъ всѣ иностранные газеты. Какъ разъ у меня тамъ — Шейдеманъ кивнулъ по направленію двери — лежитъ на ночномъ столикѣ номеръ „Матэнъ" съ вашимъ изображеніемъ. Какой текстъ! Если вы не видѣли, я вамъ потомъ покажу... Итакъ, начнемъ съ кальвадоса. Вашу рюмку. Слышите какое пріятное бульканье? Что же касается

закуски, особенно рекомендую холодное мясо съ соусомъ „тартаръ“ и съ провансалемъ.

Мой поваръ художественно приготовляетъ оба эти соуса. Теперь нашему брату больше, пожалуй ничего и не остается, какъ вкусно и тонко ѣсть... А развѣ они ѣдятъ, все это чумазое хамье и всѣ эти жиденята? Они жрутъ, жрутъ, какъ свиньи — поморщился съ брезгливой гримасой Шейдеманъ — ротмистръ Бейзымъ, ваше здоровье!

— Однако вы... васъ не подслушиваютъ? — началъ Бейзымъ.

— Не думаю. А если даже и такъ — наплевать! Теперь уже времена другія. Нами кадровыми офицерами, — дорожатъ. За насъ цѣпляются. Тамъ на верхахъ убѣдились, что всѣ эти такъ называемые курсанты, все это плебейское отродье лѣзущее въ офицеры, — это же все безграмотная, скороспѣлая въ военномъ дѣлѣ сволочь... Но не будемъ себѣ портить этой дряньюю аппетитъ... Прикажете еще кальвадоса, или что-нибудь другое? Кальвадоса? Отлично! Рекомендую семгу, чайной ложкой ѣсть можно — такая мягкая!...

Отъ Бейзыма не ускользнуло,— въ надеждѣ, что на голодный желудокъ Бейзымъ охмѣлѣетъ быстро, Шейдеманъ хочетъ его напоить. Но Бейзымъ пилъ умѣючи... Послѣ каждой рюмки онъ не спѣша съ разстановкой и поразившей Шейдемана выдержкою закусывалъ чѣмъ-нибудь жирнымъ...

Впрочемъ Шейдеманъ былъ пораженъ значительно раньше, убѣдившись что Бейзымъ послѣ строгой 48 часовой діэты ни къ чему не прикоснулся, имѣя возможность. Но черезъ полъ часа самъ Шейдеманъ былъ если не пьянъ, то, во всякомъ случаѣ, уже навеселѣ. И когда вышелъ въ сосѣднюю комнату за сигарами, его походка не отличалась безупречной твердостью...

33. ЧТО ПРЕДЛАГАЛЪ ШЕЙДЕМАНЪ?

А потомъ деньщикъ въ бѣлой рубахѣ, и въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ принесъ кофе, сервированный на большомъ серебранномъ подносѣ. Деньщикъ удалился безшумной поступью отлично выдрессированного слуги. Бейзымъ вопросительно взглянулъ на Шейдемана.

— Что? Васъ это удивляетъ въ самой демократической арміи на свѣтѣ? Самые старорежимные деньщики? Если что-нибудь не такъ — въ лучшемъ видѣ набьешь морду! Какъ и при Царѣ-Батюшкѣ... Хамы! Свободы захотѣлось? Мы имъ покажемъ свободу... Ну, господинъ ротмистръ, побалуемъ себя твореніемъ святыхъ отцовъ... Рекомендую настоящій бенедиктинъ. Мнѣ удалось нѣсколько литровъ достать. Гришка Зиновьевъ просилъ подѣлиться. Какъ бы не такъ! Развѣ этотъ выскочка-жидъ понимаетъ что-нибудь въ такомъ благородномъ напиткѣ?...

Пили кофе, смаковали бенедиктинъ, курили ароматныя гаванскія сигары... Все это вмѣстѣ съ обильнымъ, тонкимъ ужиномъ привело Бейзыма въ хорошее, благодушное настроеніе. Онъ жилъ настоящей минутой, не заглядывая въ завтрашній день и стараясь не думать о необыкновенной трагичности своего положенія. Еще бы не трагедія! Надъ нимъ уже занесенъ Домокловъ мечъ смерти. Его взяли глубокой ночью изъ холоднаго, съ бѣгающими крысами каземата, привезли сюда въ тепло и комфортъ. Безправный, изголодавшійся плѣнникъ, онъ такъ поужиналъ, какъ не ужиналъ и въ Варшавѣ, имѣя возможность тратить сколько угодно. А вслѣдъ за этими поварскими соусами, икрой, пулярдой, бенедиктиномъ — опять каменный мѣшокъ, голодъ, крысы. И, какъ финалъ — разрывная пуля въ затылокъ.

Бейзымъ понималъ: и этотъ ужинъ, и воспоминанья и кавалерійско-свѣтская болтовня — все это подходъ, вступленіе, за которыми должно послѣдовать „настоящее“, то самое „настоящее“ ради чего и затѣяна эта декоративная, бьющая по психологіи пустого брюха, комедія.

Дымя сигарой, Шейдеманъ поднялъ рюмку на свѣтъ.

— Какіе чистые, какіе мягко-желтоватые переливы! Люблю этакъ „траспорантно“ изслѣдовать густую маслянистую влагу...

И пригубивъ, поставилъ рюмку, выпустивъ клубъ синеватаго дыма, уже совсѣмъ другимъ тономъ и съ другимъ выраженіемъ подгримированнаго лица, сказалъ:

— Странно... Вы сдѣлали такъ много для Польши. Такъ много!... А, вѣдь васъ тамъ не цѣнятъ. Я не говорю о вашихъ приверженцахъ и поклонникахъ. Я говорю о тѣхъ, отъ кого зависитъ предоставить вамъ широкое поле дѣятельности въ сферѣ для васъ родной и близкой. Вамъ

бы командовать по крайней мѣрѣ дивизіей, корпусомъ, а вы — всего на-всего маіоръ запаса...

— Откуда вы все это знаете? — спросилъ Бейзымъ.

— Откуда? Во-первыхъ, вы слишкомъ крупная фигура, вами очень интересуются, а во вторыхъ, совѣтская развѣдка — на двѣнадцать балловъ поставлена... Слушайте, ротмистръ, для меня, какъ павлоградецъ для павлоградца, — вы всегда останетесь ротмистромъ Его Величества — слушайте... Я уполномоченъ предложить вамъ одну комбинацію. Вы сразу убьете двухъ зайцевъ. Сохраните жизнь и благоденствіе вашей уважаемой супруги и свою собственную жизнь. Отъ души говорю: было бы мучительно жаль, если бы такой человѣкъ яркій, смѣлый, сильный, богато одаренный, — погибъ вдругъ... И такъ глупо, такъ зря, такъ безславно погибъ... Что вы на это скажете?

— Ничего, пока въ точности не узнаю, въ чѣмъ же заключается ваша комбинація?

— А вотъ въ чемъ... Съ вами я буду откровененъ... Это между нами... У нихъ назрѣваетъ война съ Турціей... Этотъ Кемаль цѣловался съ ними, пока они были ему нужны, пока красная казачья конница била въ Малой Азіи грековъ и пока союзники сидѣли въ Константинополѣ... А теперь Кемаль повернулся къ товарищамъ спиною... Мало этого, онъ желаетъ отхватить все Закавказье и сѣверный Кавказъ. Но товарищи не желаютъ ему отдавать ни того, ни другого... Можетъ вспыхнуть война...

Бейзымъ, хотя и смутно пока, но все же угадывая какую миссію возложило на Шейдемана красное командованіе, слушалъ съ подчеркнутой, преувеличенной холодностью.

Эта холодность вліяла на Шейдемана, сковывая его краснорѣчіе. Слегка теряясь, онъ уже менѣе гладко развивалъ свою мысль. Когда ему не хватало словъ, онъ дѣлалъ паузу, медленно смакуя бенедиктинъ, или такъ же медленно посасывая сигару.

— Да, да можетъ вспыхнуть пожаръ... И къ нему готовятся... Натурально это между нами? — поспѣшилъ оговориться Шейдеманъ — вы понимаете, военная тайна!...

Неподвижное каменное лицо Бейзыма дрогнуло въ усмѣшкѣ.

— Поручикъ, вы забываете, что поужинавъ съ вами, я отправляюсь къ себѣ, къ своимъ крысамъ. А

черезъ день-другой отправлюсь еще дальше, на тотъ свѣтъ. Мнѣ можно смѣло довѣрять самыя сокровенныя тайны...

— А, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ!... Понимаете, какъ-то въ голову не пришло... Эта обстановка создаетъ иллюзію, иллюзію чего-то такого... Неужели крысы? Брр... какая гадость! Но почему же такъ мрачно? Все зависитъ... зависитъ... вы мнѣ позволите кончить? — съ наигранной свѣтскостью спросилъ Шейдеманъ.

— Пожалуйста...

— Да, такъ на чемъ мы остановились? Возможное столкновеніе съ Турціей? Вы поймете лучше, чѣмъ всякій другой... Этотъ плацъ-дармъ требуетъ... Словомъ, это не будетъ въ духѣ гражданской войны съ Деникинымъ, или Колчакомъ... Войны равнинной, что ли... Здѣсь необходима будетъ особая горская конница... Здѣсь уже не годится полупочтенный товарищъ Буденный. Кстати, вы выдающійся конникъ? Какое ваше мнѣніе о Буденномъ... Вы же съ нимъ воевали въ 1921 году.

— Мое мнѣніе о Буденномъ? Вахмистромъ былъ, вахмистромъ и остался... Въ угоду красной черни надо было сдѣлать кавалерійскимъ генераломъ не офицера, а хама. Политика!

— Браво, Браво — повеселѣлъ Шейдеманъ — великолѣпно! Дальше.

— Дальше? Буденовцы, — это не корпусъ, а сбродъ, посаженный на коней... Сбродъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ казачьихъ частей. Никакого понятія о маневренныхъ дѣйствіяхъ, а, между тѣмъ маневръ для конницы — все. Тридцати-тысячная орда всадниковъ не шла, не катилась не двигалась, а перла, именно перла, сбивая своей массой наши небольшія конныя части. Согласитесь, доблести въ этомъ немного? Развѣдки почти никакой! Я со своими партизанами, гдѣ мнѣ только угодно было, переходилъ фронтъ буденовцевъ и хозяйничалъ вдоль всего ихъ тыла, а иногда и по фронту. Я прямо издѣвался. Нѣтъ, повторяю, это сбродъ, а не конница... Сбродъ разрекламированный, однако, съ чисто большевитскимъ нахальствомъ... А почему такая безграмотность? Вождя нѣтъ! Сказалъ же Наполеонъ: „исторія конницы — это исторія ея генераловъ“.

— Еще разъ браво, браво и браво! Своей суровой, но справедливой, своей безпощадной критикою вы сами облегчаете мнѣ, такъ сказать, дальнѣйшее... Для Кавказ-

скаго театра необходимо создать новую конницу и необходимо, чтобы создалъ ее и повелъ вождь, ставшій при жизни, я бы сказалъ легендарнымъ, съ яркимъ ореоломъ воинственности и большого личнаго обаянія. Тамъ, на Востокѣ это играетъ колоссальную роль... Туземцы впечатлительны, суевѣрны. У нихъ богатое азіатское воображеніе. Однимъ словомъ, васъ здѣсь чрезвычайно цѣнятъ неизмѣримо больше, чѣмъ на вашей родинѣ... Помню, какъ они первое время носились съ этимъ Слащевымъ! Но что такое Слащевъ? Дубина! Гвардейскій хамъ! Кокаинистъ! И, — Боже ты мой, до чего онъ глупъ! Онъ использованъ и уже вышвырнутъ, какъ негодная тряпка... Вамъ же... васъ носили бы на рукахъ!...

Бейзымъ слушалъ, храня холодный непроницаемый видъ: эта загадочность сбивала Шейдемана. Онъ ожидалъ либо согласія, либо негодующаго протеста. — Одно изъ двухъ. А между тѣмъ, — ни того, ни другого. Какую то каменную маску одѣлъ человѣкъ.

— Право, я не нахожу въ этомъ ничего такого... Рѣчь же идетъ о Турціи... Противъ поляковъ васъ не пошлютъ. Конечно, сторона матеріальная, отпадаетъ... Деньгами васъ не купишь. Да, и кромѣ того, какъ я слышалъ, вы зарабатываете очень большіе деньги игрою для этихъ кино-фабрикъ, или, какъ тамъ ихъ? Главное же... главный побудительный стимулъ — жизнь! И какая роскошная, полная самыхъ невѣроятныхъ возможностей жизнь... Вы молчите, ротмистръ? Я сказалъ все, теперь за вами чередъ... Ваше послѣднее слово?...

— Мое послѣднее слово? — поднялъ Бейзымъ на Шейдемана свои сѣрые глаза лѣсного полу-звѣря, полубожка — я добровольно явился сюда, чтобы за спасенье моей жены заплатить своей головой. Если она имъ нужна, пусть они ее возьмутъ. Если имъ нужна моя кровь, пусть они ее съ чисто жидовскимъ искусствомъ выцѣдятъ капля по каплѣ. Но ни совѣсти своей, ни своей чести я не отдамъ! Онѣ останутся при мнѣ...

— Даже, если бы вашъ отказъ повелъ за собою гибель вашей супруги? спросилъ Шейдеманъ.

— Даже! — твердо вымолвилъ Бейзымъ, вставая во весь свой исполинскій ростъ — свое тѣло я готовъ отдать за нее въ любую минуту, — за этимъ я сюда и явился, — но души моей не отдамъ никому! Всякая жертва

имѣетъ свой предѣлъ. Всякій человѣкъ долженъ имѣть свое неприкосновенное святая святыхъ.

— Это уже окончательно?

— Окончательно...

— Въ такомъ случаѣ, я умываю руки... Жаль, очень жаль... Я слишкомъ хорошо знаю васъ, чтобы доказывать, убѣждать. Это ни къ чему не приведетъ. Вамъ угодно остаться со мной еще, или я могу позвать людей?... Ахъ, этотъ ужасный моментъ! Какъ бы хотѣлъ я его отдалить! — искренно вырвалось у Шейдемана.

Онъ тоже всталъ и походкою много выпившаго и много съѣвшаго человѣка подошелъ къ своему гостю. Бейзымъ молчалъ. Шейдеманъ коснулся его руки.

— Слушайте, я дѣлаю послѣднюю попытку. Дѣлаю, хотя не сомнѣваюсь въ ея безнадежности... Не должны, не должны такіе какъ вы погибать! Я не встрѣчалъ болѣе цѣльнаго, мощнаго, болѣе рыцарскаго экземпляра среди двуногихъ... И къ тому же вы павлоградецъ!

Подумайте какія перспективы? Жизнь, впечатлѣнія, тонкая кухня, вино, власть, пригоршни брилліантовъ... И наконецъ... Шейдеманъ приподнявшись на цыпочкахъ, все еще не могъ дотянуться губами до уха Бейзыма — наконецъ всегда можно будетъ потомъ убѣжать... Да и убѣгать не надо, а вмѣстѣ съ фанатически преданнымъ вамъ корпусомъ... Вы меня понимаете? Рѣшайте же, рѣшайте скорѣй, несчастный вы человѣкъ! Да? Скажите же да — да?

— Нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ!...

— Ну Богъ вамъ судья! развелъ руками Шейдеманъ — я сдѣлалъ не только все возможное, а и невозможное. Преклоняюсь, подавленъ этимъ вашимъ необыкновеннымъ величіемъ, но не хотѣлъ бы на вашемъ мѣстѣ быть и ролями не помѣнялся бы... Я не гожусь въ герои. Это не мое амплуа... Лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ... Да, черезъ пять минутъ васъ уже здѣсь не будетъ! Чѣмъ я могу служить вамъ напослѣдокъ? Хотите съ собой туда запасъ ѣды? Я прикажу деньщику сдѣлать пакетъ...

— Благодарю васъ, не надо, — отрицательно покачалъ головою Бейзымъ.

— Ну хоть что-нибудь? — просилъ Шейдеманъ.

— Хоть что-нибудь?... Дайте мнѣ одну сигару. Я ее выкурю въ самый послѣдній моментъ.

— Не говорите такихъ вещей! Десять, двадцать сигаръ, весь ящикъ? Берите!...

— Нѣтъ, одну, только одну! И еще коробку спичекъ...

34. СТАРЫЙ ЦЫГАНЪ И МАЛЕНЬКІЙ ЖИДОКЪ СЪ БОЛЬШОЙ САБЛЕЙ.

По календарю уже начало зимы, а въ природѣ сухая осень съ оголенными деревьями, прозрачными далями и пепельно-холоднымъ багрянцемъ заката. И, потому что не было еще морозовъ и снѣга, потому и не трогался еще на зимнія квартиры свои таборъ полевыхъ цыганъ, разбившій лохмотья шатровъ на самомъ берегу Горыни у подножья Бернардинскихъ валовъ.

Эти искусственные крутые валы съ незапамятныхъ временъ еще были насыпаны и выведены руками плѣнныхъ татаръ. По ихъ гребню тянулась такая же древняя стѣна въ зубцахъ вся и въ узенькихъ амбразурахъ. Стѣною опоясаны были фруктовый садъ, паркъ и манастырь.

Семидесятилѣтній Абгаръ сухой и крѣпкій, сѣдоволосый, сѣдобородый, смуглый, съ блестящими черными глазами въ тѣни черныхъ рѣсницъ и подъ широкими дугами черныхъ бровей, съ утра въ этотъ день, подолгу смотрѣлъ вглубь ясныхъ небесъ и на облака, тихо плывущія ватными бѣлыми хлопьями.

Онъ говорилъ цыганамъ, въ синихъ, расшитыхъ серебряными, похожими на бубенчики, пуговицами, курткахъ.

— Къ ночи выпадетъ снѣгъ... Все замететъ... Будемъ сниматься, чтобы еще засвѣтло пріѣхать къ Михлю...

Это большое село съ костеломъ, церковью и съ винокуреннымъ заводомъ князя Сангушко — теперь отъ завода остались одни обгорѣлыя трубы.

Старый Абгаръ давно облюбовалъ квартиры на зиму для своего табора. Только бы переждать подъ крышею въ теплѣ самые суровые мѣсяцы, а тамъ, лишь только зазвенятъ ручьи, пригрѣетъ солнце, ласковѣй, нѣжнѣй заулыбаются небеса, — цыгане опять выйдутъ въ поле, въ лѣсъ навстрѣчу весеннимъ властно зовущимъ голосамъ..

Всколыхнулся таборъ, закипѣла работа. Цыгане поили лошадей, разбирали шатры, грузили возъ мѣдными котлами и кастрюлями, — цыганскимъ таборомъ своимъ. Цыганки, старыя и молодыя, красивыя и безобразныя, всѣ одинаково увѣшанныя серебряными монетами, скру-

чивали цыганскіе узлы, набитые перинами, подушками и тряпьемъ. Рухлядь помельче складывалась въ расписные, окованные желѣзомъ сундуки.

Все это — подъ аккомпаниментъ короткихъ гортанныхъ перекликовъ и такой же гортанной, грозной для слуха, а на самомъ дѣлѣ безобиднѣйшей брани. Цыганки могутъ часами браниться, на то онѣ и цыганки. Но злобы въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей.

Дѣтвора, полуголая, вѣрнѣе совсѣмъ голая, эта живая посинѣвшая отъ холода „бронза", — бѣгала, шалила, прыгала черезъ погасшіе костры. Непонятный языкъ, родившійся въ глубинѣ таинственныхъ тысячелѣтій. А развѣ не въ глубинѣ азіатскихъ тысячелѣтій подъ далекими знойными небесами сотнями поколѣній создавали этихъ крѣпкихъ, сухихъ мужчинъ, на вѣки вѣчныя обожженныхъ горячимъ солнцемъ, этихъ гибкихъ женщинъ съ профилемъ египтянъ и узкой миндалевидной оправой влажныхъ, темныхъ глазъ? Въ 14 лѣтъ уже созрѣвшіе красавицы, въ 25 — чуть-ли уже не старухи.

И всѣ они похожи одинаково и въ своемъ загадочномъ прошломъ и въ своемъ яркомъ, горящемъ такими же нездѣшними красками настоящемъ. И эти подъ водительствомъ Абгара кочующіе по красной Вольыни и тѣ, что ютятся за исполинской стѣной кактусовъ въ пещерахъ волшебной Гренады.

Сколько такихъ же смуглыхъ, черноокихъ, звенящихъ вплетенными въ густые косы монетами, цыганокъ скитается по бѣлу свѣту, пляшетъ, поетъ, обманываетъ, гадаетъ?

Уже половины шатровъ какъ не бывало и только торчащіе колья, да прибитая земля между ними, до тѣхъ поръ будутъ слѣдами цыганскаго табора, пока ихъ не замететъ снѣгъ.

А снѣгъ совсѣмъ не за горами, въ этомъ старый Абгаръ убѣждался все болѣе и болѣе, видя то, чего другимъ никогда не увидѣть. Но вотъ его глаза увидѣли нѣчно посерьезнѣй и понепріятнѣй, чѣмъ возможность ночной вьюги.

Отъ вьюги таборъ укроется въ Михлѣ по мужицкимъ халупамъ, а вотъ какая нелегкая несетъ этихъ красноармейцевъ съ винтовками и въ сѣрыхъ матерчатыхъ шлемахъ съ красной звѣздою?...

Пятеро здоровенныхъ съ простыми грубыми лицами русскихъ и шестой комиссаръ-жидокъ съ такой громадной саблею, кажется — не она при немъ, а онъ при ней. Всѣ шестеро спускаются съ валовъ по круто вьющейся тропинкѣ. Плюгавый жидокъ придерживаетъ свою саблю, мѣшающую ногамъ и, вообще, мѣшающую ему преодолѣть спускъ.

Прямо въ таборъ. Шибко не нравится Абгару визитъ. Непремѣнно какую-нибудь гадость учинятъ. Хорошаго не жди никогда отъ этихъ мерзавцевъ. Хоть бы часомъ позже, когда таборъ былъ бы уже на пути къ Михлю.

Безпокойство овладѣло Абгаромъ, но внѣшнѣ онъ остался невозмутимымъ, строгимъ и важнымъ, сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ непрошенныхъ гостей. Онъ только отдалъ какое-то лаконическое приказаніе и всѣ молодыя цыганки поспѣшили укрыться въ двухъ, еще не разобранныхъ шатрахъ.

И когда пять красноармейцевъ и одинъ узкоплечій съ козлиною бороденкою жидокъ вплотную подошли къ Абгару, на его костистомъ сѣдобородомъ лицѣ ничего нельзя было прочесть, а изъ его глазъ смотрѣли тысячелѣтія.

— Товарищъ, а товарищъ цыганъ, чи ты иждесь за старшаго? — спросилъ жидокъ.

Абгаръ, не спѣша оглядѣлъ сначала жидка, потомъ его свиту и не спѣша отвѣчалъ

— Да, я голова табора...

— Такъ вотъ что, товарищъ голова. Вы всѣ цыгане хорошіе воры и кузнецы. Нужно сегодня въ 10 часовъ вечера туда... — и жидокъ головою мотнулъ по направленію къ монастырю...

— Никакъ невозможно...

— Что ты сказалъ, товарищъ?

— Никакъ невозможно, говорю. Видишь снимаемся... Ночью мятель будетъ.

— И какое мине дѣло, что ви снимаетесь? Какое мине дѣло, что будетъ мятель. Я ничего не знаю! — вспылилъ жидокъ пристукнувъ саблей.

— Есть и безъ насъ кузнецы въ городѣ.

— Развѣ это кузнецы? Это же партачи!... Однимъ словомъ, я тебѣ приказываю!... А, если не хочешь...

Незамѣтно молодые цыгане съ недобрыми лицами,

обступили жидка, прислушиваясь къ разговору. Жидокъ испугался.

— Отойдите себѣ вонъ... А то я прикажу стрѣлять. И что это себѣ за нахальство! Товарищи красноармейцы, отгоняйте ихъ изъ прикладами.

Но отгонять не пришлось. Абгаръ бросилъ изъ подъ сѣдыхъ усовъ какой-то короткій звукъ и молодежь тотчасъ же отошла, хотя и безъ особенной охоты.

— Слушай, товарищъ цыганъ, иждесь не митингъ... иждесь я приказываю! Если ты не исполнишь въ точности, ты узнаешь, что такое совѣтская власть! Я реквизирую твоихъ лошадей, твоихъ котловъ и кастрюль, отдамъ товарищамъ красноармейцамъ твоихъ молодыхъ цыганокъ, а тебя самого посажу въ чека за самый злостный саботажъ. Выбирай! Ну? Выбирай?...

Въ душѣ Абгара поднялась буря, но онъ умѣлъ владѣть собой, на его лицѣ ничего нельзя было прочесть, а изъ его глазъ смотрѣли тысячелѣтія. Онъ спросилъ:

— Какой работа?

— Надо хорошо заковать въ цѣпи одного... это бѣлогвардеецъ и врагъ народа. Къ 10 часамъ ты себѣ возьмешь все, что нужно, возьмешь себѣ одного помощника.

— А цѣпи есть? — дѣловито освѣдомился Абгаръ.

— Есть! Ой, какія же это цѣпи!... Изъ нихъ таки можно слона заковать, не только человѣка! — обрадовался маленькій жидокъ съ большой саблей.

35. ШЕСТЬ ФАКЕЛОВЪ И ШЕСТЬ ВИНТОВОКЪ.

Кто-то изъ совѣтскихъ владыкъ назвалъ Изу Башіаччи неудавшимся Нерономъ въ юбкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, безталанно, хотя и скандально пробовала Иза творческія силы свои и въ литературѣ, и на сценѣ. А когда съ помощью отца убѣдилась, что ничего изъ этихъ выступленій не выйдетъ, и занялась разрушительной масонско-еврейской политикою, то и въ это внесла стремленіе къ дешевымъ театральнымъ эффектамъ и къ бенгальскимъ огнямъ уѣздныхъ цирковъ.

Ей ужасно хотѣлось: когда испанская революціонная чернь овладѣла Эскуріаломъ и королевской усыпальницею, чтобы мальчишки перебрасывались черепами Бурбоновъ и Габсбурговъ.

Ужасно хотѣлось взорвать въ Толедо архіепископскій дворецъ и военное училище. Славу Богу злодѣйское покушеніе это не удалось, но Иза смаковала его уже заранѣе. И, опять таки, съ точки зрѣнія театральныхъ эффектовъ въ Нероновскомъ стилѣ.

Архіепископскій дворецъ, это чудо изъ чудесъ тончайшей мраморной готики, въ одинъ мигъ превращено въ безформенный хаосъ каменныхъ глыбъ. А военная школа, когда сотни юнкеровъ въ синихъ мундирахъ, твердыхъ киверахъ съ бѣлымъ султаномъ и въ красныхъ штанахъ, полетятъ въ воздухъ окровавленными человѣческими лохмотьями?

Но — не повезло въ Испаніи. Иза удовлетворилась Варшавской цитаделью. Вспомнимъ жуткій мелодраматическій фарсъ, когда, въ черномъ плащѣ и маскѣ, она до крови избила хлыстомъ несчастную Магдалину?

Теперь, въ Заславлѣ еще съ большей театральностью хотѣла она обставить моментъ заковыванія Бейзыма въ цѣпи. Можно было бы отлично обойтись безъ цѣпей, окруживъ плѣнника надежною охраною до тѣхъ поръ, пока онъ не перестанетъ нуждаться въ таковой. Но разыгравшаяся фантазія дѣвицы Башіаччи подсказывала, что это должно быть адски эффектно: бѣлогвардейское чудовище въ тяжелыхъ, почти якорныхъ цѣпяхъ.

Этихъ цѣпей искали по всему городу, пока не нашли на мельницѣ. Позвать обыкновеннаго кузнеца, одного изъ мѣстныхъ евреевъ, или хохловъ, это будетъ неинтересно... А, вотъ пусть въ самомъ мрачномъ, самомъ средневѣковомъ казематѣ при мерцаніи факеловъ, обязательно факеловъ, пусть всей этой процедурой займутся смуглые, чернобородые экзотическіе цыгане...

Иза обдумывала свой собственный туалетъ. Черный плащъ, пожалуй, какъ и тогда въ Варшавѣ? Хотя нѣтъ, на самого Бейзыма произведетъ большее впечатлѣніе та самая „Замшевая Берта", которую онъ зналъ по Одесской чрезвычайкѣ. Въ сопровожденіи Мунца и жидка съ большой саблею, Иза внимательно осмотрѣла всѣ монастырскіе казематы. Въ концѣ концовъ, остановилась на невысокой угловой квадратной башнѣ, гдѣ сходились подъ прямымъ угломъ двѣ зубчатыя стѣны. Башня — это красиво звучитъ и еще красивѣе „плѣнникъ угловой башни".

Правда, было окно, окно — не оконце, и довольно низко, на высотѣ средняго человѣческаго роста, правда, оно забрано такой жиденькой рѣшеткою, что Бейзымъ можетъ продѣлать то же самое, что и въ Одессѣ, но это ему не Одесса! Здѣсь онъ будетъ въ тяжелыхъ якорныхъ цѣпяхъ, а эти цѣпи будутъ прикованы къ стѣнѣ. Попробуй-ка убѣжать! Послѣ ужина въ обществѣ Шейдемана въ архіепископскихъ аппартаментахъ, Бейзымъ остатокъ ночи и весь день провелъ въ томъ самомъ казематѣ, куда былъ посаженъ вначалѣ. Къ вечеру же перевели его въ угловую башню. Монахи сушили обыкновенно въ ней яблоки изъ своего великолѣпнаго сада. Все это было выкинуто въ самомъ спѣшномъ порядкѣ и чтобъ прозаической сушильнѣ сообщить впечатлѣніе грознаго каменнаго мѣшка, дѣвица Башіаччи приказала набросать по всѣмъ угламъ груды человѣческихъ костей и череповъ. Для этого было взято изъ усыпальницы Бернардиновъ нѣсколько монашескихъ скелетовъ, сохранившихся, какъ не сохранилъ бы ихъ ни одинъ анатомическій музей. Живые монахи блѣднѣли отъ гнѣва и ужаса, наблюдая, какъ красноармейцы грубыми кощунственными своими руками съ хохотомъ разрывали на части скелеты усопшихъ сотни лѣтъ тому назадъ монаховъ. Къ ночи погода испортилась. Не ошибся Абгаръ. Ясное небо исчезло подъ пеленою свѣтло-свинцовыхъ облаковъ. Почти безъ всякаго предупрежденія повалилъ снѣгъ мокрыми хлопьями. И крутые склоны валовъ и рѣка и зарѣчныя дали — все покрылось бѣлымъ саваномъ и сталъ неузнаваемъ пейзажъ.

Въ двухъ еще не разобранныхъ цыганскихъ шатрахъ густо заснѣженныхъ, сбилось въ кучу все населеніе табора. Полуголыя дѣти забились подъ еще не уложенныя перины. Цыгане на чемъ свѣтъ стоитъ проклинали большевиковъ. Не по ихъ ли милости они мокли подъ снѣгомъ? А если къ ночи еще хватитъ морозъ, — тогда ужъ совсѣмъ изъ рукъ плохо будетъ!...

Абгаръ успокаивалъ своихъ людей... Только перетерпѣть немного. Еще до разсвѣта снимется и пойдетъ въ Михлю таборъ.

Къ 10 часамъ Абгаръ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ чернобородымъ красавцемъ Менко входилъ въ угловую башню. И отецъ и сынъ, запорошенные снѣгомъ, побѣлѣвшіе съ головы до ногъ, принесли съ собою цѣлую

походную кузницу. Жаровня, молоты, ручной мѣхъ и еще необходимыя мелочи, безъ которыхъ нельзя обойтись.

Картина получилась такая именно, какою рисовала ее себѣ Иза Башіаччи. Дюжина красноармейцевъ. Половина съ винтовками, у другой половины — чадившіе факелы на длинныхъ шестахъ. И хотя окно выбито, факелы нагрѣли башню, какъ печь, жарко натопленная. Пламя факеловъ озаряло неподвижную фигуру Бейзыма. Онъ чудился еще, больше еще фантастичнѣй... На цыганахъ разстаялъ снѣгъ и въ двѣ-три минуты отецъ и сынъ изъ бѣлыхъ сдѣлались такими, какъ всегда, только мокрыми вдобавокъ. Устраивая свою кузницу, они оставляли за собою на каменныхъ плитахъ маленькія лужицы. Заготовленныя цѣпи лежали грудою. Эта груда напоминала клубокъ желѣзныхъ спящихъ змѣй.

Вмѣсто Изы Башіаччи — „Замшевая Берта". Начиная отъ фуражки и кончая сапогами, — вся въ тонкой, мягкой, желто-зеленоватой кожѣ. У пояса въ замшевомъ кобурѣ — маленькій браунингъ. Иза похлопывала по мягкимъ голенищамъ хлыстомъ. Блѣдное лицо вспыхивало. Горѣли птичьи глаза, хищно раздувались ноздри.

— Папиросу!...

Мунцъ и маленькій жидокъ съ большой саблею поспѣшили раскрыть свои залотые портсигары. Иза осчастливила маленькаго жидка. Мунцу оставалось услужить своей повелительницѣ бензиновой зажигалкою.

Хотя Бейзымъ стоялъ безоружный, хотя въ нѣсколькихъ шагахъ — нѣсколько рослыхъ красноармейцевъ ощетинились на него штыками заряженныхъ винтовокъ, но страхъ, внушаемый этимъ человѣкомъ, все же еще былъ такъ великъ, что даже Изѣ было не по себѣ. Она замѣтно нервничала. У Мунца и еврейчика — дрожь въ рукахъ и колѣняхъ, а у красноармейцевъ дрожали винтовки. Когда запылала жаровня и зашумѣло, загудѣло, затряслось невыносимо горячее пламя, раздуваемое мѣхомъ, въ самомъ дѣлѣ получилась живописная картина въ духѣ Рибейры или Караваджіо, любившихъ изображать страданія и пытки.

— Цыгане, вы сдѣлайте такъ — повелѣвала Иза — пусть у него на рукахъ и ногахъ будутъ браслеты, а отъ нихъ цѣпи должны сходиться у этого крюка на стѣнѣ. Длина, чтобы онъ могъ сдѣлать четыре шага, не больше!

Залязгало желѣзо. Глухо, какъ бы откашливаясь

послѣ каждаго удара, застучалъ молотъ. Невозмутимый Абгаръ молча подошелъ къ Бейзыму и молча не только не грубо, а съ какой-то отцовской мягкостью взялъ его руку, чтобы на глазъ прикинуть діаметръ желѣзнаго „браслета". Въ этотъ моментъ разыгралась нѣмая потрясающая сцена, нѣмая для всѣхъ, кромѣ Бейзыма и Абгара... Взгляды ихъ пересѣклись въ одной точкѣ. Этой заблестѣвшей точкою была монета-перстень на рукѣ Бейзыма — даръ цыганскаго короля Магона. И молніей обожгли воспоминанія. Выдолбленная въ горахъ Гренады пещера. Гитана Идресилья — предсказавшая Магдалинѣ что-то страшное, такое страшное, его не рѣшился повторить Магонъ. Вспомнилъ Бейзымъ все, что ему говорилъ Магонъ по поводу перстня-подарка... Господи, неужели онъ, тоненькій ободокъ этотъ, съ маленькой, вѣками истертой монетою, неужели онъ таитъ въ себѣ волшебную силу для всѣхъ разбросанныхъ по бѣлу свѣту цыганъ? Секунду не могъ оторвать Абгаръ загорѣвшихся глазъ своихъ отъ перстня и, тотчасъ же поднявъ ихъ, непередаваемымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Бейзыма. И оба владѣли собою. Абгаръ уже невозмутимый, безстрастный, подержалъ своею рукою руку Бейзыма и такъ, чтобы закрыть, сдѣлать невидимымъ перстень для всѣхъ остальныхъ.

Покачавъ головою, старый цыганъ обратился къ Изѣ:

— Большой рука, большой браслетъ надо...

Словно вспомнивъ что-то, порылся среди лежавшихъ на полу инструментовъ, не найдя чего искалъ, накинулся на Менко сердитой гортанной скороговоркою...

Сынъ съ виноватымъ видомъ оправдывался, на такомъ же чуждомъ, непонятномъ европейскому уху нарѣчіи.

Абгаръ гнѣвно затопалъ ногами. Менко, нахлобучивъ баранью папаху, выбѣжалъ изъ башни.

— Въ чемъ дѣло старикъ? Что такое? — спросила Иза.

— Видишь, барышня,— сына ругалъ, зачѣмъ инструментъ забылъ...

— Ну, что-жъ, ничего не подѣлаешь... Маленькій антрактъ — улыбнулась Иза — постараемся его какънибудь использовать... Не такъ ли, мосье Бейзымъ? — и рѣзко, вдругъ, съ какой-то бравадою, съ какимъ-то задорнымъ, почти кокетливымъ вызовомъ, она вся будто

на оси повернулась къ плѣннику, такъ же вызывающе тряхнувъ головой и такъ же вопросительно поднявъ ее.

Бейзымъ ничего не отвѣтилъ, чуть-чуть удостоивъ „Замшевую Берту“ скользнувшимъ взглядомъ.

Хлыстъ ходуномъ заходилъ въ рукѣ у Изы. Съ такимъ великолѣпнымъ презрѣніемъ никто даже изъ свободныхъ людей не смѣлъ относиться къ ней, а вотъ онъ, плѣнникъ, рабъ, котораго сейчасъ закуютъ въ цѣпи онъ ее презираетъ! И не въ этомъ главное — презирать можетъ всякій, а въ томъ, что этимъ презрѣніемъ она оскорблена выбита изъ колеи. Захотѣлось, въ свою очередь забросать его оскорбленіями, чтобы каждое слово било, какъ ударъ хлыста, причиняя боль и выводя изъ неподвижности, неподвижности гранитнаго изваянія.

— Товарищи! — обратилась Иза къ тѣмъ красноармейцамъ, которые держали не факелы, а винтовки — цѣльтесь прямо въ грудь этому кровожадному звѣрю, замучившему сотни такихъ же, какъ и вы крестьянъ и рабочихъ... Если онъ сдѣлаетъ хоть малѣйшее движеніе — застрѣлите его!...

Красноармейцы въ сѣрыхъ колпакахъ съ красными звѣздами, тщательно приложились, въ точности выполняя приказъ женщины со змѣиными глазами. Каждый взялъ на „мушку“ атлетическую грудь плѣнника. Какъ пантера, почуявшая кровь, такъ Иза, искательница сильныхъ ощущеній, вѣрная себѣ въ азартности своей, рискнула затѣять опасную игру. Хотя въ Кремлѣ рѣшено было доставить Бейзыма въ Москву, чтобы тамъ инсценировать судъ надъ нимъ, а послѣ суда инсценировать казнь, всесильная Иза рѣшила иначе... Пусть онъ только поднимете руку, пусть сдѣлаетъ полушагъ впередъ, — шесть пуль пронзятъ мужественное, не знающее страха сердце.

— Итакъ, неуловимый, легендарный Бейзымъ, вы, въ концѣ концовъ, оказались и уловимымъ и уязвимымъ... Правда, вы сами явились къ намъ, но чья же заслуга, какъ не наша, что мы съумѣли васъ заманить? Все это вышло весьма пикантно, но главная пикантность... Слушайте же внимательно... Ваша жена скончалась въ тотъ самый день утромъ, когда вы изволили пожаловать въ Ровно... — Отчеканивъ послѣднія слова, съ особенной жестокостью, Иза сдѣлала расчитанную на излюбленный театральный эфектъ паузу.

Было тихо... Было слышно, какъ хрипятъ факелы, какъ

дышатъ красноармейцы, державшіе Бейзыма, на „мушкѣ“. Самъ Бейзымъ, сжимая кулаки опущенныхъ рукъ, нечеловѣческимъ усиліемъ заставилъ себя не двинуться съ мѣста. Не дрогнулъ. Только вздувшаяся поперекъ лба, кровью налитая жила, да стиснутые зубы, выдавали его переживанія въ этотъ моментъ...

Иза впилась въ него круглымъ, немигающимъ взглядомъ.

— О, какое умѣніе владѣть собой! А, между тѣмъ, въ вашей душѣ кипитъ адъ!... Вы сейчасъ видите, чувствуете всю безполезность вашей жертвы... Узнай вы тамъ въ Ровно, что ваша жена скончалась, вы успѣли бы вернуться въ Варшаву. Сознайтесь, у васъ мелькнуло желаніе броситься на штыки, желаніе погибнуть въ бѣшенствѣ отчаянія? Знаю васъ, цѣня васъ, я признаться удивляюсь, почему вы этого не сдѣлали?...

Иза не ошиблась. Такъ именно, такъ Бейзымъ и поступилъ бы, если бы не взглядъ, которымъ онъ обмѣнялся съ Абгаромъ, взглядъ проникновенно убѣдившій его, что онъ въ глазахъ стараго цыгана, какъ обладатель перстня, — высшее, сверхъестественное существо и Абгаръ сдѣлаетъ все для спасенія его, Бейзыма.

— Но, увѣряю васъ, — продолжала Иза — смерть вашей супруги ничуть не насильственна! Ничуть! Не въ нашихъ соображеніяхъ было покончить съ нею... Она схватила острое воспаленіе легкихъ, осложненное воспаленіемъ мозга и, не взирзя на медицинскую помощь, сгорѣла въ нѣсколько дней.. Она умерла въ забытьи и въ бреду. Что дѣлать — фатумъ!... Развѣ не фатумъ, что вы послѣ ея смерти очутились въ нашей власти? О, не убѣжать вамъ теперь отъ насъ, не убѣжать, вѣчный герой и побѣдитель! Вамъ слишкомъ везло до сихъ поръ... Вспомните бѣгство изъ Одесской че-ка? Вспомните сигары въ отелѣ Аламеда? Вспомните многое другое? А тѣмъ временемъ счетъ все росъ, да росъ, накапливался. И вотъ, наконецъ, пробилъ вашъ часъ заплатить по счету! И вы заплатите! Уже теперь никакая сила, никакое чудо не спасетъ васъ. Скованный по рукамъ и по ногамъ, влача за собою четыре пуда цѣпей, вы никуда не убѣжите! Въ этихъ самыхъ цѣпяхъ васъ повезутъ въ Москву на революціонный судъ, въ этихъ самыхъ цѣпяхъ васъ поставятъ...

Иза не успѣла договорить. Съ визгомъ распахнулась дверь и вбѣжалъ Менко съ инструментами на днѣ мѣшка. На вопрошающій взглядъ отца, онъ отвѣтилъ утвердительнымъ кивкомъ головы...

36. ПОСЛѢ КОНЬЯКУ И КРѢПКАГО КОФЕ.

Абгаръ давно уже тяготился своею жизнью въ Совдепіи. Его таборъ слишкомъ много натерпѣлся обидъ и утѣсненій. Да и было еще кой-что хуже обидъ и утѣсненій. Большевики часто реквизировали у цыганъ мѣдь и другіе металлы, предназначенные для котловъ и кострюль, забирали лошадей, ковры, теплую одежду, вырывали изъ косъ у цыганокъ вмѣстѣ съ волосами древніе монеты. Со всѣми этими безобразіями еще можно было кое-какъ, скрѣпя сердце, если даже и не примириться, то хоть сжиться, по крайней мѣрѣ...

Но были два случая похищенія юныхъ цыганокъ совсѣмъ, совсѣмъ еще подростковъ. Изнасилованные, зараженные сифилисомъ, обезумѣвшіе отъ потрясенія вернулись несчастные въ таборъ, вернулись на муку себѣ и всѣмъ окружающимъ. Никакое леченіе не могло ихъ спасти. Слишкомъ воспріимчива къ болѣзни была ихъ южная кровь. Началось гніеніе худенькихъ тѣлъ, покрытыхъ язвами. Пришлось отравить обѣихъ...

Вотъ почему Абгаръ безо всякой охоты согласился перезимовать въ Михлѣ. Но когда при свѣтѣ факеловъ блеснулъ перстень, завѣтный перстень священной династіи Тенеріановъ, повелѣвавшей цыганами всего міра, онъ мгновенно принялъ два неотдѣлимыхъ другъ отъ друга рѣшенія: освободить человѣка, носившаго священный перстень и вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ покинуть предѣлы Совдепіи, покинуть всѣмъ таборомъ — благо до польской границы не болѣе пятидесяти верстъ.

Сорокъ съ лишнимъ лѣтъ колесившій по Волыни, Абгаръ *зналъ каждую тропинку, каждое болотце, каждый* перелѣсокъ. Таборъ со своими телѣгами пройдетъ шапкой-невидимкою, пройдетъ тамъ, гдѣ никакихъ красноармейскихъ постовъ нѣтъ и въ поминѣ.

Разыгравъ сцену возмущенія забывчивостью сына, отецъ успѣлъ отдать ему приказаніе, сводившееся къ слѣдующему:

Таборъ немедленно снимается и уходитъ по направленію, указанному Абгаромъ. Лошадей гнать елико возможно съ такимъ, однако расчетомъ: если они и падутъ въ изнеможеніе, то лишь по ту сторону гранипы.

Для себя же и для сына Абгоръ вѣлѣлъ оставить небольшую повозку, запряженную самыми рѣзвыми лошадьми.

Дисциплина въ таборѣ была на удивленіе! Уже спустя минутъ двадцать, послѣ того, какъ Менко прибѣжалъ въ башню, послѣдніе шатры разобраны, уложены и караванъ крытыхъ, какъ жидовскіе балагулы, возовъ, двигался гуськомъ черезъ спящій городъ въ мутно молочной дымкѣ изъ ночного мрака и снѣжной завѣсы...

У Изы Башіаччи боролись два желанія, хотя и не одинаковыхъ по силѣ. Одно слабѣйшее: разыгрался аппетитъ, хотѣлось поужинать. Другое, въ гораздо большей степени: хотѣлось наблюдать, какъ будутъ заковывать Бейзыма въ цѣпи. Авось это зрѣлище дастъ встряску давнымъ-давно притупившимся нервамъ?... Иза спросила Абгара:

— Скажи, старикъ, много времени займетъ у тебя вся эта процедура?

— Часа два займетъ...

— О, какъ долго... Въ такомъ случаѣ... Мунцъ, я чертовски проголодалась!...

— Ужинъ готовъ навѣрное — отвѣтилъ бѣло-восковой, носатый Мунцъ.

— Сама знаю что готовъ, но я не хочу туда уходить. Ба, идея!... Поужинаю здѣсь... Это будетъ оригинально... Сбѣгайте, распорядитесь, пусть тащутъ сюда въ башню...

— Можетъ быть я? — вызвался маленькій жидокъ съ большой саблей.

— Нѣтъ, я!... — поспѣшилъ Мунцъ, ревнивый къ своимъ секретарскимъ обязанностямъ...

— Стойте, стойте, Мунцъ, позовите Шейдемана! Скажите, я его требую...

Мунцъ, вернувшійся со снѣгомъ на пальто, доложилъ:

— Поваръ отпускаетъ ужинъ... Деньщикъ Шейдемана сейчасъ принесетъ.

— А самъ Шейдеманъ?

— Очень извиняется... Онъ болѣнъ, простудился...

— Болѣнъ? — прищурилась Иза — такъ ли это?

Можетъ быть боится за свои дворянскіе нервы?... Ну чертъ съ нимъ! Я ему это припомню!...

Черезъ нѣсколько минутъ деньщикъ Шейдемана сервировалъ маленькій, покрытый бѣлой скатертью столикъ. Дымилось на блюдѣ филе дикой козы, въ бутылкѣ золотился душистый Мартелевскій коньякъ.

Подъ хрипѣнье факеловъ, подъ учащенное дыханіе мѣха, и лязгъ желѣза, дѣвица Башіаччи насыщалась вкуснымъ мясомъ, усердно запивая его коньякомъ. Еще не успѣвъ покончить ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, порозовѣвшая, съ плотояднымъ блескомъ въ птичьихъ глазахъ вспомнила:

— А кофе, Мунцъ? Кофе? Слышите, чтобы сварили покрѣпче! Терпѣть не могу слабаго кофе...

— Можетъ быть я?, — опять вызвался маленькій жидокъ съ большой саблей.

— Нѣтъ я!, — опять не пожелалъ уступить своихъ правъ Мунцъ.

А шесть красноармейцевъ держали чадящіе факелы, шесть держали винтовки, направленныя въ грудь Бейзыма. И тѣ и другіе успѣли онѣмѣть, превратиться въ живыхъ истукановъ. Любопытно, у одного изъ этихъ истукановъ, хоть на мигъ мелькнуло ли въ головѣ, что вотъ они болванѣютъ въ неудобной позѣ, голодные, неѣвшіе спозаранку, а эта одѣтая мужчиною худая, костлявая жидовка, это высшее начальство приказывающее имъ, обжирается мясомъ, и опивается коньякомъ.

А нѣсколько лѣтъ тому назадъ это же самое сѣрое быдло возмущалось „привиллегированнымъ положеніемъ“ императорскихъ офицеровъ, тѣхъ самыхъ офицеровъ, что на позиціяхъ гибли одинаково съ ними, спали въ землянкахъ и въ лисьихъ норахъ, спали въ грязи и во вшахъ...

Коньякъ, густой крѣпкій кофе и такія же крѣпкія папиросы, — къ табаку былъ подмѣшанъ опіумъ, — все это будило въ Изѣ чувственную женщину-самку. Откинувшись на стулъ съ папиросою въ зубахъ, обхвативъ руками высоко поднятое колѣно, въ мужскихъ кожаныхъ штанахъ, дѣвица Башіаччи, вздрагивая, блуждающимъ полубезумнымъ взглядомъ смотрѣла, какъ цыгане заковываютъ сидящаго на табуреткѣ Бейзыма. Маленькіе человѣчки — маленькіе, хотя и Абгаръ, и Менко были крупной мужской породы, — заковывающіе въ цѣпи титана.

И если бы это не былъ Бейзымъ, если-бы это не былъ титанъ духа, а человѣкъ, ради спасенія шкуры своей готовый на что угодно, Иза бросилась бы къ нему, щипала бы, кусала и, цѣлуя, какъ вампиръ, била бы его своимъ хлыстомъ до крови, до багровыхъ полосъ... И чтобы онъ ее кусалъ, цѣловалъ и хлесталъ... А потомъ она увела бы его къ себѣ... Въ спазмахъ и крикахъ вся ночь, ночь наслажденья и, кто знаетъ, все дѣло ея капризa, пожалуй, отпустила бы его на свободу?...

Но въ томъ, какъ онъ молчалъ, не глядя на нее, когда она хотѣла довести его до бѣлаго каленія, въ этомъ было столько ненависти и презрѣнія, трудно сказать, чего больше, что не оставалось никакихъ сомнѣній: цѣною оргіостической ночи въ объятіяхъ Изы онъ своей жизни и свободы не купитъ...

И уязвленное самолюбіе, самолюбіе отвергнутой самки, нашло себѣ выходъ въ дикомъ порывѣ. Она вскочила, опрокинувъ столъ...

Кофейникъ, коньякъ, блюдечки — все это со звономъ полетѣло, разбилось въ дребезги. Въ ужасѣ отпрянули Мункъ и маленькій жидокъ, запутавшійся въ своей саблѣ. Испуганно косились красноармейцы и только Абгаръ съ сыномъ невозмутимо продолжали свое дѣло, да Бейзымъ хранилъ тяжелое, спокойное величіе.

Вообще какой-то ясный покой воцарился въ его душѣ. А Иза била хлыстомъ по безпомощно торчавшимъ вверхъ ножкамъ перевернувшагося стола, выкрикивая:

— Эй, ты, цыганъ! Слушай! Если плохо закуешь, къ стѣнкѣ! Обоихъ къ стѣнкѣ! А если хорошо, — вотъ, вотъ! Вотъ! — и выхвативъ изъ кармана кожаныхъ штановъ, горсть монетъ, она осыпала золотымъ дождемъ всю группу и обоихъ цыганъ и Бейзыма.

Но этого ей было недостаточно. Хотѣлось стоновъ, крови, истязаній, пытокъ. Хотѣлось разрядить въ чей-нибудь животъ свой маленькій браунингъ.

Наступила реакція. Сказались опіумъ и коньякъ, Головокруженіе, слабость... Иза пошатнулась. Мунцъ и жидокъ бросились къ ней.

— Ничего... Пустяки... Пройдетъ...

Она была страшна въ своей мертвено-синеватой блѣдности. Глаза, уже совсѣмъ безумные, обведенные черной каймою...

— Ничего... Ну, что тамъ? Кончено?...

— Скоро кончаемъ, — отозвался Абгаръ.

— Я пойду къ себѣ... Мунцъ останьтесь до конца... А потомъ — запереть и мнѣ принести ключи... Ха-ха... Пріятныхъ сновидѣній, пане Бейзымъ. Ха-ха... Панъ въ цѣпяхъ...

37. МАГИЧЕСКАЯ СИЛА КОРОЛЕВСКАГО ПЕРСТНЯ.

Бейзымъ и старый цыганъ понимали другъ друга безъ словъ и даже безъ сигнализацій взглядами. Какая-то удивительная близость, какое-то единеніе душъ и сердецъ создалось у нихъ. И все, все, что говорилъ Абгаръ душою и сердцемъ, все понималъ Бейзымъ. Старикъ говорилъ: Я не могу сдѣлать наручники свободными, что бы проходила рука. Если эти мерзавцы провѣрятъ, увидятъ и тебѣ пуля въ затилокъ и не сдобровать и мнѣ. Я же могу тебя спасти только живой, а не мертвый...

Мы сдѣлаемъ вотъ какъ: ближайшія звѣнья цѣпи, я оставлю открытыми. Немного поработать напильникомъ и браслеты будутъ на твоихъ рукахъ уже безъ цѣпей. То же самое и на ногахъ... Такой уловки навѣрно никто не замѣтитъ. Для этого надо быть мастеромъ кузнечнаго дѣла. А инструментъ — получи заблаговременно!—и Абгаръ что-то сунулъ обладателю перстня за его шнурованный ботинокъ.

Что-то маленькое, острое, способное перегрызть самую твердую сталь.

Безъ взглядовъ и словъ досказалъ Абгаръ и все остальное:

Съ оконной рѣшеткой и голыми руками справишься. Я буду тебя ждать подъ окномъ... А тамъ... тамъ, что Богъ дастъ... Его воля... И на душѣ все свѣтлѣе, спокойнѣе. И эти свѣтъ и покой разлились по всѣму существу Бейзыма... Но когда, закованный остался одинъ въ темной башнѣ, когда вся орава съ факелами и винтовками, ушла и стихъ царапающій визгъ обоихъ ключей въ замкѣ дверномъ и въ висячемъ и наступило могильное безмолвіе, жутко стало Бейзыму...

На минуту охватили сомнѣнія, на минуту почудилось, что все это галлюцинація! Все! И перстенъ, поразившій Абгара и самъ Абгаръ и его желаніе спасти обладателя священнаго перстня. Но тѣсно прижатый къ щиколкѣ

напильникъ, — это уже не была галлюцинація. Это была реальность...

Итакъ, съ Богомъ! Но прежде чѣмъ приступить къ дѣлу надо успокоить и себя и взвинченныя нервы свои. А ничто не успакаивало такъ Бейзыма, какъ куренье. Онъ вспомнилъ сигару, взятую у Шейдемана, чтобъ себя побаловать ею передъ смертью.

Пусть же онъ закуритъ ее передъ своимъ бѣгствомъ, бѣгствомъ къ свободѣ, жизни, яркому свѣту, великому простору и такимъ же великимъ радостямъ... Вотъ когда, вспыхнула въ немъ съ необкновенною силою жажда кипучей, бурной жизни, еще болѣе кипучей и бурной, чѣмъ какою она была до сихъ поръ...

И странное дѣло, Магдалину, ради которой онъ пошелъ на все это, онъ даже ни разу не вспомнилъ. Она умерла для него. Вдвойнѣ умерла и физически, и какъ воспоминаніе о прошломъ...

Прошлаго нѣтъ! Онъ уже весь въ будущемъ! И это, будущее плѣнительно — прекрасный образъ Вѣры Анатольевны. Она должна быть его, его и, ничьей больше!..

Какъ чей-то кровавый глазъ, вспыхнулъ огонекъ сигары. Но до чего тяжелъ этотъ процессъ закуриванья! Словно чужія повиновались руки, оттягиваемые цѣпями. Человѣкъ средней силы и не шевельнулся бы...

Сигара соединяла въ себѣ пріятное съ полезнымъ, во-первыхъ, онъ курилъ ее съ такимъ наслажденіемъ а, во-вторыхъ, тлѣющій „уголекъ“ хотя и слабо, но все же освѣщалъ то звѣно ручныхъ кандаловъ, которое Бейзымъ подпиливалъ. Черезъ нѣсколько минутъ одна цѣпь упала упала, какъ бы нехотя, съ такимъ сердитымъ лязгомъ сопротивленія... За ней другая, оставалось освободить ноги...

Какой-то шорохъ надъ головою, чья-то рука просунулась въ окно между прутьевъ желѣзной рѣшетки, и бросила что-то мягко шлепнувшееся о каменный полъ и оказавшееся пучкомъ веревокъ. Молодецъ старый цыганъ! Веревка всегда незамѣнимая вещь, а при побѣгахъ — тѣмъ болѣе...

Слѣдующій бросокъ и ударъ, уже не мягкій, твердый, въ газетную бумагу, мокрую отъ снѣга, завернуты огарокъ свѣчи, еще другой напильникъ и коробка спичекъ.

При трепетномъ миганіи огарка, прилѣпленнаго къ полу, работа пошла дружнѣй. Но повизгивая напильни-

комъ, Бейзымъ нѣтъ, нѣтъ, замретъ и прислушается... Хотя, съ чего-бы? мѣсто глухое, на самомъ отлетѣ монастырскаго двора. Сюда никто не заходитъ ночью. А стражи нѣтъ. Сама Иза не велѣла оставлять часовыхъ.

Бейзымъ не успѣлъ и замѣтить, какъ выкурилъ всю сигару, крупную „банкирскую". Сейчасъ окурокъ жегъ ему губы. Только поэтому и увидѣлъ какъ летитъ время... Упали и ножныя цѣпи. Подъ штатскими брюками на-выпускъ — не видать „браслетокъ". Не теряя ни секунды плѣнникъ — онъ все еще плѣнникъ, — занялся окномъ. Приходилось оно ему на высотѣ груди. Ставъ на забытую красноармейцами табуретку, началъ выламывать желѣзныя прутья, — каждый толщиною въ палецъ. Вспомнилъ Одесскую че-ка. Но тамъ ушло на это нѣсколько часовъ, а здѣсь надо спѣшить, чтобы не подвести цыгана и безъ того рискующаго своей головою.

Бейзымъ вспомнилъ ковбойскіе трюки. Ковбои слѣдующимъ образомъ сплошь да рядомъ освобождали своихъ товарищей изъ степныхъ, сколоченныхъ и сбитыхъ на живую руку тюремъ: Всадникъ привязываетъ одинъ конецъ лассо къ своему сѣдлу, другой къ прутьямъ желѣзной рѣшетки. Сразу поднимаетъ лошадь въ галопъ, веревка натягивается какъ струна и съ „мясомъ" вырываетъ всю рѣшетку.

Тогда ковбой возвращается къ окну, узникъ прыгаетъ къ нему сзади въ сѣдло, а тамъ — ищи вѣтра въ полѣ... За отсутствіемъ лошади, Бейзымъ рѣшилъ использовать самого себя. Онъ сдѣлалъ петлю опоясался ею, а другой конецъ привязалъ къ среднему стержню — всѣхъ было три. — Напрягая всю силу и всю тяжесть своего тѣла — рванулъ... Еще, и еще... Ничего не выходитъ... Тогда онъ подошелъ къ самому окну и разбѣжался, на всякій случай, протянувъ впередъ обѣ руки, чтобъ не разбить себѣ голову и, вообще, не разбиться объ стѣну...

Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Согнувшійся прутъ выскочилъ изъ каменныхъ гнѣздъ и заплясалъ по каменному полу на концѣ веревки. Но Бейзымъ такъ „влипъ" въ стѣну ладонями, что онѣ горѣли огнемъ и содралась кожа...

Боковые стержни Бейзымъ такъ „растащилъ" въ разные стороны — каждый превратился въ дугу. Сквозь нее можно было протиснуться на свѣтъ Божій. Изумительнымъ хладнокровіемъ завершилъ всѣ треволненія,

взлеты и паденія нервовъ Бейзымъ. Точно покидая свой номеръ въ Бристолѣ, надѣлъ пальто и шляпу, съ той лишь разницею, что тамъ онъ выходилъ въ дверь, а здѣсь собрался выйти въ окно.

И вдругъ, похолодѣвши, застылъ весь... Чьи-то руки пытались открыть дверь, съ визгомъ поворачивается ключъ. Но не слышно грубыхъ красноармейскихъ шаговъ никто не перекликается... Молнія пронизала цѣпенѣющій мозгъ Бейзыма... Что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Ночной визитъ? Провѣрка, или... или они раздумали его везти въ Москву и рѣшили прикончить еще до разсвѣта... Не теряя мгновенья — вотъ, вотъ раскроется дверь — обдумалъ Бейзымъ планъ дѣйствія. Выбора нѣтъ... Онъ схватилъ желѣзный, только что вырванный имъ прутъ и затаился такъ, чтобы, когда распахнется дверь, очутиться между ней и стѣною. Это дастъ ему выгоду неожиданнаго стремительнаго нападенія. Если ихъ двое, даже трое онъ ихъ такъ всѣхъ обработаетъ — пикнуть не успѣютъ...

38. ПОСЛѢ КОКАИНА.

Иза помѣщалась въ тѣхъ самыхъ аппартаментахъ гдѣ остановился и Шейдеманъ, командированный изъ Москвы со спеціальной миссіей переманить Бейзыма на совѣтскую службу.

Сломленная коньякомъ, усталостью и наркотическими папиросами, окончательно затуманившими голову, Иза какъ была въ своемъ замшевомъ костюмѣ, такъ и повалилась на кровать. Еще немного и заснетъ погрузится въ Нирвану. Какой-то неугомонный бѣсъ крѣпко сидѣлъ въ неугомонной дѣвицѣ Башіаччи. Ей не хотѣлось Нирваны. хотѣлось движенія, бодрости, легкости въ мысляхъ и во всемъ тѣлѣ. Такой легкости, чтобы не чувствовать себя, сдѣлаться невѣсомой. Какое, уже не разъ и не два испытанное блаженство! И, до чего доступное! Выдвинуть ящикъ ночного столика. Въ бѣломъ плоскомъ пакетѣ — бѣлый порошекъ, обладающій чудодѣйственной силою воскресить даже мертваго. Но Иза долго боролась съ собою. Врачи сказали ей, что кокаинъ, въ концѣ концовъ, погубитъ ее. И, если она не хочетъ стать самоубійцею должна разъ навсегда прекратить неестественное возбужденіе кокаиномъ, этимъ для нея самымъ безпощаднымъ ядомъ.

Имъ легко совѣтовать! Имъ, этимъ холоднымъ, размѣреннымъ чиновникамъ департамента съ его превосходительствомъ Эскулапомъ во главѣ...

Одно изъ двухъ: или она трупомъ уснетъ до полудня, или возьметъ свою порцію сильныхъ ощущеній... Развѣ не сильное ощущеніе, — накинуть черный плащъ, взять револьверъ, хлыстъ и пробраться въ башню, гдѣ сидитъ на цѣпи человѣкъ, больно оцарапавшій ея необузданную чувственность?...

Соблазнитъ — не соблазнитъ, зато хоть наиздѣвается вволю... И развѣ не сильное ощущеніе; ударить его хлыстомъ по лицу, чтобы оставить багровый слѣдъ? Его, котораго никто никогда не билъ? А самой отскочить и пусть онъ въ безсильномъ бѣшенствѣ рвется къ ней... А она будетъ хохотать, глумиться, будетъ оскорблять его...

Нѣтъ, игра стоитъ свѣчъ. Ради такой встряски нервовъ можно плюнуть на совѣты врача. И побѣдилъ не врачъ, побѣдилъ кокаинъ... Нѣсколько минутъ и куда дѣвался сонъ, куда дѣвались усталость и тяжесть тѣла, требующая горизонтальнаго положенія? Вотъ она невѣсомая легкость... Вотъ оно, — желанье бѣгать, кружиться, порхать, танцевать, нестись куда-то въ какомъ-то радостномъ блаженномъ вихрѣ...

Вотъ ключи, давно уже принесенные Мунцемъ, вотъ хлыстъ, черный плащъ. А револьверъ, какъ былъ такъ и остался у пояса въ замшевой кобурѣ. Съ возбужденными глазами, вся возбужденная, Иза сдѣлала такой пируетъ, какого навѣрное никогда еще не видѣли за пять вѣковъ эти строгія благочестивыя стѣны...

Снѣгъ идетъ еще, но уже тихо, робко... Изѣ хотѣлось пѣть что-нибудь громкое, непристойное, кощунственное... Она пересѣкала пустынный дворъ. Вспоминался почему-то губернаторъ изъ Оффенбаховскихъ „Птичекъ пѣвчихъ“. Онъ, какъ и она старался соблюсти инкогнито и шелъ, какъ и она, „плащемъ закрывши полъ лица“. Смѣшно! Придетъ же въ голову... И она тихо засмѣялась, а гдѣ-то словно въ отвѣтъ, разъ-другой тявкнула собаченка... Вотъ и башня, кубически приземистая съ пирамидальной крышей. Съ какимъ-то сладострастнымъ испугомъ и біеньемъ сердца, не попадая ключемъ въ скважину, открыла Иза сначала висячій замокъ, потомъ дверной... Послѣ короткаго колебанія рванула дверь отъ

себя и тотчасъ же вспыхнулъ фонарикъ... Но ничего не увидѣла, не успѣла увидѣть...

На волосокъ отъ смерти... Бейзымъ уже готовъ былъ размозжить ей голову желѣзнымъ прутомъ, но во время спохватился, увидѣвъ передъ собою одинокую женщину. А чтобы она не крикнула, не успѣла крикнуть, онъ оглушилъ ее ударомъ ладони въ затылокъ.

Дѣвица Башіаччи повалилась, мгновенно потерявъ сознаніе.

Бейзымъ осторожно выглянулъ за дверь... Никого, ни души. Онъ вынулъ ключъ заперся изнутри и тотчасъ же занялся Изою. Онъ не оставитъ ее, а возьметъ съ собою. Возьметъ, на всякій случай, какъ заложницу...

Въ одинъ карманъ сунулъ себѣ ея же фонарикъ, въ другой — ея браунингъ. Скомкалъ обрывокъ газетной бумаги и запхнулъ Изѣ въ ротъ...

Если и очнется, — не сможетъ кричать. Потомъ онъ завернулъ ее въ черный плащъ, спеленалъ всю по рукамъ и ногамъ веревкой. Головою впередъ просунулъ въ окно. Чьи-то руки подхватили Изу. За ней просунулся не безъ труда и самъ Бейзымъ...

— Скорѣй, скорѣй! — торопилъ Абгаръ сдавленнымъ шепотомъ.

Внизу, въ мутной мглѣ темнѣлъ расплывчатымъ силуэтомъ возъ съ сыномъ Абгара на козлахъ. Менко, нетерпѣливо перебиравшій возжами, не отрывалъ глазъ отъ башни...

Наконецъ-то! Наконецъ-то они спускаются... Почему же такъ медленно? Почему? На самомъ же дѣлѣ и Абгаръ и Бейзымъ, державшій Изу, державшій съ такою легкостію, какъ если бы это была высохшая мумія, оба въ одинъ мигъ скатились внизъ съ крутого откоса. Бейзымъ, сунулъ подъ парусиновый, запорошенный „верхъ“ свою ношу, вскарабкался вслѣдъ за нею, Абгаръ же сѣлъ рядомъ съ сыномъ. Менко отпустилъ возжи, взмахнулъ кнутомъ, и горячіе кони, рванувъ съ мѣста, понеслись въ полную неизвѣстности ночную глубь. Бейзымъ при своемъ гигантскомъ ростѣ не могъ ни сѣсть, ни лечь. Сядетъ — головой упрется въ ребра навѣса, ляжетъ — спихнетъ цыганъ. Примостился кое-какъ, скрючившись, рядомъ съ Изой. Вотъ очередная гримаса перемѣнчивой судьбы. Четверть часа назадъ, онъ весь былъ во власти этой дьяволицы, охотившейся за нимъ еще въ Гренадѣ, а сей-

часъ она лежала возлѣ него, такая безпомощная, оплетенная веревками, съ бумажнымъ кляпомъ во рту.

Устраиваясь поудобнѣй, Бейзымъ нащупалъ что-то холодное, твердое, еще и еще... Два десятизарядныхъ „винчестера“ Да у него еще браунингъ...

Можно дать маленькій бой. И онъ какъ-то сразу повеселѣлъ, преисполнившись къ Абгару уваженіемъ и горячей признательностью.

Но ликовать было еще болѣе, чѣмъ преждевременно.

Уже осталась позади плотина, отдѣлявшая Старый городъ отъ Новаго, который назывался еще и Майданомъ. Уже пропали во тьмѣ казармы, — когда-то Сангушковскій замокъ съ подъемнымъ мостомъ и рвомъ, наполненнымъ водою. Уже мелькали послѣднія сонныя халупы предмѣстья.

Абгаръ, видѣвшій ночью, какъ днемъ, распознавалъ слѣды табора на бѣломъ, свѣжемъ снѣгу. Уже если изъ города выбрались безъ помѣхи, дальше еще глаже пойдетъ. Абгаръ „на всякій случай“ приказалъ не жалѣть денегъ, и отъ каждой придирки, отъ каждой задержки откупаться серебряными рублями.

А вотъ и застава у самаго поля. Горитъ костеръ и возлѣ него два силуэта двухъ здоровенныхъ парней съ винтовками. Одѣты въ полушубки и у каждаго на головѣ солдатская папаха. Хорошо знакомое щелканіе затвора и такое же хорошо знакомое: „Стой!“

— Что дѣлать? — спросилъ Абгаръ.

— Только двое? Кругомъ никого? — спросилъ Бейзымъ.

— Никого! Чистое поле!...

— Остановимся...

Парни подошли вплотную, направивъ штыки подъ навѣсъ.

— Пропускъ?...

— Сейчасъ, товарищи, сейчасъ — спокойно отозвался Бейзымъ, а только штыки свои уберите подальше... Двѣ трехведерные бутыли со спиртомъ везу... Еще разобьете...

Это произвело впечатлѣніе...

— Ишь ты... разсказывай... Спиртъ!

— Сейчасъ, сейчасъ, товарищи... И пропускъ вамъ покажу и бутылочку спирта на память оставлю...

— Чего тамъ бутылочку, — больше давай!...

— Можно и больше, — пообѣщалъ Бейзымъ, спокойно не торопясь вылезая, — а что, товарищи, цыгане давно проѣхали?

— И-и, дав но... Что-же, ничего, народъ аккуратной — цыгане...

„Аккуратность" цыганъ заключалась въ томъ, что они откупились отъ обоихъ парней десятью серебряными рублями.

— Ну, вотъ, сейчасъ — тянулъ Бейзымъ, очутившись уже на твердой землѣ — спички у васъ есть?...

Парни полезли въ карманы своихъ полушубковъ. Бейзымъ съ молніеносной боксерской стремительностью хватилъ браунингомъ по головѣ того и другого. Парни свалились на снѣгъ. Бейзымъ тотчасъ же сунулъ подъ навѣсъ обѣ ихъ винтовки.

— Чистая работа — прошепталъ Менко, соскакивая съ козелъ и обшаривая карманы оглушенныхъ и еще какъ оглушенныхъ красноармейцевъ. — Полушубки важные! — разлакомился Менко.

— Чертъ съ ними! Нѣтъ времени! — возразилъ Бейзымъ — тащи въ канаву! Ты одного, я другого. Да снимемъ съ нихъ патронныя сумки... Могутъ пригодиться...

Черезъ нѣсколько минутъ бѣглецы затерялись въ полѣ... Гудѣлъ вѣтеръ, гудѣли телеграфные столбы вдоль прямой, какъ стрѣла, дороги. Все время ѣхали по четко оттиснутымъ слѣдамъ впередъ ушедшаго табора...

39. МУНЦЪ ВЛЮБЛЕНЪ, МУНЦЪ РЕВНУЕТЪ.

Съ какой-то отчаянной безнадежностью былъ влюбленъ Мунцъ въ Изу Башіаччи. Онъ, этотъ молодой человѣкъ съ блѣдно-восковымъ лицомъ и большимъ носомъ, зналъ всѣ романы своей повелительницы, какъ естественные, такъ и противоестественные, зналъ, что Иза никогда не снизойдетъ къ нему, что онъ для нея не мужчина, зналъ и все таки былъ влюбленъ... хотя это и не шло къ нему, холодному, разсудочному съ душею чиновника отъ революціи... И, не имѣя никакого права, не смѣя ревновать, онъ однако, мучительной украдкой, терзаясь и казнясь, ревновалъ ее ко всѣмъ и даже къ Спееру, такому же, какъ и онъ самъ неудачнику...

Мунцъ хорошо изучилъ свою госпожу. Ея дикое, буйное поведеніе въ башнѣ съ опрокинутымъ столомъ,

мартелевскимъ коньякомъ и наркотическими папиросами, не оставляло никакихъ сомнѣній: Бейзымъ раздразнилъ въ ней женщину, пробудилъ похоть однимъ своимъ видомъ „титана въ цѣпяхъ".

Онъ, Мунцъ, такъ и подумалъ: „Титанъ въ цѣпяхъ".

Вотъ почему, возвратившись къ себѣ въ одну изъ келій, гдѣ онъ спалъ на походной кровати и гдѣ его ждалъ холодный ужинъ, Мунцъ ни къ чему не прикоснулся и не могъ заснуть.

Раздѣлся, легъ, охалъ, ахалъ, ворочался, скребъ затылокъ, теръ свой бѣлый, большой носъ, этотъ несчастный предметъ вѣчныхъ насмѣшекъ Изы...

Такъ въ этомъ невеселомъ времяпрепровожденіи минулъ часъ, а можетъ быть и гораздо больше. Остатокъ зимней ночи пугалъ тоскливой безсонницею. Пробовалъ читать — самыя короткія фразы не укладывались въ мозгу, да и не хотѣли укладываться...

И вдругъ — толчекъ, едва ли не физическій толчекъ, едва ли не подбросившій на походной кровати худое, плоское, узкоплечее тѣло Мунца. Въ ночныхъ туфляхъ, въ теплыхъ вязаныхъ кальсонахъ и теплой вязаной фуфайкѣ, подошелъ онъ къ глубоко угнѣздившемуся въ массивной стѣнѣ окну. Черезъ дворъ видѣнъ корпусъ, гдѣ помѣщаются архіепископскіе аппартаменты. Въ окнахъ Шейдемана — свѣтъ. Въ окнахъ Изы мракъ. Но этотъ мракъ ничуть не успокоилъ Мунца, не внушилъ ему вполнѣ логической мысли, что разъ темно, — значитъ она спитъ. Иза и логика — вещи несовмѣстимыя. Вернувшись къ себѣ возбужденной, да еще пришпоривъ это свое возбужденіе кокаиномъ, вряд ли она уснетъ...

И словно по какому-то приказу свыше, Мунцъ торопливо одѣлся. Въ пальто и теплой финской шапкѣ вышелъ контролировать свою повелительницу. Такъ и есть: дверь открыта, а Изы нѣтъ, какъ нѣтъ. Теперь онъ уже былъ готовъ побиться объ закладъ собственной головой, что Иза отправилась въ башню...

Скорѣй, скорѣй по горячимъ слѣдамъ... Скорѣй. А то она можетъ чертъ знаетъ какихъ дѣлъ натворить!...

Такъ и есть... Открытый замокъ виситъ, виситъ съ ключемъ...

Мунцъ съ бьющимся сердцемъ потянулъ отъ себя дверь — ни съ мѣста окованная желѣзомъ дверь... Неужели, неужели она заперлась тамъ съ этимъ чудови-

щемъ? Тысячи ревнивыхъ дьяволенковъ заскребли когтями все нутро Мунца... Нащупалъ замочную скважину. Да, ключъ тамъ внутри. Мунцъ хотѣлъ забарабанить въ дверь, но не посмѣлъ. Не надо! Это вульгарно, а главное, это можетъ стоить ему жизни. У шалой дѣвицы Башіаччи хватитъ всадить въ него пулю изъ браунинга. Она внѣ себя, когда ей мѣшаютъ „наслаждаться".

— Нѣтъ, я ее тихонько здѣсь подстерегу — рѣшилъ Мунцъ и приготовился „стеречь". Ему казалось, что его сердцебіеніе слышно тамъ, за дверью...

Онъ затаился, время отъ времени нагибаясь и приникая ухомъ къ скважинѣ. Странное дѣло — ни одного слова, ни одного звука, ни шороха. Между тѣмъ, малѣйшее движеніе Бейзыма должно сопровождаться звономъ и лязгомъ цѣпей...

У Мунца голова шла кругомъ. Что же это такое? Гордый на людяхъ, наединѣ съ Изой этотъ полякъ не устоялъ и... У Мунца пересѣклось дыханіе и темнѣло въ глазахъ при одной мысли, что должно послѣдовать за этимъ и...

Самъ влюбленный въ Изу, Мунцъ не могъ допустить, чтобы и кто-нибудь другой могъ устоять противъ ея чаръ...

Поцѣлуи, объятья, отъ которыхъ должны трещать ея кости...

Мунцъ дрожа облизывалъ тонкіе губы свои. Но почему же такое могильное молчаніе? Почему не лязгнутъ цѣпи, хотя бы разъ, хотя бы въ видѣ случайной обмолвки?...

А если онъ ее убилъ? Неизвѣстность была такъ тяжела такъ невыносима — вотъ, вотъ не выдержитъ и разорвется сердце...

Мунцъ съ дерзостью отчаянія забарабанилъ кулаками въ дверь... Ни одинъ звукъ не отвѣтилъ ему. Переводя дыханіе, возобновилъ попытки, но съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Тишина за дверью чудилась жуткой, зловѣщей, сулящей затаившееся несчастье. Перепуганный, обезумѣвшій, бросился онъ со всѣхъ ногъ къ Шейдеману.

Шейдеманъ въ тончайшей полосатой пижамѣ, читалъ „канареечный" томикъ французскаго романа.

— Можно ли такъ врываться? — спокойно встрѣтилъ онъ непрошеннаго гостя.

— Товарищъ Шейдеманъ, — катастрофа!...

— Какая? Что такое? — откладывая книгу на одѣяло и лѣниво потягиваясь, отозвался Шейдеманъ.

— Иза пошла въ башню къ этому Бейзыму... Она закрылась... Я стучу, понимаете, стучу... Никакого отвѣта... Она... они...

— Такъ это по вашему катастрофа? — весело усмѣхнулся Шейдеманъ. — Вамъ то что? Ну и пусть себѣ на здоровье... Это даже адски пикантно! И чего вы полезли мѣшать... ха... ха... Заперлись! Это великолѣпно!...

— Хорошее дѣло — великолѣпно? — негодовалъ Мунцъ, — а если онъ ее убилъ? Это по вашему тоже великолѣпно!

— Знаете, милый мой, вы прямо какія-то сказки разсказываете... По вашему выходитъ прямо какая-то средневѣковая баллада... Башня... королева... изступленныя ласки...

— Это вамъ баллада, а мнѣ совсѣмъ не баллада... Я за нее отвѣчаю... Вставайте скорѣе, вставайте. Пойдемъ!...

— Пойти, отчего же?... А только сломя голову летѣть я не намѣренъ... Вотъ что, разбудите моего деньщика. Онъ мнѣ поможетъ одѣться, а сами возьмите десятокъ людей и пусть они тяжелымъ длиннымъ бревномъ разнесутъ дверь... Если, если вамъ уже такъ нетерпится... Хотя, по моему, пусть они себѣ...

Но Мунцъ, не дослушавъ, опрометью кинулся изъ комнаты.

Шейдеманъ одѣвался съ помощью ловкаго деньщика и улыбка не сходила съ губъ, не погасала въ его подведенныхъ глазахъ.

— Однако, эта жидовская Мессалина-истеричка сумѣла и здѣсь найти себѣ удовольствіе — игриво думалъ бывшій гусаръ-Павлоградецъ — любопытно, какъ повелъ себя Бейзымъ? Плѣнился ли этими костлявыми прелестями, или же проявилъ такую же твердо-каменную добродѣтель, какъ и у меня, когда я его звалъ на службу въ Московскій центро-жидъ?

Съ папиросой въ зубахъ, одѣтый въ теплую мѣховую бекешу и въ гусарскихъ сапогахъ съ розетками вышелъ изъ дому этотъ неунывающій россіянинъ...

Подоспѣлъ, какъ говорится, къ шапочному разбору. Подъ командою неистоваго Мунца кучка людей съ красными звѣздами на шапкахъ, уже протаранила дверь. Два

факела освѣщали башню и Мунца, метавшагося съ дикимъ воплемъ.

— Скандалъ! Позоръ! Неслыханный позоръ! Она измѣнила намъ! Ой, ой, Иза, что же ты надѣлала?... Ну конечно, она полюбила этого дьявола! Она его спасла и убѣжала вмѣстѣ съ нимъ... Что теперь будетъ? Ха, видите эту рѣшетку? Видите? Такъ онъ же ее разломалъ! Чертъ! Хуже черта!... Проклятье! Что скажутъ въ Москвѣ? Товарищъ, что скажутъ въ Москвѣ? — набросился Мунцъ на Шейдемана.

— Право, не знаю, что вамъ на это, милѣйшій, отвѣтятъ? Все такъ загадочно... Это уже на грани съ чѣмъ-то чудеснымъ... Я допускаю, что Бейзымъ съ его феноменальной силою могъ разворотить рѣшетку, допускаю, но даже и онъ безъ посторонней помощи не могъ освободиться отъ этихъ страшныхъ цѣпей...

— Такъ что же? Такъ что же? Говорите — дрожалъ Мунцъ.

Шейдеманъ затянулся папиросой.

А вотъ мы сейчасъ увидимъ — и рукою, затянутой въ перчатку, онъ поднялъ не безъ усилія одну изъ цѣпей — смотрите, вотъ вамъ распиленное звено. Свѣжіе слѣды... А вотъ и напильникъ...

— Такъ она ему принесла напильникъ? — вскричалъ Мунцъ.

— Какіе глупости! Откуда у Изы могъ бы взяться напильникъ?

— Ну, тогда объясните же мнѣ, объясните, а то я сойду съума!

— Съума вы не сойдете, а что я вамъ за Пинкертонъ такой дался... Буду я ломать надъ этимъ свою... благородную — онъ хотѣлъ сказать дворянскую — голову...

— Ой, ой! Они же бѣгутъ! Они убѣгутъ! Надо же ихъ сейчасъ же поймать! — бѣсновался Мунцъ и съ какой-то накипѣвшей злобой атаковалъ Шейдемана.

— Товарищъ, я обращаю нуль вниманія на всѣ ваши ироническія колкости по моему личному адресу... Но сейчасъ я требую, чтобы вы исполнили вашъ революціонный долгъ военнаго спеціалиста! Требую, слышите! Вы должны немедленно организовать самую активную погоню Если такой врагъ народа и совѣтской власти, какъ Бейзымъ, ускользнетъ, я именемъ Башіаччи-отца и Великаго

Магистра дамъ телеграмму товарищу Троцкому и васъ немедленно разстрѣляютъ...

На тонкихъ губахъ Мунца выступила пѣна, его трясло, какъ въ лихорадкѣ. У Шейдемана гдѣ-то подъ теплой мѣховой бекешой пробѣжалъ холодокъ. Онъ увидѣлъ, что въ своемъ издѣвательствѣ самовлюбленнаго циника затѣялъ опасную игру. Эта игра можетъ стоить ему головы. Онъ мигомъ подтянулся и морально и физически. Сейчасъ это уже былъ офицеръ, знающій свое дѣло.

— Бѣжать вглубь страны, не могли, а только по направленію польской границы. Отсюда къ границѣ ведутъ три дороги. По этимъ тремъ дорогамъ мы и бросимъ погоню, — два полуэскадрона и грузовикъ. Вы, товарищъ Мунцъ, намѣрены отправиться съ однимъ изъ этихъ отрядовъ?

— А что же я буду сидѣть и ждать по вашему? Конечно, ѣду!

— Что вы предпочитаете: лошадь или автомобиль?

— Какая тамъ лошадь? Что вы смѣетесь? Когда же я на ней доѣду? Автомобиль! Товарищи красноармейцы на грузовики, а я сзади на машинѣ Изы...

— Отлично. Я прикажу сѣдлать, а вы займитесь автомобильнымъ передвиженіемъ... Возьмите съ собой штукъ двадцать отборныхъ красноармейцевъ...

— Больше возьму... Можно съ пулеметомъ?...

— Да, да, конечно...

40. МАЛЕНЬКІЙ БОЙ СЪ БОЛЬШИМЪ РЕЗУЛЬТАТОМЪ.

Снѣгъ утихъ. Прояснилась мутная завѣса. Блѣднѣла ночь, переливаясь въ сизо-молочный разсвѣтъ.

Уже не было темно подъ парусиновымъ навѣсомъ, гдѣ крючился въ неудобномъ положеніи Бейзымъ. Изъ своего убѣжища онъ видѣлъ спину Абгара и Менко въ цыганскихъ, крытыхъ синимъ сукномъ полушубкахъ. Видѣлъ головы и уши бѣгущихъ лошадей, видѣлъ черное, взбухшее поле. Въ этихъ мѣстахъ падалъ снѣгъ, чуть-чуть успѣлъ растаять и напитать собою тучный волынскій черноземъ.

Рядомъ съ Бейзымомъ какой-то шорохъ, что-то зашевелилось... Подъ утро только наконецъ пришла въ себя Иза. Съ ужасомъ въ птичьихъ глазахъ смотрѣла

она передъ собою и кромѣ страха и изумленія былъ въ этихъ глазахъ еще какой-то безпредѣльный ужасъ. И, всегда цинично глумившейся надъ всѣмъ, и надъ Богомъ, и надъ чудесами, и надъ сверхъестественнымъ, надъ всѣмъ, что ни есть видимая, доступная на ощупь реальность и сила, ей казался теперь Бейзымъ каким-то фантастическимъ существомъ, для котораго ничего не самые крѣпкіе замки, ни самыя тяжелыя цѣпи, ни самыя толстыя каменныя стѣны. А онъ сверху внизъ смотрѣлъ на нее. И такая она жалкая была въ своемъ обвитомъ веревками маскарадномъ плащѣ, съ бумажнымъ кляпомъ во рту, зеленоватая, блѣдная, постарѣвшая, подурнѣвшая послѣ наркотиковъ, алкоголя и нѣсколькихъ часовъ забытья на тряскомъ возу.

Другой на мѣстѣ Бейзыма навѣрное не отказалъ бы себѣ въ удовольствіи поиздѣваться надъ Изой въ такомъ же духѣ, какъ она вчера издѣвалась надъ нимъ. Но не въ натурѣ Бейзыма было смѣяться надъ поверженнымъ врагомъ, особенно же, если этотъ врагъ — женщина. Видя, какъ исказилось ея лицо съ выдавшимися скулами, какъ оно заходило судорогою, Бейзымъ вытащилъ обрекавшій ее на молчаніе кляпъ.

— Дышите во всю грудь, но не вздумайте кричать... Не совѣтую... — Такимъ тономъ было сказано это „не совѣтую“, что Иза, отвернувшись, плотно сжала тонкія губы свои...

Никогда еще не испытывала она такого полнаго униженія и еще болѣе полнаго безсилія. Она, дочь всемогущаго великаго Башіаччи и сама всемогущая, великая, она обладательница несмѣтныхъ милліоновъ, Иза, слово которой законъ для всѣхъ этихъ Троцкихъ, Зиновьевыхъ, она подпрыгиваетъ на ухабахъ связаннымъ тѣломъ своимъ въ цыганской телѣгѣ и злѣйшій ея врагъ, этотъ чудовищный Бейзымъ можетъ сдѣлать съ ней все, что захочетъ...

У Изы есть своя гордость. Она хочетъ быть такою же, какъ и онъ и не будетъ умолять о пощадѣ... И она еще рѣшительнѣй сжала губы... Ѣхали все время по слѣдамъ табора — колеса въ колеса. Старый цыганъ обернулъ къ Бейзыму костистое, пергаментное лицо свое, съ молодыми глазами.

— До границы верстъ двѣ съ половиной не болѣ... Нашихъ не видать, перевалили уже... И насъ пронесетъ Богъ...

Осталась позади еще верста, еще ближе граница, еще ближе свобода. Но вотъ въ нѣмую тишь и гладь ворвался знакомый глухо сопящій звукъ и трескъ мотора, пока еще отдаленные. И цыгане услышали и Бейзымъ. Менко ударилъ по лошадямъ, думалъ перевести ихъ вскачь, но быстрѣй обыкновенной рыси дѣло не двинулось. Жирный черноземъ всасывалъ копыта и облѣплялъ колеса. Бейзымъ, чтобы имѣть всю дорогу сзади подъ своимъ наблюденіемъ, разорвалъ надъ спинкою воза парусину и прильнулъ лицомъ, высматривая. Уже видать простымъ глазомъ... Бѣглецовъ нагонялъ большой грузовикъ, набитый людьми. На поворотахъ было замѣтно, что за грузовикомъ слѣдуетъ обыкновенный пассажирскій автомобиль.

— Не уйти, — вскричалъ Бейзымъ, — эти мерзавцы насъ успѣютъ догнать. И когда мы будемъ лицомъ къ лицу, — мы пропали!... Ихъ очень много,.. А на разстояніи можно дать бой, можно и еще неизвѣстно, чья возьметъ? Какъ хорошо, что я захватилъ винтовки и патроны...

Бейзымъ прошелъ завидную академію стрѣльбы въ ковбояхъ и въ американской пограничной стражѣ, гдѣ изъ кавалерійскаго карабина безъ промаха наловчился разбивать стекляные шарики, подкинутые въ воздухъ.

Пока они еще скученные, плечомъ къ плечу, грузовикъ представляетъ чудесную мишень. Пока они еще не разсыпались въ цѣпь, онъ успѣетъ охладить ихъ пылъ и уменьшить ихъ число. А чтобы ни одна пуля не ушла зря, надо „спѣшиться“. И онъ крикнулъ Абгару:

— Стой! Задержите лошадей, чтобы не горячились и не понесли...

Цыгане повиновались безпрекословно. Обладатель царственнаго перстня загипнотизировалъ ихъ, подчинивъ себѣ въ первыя же минуты встрѣчи. Абгаръ и Менко, соскочивъ съ козелъ, стали у самыхъ лошадиныхъ мордъ и, поглаживая ихъ, успокаивали...

А Иза, безпомощная, связанная слѣдила за малѣйшимъ движеніемъ Бейзыма. Опредѣливъ на глазъ разстояніе между собою и грузовикомъ все приближавшимся, Бейзымъ установилъ на обѣихъ винтовкахъ прицѣлъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ уже твердо стоялъ подъ прикрытіемъ воза. Тяжелая пѣхотная винтовка была, какъ завинченная въ станокъ — въ его сильныхъ рукахъ. Онъ

ловилъ моментъ. На душѣ было азартно и волнующе весело, какъ у охотника.

Грузовикъ, медленно вскарабкавшійся на пригорокъ былъ ясно и четко видѣнъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ вмѣстѣ со своимъ человѣческимъ багажемъ. Бѣглецы остановились. Это вызвало у преслѣдователей бурное ликованіе.

— А, сукины дѣти! Испортилось что-нибудь! Мы теперь васъ, бѣлогвардейскую сволочь, голыми руками возьмемъ! Шоффферъ, дуй во всю! Крути Гаврило! Дуй! — кричали красноармейцы, дѣйствительно отборные, закаленные въ гражданской войнѣ, молодецъ къ молодцу, разбойникъ къ разбойнику. Начальникъ ихъ, прыщеватый, съ внѣшностью разбитного фабричнаго „красный“ офицеръ весь въ нашивкахъ и пятиконечныхъ звѣздахъ, сидѣлъ въ автомобилѣ вмѣстѣ съ Мунцемъ.

— Что такое? Они уже стали? Ой, я не выдержу! Товарищъ Антыкинъ, мы ихъ возьмемъ! Мы же ихъ возьмемъ? — вцѣпился Мунцъ въ начальника отряда.

А въ этотъ самый мигъ, тамъ, за тысячу съ лишнимъ шаговъ, Бейзымъ самъ себѣ приказывалъ:

— Сначала бей по шоффферу...

Блеснулъ короткій огонекъ. Щелкнулъ отозвавшись гдѣ-то далеко выстрѣлъ и шоффферъ грузовика, выпустилъ руль, свѣсивъ простреленную голову. Слѣдующій выстрѣлъ, хотя и менѣе удачный, вывелъ изъ строя помощника шоффера, сильно задѣвъ его въ плечо.

Грузовикъ, лишенный управленія, зигзагами катился внизъ, вотъ-вотъ готовый перевернуться. Красноармейцы, сбитыя въ кучу, засуетились въ паникѣ. Одни подняли безпорядочную стрѣльбу въ воздухъ, другіе пытались выскочить въ грязь...

А Бейзымъ посылалъ въ эту обалдѣвшую человѣческую гущу пуля за пулею и каждая находила себѣ жертву.

Послѣ перваго же выстрѣла Мунцъ, съѣхавъ на дно автомобиля и зажмурившись, кричалъ:

— Товарищъ Антыкинъ, спасайте положеніе!

Коммунистическое отродье — Антыкинъ не былъ трусливымъ отродьемъ. Сейчасъ, какъ никогда можетъ быть, хотѣлъ блеснуть отвагой краснаго офицера.

Выхвативъ саблю, выскочивъ изъ автомобиля, бросился пѣшкомъ догонять судорожно корчившійся грузо-

викъ. Вотъ онъ влипъ двумя колесами въ придорожную канаву, накренился, забившись на мѣстѣ, какъ раненое чудовище.

— Скачите на землю, скачите скорѣй, болваны! — приказывалъ Антыкинъ въ упоеніи власти, обрабатывая красноармейцевъ по спинамъ тупой стороною сабли.

Изъ двадцати пяти живыми и годными осталось 16. Антыкинъ приказалъ имъ залечь цѣпью и открыть огонь по противнику.

Неудача! И еще какая неудача! Невидимый стрѣлокъ съ поразительной мѣткостью выкосилъ сразу еще четырехъ человѣкъ. Это замѣтно понизило воинственный духъ красноармейцевъ. Блѣдные, дрожащіе они стрѣляли какъ-какъ. Стрѣлялъ вмѣстѣ съ ними и Антыкинъ. Это онъ чуть не ранилъ Бейзыма. Его пуля ударилась въ стальной браслетъ и, сплющившись, отлетѣла рикошетомъ куда-то...

Бейзымъ успѣлъ дважды перемѣнить обоймы. Разстояніе было уже около семисотъ шаговъ и онъ ясно видѣлъ на черной землѣ сѣрыя тѣла красноармейцевъ. Еще три такихъ черныхъ тѣла остались навсегда лежать.

— Дьяволъ этакій! Всѣхъ перебьетъ! — Въ бѣшенствѣ заревѣлъ Антыкинъ и, поднявшись кричалъ съ перекосившимся лицомъ:

— Въ атаку! Бѣгомъ! За мной!...

И онъ вынесся впередъ опьяненный опасностью, подхлестываемый жгучей ненавистью заядлаго большевика къ офицеру-золотопогоннику. Но, не пробѣжавъ и пятидесяти шаговъ, Антыкинъ выронилъ саблю, взмахнулъ руками и плепнулся ничкомъ въ мягкую, черную грязь. Двое красноармейцевъ послѣдовало его примѣру. Остальные, объятые ужасомъ, убѣжденные, что имѣютъ дѣло съ какимъ-то неуязвимымъ сверхъестественнымъ существомъ, видя, что начальникъ убитъ и некому саблей гнать ихъ впередъ, бросились бѣжать. Теперь Бейзымъ уже смѣло могъ продолжать свой путь, никѣмъ не преслѣдуемый, никѣмъ не угрожаемый... Но кровавый хмѣль не могъ сразу испариться и онъ только тогда началъ приходить въ себя, когда еще двое красноармейцевъ, споткнувшись, остались лежать, но не головою къ нему, какъ тѣ, наступавшіе, а ногами. Машина, стремительно увозившая Мунца въ глубокій тылъ, уже давно превратилась въ едва замѣтную точку...

41. ВОЗВРАЩЕНІЕ БЕЙЗЫМА.

А Варшава...

Правительство доживало послѣдніе свои часы. Лѣвые никогда не были очарованы имъ, на то они и лѣвые, но даже въ правыхъ кругахъ началось разочарованіе. Своей нерѣшительностью послѣ „цитадели“, послѣ того, какъ чернь безнаказанно посягнула на честь и жизнь польскаго солдата, послѣ того, какъ будучи шесть мѣсяцевъ у власти, имѣя въ рукахъ весь государственный и финансовый аппаратъ, правительство не сумѣло укрѣпиться и сплотить группу сильныхъ и смѣлыхъ патріотовъ, дабы на нихъ опереться, послѣ этого въ слабости министерства, съ Витосомъ во главѣ, уже никто не сомнѣвался.

Уже называли никому неизвѣстнаго депутата сейма съ коротенькой фамиліей изъ четырехъ буквъ. Онъ похвалялся въ „кулуарахъ“, что въ одинъ день спихнетъ буржуазный кабинетъ.

И дѣйствительно „спихнулъ“... Но не будемъ опережать событій, будемъ утѣшать себя, что еще хоть нѣсколько дней наши герои будутъ жить, чувствовать и дѣйствовать въ атмосферѣ правой власти, правой, а не лѣвой.

Итакъ, Варшава — зимняя, веселая, безснѣжная. Со дня исчезновенія Бейзыма ничто не измѣнилось. Такъ же биткомъ набитъ Люрсъ всевозможными спекулянтами, актерами и право же не разберешь, гдѣ спекулянты, гдѣ актеры, ибо и тѣ и другіе начисто брѣются. Спекулянты желаютъ походить на актеровъ лицомъ, а актеры — на спекулянтовъ — одеждой и карманомъ.

Летитъ внизъ марка. Летитъ вверхъ долларъ. Ежедневные облавы на черной биржѣ. Торговля изъ подъ полы валютой.

Всѣ жалуются, что нѣтъ денегъ, но „собственные“ автомобили давятъ прохожихъ. Рестораны, театры и кофейни полны сытой, швыряющей деньгами публикой.

Въ полуденный часъ холлъ „Бристоля“ грязноватый, но еще не совсѣмъ утратившій блескъ мирнаго времени, жужжитъ тѣми же спекулянтами, отъ которыхъ по всей Варшавѣ проходу нѣтъ.

Кабина лифта поднимается и опускается со своими „человѣческими порціями“.

Юноша-Гзовскій въ шубѣ и высокой шапкѣ, на ходу записывая въ блокъ-нотъ, спѣшилъ проинтервьюировать помѣщика, только что вырвавшагося изъ Совдепіи.

Бернардъ Азулаи, на дняхъ произведенный въ подполковники, сидитъ въ обществѣ брюнета неопредѣленной національности, неопредѣленной профессіи и такой же неопредѣленной внѣшности.

Съ улицы въ холлъ вошелъ Бейзымъ. Такъ вошелъ, какъ если бы полъ часа тому назадъ, покинулъ свой номеръ.

Но это было не полчаса. Это было десять дней и какихъ десять дней! За это время густые, въ крутыхъ завиткахъ волосы Бейзыма подернулись пепельной сѣдиною.

Вновь испеченный подполковникъ Бернардъ Азулаи, какъ дьяволъ при видѣ креста, съежился весь и затряслась его ассирійская борода.

Брюнетъ спросилъ:

— Что съ вами, господинъ полковникъ?...

— Нѣтъ... ничего... такъ...

— А я думалъ...

— Что вы думали?...

— Хотя ничего... Кто этотъ великанъ, который вошелъ сейчасъ?...

— Этотъ великанъ какимъ-то чудомъ сорвался съ петли...

— Виноватъ, не понимаю...

Съ перекошеннымъ лицомъ, какъ отъ зубной боли Бернардъ мотнулъ головою и ничего не отвѣтилъ...

На весь холлъ громоподобная октава, покрывшая жужжаніе толпы.

— Господи Боже мой! Глазамъ не вѣрю... Да это маіоръ Бейзымъ, — и, оставивъ своего помѣщика на полусловѣ, Юноша-Гзовскій бросился къ Бейзыму, чутьемъ журналиста угадывая, что теперь онъ уже не выпуститъ изъ своихъ рукъ ошеломляющей сенсаціи.

Бейзымъ скорѣй увлекъ Юношу въ кабину лифта. Но уже кромѣ нихъ очутился тамъ одинъ изъ директоровъ отеля, скромно, какъ портье державшій ключъ отъ комнаты Бейзыма.

— Все на своемъ мѣстѣ, господинъ маіоръ.

Да, все на своемъ мѣстѣ... Такъ же висятъ фотографіи, какъ висѣли. Такъ же перегнута пополамъ недо-

читанная Магдалиною книга, тѣ же боксерскіе перчатки, словно забытыя на подоконникѣ. Тѣ же колчуга, сабля и кинжалъ — испанскій подарокъ на фонѣ ковра надъ кроватью. Вещи все тѣ же. Увы, самыя ничтожныя вещи всегда переживаютъ самыхъ крѣпкихъ, самыхъ долговѣчныхъ людей... Магдалины нѣтъ, а Бейзыма спасъ непостижимый случай и вернулся онъ потрясенный посѣдѣвшій, самъ себѣ не вѣрящій, что онъ у себя въ Бристолѣ, на свободѣ, а не въ угловой башнѣ Бернардинскаго монастыря.

Оставшись вдвоемъ, ни Бейзымъ ни Гзовскій не рѣшились заговорить, — такое было настроеніе. Чудился кто-то еще третій, затаившійся безплотной, невидимой тѣнью.

Но вотъ Гзовскій откашлялся, подобно пѣвцу, который сейчасъ начнетъ пробовать голосъ.

— Ну, господинъ маіоръ, вы отъ меня теперь такъ легко не отдѣлаетесь... Какъ снѣгъ на голову... Откуда?...

— Съ цѣпи сорвался, — отвѣтилъ Бейзымъ съ полупечальной, полуироническою улыбкою.

Гзовскій неистово взъерошилъ курчавую шапку волосъ своихъ.

Это было у него признакомъ или волненія, или неясности въ мысляхъ.

— Вотъ! — пояснилъ Бейзымъ, вынимая изъ кармана распиленный желѣзный браслетъ, оцарапанный пулей — это уже больше не тайна. Теперь я самъ желаю наиболѣе широкой огласки...

И Бейзымъ началъ повѣствованіе о своихъ изумительныхъ приключеніяхъ.

Гзовскій то сидѣлъ, затаивъ дыханіе, то громадные глаза начинали блестѣть на его актерскомъ лицѣ и онъ вскакивалъ, размахивая длинными руками, хватаясь за голову, отпуская свирѣпыя словечки и кому-то грозя большимъ кулакомъ своимъ...

— Ай, да цыганъ! До чего же велико обаяніе этого перстня! А я и не замѣчалъ! Покажите! Надо сфотографировать его и выставить гдѣ-нибудь въ витринѣ, выставить непремѣнно и перстень этотъ и этотъ „браслетъ“ и большими буквами... надпись...

— Это, пожалуй, слишкомъ... А, вотъ, на что я обращаю ваше вниманіе... Крохотное племя, — всѣхъ цыганъ не болѣе какихъ-нибудь двухсотъ тысячь, разсѣ-

яшныхъ по всему свѣту. А какая дисциплина, а слѣдовательно и сила!... Благодаря этой дисциплинѣ я имѣю удовольствіе бесѣдовать съ вами, вмѣсто того, чтобы въ цѣпяхъ ожидать разстрѣла... Подумайте только, если-бъ вся буржуазія міра, такая многочисленная, съ ея финансовой и всякой другой мощью, была бы организована, какъ это дикое бродячее племя, — отъ большевиковъ давнымъ давно осталось бы лишь одно воспоминаніе! Да и не только отъ нихъ! А и вся такъ называемая демократія вмѣстѣ съ жидовствомъ пресмыкалась бы у ногъ христіанской буржуазіи... Совѣтую вамъ отмѣтить...

— Обязательно, обязательно! — заработалъ карандашъ Гзовскаго на страницахъ блокъ-нота.

Дальше онъ бурно восхищался картиною боя.

— Вы, сверхъ-человѣкъ, сверхъ-герой! Подумайте, одинъ противъ двадцати!...

— Ихъ было больше, чѣмъ двадцать...

— Господи Боже! И вы не волновались?

— Волновался, до и послѣ! А во время боя — не могъ, не смѣлъ... Взялъ себя въ руки. Только полное спокойствіе могло дать успѣхъ.

— Какъ это красиво! — не унимался Гзовскій. — А что же вы сдѣлали съ этой стервозой?...

— Я ее захватилъ съ собою, какъ заложницу... На всякій случай, да и не могъ же я знать, какъ развернутся событія, но все сложилось такъ, что она оказалась ненужной.

— Но что же въ концѣ концовъ вы съ ней сдѣлали?...

— Когда большевики бросились бѣжать, я ее развязалъ и отпустилъ на всѣ четыре стороны.

— Зачѣмъ?! Слѣдовало убить!...

— Повѣрьте, другъ мой, это было для нея хуже всякихъ пытокъ, хуже всякихъ оскорбленій! „Ты была въ моей власти и вотъ я тебя вышвырнулъ, какъ нисколько не опасную мнѣ дѣвку“... Если бы вы видѣли, какъ она побрела назадъ къ своимъ, — пришибленная, прибитая... Для меня это было такое торжество...

— Да, но все таки слѣдовало убить!

— Можетъ быть я и размозжилъ бы ей черепъ изъ ея же собственнаго браунинга, можетъ быть, но... какъ вамъ сказать... Поймете ли вы мою психологію? Я не хотѣлъ разъ навсегда отдѣлаться отъ такого интереснаго смертельнаго врага, какъ эта Иза Башіаччи. Пусть

живетъ, мерзавка! Пусть чувствуетъ мое превосходство! Пусть сознаетъ, что не взирая на всѣ ея несмѣтныя милліоны, не взирая на всѣ ея масоно-жидовскія связи, я все таки сильнѣе. И кто знаетъ, пожалуй, мы еще встрѣтимся на узенькой дорожкѣ... Готовъ держать пари, это было бы чертовски занятно...

— Понимаю, въ васъ говоритъ спортсменъ... Что-же, быть можетъ вы и правы... Ну, а цыгане?...

— Цыгане остались на Кресахъ... На дняхъ старый Абгаръ, какъ только расквартируетъ свой таборъ, пріѣдетъ вмѣстѣ съ сыномъ сюда, ко мнѣ въ гости.

— А ихъ не задѣло?

— Представьте, какое-то феноменальное везенье! У сына дважды прострѣлена шапка, а у Абгара только слегка оцарапано плечо.

— Ну, хорошо, а если-бъ, не потерявъ сердца, не струсивъ, большевики продолжали бы наступать, это не измѣнило бы шансовъ въ ихъ пользу?

— Сомнѣваюсь. Я успѣлъ бы ихъ перебить всѣхъ, прежде, чѣмъ они добѣжали бы...

Долго еще не могъ придти въ себя Гзовскій, какъ бы переживая съ Бейзымомъ этотъ потрясающій разсказъ. Очнувшись, онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Нѣтъ, объ этомъ надо кричать! Надо, чтобы это обошло всѣ европейскія газеты! Американскія! Помимо элемента героическаго здѣсь еще великолѣпный агитаціонный матеріалъ!...

— Не увлекайтесь, милый Гзовскій, — махнулъ рукою Бейзымъ — право, я извѣрился, чтобы можно было повліять на эту паскудную, потерявшую стыдъ и совѣсть Европу, какой бы то ни было антибольшевицкой агитаціей. Напишите вы, что эти господа накроили изъ моей спины дюжину ремней, никто не обратитъ вниманія, да и врядъ ли напечатаютъ даже... Что я такое?

Офицеръ правыхъ убѣжденій, вѣрующій въ Господа Бога и въ Сына Его Святого. А вотъ, если-бъ двумъ жидкамъ подвыпившіе студенты расквасили бы физіономіи, о, какой неистовый гвалтъ подняла бы еврейская печать! Поляки погромщики вырѣзываютъ евреевъ. Подъ контроль, подъ опеку ихъ сякихъ-такихъ, разэтакихъ!... Зачѣмъ, спрашивается, смотритъ Лига Націй"?... И пошло бы и чертъ знаетъ до чего докатилось бы. Право, я не удивился бы, если бы у Данцига появился Англійскій флотъ...

— А Макдональдъ потребовалъ бы окупаціи „варварской Польши“ экспедиціонными войсками — подхватилъ Юноша.

— Войсками, которые представляли бы настоящій салатъ-оливье — подхватилъ въ свою очередь Бейзымъ — съ непремѣннымъ включеніемъ какого-нибудь жидовскаго батальона изъ Палестины.

— И получился бы этотъ салатъ-оливье съ крѣпкимъ чесночнымъ запахомъ и привкусомъ — закончилъ Гзовскій. — Увы, это похоже на правду, но все таки молчать нельзя...

— Нельзя — согласился Бейзымъ.

42. ТАКЪ СУЖДЕНО БЫЛО.

Не успѣлъ уйти Гзовскій — стукъ въ дверь. Не успѣлъ Бейзымъ отвѣтить, вошла Вѣра Анатольевна и молча остановилась... Говорить не могла. Билось отъ волненія сердце. Въ глазахъ — и мольба, и тревога, и какое-то сильное, глубокое выстраданное чувство... Этимъ чувствомъ, этой любовью она свѣтилась вся, да и въ самомъ дѣлѣ почудилось Бейзыму, что отъ нея исходитъ сіяніе.

И онъ тоже безъ словъ, тоже выстрадавъ свою любовь, свое неудержимое тяготѣніе къ этой женщинѣ, бросился къ ней, схватилъ въ свои объятія и жадно, неутомимо, въ неизъяснимомъ порывѣ блаженства, началъ ее цѣловать...

Полуоткрывъ губы, въ истомѣ, сомкнувъ глаза, охвативъ нѣжными, точеными руками его посѣдѣвшую голову она отдавала ему его поцѣлуи, отдавала себя... И это былъ мигъ такого опьяненія, такого счастья, такого сладостнаго изнеможенія, что губы ея оторвались отъ его губъ, и какъ подрѣзанный цвѣтокъ, обезсилѣла она, стройная, гибкая. Слабость въ колѣняхъ, шевелящійся мракъ въ глазахъ...

Онъ поднялъ ее усадилъ на диванъ, а самъ, опустившись передъ нею, громадной рукою, той самой, которая гнула желѣзныя прутья, рѣшетки и убивала коммунистовъ, съ неподозрѣваемой нѣжностью гладилъ ея волосы, ея лицо съ блестящими на рѣсницахъ слезами.

А потомъ просто, какъ давно неизбѣжное, какъ

предопредѣленное кѣмъ-то, когда-то и гдѣ-то, рѣшили они свою судьбу...

Первый порывъ страсти. Все новыя и новыя желанія. Но вѣра Анатольевна, какъ всякая женщина, умѣла въ такихъ случаяхъ владѣть собою. Мягко, ласково отвела она его ненасытныя трепещущія руки...

— Милый, дорогой... я же твоя, твоя вся... я уйду, я хочу быть одна, хочу наединѣ пережить съ собою... ты... ты... понимаешь? Ты придешь сегодня вечеромъ, скажешь мнѣ все?... Все, что съ тобой было. Да? Хорошо? Да? — тихо говорила она прикосновеніемъ рукъ лаская его. — Весь вечеръ нашъ, только нашъ... Я такъ буду ждать тебя!...

И она ушла, а онъ остался кроткій, завороженный покорный. И не о чемъ не думалъ, не могъ и не хотѣлъ думать, охваченный какимъ-то волшебнымъ забытьемъ.

И на весь день оставался бы такъ, убаюканный, очарованный, если-бъ не сухой, раздражающій трескъ телефона, вспугнувшій грезы, вернувшій къ дѣйствительности.

— Алло! Маіоръ, это вы?... Это вашъ голосъ? Хотя и знаю все, но какъ-то не вѣрится...

— Откуда вы знаете все? — спросилъ Винарскаго Бейзымъ.

— Нѣсколько минутъ тому назадъ неистовый Гзовскій ворвался въ кабинетъ, на-спѣхъ проинформировалъ меня обо всемъ и помчался въ свою газету... Но когда же мы увидимся?

— Конечно, сегодня. Сейчасъ сговоримся. До вечера я въ вашемъ распоряженіи. А что Гвоздановичъ? Вернулась къ нему память?

— До сихъ поръ, — нѣтъ!... Врачи опасаются, что это, пожалуй, навсегда.

— Жаль!...

— Еще бы не жаль! Да, вотъ вамъ новость: на дняхъ исчезъ съ Варшавскаго горизонта еврей Роонъ, по слухамъ онъ же Великій Магистръ массонской ложи... Скрылся въ неизвѣстномъ направленіи, какъ пишутъ въ военныхъ реляціяхъ и полицейскихъ отношеніяхъ. Но не только онъ почувствовалъ себя скопрометированнымъ. Профессоръ Азулаи тоже собирается за границу въ довольно спѣшномъ порядкѣ...

Все это связывается съ покушеніемъ на Оссовецкаго. Такъ болтаютъ въ городѣ.

— За что же? За что?

— Говорятъ Оссовецкаго звали въ масоны. Оссовецкій не пошелъ. Отсюда — месть... Говорятъ... Уликъ же нѣтъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ... Вообще, мы бродимъ ощупью въ какомъ-то мрачномъ лабиринтѣ и не видимъ просвѣта... Да, племянничекъ, племянникъ-то почтеннаго профессора этотъ маргариновый подполковникъ?... Оказывается онъ былъ безнадежно влюбленъ въ баронессу Захертъ...

— Что? Въ баронессу Захертъ? Скажите на милость! — о, если бы въ этотъ моментъ могъ видѣть Винарскій лицо Бейзыма. Но, такъ какъ онъ не видѣлъ, онъ спросилъ:

— А почему бы и нѣтъ? Баронесса одна изъ интереснѣйшихъ женщинъ, какую я когда либо встрѣчалъ... Такъ вотъ онъ съ горя уѣзжаетъ...

— Куда?

— Туда откуда вы сами недавно пріѣхали. Въ Испанію. Онъ устроилъ себя въ Мадридъ военнымъ агентомъ.

— Позвольте, въ Мадридъ только-только успѣлъ пріѣхать Чернобыльскій.

— И уже пріѣхалъ. Во-первыхъ, надо было освободить мѣсто племяннику Натана Азулаи.

— А во-вторыхъ — подхватилъ Бейзымъ — Чернобыльскій „довборчикъ“ изъ хорошей дворянской семьи, бывшій русскій офицеръ, добрый, полякъ, добрый католикъ, — отличный кавалеристъ... Все это не демократично... А вотъ послать туда глубоко штатскаго жида, получившаго военное образованіе и воспитаніе въ парижскихъ кофейняхъ, — это демократично... Господи, какая же это все сволочь!

Итакъ, пообѣдаемъ вмѣстѣ... Я кстати, уже начинаю ощущать аппетитъ...

И они рѣшили черезъ часъ встрѣтиться у „Бокета“ и, если свободенъ ихъ кабинетъ, пообѣдать въ немъ съ глазу на глазъ.

43. ЧТО ПРЕДЛОЖИЛЪ ЕМУ ЕГИПТЯНИНЪ.

Минута въ минуту съѣхались на углу Маршалковской и Золотой.

Тотъ самый кабинетъ, гдѣ они еще такъ недавно сумерничали оказался „оккупированнымъ“ какой-то веселящейся компаніей.

Подоспѣлъ красивый, усатый брюнетъ панъ Сохацкій, учившійся кулинарному искусству въ Парижѣ, много колесившій по бѣлу свѣту, побывавшій на конѣ и подъ конемъ и поставившій кухню Бокета на исключительную высоту.

— Поздравляю господина маіора съ чудеснымъ избавленіемъ! — привѣтствовалъ Сохацкій дорогого гостя.

— А вы откуда знаете?

— Отъ господина Гзовскаго! Онъ сейчасъ обѣдаетъ въ общей залѣ вмѣстѣ съ депутатомъ сейма редакторомъ Садзевичемъ...

— Ахъ, этотъ Гзовскій! Онъ уже по всему городу успѣлъ... Могу себѣ представить что онъ завтра напишетъ?

Сохацкій, устроивъ Винарскаго и Бейзыма въ небольшомъ уютномъ кабинетѣ въ концѣ коридора, самъ наблюдалъ за сервировкою стола, самъ помогалъ выбирать закуски.

Когда онъ тактично стушевался, Бейзымъ съ улыбкой замѣтилъ:

— Какая прелесть, этотъ Сохацкій! Вообще, я люблю такихъ спеціалистовъ, какъ онъ, знающихъ толкъ въ ѣдѣ и умѣющихъ вкусно, артистически готовить. Они большей частью сами по себѣ интересные люди, широкіе, не мелочные, знающіе свѣтъ и людей. Они служили у Великихъ Князей, у большихъ русскихъ баръ, у большихъ польскихъ магнатовъ и тѣ дорожились ими, а иногда прямо даже носились, какъ съ капризными дѣтьми. На нихъ звали, ими гордились, ихъ сманивали, какъ банкиры сманиваютъ другъ у друга опереточныхъ танцовщицъ и примадоннъ. Возьмите Сохацкаго. На Дальнемъ Востокѣ генералъ Куропаткинъ при всѣхъ расцѣловалъ его за обѣдъ въ честь иностранныхъ военныхъ миссій. Эти французы, англичане, американцы, обалдѣли, такъ накормилъ ихъ этотъ cher maître изъ Варшавы.

Хорошій поваръ — лучшій дипломатъ... Хорошій поваръ — всегда человѣкъ правыхъ убѣжденій и свысока

относится къ толпѣ, къ черни, къ его величеству нашихъ дней, — къ хаму... Да, Сохацкій...

А Гринвальдъ изъ Швейцарской долины? Какъ его баловалъ князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій? „Гринвальда какимъ-нибудь виномъ не угостишь“ — и спеціально для него откупоривалъ завѣтный коньякъ, или еще болѣе завѣтное венгерское... Нѣтъ, мой дорогой инспекторъ, это цѣнные люди! Съ ними связано лучшее время. Въ наши дни демократизаціи и хамства это уже послѣдніе, вымирающіе могикане...

Съ первыхъ же рюмокъ водки началъ Бейзымъ живописать всѣ свои приключенія. Винарскій слушалъ съ двоякимъ вниманіемъ, какъ человѣкъ, какъ другъ и какъ полицейскій развѣдчикъ. Каждый штришокъ совѣтскаго быта онъ запоминалъ съ непогрѣшимой точностью профессіонала.

И Винарскій былъ одного мнѣнія съ Гзовскимъ, что Изу слѣдовало убить.

— Подумайте сколько вреда еще принесетъ она, эта гадина?... Необходимо было ее уничтожить! — и такъ вспыхнули инквизиторскіе глаза и такими жестокими сдѣлались черты Винарскаго — попадись только ему Иза, онъ бы сумѣлъ вытянуть изъ нея жилы.

— Какъ вы думаете, господинъ маіоръ, зачѣмъ ей понадобился этотъ ночной визитъ къ вамъ въ башню?

— Зачѣмъ? Вѣдь, она же садистка! Вѣроятно, хотѣла, поиздѣвавшись надо мною, исполосовать меня хлыстомъ, какъ она продѣлала это съ несчастной покойницею Магдалиной.

— Неужели?! Вотъ чудовище, вотъ монстръ!...

— Сама же мнѣ хвасталась... Вотъ когда мною овладѣло желаніе броситься на нее и свернуть голову, какъ цыпленку.

— Таакъ... — меланхолически протянулъ Винарскій, кладя себѣ жирный ломтикъ оранжевой семги — таааакъ... А все же досадно, что Изочка ускользнула... Досадно...

— А, знаете, въ чемъ я не сомнѣваюсь, если хотите, — увѣренъ даже — съ какой-то особенной значительностью молвилъ Бейзымъ — да, да не сомнѣваюсь, что мы съ нею встрѣтимся. И она, эта встрѣча будетъ для нея фатальной...

— Дай Богъ, дай Богъ! Выпьемъ же, чтобы это было именно такъ... За погибель Изочки Башіаччи...

— За погибель Изы Башіаччи, — повторилъ Бейзымъ и они чокнулись.

Къ концу обѣда торжественно было подано сладкое. Распахнулась дверь и лакей внесъ на блюдѣ горячую, облитую ромомъ, дымящуюся шарлотту. Кабинетъ сразу наполнился особеннымъ яблочно-медвянымъ ароматомъ...

Утромъ послѣ дождя такъ пахнетъ въ фруктовыхъ садахъ, отягощенныхъ созрѣвшими, налитыми яблоками.

— До чего же трогательное вниманіе! — воскликнулъ Бейзымъ — Сохацкій знаетъ, что я люблю шарлотту.

Сохацкій былъ встрѣченъ, какъ бенефиціантъ. Пили коньякъ, чокались, благодарили за отличный обѣдъ.

— Ну, какой же это обѣдъ?! — вскричалъ панъ Сохацкій — такъ себѣ. Только, только развѣ... А, вотъ что, если вы окажете мнѣ честь пріѣхать ко мнѣ въ Кларисевъ, я надѣну бѣлый колпакъ, стану у плиты, тряхну стариною и вы посмотрите, какъ Станиславъ Сохацкій готовитъ... А я еще приглашу къ себѣ въ помощь такихъ поклониковъ господина маіора, какъ Кухарскій и Гринвальдъ.

Каждый займется тѣмъ, въ чемъ онъ главный спеціалистъ... И, я не сомнѣваюсь, мы угодимъ дорогому гостю и предложимъ ему то, чего онъ, пожалуй, давно не пробовалъ. Надѣюсь, и господинъ инспекторъ не обидитъ меня своимъ отказомъ?

— Всѣ дѣла брошу — пріѣду!... Такой случай! Такой пышный тріумвиратъ! Ужъ на что славится кухнею лондонскій Ротшильдъ, а я думаю тріумвиратъ Сохацкій-Кухарскій-Гринвальдъ лицомъ въ грязь не ударитъ?...

— Во всякомъ случаѣ, будте покойны, господинъ инспекторъ, мы ради всѣхъ Ротшильдовъ вмѣстѣ взятыхъ бѣлыхъ колпаковъ не надѣли бы и не жарились бы у плиты... А маіоръ Бейзымъ — это наша національная гордость, это нашъ божокъ! — отвѣтилъ съ достоинствомъ Сохацкій.

Какъ не старался Бейзымъ, чтобы время до вечера бѣжало бы незамѣтнѣй, быстрѣе, — именно поэтому тянулось оно такъ медленно. Къ пяти часамъ онъ былъ уже дома. Къ восьми только пойдетъ къ баронессѣ, — неудобно раньше, слѣдовательно оставалась еще цѣлая вѣчность. Какъ же ее убить, эту вѣчность? Заснуть? И думать нечего. Какой ужъ то сонъ? Читать? Всѣ строчки сольются въ одну. Какъ-нибудь дождаться, сло-

няясь, скучая, томясь нетерпѣньемъ. Тамъ попозже она возьметъ ванну и...

Но сама судьба послала Бейзыму развлеченіе.

Лакей вошелъ съ визитной карточкой, поясняя:

— Онъ живетъ въ 201 номерѣ... Не то офицеръ турецкій, не то не знаю что... Спрашиваетъ, не можетъ ли господинъ маіоръ сейчасъ же принять его?

ФУАТЪ-БЕЙ

египетскій военный агентъ

при Польской республикѣ.

— Простите, — сказалъ Бейзымъ, кладя на столъ карточку.

Черезъ пять минутъ онъ познакомился съ Фуатъ-беемъ, смуглымъ красавцемъ-египтяниномъ, отлично одѣтымъ и съ манерами человѣка много бывшаго въ свѣтѣ. По французски Фуатъ-бей говорилъ, какъ парижанинъ. Да онъ и воспитывался въ Сенъ-Сирской школѣ.

Наговоривъ много самыхъ пріятныхъ вещей, подчеркнувъ, какъ онъ безконечно радъ познакомиться, египтянинъ приступилъ къ цѣли своего визита.

— Господинъ маіоръ, насколько мнѣ извѣстно, офицеръ запаса?

— Да, господинъ полковникъ...

— Господинъ маіоръ свободенъ? Господинъ маіоръ могъ бы покинуть Польшу на продолжительное время?

Бейзымъ утвердительно кивнулъ, подвигая гостю ящикъ съ сигарами.

— Господину маіору, конечно извѣстно, что Египетъ освободился отъ англійскаго „протектората“ и нынѣ являетъ собою самостоятельную державу...

— Искренно поздравляю, что вы наконецъ стряхнули съ себя этихъ жадныхъ торгашей. Они высасывали изъ богатой родины вашей всѣ соки. Я слушаю дальше, господинъ полковникъ...

— Мы приступаемъ къ созданію нашей національной арміи и вотъ я уполномоченъ обратиться къ вамъ, господинъ маіоръ, — не возьмете ли вы на себя роль

организатора египетской кавалеріи? Для начала мы хотимъ сформировать двѣ дивизіи... Взялись бы вы за это? Улыбается ли вамъ наше предложеніе?

— Даже очень улыбается! Это дѣло мнѣ весьма, по душѣ? Но вы понимаете, — одинъ въ полѣ не воинъ. Мнѣ нужно будетъ подобрать штабъ, нужна будетъ группа опытныхъ кавалеристовъ-инструкторовъ. У насъ много лучшихъ выдающихся офицеровъ такихъ же какъ и я самъ въ данный моментъ — безработныхъ...

— Конечно, конечно! — подхватилъ Фуатъ-бей — къ вашимъ услугамъ широкія полномочія, самый широкій кредитъ... Что касается лично васъ, вамъ будетъ предложено 500 египетскихъ фунтовъ въ мѣсяцъ...

Это жалованье высшихъ англійскихъ генераловъ въ колоніяхъ. Устраиваетъ васъ?

— Вполнѣ!

— Теперь другой, уже болѣе щекотливый вопросъ характера политическаго. Англичане будутъ усиленно интриговать... Это васъ, господинъ, маіоръ не смущаетъ?

— Ничуть! Наоборотъ, даже! Это меня окрыляетъ и ободряетъ...

Англичане враждебно относятся къ моей родинѣ и я плачу имъ взаимностью... Будетъ интереснѣе, веселѣе, работать...

Довольные огоньки блеснули въ глазахъ египтянина.

— Послѣдній вопросъ? Вы могли бы выѣхать не позже, какъ черезъ двѣ-три недѣли?...

— Могу и значительно раньше — отвѣтилъ Бейзымъ, не сомнѣвавшійся, что Вѣра Анатольевна поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ въ Египетъ...

Пообѣщавъ Бейзыму завтра же вручить авансъ и узнать количество инструкторовъ и чиновъ штаба, египтянинъ откланялся, а Бейзымъ приказалъ номерному готовить ванну...

44. ТАМЪ, ГДѢ БЫЛО ТАКЪ РАДУШНО И МИЛО.

Онъ спросилъ Вѣру Анатольевну поѣдетъ ли она съ нимъ? Спросилъ, хотя и не сомнѣвался въ отвѣтѣ!

— Съ вами не только въ Египетъ, куда угодно... Хоть на самый бѣдный, суровый, самый несчастный край свѣта, гдѣ рѣдко бываетъ день и гдѣ никогда нѣтъ солнца. Съ тѣхъ поръ, какъ я люблю тебя, ты для меня и

свѣтъ, и тепло и солнце! — съ какой-то чарующей непослѣдовательностью переходила она съ „ты“ на „вы“ и, наоборотъ.

Восхищеніямъ не было конца.

— Все равно мы уѣхали бы, не остались бы здѣсь... Сама судьба посылаетъ намъ такое утро нашей любви... Какой фонъ! Сухая, раскаленная пустыня, тысячелѣтніе граниты упирающихся въ небеса пирамидъ... въ блѣдныя отъ зноя небеса... Задумчивый Нилъ, такой сонный и тихій по вечерамъ, съ длинными, тонкими мачтами арабскихъ фелуккъ... Ты все это знаешь и видѣлъ, но вдвоемъ, теперь мы все это будемъ переживать, воспринимать, какъ-то особенно чутко и празднично...

Уже подписанъ контрактъ, уже полученъ авансъ новенькимъ звенящимъ золотомъ. Уже Бейзымъ съ нахлынувшей энергіей счастливый, что любитъ и любимъ, что уѣдетъ на этотъ манящій Истокъ, занялся вербовкою помощниковъ.

Въ начальники штаба онъ взялъ только-что пріѣхавшаго Чернобыльскаго. Вмѣстѣ съ дорогою туда и назадъ — шесть недѣль числился этотъ бравый полковникъ военнымъ агентомъ въ Испаніи.

— А что я тебѣ говорилъ въ Мадридѣ? Вспомни, вспомни-ка, дружище? — встрѣтилъ его Бейзымъ, — какъ только туда захотѣлось попасть жиденку съ масонскими связями, ты сейчасъ же получилъ по шапкѣ! Но нѣтъ худа безъ добра, или все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, какъ говорятъ у насъ на Востокѣ. У насъ — повторилъ Бейзымъ усмѣхнувшись — мы, какъ египетскіе офицеры, будемъ ходить въ служебное время въ фескахъ... Нѣтъ, кромѣ шутокъ, я очень радъ, что ты уйдешь наконецъ изъ этой демократической лавочки... Итакъ, рѣшено и подписано!...

— Рѣшено и подписано...

— Давай руку!

— На, только не жми, ради Создателя... Кого же ты еще пригласилъ?

— Кого? Всѣ молодцы на подоборъ, хоть куда! Инструкторомъ поѣдетъ Витольдъ Грабовскій. Ты его знаешь по креховецкимъ уланамъ. Онъ и полевой ѣздокъ, и манежный и въ строю хорошъ, а вольтижируетъ не хуже циркового наѣздника.

— Вотъ бы Жолкевскаго? — заикнулся Чернобыльскій.

— Ха! Я самъ хочу Жолкевскаго! Не поѣдетъ. Онъ управляетъ всѣми дѣлами Любомирскихъ и получаетъ огромное жалованье... Не безпокойся, есть люди! Прихватимъ и русскихъ. Поѣдетъ нашъ старый павлоградецъ Суботкинъ, поѣдетъ псковскій гусаръ Чихачевъ — фанатикъ выѣздки и такой знатокъ лошади — поищи другого!...

— Словомъ, создадимъ первоклассную, образцовую конницу! — радовался Чернобыльскій.

— И еще какую! Эти футболисты англичане будутъ зеленѣть отъ злобы и зависти...

Бейзымъ поѣхалъ на обѣдъ къ пану Сохацкому. Поѣхалъ одинъ. Винарскій никакъ не могъ вырваться. Этотъ день какъ разъ совпалъ съ арестомъ большой партіи коммунистовъ и онъ почти безпрерывно допрашивалъ ихъ въ теченіи 18 часовъ. Въ Кларисевъ надо ѣхать по узкоколейной вѣточкѣ, такъ называемой „Вилянowской". Анекдотическая желѣзная дорога. Безсильные паровозики пыхтятъ, надуваются, съ превеликимъ трудомъ таща за собою нѣсколько вагоновъ. Ѣзда шагомъ, переходящая иногда въ легкую рысь. До Кларисева поѣздъ плетется около часу. А между тѣмъ, на любомъ трамваѣ, эту дорогу можно было бы покрыть въ 25 минутъ.

Бейзымъ, успѣвшій отвыкнуть заграницею отъ такихъ патріархальныхъ способовъ передвиженія, смѣялся, удивляясь безропотности всѣхъ остальныхъ пассажировъ.

Вотъ и Кларисевъ. Поѣздъ остановился противъ двухъэтажнаго дома, немного запущеннаго за годы войны и германской окупаціи. Внутри — помѣщичій уютъ, помѣщичье тепло, помѣщичье радушіе славной, по старопольскому, радушной семьи.

Всѣ въ домѣ съ самаго ранняго утра были на ногахъ озабоченные, поддерживающіе непрерывную связь между столовой и кухнею. Въ кухнѣ спозаранку священнодѣйствовали три великихъ жреца въ бѣлыхъ колпакахъ и во всемъ бѣломъ. Роли были строго распредѣлены между ними. Кругленькій, полненькій съ дѣтски-наивнымъ добрымъ лицомъ панъ Кухарскій, засучивъ рукава, приготовлялъ закуски, вѣнцомъ которыхъ обѣщалъ быть салатъ -оливье. Панъ Гринвальдъ, сосредоточенный, важный, свирѣпо шевеля подкрученными вверхъ „вильгельмовскими"

усами, ожесточенно сбивалъ пестомъ въ мѣдной кастрюлѣ что-то густое, прозрачное, хорошо пахнущее ванилью, ананасомъ и еще чѣмъ то неуловимымъ. Самъ хозяинъ въ потѣ лица трудился надъ необыкновенными, неслыханными въ Варшавѣ котлетами изъ рябчиковъ.

Хозяйка вмѣстѣ съ замужней дочерью, напоминающей итальянку съ глазами Мадонны, убирала цвѣтами столъ.

— Совсѣмъ, какъ въ Ниццѣ! — вырвалось у Бейзыма.

Слѣдующимъ поѣздомъ прибыли семьи двухъ гастролирующихъ на кухнѣ жрецовъ.

За столъ сѣло человѣкъ двадцать. Виновникъ торжества Бейзымъ былъ центромъ самаго живѣйшаго вниманія. И все это было такое тактичное, такое искренное, такое въ „мѣру", что Бейзымъ не только не испытывалъ малѣйшей неловкости, наоборотъ, казалось успѣлъ сжиться, сродниться со всѣми этими прямыми душою и сердцемъ людьми...

Закуски, обѣдъ и то, безъ чего не обходятся ни обѣдъ, ни закуски были достойны другъ друга. Панъ Сохацкій щегольнулъ такими сортами выдержанныхъ, съ любовью приготовленныхъ водокъ — можно было пить безъ конца. Вмѣстѣ съ напитками такой же интересной рѣкою лились воспоминанія. Панъ Сохацкій разсказывалъ про свои встрѣчи на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ китайскій палачъ за бутылку водки далъ ему свой мечъ. Вотъ онъ виситъ на стѣнѣ — широкій, массивный, загадочный, срубившій не одну сотню головъ. И сейчасъ на немъ чудится запекшаяся кровь...

Къ концу, уже за кофе съ ликерами Бейзыма ожидалъ пріятный сюрпризъ? Панъ Сохацкій, зная какъ онъ любитъ цыганщину, присѣлъ къ роялю. Сынъ Гринвальда студентъ настроилъ гитару. Подъ ихъ аккомпаниментъ извѣстная въ Варшавѣ въ интимныхъ кругахъ исполнительница цыганскихъ романсовъ съ огнемъ и темпераментомъ спѣла нѣсколько вещицъ. Создалось зажегшее всѣхъ настроеніе...

Бейзымъ вспомнилъ Гренаду, вспомнилъ пляску молодой гитаны, вспомнилъ, что необходимо послать Магону благодарственную телеграмму. Если бы не королевскій перстень, не было бы такихъ красивыхъ, такихъ радостныхъ минутъ и ощущеній, не было бы ничего, а были бы пустота и мракъ...

45. НА ЧУЖБИНѢ.

Минуло четыре мѣсяца.

Далеко, далеко гдѣ-то на сѣверѣ осталась Варшава. Тамъ ранняя весна, колючій вѣтеръ, дождь. Вся Висла загромождена плывущимъ по теченію льдомъ...

А въ Каирѣ, гдѣ Бейзымъ уже давно работалъ со своимъ штабомъ — знойное лѣто, до того знойное, всѣ, какъ счастья жаждутъ мягкой, теплой ночи съ яркими звѣздами.

Онѣ, эти звѣзды одинаково трепещутъ и надъ минаретами мечетей, и надъ бастіонами цитадели, и надъ европейскими кварталами и надъ мусульманскими и надъ спящими четыре тысячи лѣтъ пирамидами и надъ все еще горячей, не успѣвшей остыть величавой пустынею...

Реорганизація египетской кавалеріи шла полнымъ ходомъ. Уже сформирована была дивизія, умѣвшая маневрировать въ полѣ, знавшая, что такое лихая рубка, что такое барьеръ и вольтижировка.

Бейзымъ поспѣвалъ всюду. Онъ имѣлъ зоркій опытный глазъ и надъ жизнью въ казармахъ, и надъ воспитаніемъ солдатъ, понятливыхъ воспріимчивыхъ арабовъ и надъ тѣмъ, какъ они учатся владѣть конемъ и оружіемъ. Во главѣ своей дивизіи онъ дѣлалъ длительные переходы по пустынѣ, втягивая лошадей и всадниковъ въ бивачно-походную жизнь и тяжелые изнурительные пробѣги. Самъ хедивъ неоднократно высказывалъ свою признательность.

— Ваше величество, вы ко мнѣ слишкомъ добры — отвѣчалъ Бейзымъ. — Это не всецѣло только моя заслуга, ее должны со мною раздѣлить и мои помощники и офицеры, и солдаты вашего величества. Они всѣ прирожденные конники, любятъ свое дѣло и работать съ ними — легко и пріятно...

— Ну, нѣтъ, генералъ, нѣтъ — не соглашался хедивъ съ Бейзымомъ, котораго два мѣсяца тому назадъ произвелъ въ генералы, — во-первыхъ, ваша талантливая работа у всѣхъ на глазахъ, а во-вторыхъ, — выбрать себѣ достойныхъ помощниковъ, надо умѣть и еще какъ умѣть!...

Совсѣмъ иначе смотрѣли англичане, все еще цѣплявшіеся за остатки своего вліянія въ Египтѣ. Не въихъ интересахъ была національная Египетская армія. Англичане шипѣли на Бейзыма, интриговали противъ него,

пуская въ ходъ клевету и называя его „кондотьеромъ".

Однажды Вѣра Анатольевна, вернувшись домой — они жили въ Шефферсъ-отелѣ, — сказала Бейзыму:

— Представь, я видѣла Изу Башіаччи! Она вмѣстѣ съ какимъ-то англичаниномъ сѣла въ автомобиль у Семирамисъ-отеля и они помчались черезъ мостъ вдоль платановой аллеи, къ пирамидамъ...

— Не можетъ быть? Навѣрное ты ошиблась! — возразилъ Бейзымъ — хотя еще въ Варшавѣ я говорилъ, что мы встрѣтимся... Но не такъ ужъ скоро...

— А я тебя увѣряю, это была она...

— Не хочу и думать объ этомъ...

И, дѣйствительно, Бейзымъ такъ былъ полонъ весь радужнымъ настоящимъ, такъ былъ счастливъ и своей любовью, и своимъ увлекательнымъ дѣломъ, живымъ, дающимъ богатые блестящіе результаты и, вообще, всей этой новой жизнью на Востокѣ. Онъ гналъ отъ себя все непріятное, могущее нарушить его безоблачное настроеніе, такое же безоблачное, какъ шатеръ голубыхъ небесъ надъ Каиромъ.

Онъ даже избѣгалъ читать газеты, особенно тѣ, что приносили тяжелыя, мрачныя вѣсти изъ Польши.

Разъ въ мѣсяцъ въ Шофферсъ-отелѣ, въ штабѣ генералъ-инспектора египетской кавалеріи, получались цѣлыя кипы Варшавскихъ газетъ.

Однажды, вынувъ изъ такой кипы самыя свѣжія газеты, Чернобыльскій въ присутствіи Бейзыма и другихъ чиновъ штаба прочелъ вслухъ самое злободневное, самое сенсаціонное.

Это было два судебныхъ процесса. Варшавскій — по обвиненію поручика Вуйтека и еще двухъ офицеровъ-бомбистовъ во взрывѣ цитадели, и Краковскій — по обвиненію нѣсколькихъ человѣкъ въ убійствѣ польскихъ офицеровъ и солдатъ.

— Ну и что же? — торопилъ Бейзымъ — нѣтъ терпѣнья выслушивать все... Ты уже прочелъ? Дай лаконическую сводку! И тѣ и другіе отдѣлались, конечно, пустяками?...

— Почти. Вуйтека и тѣхъ двухъ мерзавцевъ защищалъ адвокатъ — жидъ Воречекъ. Онъ доказывалъ, что подсудимые, какъ идейные коммунисты, заслуживаютъ снисхожденія...

— И доказалъ?

— Очевидно, разъ эти потрошители женщинъ и дѣтей приговорены къ тюремному заключенію, откуда съ помощью большевицкаго золота, они преблагополучно убѣгутъ...

— Великолѣпно! Чудесно! Въ такомъ же духѣ результаты и Краковскаго процесса?

— Не совсѣмъ. Тамъ еще болѣе снисходительное отношеніе къ убійцамъ. Тамъ уже прямо какой-то гнусный фарсъ. Да и, вообще, убійцъ не оказалось. Въ тяжкихъ потеряхъ, понесенныхъ пѣхотой и конницей — никто не виноватъ! Очевидно, пѣхотинцы и уланы сами убивали другъ друга, чтобы напакостить краковскому пролетаріату. Нѣсколько человѣкъ приговорено къ тюремному заключенію за кражу казеннаго имущества... Чѣмъ же не фарсъ?

— Этотъ кровавый фарсъ дорого обойдется Польшѣ! — возмутился Бейзымъ — Никогда еще нигдѣ ни одна армія не получала столько пощечинъ и плевковъ. Престижъ нашей арміи, наши молодыя знамена — все это втоптано въ грязь! Отнынѣ каждый коммунистъ, каждый босякъ будетъ знать и твердо, на вѣки будетъ знать, что онъ можетъ вполнѣ безнаказанно убить любого польскаго офицера, любого польскаго солдата... Армія должна быть внѣ политики. Армія должна быть великой „молчальницей“, какъ говорятъ французы, но, если возмущенная краковскимъ правосудіемъ она потребуетъ, чтобы къ ней относились, какъ къ арміи, а не какъ къ сборищу людей внѣ закона, — армія будетъ права... Она скажетъ: „Если вы не хотите, не можете, не умѣете, или не смѣете защищать наше достоинство, нашу честь, — мы будемъ сами себя „защищать“! Вотъ къ какимъ опаснымъ возможностямъ ведутъ страну господа соціалисты и демократы. А въ общемъ это все такъ мерзко и подло и все такъ мучительно больно... — и, Бейзымъ не договоривъ, закрылъ руками свое подернутое страдальческой судоргою лицо...

И всѣ кругомъ молчали, какъ и онъ подавленные, убитые, поруганные въ своихъ лучшихъ, своихъ чистѣйшихъ Святая Святыхъ!...

Эта горсть польскихъ офицеровъ особенно остро и чутко переживала на чужбинѣ трагедію своей арміи...

КОНЕЦЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СВЯТОСЛАВЪ“
Михаила Григорьевича Ковалева
въ Бѣлградѣ.
Belgrad, Poštanski fah 177. M. Kovaljov.

ИЗДАТЕЛЬСТВОМЪ ВЫПУЩЕНЫ КНИГИ:

Н. Н. Брешко-Брешковскій. „На золотомъ тронѣ“ Новый романъ въ 3-хъ частяхъ (350 стр.) Цѣна 80 динаръ — 1,50 ам. доллара.

Его-же.. „Подъ звѣздой дьявола“, романъ въ 3-хъ частяхъ (322 стр.). Цѣна 45 динаръ — 85 ам. центовъ.

Его-же. „Печать проклятья“, романъ въ 3-хъ частяхъ. (443 стр.). Цѣна 75 дин. — 1 дол. 25 цент.

П. П. Тутковскій. „Перстъ Божій“ (Гибель Россійской коммуны), повѣсть. Цѣна 25 дин. — 50 центовъ.

Е. А. Пасыпкинъ. „Свѣтъ-побѣдитель“, Историческо-оккультный романъ изъ временъ древняго Египта. Цѣна 60 динаръ — 1 долларъ.

В. К. Варгунинъ. „Утопія мечты“, повѣсть изъ жизни царства заколдованнаго. Цѣна 16 д. (30 ц.)

Г. В. Бостуничъ. „Масонство и рус. революція“ 1-е изданіе все распродано. Готовится къ печати 2-е изданіе переработанное авторомъ, исправленное и дополненное текстомъ и рѣдкими иллюстраціями.

Его-же „Правда о Сіонскихъ Протоколахъ“, Все изданіе распродано.

„ЛУЧЪ СВѢТА“ № 6 — Сборникъ, подъ редакціей Ф. В. Винберга. Цѣна 30 динаръ или 60 ам. цент.

„ЛУЧЪ СВѢТА“ № 7. Цѣна 25 дин. или 50 цент.

Е. Брантъ. „Ритуальное убійство у евреевъ“ кн. I-я 168 стр. и 7 рѣдкихъ иллюстрацій. Цѣна 55 дин. 1 дол.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Проф. Л. А. Сопоцько. ГЕОДЕЗІЯ 2 большихъ тома (до 800 стр.), которые будутъ выходить отдѣльными выпусками по 5—8 печатн. листовъ.

(Подробности въ проспектахъ)